

Министерство образования и науки Российской Федерации
КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Факультет истории, социологии и международных отношений
Научно-образовательный центр «Северокавказское славяноведение»

**Россия, славянский мир и их соседи:
проблемы политических и культурных
связей**

*Материалы Международной научно-практической конференции,
посвященной 360-летию Переяславской рады
(15 ноября 2014 г., г. Краснодар)*

Краснодар
2014

УДК 94 (470+571): 94 (367) (063)

ББК 62.2 (2 Рос)

Р 768

Редколлегия:

Э.Г. Вартаньян, доктор исторических наук, профессор (научн. ред, сост.)

О.В. Матвеев, доктор исторических наук, профессор (научн. ред., сост.)

А.В. Ващенко, кандидат исторических наук, доцент

Рецензент:

В.И. Косик, доктор исторических наук (Институт славяноведения РАН)

Р 768 Россия, славянский мир и их соседи: проблемы политических и культурных связей: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 360-летию Переяславской рады (15 ноября 2014 г., г. Краснодар) / *Научн. ред., сост. Э.Г. Вартаньян, О.В. Матвеев.* Краснодар: Кубанский гос. ун-т: «Традиция», 2014. – 259 с. Тираж – 100 экз.
ISBN 978-5-91883-154-0

В издание вошли материалы очередной Международной научно-практической конференции, организованной Научно-образовательным центром Кубанского государственного университета «Северокавказское славяноведение» и приуроченной к 360-летию Переяславской Рады. Представленные работы ученых России, Болгарии, Польши, Беларуси, Украины посвящены проблемам политических и культурных связей славянских стран и их соседей.

Книга адресуетя преподавателям и студентам, научным сотрудникам, работникам учреждений культуры, образования и науки.

УДК 94 (470+571): 94 (367) (063)

ББК 62.2 (2 Рос)

На обложке: «Богдан Хмельницкий, говорящий речь в Переяславле 8 января 1654 года». Гравюра на стали по рис. А. Шарлеманя. Изд. В.Е. Генкель. Вторая половина XIX века. Государственный исторический музей.

ISBN 978-5-91883-154-0

© Кубанский государственный университет, 2014

Предисловие

В этом году исполнилось 360 лет со дня знаменательного события в истории восточнославянских народов – Переяславской рады. За три с половиной столетия соглашения Запорожского Войска с Москвой от 8 января 1654 г. по-разному оценивались современниками и потомками, обросли мифологией и легендами. Одни воспринимают переяславскую присягу как акт исторического воссоединения Украины с Россией, другие – как присоединение слабой в экономическом и политическом отношении молодой казацкой державы к более сильному восточному соседу, третьи говорят о «роковой ошибке» Богдана Хмельницкого и т.д.... Украинские, польские, российские историки спорят о том, имела ли Переяславская рада легитимный статус, или её решения не имели юридически-правовой силы...

Но все признают, что тогда в Переяславле свершился акт огромного международного значения. Рада закрепила победу казачьего оружия в кровопролитной шестилетней борьбе с Речью Посполитой. Крымское ханство и Польша потеряли своё влияние над значительной частью территории Украины. Оттоманская Порта вынуждена была сдерживать свою агрессию в Европе. С присоединением Украины к России возросла роль Московского государства в европейской политике, Пруссия обрела независимость, Швеция упрочила свои позиции в Центральной и Восточной Европе. Опыт выстраивания политических и культурных связей славянских стран и их соседей в середине XVII столетия придаёт актуальность современным исследованиям международных отношений.

Исторический выбор, сделанный украинскими казаками и гетманом, несмотря на определённые разочарования в самодержавной Москве, в целом отвечал стремлениям восточных славян. Ещё живы были память о том, что «Кыивска Русь – колыска (колыбель – ред.) трех братних народив», идея объединения русских, украинских и белорусских земель в единое целое. Имеющие общие этнические корни, общую духовную культуру, и что немаловажно, христианское вероисповедание восточного обряда, русские и украинские крестьяне и казаки, «литвины» (средневековое название белорусов) восприняли решения Рады как воссоединение православного люда в единое целое под скипетром российского самодержца. В Летописи Самовидца читаем: «По всей Украине весь народ с охотою тое учинил (присягнул на верность Москве – ред.) и немалая радость меж народом стала». Страницы прошлого, объединяющие наши народы на их противоречивом историческом пути – одни из самых востребованных в славяноведении. Они позволяют выстроить векторы взаимопознания и взаимного доверия в прошлом и

настоящем, политических и культурных связей, определявших самобытность славянского мира в европейском пространстве.

С другой стороны, вопрос надо рассматривать и с точки зрения правящей казацкой элиты. У гетмана была огромная проевропейская оппозиция. Украинские магнаты ни в грош не ставили Богдана Хмельницкого. По законам Речи Посполитой, постоянно апеллировавшей к Европе, Б. Хмельницкий и казаки были преступниками, поскольку гетман отказывался признать над собой главенство этой самой Европы – римского папы и польского короля как светского носителя католического универсализма, международного торгового капитала, уже тогда через своих компрадоров эксплуатировавшего сырьевые ресурсы Украины. Подобный выбор пришлось делать в разное время и другим славянским народам: между католицизмом и православием, фанариотством и автокефалией, Россией и Австро-Венгрией, славянским миром и европейскими ценностями... Поэтому обращение к событиям Переяславской рады актуально и в контексте изучения процесса ментального отпадения элиты от своего народа. В драматические периоды своей истории народные массы Болгарии, Беларуси, Сербии, Чехии, Украины, России сохраняли традиционную систему ценностей, в то время как национальные элиты создавали себе совершенно иную систему приоритетов, оторванную от родных корней...

События, происходившие в 2014 г. в Украине, обнажили глубокие внутренние проблемы в государстве, которые порождены, в первую очередь, политическими причинами, «болевыми точками» российско-украинских отношений. Горько наблюдать разлад не просто между государствами-соседями, а родственными народами, представляющими единый славянский этнос. Задача учёных состоит не только в том, чтобы изучать исторический процесс в его позитивном и негативном проявлении, но и выносить из него уроки, исправлять ошибки прошлого, дабы не допускать их повторения в настоящем и в будущем.

Книга, которую вы держите в руках, содержит материалы очередной Международной научно-практической конференции «Россия, славянский мир и их соседи: политические и культурные связи», организованной Научно-образовательным центром «Северокавказское славяноведение» Кубанского государственного университета и приуроченной к 360-летию Переяславской рады. Мероприятия подобного рода должны способствовать формированию толерантного отношения людей, обществ, народов друг к другу не зависимо от национальности и вероисповедания, объективной оценке событий истории, основанной на документальном материале.

Помимо московских и петербургских специалистов, учёных из Сибири, Воронежа, Твери, Краснодар, Брянска, в ней приняли участие

коллеги из Болгарии, Польши, Украины, Республики Беларусь, за что мы им глубоко признательны – с каждым годом, с каждой конференцией растёт круг нашего научного общения со славянскими странами. Глубоко сопереживая развернувшейся на наших глазах драме братского народа, первый раздел мы посвятили проблемам исторического и этнокультурного выбора Украины. Второй раздел книги включает работы по вопросам политических связей славян и их соседей. В третьем разделе сборника представлены исследования о научных и культурных связях, духовном наследии славянских стран и их соседей.

Надеемся, что материалы Международной научно-практической конференции окажутся полезными для специалистов, студентов и преподавателей, дадут поводы для размышлений о дальнейших перспективах славянских исследований.

Э.Г. Вартаньян, О.В. Матвеев.

Раздел I. Украина: проблемы исторического и этнокультурного выбора

И.Ю. Стрельникова (г. Симферополь, Россия)

ПЕРЕЯСЛАВСКАЯ РАДА 1654 года: АНАЛИЗ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Переяславская рада – великое событие, которое спустя 360 лет продолжает будоражить умы историков, ученых и всех неравнодушных к истории. В украинской историографии существуют диаметрально противоположные взгляды на это событие как со знаком плюс, так и со знаком минус. Одни историки рассматривают его с точки зрения воссоединения двух братских народов, другие – порабощения Украины Москвой.

В этой работе автор своими скромными усилиями постарается дать краткий обзор взглядов украинских историков и ученых на Переяславскую проблематику.

Так, известный историк Владимир Антонович рассматривал Переяславское соглашение как третью федеративную комбинацию Б. Хмельницкого. Однако такой федерации, о которой мечтал гетман, создать не удалось. По мнению В. Антоновича, Переяславское соглашение было составлено на быструю руку, и он вынужден признать неумелость Б. Хмельницкого в политических делах. Москва же, наоборот, умело воспользовалась неясностью соглашения, трактуя его по-своему и отбирая права у другой стороны. Автор сетует на то, что народу не хватило моральной силы достичь поставленной цели. И делает печальный вывод, что раз культура не пригостила народ к тому, чтоб жить самостоятельно, он ничего не может сделать [1].

Следует отметить, что В. Антонович довольно объективно подошел к рассмотрению Переяславского вопроса. Он не стал, как многие его последователи, безапелляционно обвинять Москву в том, что она не предоставила и не обеспечила независимость украинскому народу. Историк видел проблемы, как в руководстве, так и в самом народе, не перекладывая всю ответственность на других.

Одна из наиболее заметных фигур в украинской историографии – Вячеслав Липинский. Ни одно современное исследование по указанному вопросу, не обходится без его «Переяславской Легенды». Как писал В. Липинский, в конце 1653 года великие замыслы гетмана Хмельницкого зашатались от предательства татар, и надежды на султанский протекторат рухнули. И понимая то, что Польша готовится усмирить взбунтовавшуюся

Украину, Б. Хмельницкий идет на рискованный план: развалить Польшу и Крым с помощью Москвы и построить украинскую козацкую державу под царским протекторатом. В. Липинский делает акцент на том, что на Переяславское соглашение украинцы привыкли смотреть сквозь Переяславскую Легенду. Переяславская Легенда гласит, что «народ малороссийский» под руководством Б. Хмельницкого освободившись от Польши, присоединился к Московскому государству, своему по вере [2]. Переяславская Легенда сыграла роль спасителя украинской аристократии (после банкротства собственного государства) от положения завоеванного, рабского класса в чужом государстве. В. Липинский выступает против Переяславской Легенды в основе Переяславского соглашения и поясняет увлеченность ею влиянием Москвы в истории Украины. И отмечает, что если кто-либо захочет отождествить легенду о добровольном «воссоединении Руси», тот должен доказать, что Б. Хмельницкий поднял восстание против Польши ради присоединения Украины к Москве, и Переяславское соглашение является окончанием задуманного дела. В связи с этим В. Липинский делает вывод о том, что Переяславское соглашение следует рассматривать как случайный союз, направленный против Польши и заключенный для освобождения Украины от Польши. Более того, он сравнивает его с предшествующими союзами с Крымом и Турцией [3]. Практическую цель этого союза усматривает в военной помощи Украине против Польши, за что Москва должна была получать годовую денежную дань. При этом в процессе «торгов» за протекторат Б. Хмельницкий обращал внимание царя на то, что султан турецкий был согласен дать Украине свою протекцию без всякой дани. Далее В. Липинский отмечает, что Переяславское соглашение как военный союз против Польши и татар, обеспеченный формой протектората, весьма ясен. Однако политические цели сторон были абсолютно разные, и это привело к тому, что каждая из сторон интерпретировала Переяславское соглашение по-своему. Гетман думал, что новый протектор «государством» наделит его, а московский царь – что гетман передаст ему свое фактическое самодержавие на Украине [4].

Идею В. Липинского о Переяславской легенде и милитаристском союзе подхватили многие его последователи. И если с тем, что в основе Переяславской рады лежало желание Б. Хмельницкого освободиться от Польши, можно согласиться, то «случайный союз» Украины с Москвой вызывает, по меньшей мере, недоумение.

Михаил Грушевский считал украинско-московские отношения, которые сложились в результате Переяславского соглашения, более похожими на вассальные. Он полагал, что Москва последовательно проводила курс на инкорпорацию Козацкой Украины и превращение ее в простую провинцию Московского царства. Говоря о стремлении Москвы

превратить Украину в провинцию, М. Грушевский не отрицал, что Б. Хмельницкий в обмен на союз Москвы и Украины против Польши «высказывал готовность признать над собою власть московского царя, обещал ему доходы с украинских земель и заявлял готовность предоставить московскому правительству подобную же роль во внутренних отношениях Украины, какая ранее принадлежала правительству польскому. Ближайшею целью Б. Хмельницкого было – втянуть московское правительство в войну с Польшей, и для достижения ее он не находил нужным считаться с обещаниями и заглядывать в далекое будущее» [5]. Но московские политики, как отмечает М. Грушевский, схватились за заявление Б. Хмельницкого, неосторожно сделанное им. После чего гетман почувствовал всю тяжесть своей зависимости от Москвы.

Другой украинский историк, писавший об Украине из-за океана, Александр Оглоблин, считал, что в результате Переяславской Рады был заключен милитаристский союз двух самостоятельных государств, гарантированный протекцией московского царя над Украиной. Однако национально-государственные интересы, цели и желания двух союзников были разные. И в результате союз Украины и Москвы превратился в господство Москвы над Украиной. А. Оглоблин делает вывод, что Переяславская рада положила начало трагическому комплексу украинско-российских отношений. Переяславское соглашение он называет капканом для Украины, который из вольного союза сделал оковы 300-летней неволи и вражды [6]. Однако, подводя итог, автор все же подчеркивает, что Переяславская рада не была для Украины ни трагедией, ни позором.

В целом А. Оглоблин повторил идею В. Липинского о милитаристском союзе, но в более трагических красках.

Советский украинский историк Матвей Яворский рассматривал борьбу казаччины 1648–1654 гг. с точки зрения не национальных интересов, а классовых, считая, что казацкая верхушка, захватив власть, любыми способами пыталась ее удержать, как в борьбе с Польшей, так и с собственным народом. Для чего и обратилась к Москве. Договор 1654 г. автор трактует как реальную унию, в результате которой гетман стал подданным царя [7]. Однако, когда интересы казацкой верхушки пошли в разрез с интересами московского правительства, и нависла угроза потери власти, начались поиски новых союзников. И, несмотря на то, что современные историки и правоведы любят критиковать работы авторов советского периода, в них тоже есть рациональное зерно. Идея удержания власти казацкой верхушкой любыми способами является более рациональной, нежели идея о «случайном союзе» Украины с Москвой.

Иван Крипьякевич называет Переяславскую раду важнейшим актом, историческим событием, в результате которого произошло объединение

Украины с Российским государством. Основное значение рады состоит в том, что на ней было провозглашено согласие украинского народа на объединение [8]. В качестве положительного результата для украинского народа И. Крипьякевич отмечает, что украинские крестьяне вошли в состав казачества и добились ослабления феодального гнета, казацкая старшина и мещанство – получили возможность обеспечить свои классовые интересы. Что же касается отрицательной стороны, то царизм вел реакционную политику национально-колониального гнета по отношению ко всем покоренным народам. Однако украинский народ нашел союзника в лице русского народа, который также ощущал гнет от царизма и эксплуататоров [9].

Современный украинский академик Валерий Смолий считает, что решение Б. Хмельницкого нельзя назвать ни случайным, ни конъюнктурным. Оно, по его мнению, было выстрадано в процессе болезненных раздумий над судьбой Украины [10]. На вопрос, какими видел отношения Украины и Москвы Б. Хмельницкий, историк дает однозначный ответ: эти отношения должны были строиться на договорной основе с взаимными обязательствами. Отношения Украины с Москвой по Переяславскому договору 1654 г. В. Смолий рассматривает как конфедеративный союз, необходимый для достижения более масштабных планов Хмельницкого. Среди таких планов автор называет утверждение государственности и объединение всех этнично-украинских земель [11].

Таким образом, в украинской историографии существуют самые различные точки зрения относительно природы Переяславского договора. Союз Москвы и Украины рассматривается как уния (М. Яворский), конфедерация (В. Смолий), вассальство-протекторат (М. Грушевский), милитаристский союз двух самостоятельных государств, обеспеченный формой протектората (В. Липинский, О. Оглоблин).

Одни считают Переяславское соглашение спасением для Украины, другие – оковами, трагедией. Та или иная точка зрения зависит от общего взгляда на украинско-русские отношения. Те, кто считают украинцев и русских братскими народами, оценивают событие 1654 г. как воссоединение этих народов. Кто же видит в России недруга, тот называет Переяславское соглашение трагедией. Однако в работах украинских историков, негативно оценивающих Переяславские события, зачастую аргументы сводятся к тому, что Москва нарушила условия соглашения, ограничив казацкую верхушку во власти. И здесь возникает вопрос: так может все дело во власти? А какое место отводится народу? А про народ мало кто вспоминает, никто не говорит, как он оценил произошедшие события, с кем и как хотел жить.

В заключение хотелось бы напомнить, что история – наставница жизни. В данном случае, с оглядкой на Переяславские события, история

должна учить тому, что не стоит искать друзей на стороне, когда рядом есть братский народ, не стоит разжигать ненависть среди народов, имеющих общую историю, проживших бок о бок столетиями, и не стоит приводить к власти правителей, которые сеют зло, ненависть, смерть, а страну превращают в руины.

Примечания

1. Антонович В. Про козацькі часи на Україні. Київ, 1991. С. 141, 142.
2. Липинський В. Україна на переломі. 1657-1659. Нью-Йорк, 1954. С. 28.
3. Там же. С. 29.
4. Там же. С. 31.
5. Грушевський М.С. История украинского народа. М., 2002. С. 213.
6. Оглоблин О. Українсько-Московська угода 1654. Нью-Йорк-Торонто, 1954. С. 77-78.
7. Яворський М. Нарис історії України. Харків, 1924. С. 101.
8. Крип'якевич І.П. Богдан Хмельницький. Львів, 1990. С. 298.
9. Там же. С. 308.
10. Смолій В. Гетьман Богдан Хмельницький і його доба // Доба Богдана Хмельницького (До 400-річчя від дня народження великого гетьмана) : зб. наукових праць. Київ, 1995. С. 15.
11. Там же. С. 16.

Е.Н. Кумпан (г. Краснодар, Россия)

ВОССОЕДИНЕНИЕ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ? СОБЫТИЯ 1650-Х ГГ. В ИНТЕРПРЕТАЦИИ УКРАИНСКИХ УЧЕБНИКОВ ИСТОРИИ

Преподавание истории в школе традиционно рассматривается как неотъемлемая часть процесса формирования национального самосознания. Во второй половине 1980-х гг. украинские историки начали переосмысливать утвердившиеся постулаты, переписывать и исправлять историю Украинской ССР. Уже в начале 1990-х гг. в научной среде Украины утвердилась концепция «наличия полномасштабной украинской феодальной государственности в XVII столетии»[1]. История Украины представлялась как постоянная борьба за утраченный суверенитет. В 2010 г. по инициативе министра образования и науки Д. Табачника, школьный курс истории был значительно откорректирован: «большинство министерских рекомендаций связаны, – пишет автор одного из учебников, – с формированием несколько другого, неагрессивного образа нашего восточного соседа – России» [2]. Новации Д. Табачника повлекли настоящие «бои за историю»: министра призывали уйти с должности [3], в марте 2010 г. проходили митинги (во Львове и в Киеве [4]). Был начат сбор подписей против Д. Табачника и в его поддержку. В 2013 г. был пересмотрен вводный курс для 5 класса – «проблемные» темы, в том числе и вхождение Украины в Россию, были вычеркнуты из программы. В острой последовавшей полемике авторов новой

программы обвиняли в стремлении уничтожить историческую память украинцев [5].

Рассматривая события 1650-х гг. в контексте развития русско-украинских отношений, выделим три основных тематических блока: причины русско-украинского сближения, присяга в Переяславле, последствия решения Переяславской рады.

Причины русско-украинского сближения

Авторы учебника для 5 класса – В.С. Власов и О.М. Данилевская, повествуют, что к середине XVII в. украинские казаки завоевали независимость: на освобожденных землях утверждались казачьи порядки, что означало утверждение Украинской казачьей державы. Называлась эта держава – Войском Запорожским [6]. После краткой характеристики социальной структуры Войска и описания военных подвиг казаков, следует риторический вопрос: «Но сюда ли, в Переяславль шла долгая дорога национально-освободительной борьбы?» Авторы объясняют, что война с Польшей вынудила Б.Хмельницкого искать союзников: «гетман обратился за помощью к московскому царю. Тот долго медлил с ответом, выжидая, какое из государств, Польша или казацкая Украина, скорее обессилит» [7]

В учебнике для 8 класса, повествуя о вхождении Украины в состав России, В.С. Власов пишет, что в период национально-освободительной войны Москва будто бы планировала оказать помощь Речи Посполитой «свидетельством чему стало переведение крупных воинских соединений к московско-украинской границе... Чтобы подтолкнуть царское правительство к союзу с Войском Запорожским, Б. Хмельницкий в июне 1653 г. дал понять царю: если он и в дальнейшем будет затягивать решение украинского вопроса, то Украина заключит союз с Турцией» [8].

А.К. Струкевич, И.М. Романюк, Т.П. Пирус, характеризуя причины русско-украинского сближения, отмечают, что во время войны казаков с поляками Алексей Михайлович разрешил беспощинную торговлю хлебом, но не вмешивался в военно-политическое противостояние, намереваясь подчинить себе обе державы, ослабленные взаимной войной [9]. Интересно объяснение выбора, сделанного Б. Хмельницким: «Украинские политики принимали во внимание православное исповедание обоих народов, близость языков, память об общей исторической судьбе в период Древней Руси, отсутствие в психологии украинцев чувства враждебности в отношении московитов. Украинцам прежде не доводилось тесно общаться с московскими «служивыми людьми», они не знали хорошо их обычаев, образовательного и культурного уровня, что также способствовало завышенным надеждам на союз с Москвой [10].

Отметим, что общим для всех учебников является концепт, закрепленный учебной программой, о том, что к середине XVII в. формируется суверенное государство – Украинская казачья держава (Гетманщина). Запорожское войско позиционируется как суверенное государство – что противоречит

российской историографической традиции. Обращают внимание доминирующие трактовки: союз с Москвой носит вынужденный характер, позиция России – выжидательно-агрессивная. Исторически сложившаяся близость русских и украинцев – фактор второстепенный, но способствующий завышенным позитивным ожиданиям.

Иное толкование причин решения Переяславской рады предлагается в учебнике Г.К. Швидько. Автор указывает, что в период войны с Польшей Б. Хмельницкий в письмах просит царя о военной помощи. В начале 1649 г. в Москву был отправлен для переговоров Силуян Мужиловский, а «в апреле того же года в Чигирин приехал царский посол Григорий Унковский». В мае 1649 г. в Москву было отправлено первое великое посольство, принятое «с великими почестями». Г.К. Швидько также отмечает, что разрешенная российским купцам свободная беспощинная торговля хлебом имела для Украины «существенное значение в связи с неурожаем 1648 г.» [11]

Автор отмечает религиозную близость стран («Особую надежду возлагал Б. Хмельницкий на единоверную Московскую державу...») и объясняет, что «несмотря на огромное желание Московской державы взять реванш над Польшей... она не отваживалась нарушить мирный договор, хотя и контактов с Б. Хмельницким царское правительство не прекращало», продолжая в то же время оказывать дипломатическое давление на Польшу. Рассматриваемый учебник акцентирует внимание учащегося на том, что сближение украинского народа и России было исторически и политически обусловлено: автор – профессор Национального горного университета (г. Днепропетровск), в завершении параграфа подводит к выводу: «Интенсивные дипломатические отношения завершились Земским собором 1 октября 1653 г. и заключением украинско-московского союза» [12].

Присяга в Переяславле

«Встреча с царскими послами состоялась в Переяславле в январе 1654 г. ... В царской столице в марте того же года был подписан украинско-московский договор. Этот документ предусматривал установление равноправных и взаимовыгодных отношений между обоими государствами, независимость Украины почти не испытывала ограничений. Однако царь не собирался выполнять договорные условия и очень быстро нарушил их. Новое соглашение 1659 г. положило конец независимости Украины» [13]. Фактически эту базовую концепцию отражают украинские учебники. Присяга 1654 г. и договор трактуется как обман, ошибка, непонимание. Подчеркивается отказ В. Бутурлина принести присягу украинцам от имени царя. Используются языковые средства эмоциональной интенсификации: «Огненные бабочки стремительно трепещут крылышками, мгновенно увеличиваются, превращаясь в стремительных лошадей, которые вот-вот подхватят отчаявшуюся душу... Посоветуй мне, брат, как найти покой, – обращалась гетманова душа до великана-дуба, вероятно, чувствуя, что обманет царь казаков, быстро лишит их

привилегий и самой свободы. Однако дуб лишь шуршал листьями...» [14]. Текст помещен перед характеристикой событий, формируя эмоциональный фон для последующего восприятия исторического материала.

В учебнике 8 класса, написанном В.С. Власовым, параграф «Украинско-московский межгосударственный договор 1654 года. Продолжение национально-освободительной войны» предваряется отрывком из воспоминаний украинского шляхтича Павши: «Вижу зло, так как отдал нас всех Богдан Хмельницкий в неволю московскому царю. Сам он с войском казачьим присягнул, и город Киев под угрозой меча привел к присяге». Далее сообщается, что два полка – Полтавский и Кропивьянский отказались принять присягу, о том, что «перяславских мешан гнали присягать, чему они очень противились, а городской староста даже заболел, а его, хоть и больного, было приказано привести в церковь Пречистой Богородицы. Он был вынужден принять присягу и умер от депрессии в тот же день... Киевляне тоже противились и не хотели идти в церковь, но их, как быдло, гнали казаки к присяге.» [15]. Восьмиклассникам предлагается сделать вывод на основе приведенного источника.

Только затем сжато рассматриваются Переяславские события 8 января 1654 г.: акцентируется, что Борис Хмельницкий потребовал, чтобы московские послы первыми принесли присягу от имени царя, однако глава Российской делегации Василий Бутурлин категорически отказал, объяснив, что царь и своим подданным не присягает.

В разделе «Обратите внимание» речь идет о том, что правовое толкование договора не однозначно. Часть историков Украины считает, что это был договор двух равноправных держав, и Москва, как сюзерен взяла на себя обязательство гарантировать независимость Украины. Подчеркивается, что в XVII–XVIII вв. договор будто бы рассматривался как «наинепреклонейшее» доказательство суверенитета Украины, проявление международного признания самостоятельности Украины.

В завершение тематического блока задания и уже известные цитаты: 1) об отказе русского посольства Бутурлина принести присягу от имени царя; 2) о том как гнали присягать перяславских мешан и о смерти городского старосты, умершего от депрессии после принятия присяги. Ученикам предлагается подумать над тем, были ли позитивные перспективы у российско-украинского союза [16].

Учитывая способ подачи материала: яркий, эмоциональный источник-эпиграф, итоговое задание – закрепляющее национальный миф в сознании ребенка, ответ будет очевиден. И существует лишь минимальная вероятность того, что школьник когда-нибудь познакомится с другими украинскими источниками, например, с «Летописью гадяцкого полковника Григория Грабянки [17] («На всей Украине на обоих берегах Днепра кожен с охотою присягал. Весь народ радовался радостью великою») или «Летописью Самовидца» [18] («Со

всем посольством присягу исполнили на вечное подданство его царскому величеству, которую по всей Украине народ с охотой принял... и немалая радость между народом стала»).

В учебнике О.К. Струкевича, И.М. Романюка и Т.П. Пирус сюжет дополняется выводом авторов: «Украинская сторона понимала подданство как исполнение исключительно военных обязательств перед монархом. Москва же рассматривала подданных как холопов (рабов) [19]: подмена понятий очевидна.

Г.К. Швидько в отличие от В.С. Власова, отмечает, что Полтавский и Кропивянский полки принесли присягу царю. Характеризуя Мартовский договор 1654 г., автор указывает, что «по вопросу, какие отношения были установлены между Украиной и Россией после подписания статей, между исследователями нет единой позиции, причем разногласия в трактовке договора очень значительны: от полной вассальной зависимости до антипольского военного союза». Г.К. Швидько поясняет, что существовали по крайней мере две причины которые вызвали многолетнюю научную и политическую дискуссию: во-первых, нечеткие формулировки статей и недомолвки, во-вторых, отсутствие оригиналов договора (их должно быть два) от которого сохранились только отдельные, никем не заверенные и неподписанные «копии» [кавычки Г.К. Швидько], поэтому никто не может утверждать насколько копии соответствуют оригиналу». «В любом случае, – подводит итог автор, – договор Украины с Россией 1654 г. сыграл важную историческую роль, он стал символом независимого от Польши государства. Он дал возможность Украине удержать завоевания шестилетней войны за национальной освобождение» [20].

Последствия решения Переяславской рады

В.С. Власов и О.М. Данилевская, подводя итог Переяславским событиям, вновь используют техники создания образов: «Ведь не думал Богдан, идя на союз с Москвой, что так быстро друзья станут врагами. Правда, о настоящую стоимость царского слова он таки узнал. Не прошло и двух лет после торжественной присяги в Переяславе, как царь за спиной гетмана заключил союз с Польшей! Свиристествовал тогда Хмельницкий, угрожал разорвать соглашение и отомстить царю, но смерть не дала Богдану выполнить намерение» [21].

Описывая события Руины и соперничества группировки И. Выговского с пророссийски настроенными казаками, авторы ожидаемо акцентируют внимание на Битве под Конотопом (1659 г.): «Охваченная кольцом московская армия на глазах таяла в казацкому огне. – Хороший пир устроили москвитам! Не зря прошла наука гетмана Богдана для господина Ивана, – перекликались казаки». И о Переяславских статьях 1659 г., подписанных Юрием Хмельницким: «Хуже яда пекли царские слова» [22].

Отметим, что в учебники Истории Украины включен тематический раздел «московско-украинская война 1658–1659 гг.», в то время как в отечественной историографии эти события трактуются как часть русско-польской войны 1654–

1667 г.: действия гетмана Ивана Выговского поддержала только часть украинских казаков, большинство сохранило лояльность Москве.

В учебнике В.С. Власова указано, что в 1656 г. «польские дипломаты... предложили корону на случай смерти Яна II Казимира царю Алексею Михайловичу. Это предложение подтолкнуло Москву к переговорам с Варшавой, которые завершились 24 октября 1656 г. Виленским перемирием – что было украинцами воспринято как нарушение договора царем [23].

Учебник А.К. Струкевича, И.М. Романюка, Т.П. Пирус совпадает с рассмотренными выше учебниками в оценочном и фактологическом плане. Отдельно выделим, что по мнению авторов, Виленское перемирие 1656 г. гетман и старшины оценили как «брутальную зраду [предательство] московским царем условий украинско-московского договора» [24].

Г.К. Швидько анализирует причины Виленского перемирия, отмечая, что «воспользовавшись ослаблением Речи Посполитой, в июле 1655 ей объявила войну Швеция и вскоре оккупировала значительную часть ее территории» – Москва вынуждена была начать мирные переговоры с Речью Посполитой, и «одновременно московское правительство намеревалось взять под свой контроль освобожденные совместно с казачьими войсками украинские земли». Переговоры велись «за спиной гетмана», подписание перемирия состоялось без участия украинских делегатов, что вызвало недовольство Б. Хмельницкого. Он считал дело освобождения Украины – незавершенным, и Виленское перемирие – вероломством» Гетман вступил в военный союз с Трансильванией и Швецией, но, подчеркивает автор, у Б. Хмельницкого не было намерения разорвать союз с Московской державой [25].

Характеризуя период гетманства И. Выговского, автор акцентирует внимание на гражданском противостоянии на Украине. Подводя итоги событиям 1650-х гг., Г.К. Швидько фиксирует кризис украинской государственности: Правобережная Украина ориентировалась на Польшу, Левобережная – видела выгоду в союзе с Московской державой [26].

Преподавание истории – задача политическая в большинстве государств постсоветского пространства. Процесс нацистроительства сопровождался стремлением обособить свою историю, показать, что создание самостоятельного государства – цель и величайшее достижение вековой борьбы. Идеологема борьбы создает в национальной истории образ врага. Показательна фраза депутата Верховной Рады Ирины Фарион: «У нас 14% украинцев, которые указали, что их родной язык – русский, то есть язык оккупанта. Это свидетельствует о страшной мутации их сознания» [27].

Политическая история выбирает факты и источники, корректирует историческую память. Негативный образ России, создаваемый украинскими учебниками, отрицание ценности русского как части культуры и истории Украины – факторы, предопределившие украинский кризис 2014 г.

Примечания

1. *Касьянов Г.* Украина – 1990: «бои за историю» // Новое литературное обозрение. 2007. № 83. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/83/ka8.html>. (8.09.2014).
2. Виктор Мисан, автор нового учебника по истории Украины: большинство рекомендаций Минобразования касались имиджа России. URL: <http://ukranews.com/ru/interview/2010/08/27/195>. (4.07.2014).
3. А. Герман: Табачник мог бы уйти сам. Это было бы честно, и пошло бы на пользу команде. URL: <http://www.ostro.org/articles/article-90720/>. (6.07.2014).
4. 600 националистов у Администрации Президента требуют отставки Табачника. URL: <http://ukranews.com/ru/news/ukraine/2010/03/19/14780>. (6.07.2014).
5. В. Мисан. Манкуртизм наступає, або чи сприятиме шкільний пропедевтичний курс «формуванню в учнів самоідентичності та почуття власної гідності». URL: <http://www.historians.in.ua/index.php/dyskusiya/682-viktor-mysan-mankurtyzm-nastupaie-abo-chy-spryiatyme-shkilnyi-propedevtychnyi-kurs-qformuvanniu-v-uchniv-samoidentychnosti-ta-pochuttia-vlasnoi-hidnostiq>. (29.08.2014).
6. *Власов В.С., Данилевська О.М.* Вступ до історії України: підручник для 5 класу загальноосвітніх навчальних закладів. Київ, 2002. С. 142
7. Там же. С. 113
8. *Власов В.С.* Історія України. Підручник для 8 класу загальноосвітніх навчальних закладів. Київ, 2008. С. 147; *Власов В.С.* История Украины 8 класс. М., 2008. С. 152.
9. *Струкевич А.К., Романюк И.М., Пирус Т.П.* История Украины. Учебник для 8 класса общеобразовательных учебных заведений. Киев, 2008. С. 135
10. Там же. С. 137
11. *Швидько Г.К.* Історія України XVI – XVIII століття: підручник для 8 класу загальноосвітніх навчальних закладів. Київ, 2008. С. 158.
12. Там же. С. 158–159.
13. *Власов В.С., Данилевська О.М.* Указ. соч. С. 150
14. Там же. С. 150–151
15. *Власов В.С.* Історія України... С. 154.
16. Там же. С. 156, 158, 160.
17. Летопись гадяцкого полковника Григория Грабянки. URL: <http://litopys.org.ua/grab/hrab.htm>. (5.07.2013).
18. Летопись Самовидца. URL: <http://litopys.org.ua/samovyid/sam.htm>. (5.07.2013).
19. *Струкевич А.К., Романюк И.М., Пирус Т.П.* Указ. соч. С. 139
20. *Швидько Г.К.* Указ. соч. С. 162
21. *Власов В.С., Данилевська О.М.* Указ.соч. С. 154.
22. Там же.
23. *Власов В.С.* История Украины. С. 163
24. *Струкевич А.К., Романюк И.М., Пирус Т.П.* Указ. соч. С. 149
25. *Швидько Г.К.* Указ. соч. С. 165, 168–169.
26. Там же. С. 180.
27. Фарион предлагает посадить в тюрьму 5 млн. «дегенератов, которые не говорят на украинском языке». URL: <http://korrespondent.net/ukraine/politics/1083161-farion-predlagaet-posadit-v-tyurmu-5-mln-degeneratov-kotorye-ne-govoryat-na-ukrainskom-yazyke> (20.04.2014).

А.В. Баранов (Краснодар, Россия)

**УКРАИНА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЕВРОПОЙ:
АЛЬТЕРНАТИВЫ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО И
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВЫБОРА
(ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ
В НАЧАЛЕ XXI В.)**

Актуальность темы в том, что Украина – одно из ключевых по геополитическому потенциалу государств для проекта интеграции Северной Евразии (наряду с Российской Федерацией и Казахстаном). Подписание соглашения об ассоциации Украины с Европейским Союзом означает выбор Украины в пользу Запада. Но в Украине устойчиво проявляются идентификационные размежевания, вызванные отсутствием исторических оснований государственного единства. Неудача конструирования национальной идентичности на этнократической основе стала весомым фактором дезинтеграции украинского государства в ходе кризиса и гражданской войны 2013–2014 гг.

Цель работы – установить, какие параметры общественного мнения определили геополитический выбор Украины, какова территориальная фрагментация идентичности в обществе.

Поскольку рост значения проблемы идёт в 2013–2014 гг. стремительно, она не изучена в жанре монографий. Важное значение сохраняют работы С.С. Жильцова [1], В.Е. Григорьянца, А.В. Мальгина и др. [2], В.Ю. Богдановича, Ю.В. Егорова и А.Я. Маначинского [3], И. Задорина и др. [4], созданные ранее. Они обосновывают проект евразийского выбора и федерализации Украины. Напротив, евроатлантический курс аргументируется в работах под редакцией В.А. Манжолы [5] и А.И. Кудряченко [6]. Представляют интерес статьи С.В. Юрченко [7] и С.О. Переходы [8], интервью И. Тодорова [9]. Основное внимание уделено военно-стратегическим и геоэкономическим аспектам (интеграции Украины в ЕС и НАТО, «газовым войнам» РФ и Украины). Слабо изучена динамика общественного мнения Украины, ресурсная база акторов политики и стратегии их политики идентичности, которые определяют геополитический выбор.

Эмпирическая основа статьи включает в себя статистику переписи населения 2001 г. и голосований на выборах в Украине, опубликованные итоги анкетных опросов, выступления политических деятелей и статьи в СМИ.

Прочная украинская идентичность и в государственном, и в этнокультурном смыслах не сформирована. Вряд ли она может быть успешно закреплена на основе ориентаций, присущих только Западу или

Востоку страны. По итогам анкетного опроса 2002 г., 37% респондентов на первое место ставили региональную, а не общенациональную идентичность [10]. В другом опросе 2002 г. с более дробной шкалой ответов считали себя, прежде всего, гражданами Украины – 41,0%; жителями своей местности – 31,6%; гражданином СССР – 12,7%; жителями региона – 5,9%; представителями своего народа – 3,0%; «гражданином мира» – 2,7% [11]. В русскоязычных регионах Юга и Востока речь не идет (кроме Крыма) о доминировании геополитических ориентаций в пользу РФ. Жители этих регионов осознают себя «переходными» сообществами.

Данные долгосрочные факторы делают Украину «глубоко расколотым» государством, воспринимаемым как объект международного соперничества, а не как самостоятельный субъект геополитики. Рассмотрим развитие общественного мнения по вопросам участия Украины в евразийской либо европейской интеграции. Так, в декабре 2012 г. анкетный опрос Центра «Социальный мониторинг» (выборка 2003 чел.) показал: 46% респондентов считали, что Украина должна стать полноправным участником Таможенного союза (ТС). 35% полагали, что Украина должна заключить договор о зоне свободной торговли и политической ассоциации с Европейским Союзом (ЕС) с последующим вступлением, 19% – не определились. Идею вынести вопрос вступления Украины в ТС на референдум поддерживало большинство населения (62%), а доверить рассмотрение вопроса Верховной Раде и Президенту согласны 24%. Согласно результатам опроса, для большинства опрошенных приоритетной является возможность иметь безвизовый режим с Российской Федерацией, даже если для этого Украина должна не вступать в ЕС – так считают 51% опрошенных украинцев. Около 30% определившихся хотели, чтобы Украина подписала договор о политической ассоциации и ЗСТ с ЕС и имела с Россией закрытые границы с визами и таможенными. Для 62% приоритетным являлось сохранение безвизового режима с Россией [12].

В вопросе выбора между заключением ассоциации с ЕС или полноправным участием в Таможенном союзе налицо территориальные размежевания. В декабре 2012 г. анкетный опрос Центра «Социальный мониторинг» (выборка 2003 чел.) показал: Западный регион – единственный, где преобладали сторонники ассоциации с Евросоюзом (66%); соотношение равное в Центральном и Северном регионах; существенное преимущество сторонники Таможенного союза имели на Востоке (54%) и Юге Украины (74%) [12].

Ситуация стала быстро меняться в 2013 г. вследствие информационной войны за общественное мнение. Финансирование кампании о преимуществах европейской интеграции ведут три ключевых

структуры: представительство ЕС, посольство Великобритании и Международный фонд «Відродження» американского миллиардера Дж. Сороса. В общей сложности зарубежные лоббисты евроинтеграции в 2013 г. финансировали пропаганду в Украине на 1,8 млн. евро [13]. Средства расходуются на телепрограммы, информационные материалы, проведение круглых столов и конференций, производство обучающих фильмов в пользу соглашения об ассоциации с ЕС. В каждом украинском вузе есть интернет-ресурс о европейской интеграции, целенаправленные воспитательные и информационные меры, гранты. Россия же предпочитает традиционные методы влияния: переговоры государственных лидеров и бизнес-элит, упоминания в СМИ общего исторического наследия и трансграничных связей, выгод экономического сотрудничества. Информационная политика РФ проигрывает европейской по креативности и наступательности. Директор социологической компании «Research and Branding Group» (г. Киев) Е. Копатько сказал: «Когда нет наполнения смыслами: экономическими, политическими, гуманитарными, мы будем дальше дрейфовать друг от друга. И у большинства [граждан Украины. – А.В.] появится другой тренд» [14].

Судя по анкетному опросу компании «Рейтинг» 26 сентября–6 октября 2013 г. (выборка 2000 чел.), 53% респондентов поддерживали курс на присоединение Украины к ЕС. 35% опрошенных не хотели объединяться с ЕС, 12% не определились. По мнению большинства, подписание соглашения о зоне свободной торговли с ЕС для Украины более выгодно (47%), чем вступление в Таможенный союз с Россией, Беларуссией и Казахстаном (34%). За 2011–2013 гг. зафиксирован самый высокий уровень респондентов, которые считают подписание соглашения с ЕС выгоднее для страны, чем вступление в Таможенный союз [15].

Столь масштабное и быстрое переориентирование общественного мнения стало возможным, во многом, из-за низкой осведомленности населения Украины. По заказу посольства Великобритании компания «Key Communications» провела весной 2013 г. исследование уровня информированности о преимуществах соглашения об ассоциации с ЕС. Вывод: «уровень информированности различных целевых аудиторий относительно европейской интеграции в целом и Соглашения об ассоциации в частности – очень низок». «Только 5,3% граждан оценивают уровень информированности о ЕС как высокий, 38,6% определяют уровень знаний как средний. Низкий уровень информированности отмечают 43,5%. Каждый десятый не имеет никакой информации о ЕС», – пояснил заместитель гендиректора Центра Разумкова В. Чалый [13].

Преобладающий фактор расколов идентичности – языковой. Украинское общество расколото примерно пополам по приверженности государственному языку в повседневном общении. По анкетному опросу

2004 г. (Киевский международный институт социологии), в семье 45% жителей страны говорит по-украински, 10% – на обоих языках, 45% – на русском [16]. В западных областях считают украинский язык родным практически все респонденты (свыше 95%); в центральных областях и Киеве – половина опрошенных; на Востоке и Юге предпочитают русский язык.

Важный аспект – мнение респондентов о статусе русского и украинского языков. В 2002 г. считали, что украинский язык – единственный государственный, а русский – лишь бытовой (язык национальных меньшинств) 74,5% жителей западных областей; 44,3% – центральных; 17,7% – восточных и 14% – южан (по данным Центра экономических и политических исследований им. А. Разумкова [17]. С государственным статусом обоих языков соглашались 53,3% южан, 55,3% жителей восточных областей, 30,2% в центральных областях и 7,9% – в западных. Судя по опросу 2006 г., во всей Украине поддерживали статус русского языка как второго государственного 56,2% респондентов; против выступали 35,9% [10]. Судя по анкетному опросу, проведенному Центром региональных исследований и стратегий, на юге Украины весной 2011 г. доля считающих родным языком русский достигает 95-97%, а выступает за русский язык в роли регионального 43%, второго государственного – 41% респондентов [18].

Эскалация конфликта идентичностей отчетливо началась с лета 2012 г. в связи с принятием закона Украины о региональных языках. Опрос Центра Разумкова (27 июля – 9 августа 2012 г.) во всех регионах (репрезентативная выборка 10979 чел. старше 18 лет, погрешность 1%) выявил различия идеологических и партийных ориентаций. На Западе доминировала националистическая приверженность (29%). В Центре – равенство националистической (15%) и социал-демократической (13%) приверженности. На Юге и Востоке преобладала поддержка союза с Россией (14%) и коммунистических идей (8-9%). Среди сторонников Партии регионов – наибольший уровень желающих воссоединения с Россией (22%) [19].

Киевский международный институт социологии накануне падения власти В.Ф. Януковича и Партии регионов провел опрос 8–18 февраля 2014 г. (выборка 2032 чел. старше 18 лет во всех областях Украины и Крыму, погрешность не более 2,2%). 30% в качестве основной причины конфликта указали «влияние Запада, стремящегося втянуть Украину в орбиту своих политических интересов». Но мнения резко дифференцированы по регионам: на Востоке и Юге так считали 57% и 44%, в Центре и на Западе – 17% и 5%. Наибольший удельный вес тех, кто симпатизировал участникам «Евромайдана», в Западном (80%) и Центральном регионах (51%). На Юге 20% симпатизировало участникам

силового давления на власть. Меньше всего их в Восточном регионе – 8% [20].

Представляет большой интерес анкетный опрос, проведённый в июне 2011 г. Центром региональных исследований и стратегий (г. Одесса) в Николаевской, Одесской и Херсонской областях, Автономной Республике Крым (АРК) (гнездовая пропорциональная выборка 2500 чел., погрешность 3%). Гражданами Украины, в первую очередь, считали себя 46% респондентов, своего города или местности – 31%, области или группы областей – 10%, гражданином СССР – 9%. Но данный баланс сильно различался по 4 регионам: в АРК и на Херсонщине гражданами Украины считали себя 37-38%, а в Николаевщине – 66%. Очевидна зависимость распределений от этнической идентичности. Считали себя русскими 62% крымчан, 24% жителей Одесской области, 18% херсонцев и 14% жителей Николаевской области. Причём гражданская идентичность преобладала у 68% украинцев и лишь у 26% русских в 4 регионах. Установлена зависимость между уровнем приверженности Украине и поддержкой прозападной геополитической ориентации [21].

Анкетный опрос 8-16 апреля 2014 г., проведенный Киевским международным институтом социологии в 8 областях Юга и Востока страны (выборка 3232 чел., погрешность 1,8%), доказал резкое размежевание внутри макрорегиона [22]. Отчетливо выделяются Донецкая и Луганская области, где в 1,5-2 раза ниже признание легитимности захватившего власть 22 февраля режима. Если в целом по 8 областям считают «Евромайдан» оправданным протестом 41,7%, то в Донецкой и Луганской областях – 20 и 26,8%. Респонденты из этих областей видят решение проблем в федерализации Украины и тесном сотрудничестве с Россией. От 58,1 до 62,9% жителей Донбасса поддерживают воссоединение Крыма с РФ (в целом по Югу и Востоку характерен паритет: за реинтеграцию 43,0 при 44,3% против) [22].

Сделаем выводы. Украина – «глубоко расколотое» общество. Отсутствует устойчивая национальная идентичность большинства граждан. Устойчиво проявляются долгосрочные социокультурные размежевания: центр – периферия (с преобладанием локальной идентичности), город – село, религиозность – секулярность, русскоязычные – украиноязычные территории. Пространственное распределение расколов совпадает, усиливая их конфликтогенный потенциал. Принятое этнокультурное деление Украины на отчетливо выраженные Запад, Центр, Юг и Восток неполно соответствует состоянию идентичности. Речь должна идти о центрах («ядрах» культурных ареалов) и об их перифериях, плавно переходящих от одного типа к другому. Ярко выражены этнокультурные лакуны, ориентации культуры в них значительно отличаются от окружающего ареала (Закарпатье, Киев).

Политический кризис 2013–2014 гг. сделал необратимым рост русской этнической и российской государственной идентичности в Крыму и Севастополе. Более сложные процессы идут в Донбассе вследствие гражданской войны. Вероятно критическое ослабление украинской идентичности и рост региональной – «новороссийской», если эти процессы не будут прерваны этноцидом и депортациями со стороны киевского режима. В остальных 6 областях Юга и Востока Украины растёт конфликт идентичностей, но режим ещё владеет инициативой в информационной политике. Нарастает размежевание 8 областей Юга и Востока по линии выбора между европейской и евразийской интеграцией, отношения к кризису и государственному перевороту 2014 г.

Примечания

1. Жильцов С.С. Украина: 20 лет к независимости. М., 2012.
2. Григорьянц В.Е., Жильцов С.С., Ишин А.В., Мальгин А.В. Федерализация Украины: к единству через разнообразие. М., 2012.
3. Богданович В.Ю., Егоров Ю.В., Маначинский А.Я. НАТО и Украина (кто и зачем тянет Украину в НАТО?). Киев, 2008.
4. Интеграция в Евразии: Народ и элиты стран ЕЭП / *Ред.-сост. И. Задорин*. М., 2006.
5. Інтеграція України в європейські правові, політичні та економічні системи / Манжола В.А. та ін. Київ, 2007.
6. Україна в Європі: контекст міжнародних відносин / *Кер. авт. кол. і наук. ред. А.І. Кудряченко*. Київ, 2011.
7. Юрченко С.В. Украина и Россия в меняющемся мире: проблемы взаимодействия в контексте мировых тенденций // Этничность и власть: коллективная память и технологии конструирования идентичности. Севастополь, 2013. С. 348-350.
8. Перехода С.О. Утро по Гринвичу: украинская «евроинтеграция» и современные проблемы Западной Европы. Режим доступа: <http://vestiua.com/ru/press/20130112/19151.html> (дата обращения: 12.01.2013).
9. Тодоров И. Евроинтеграция глазами донецких экспертов. Режим доступа: <http://www.ngo.donetsk.ua/articles/ievrointegraciya-ochima-doneckih-ekspertiv-ukrayini-visunuli-unikalni-politichni-umovi-dlya> (дата обращения: 19.07.2013).
10. Попов Э.А. Наступление на русский язык на Украине: до и после «оранжевой» революции // Современные политические процессы на Украине. Ростов н/Д, 2009. С. 134.
11. Кремень В.Г., Табачник Д.В., Ткаченко В.М. Україна: проблеми самоорганізації. Київ, 2003. Т. 2. С. 343.
12. 46% населения считают, что Украина должна стать полноправным участником Таможенного союза. Режим доступа: <http://www.unian.net/news/542388-46-naseleniya-ukrainyi-za-tamojennyiy-soyuz-opros.html> (дата обращения: 21.12.2012).
13. Самсонова Ю. Война миров: Показатели поддержки украинцами Таможенного и Европейского союзов сближаются // Власть денег. Киев, 2013. №25-26(390). 21 июня.
14. Все меньше украинцев за интеграцию с РФ, Белоруссией и Казахстаном. Режим доступа: http://ria.ru/world/20121210/914210849.html?utm_source=966130&utm_medium=banner&utm_content=2227933&utm_campaign=rian_partners (дата обращения: 10.12.2012).

15. Соцопрос: Курс на «евроинтеграцию» поддерживают 53% украинцев, 35% - против. Режим доступа: www.regnum.ru/news/polit/1720648.html (дата обращения: 16.10.2013).
16. Марков С.А. «Оранжевая революция» - пример революции глобального сообщества // «Оранжевая революция». Украинская версия. М., 2005. С. 89.
17. Мальгин А.В. Украина: соборность и регионализм. Симферополь, 2005. С. 219.
18. Мартынюк В. Точку в вопросе единения России и Украины ставить рано! Режим доступа: <http://www.km.ru/ukraina/2011/07/01/istoricheskoe-edinstvo-rossii-i-ukrainy/> (дата обращения: 06.07.2011).
19. Інформаційно-аналітичні матеріали «Парламент і парламентські вибори в Україні 2012 р.: політична ситуація, суспільні настрої та очікування (робоча версія): до круглого столу на тему «Україна напередодні парламентських виборів: чи справдяться очікування громадян». 26 вересня 2012 р.». Київ, 2012. С. 60-61.
20. Отношение жителей Украины и России к событиям в Украине. Режим доступа: <http://www.levada.ru/03-03-2014/otnoshenie-zhitelei-ukrainy-i-rossii-k-sobytiyam-v-ukraine> (дата обращения: 06.03.2014).
21. Князева Е.В. Самоидентификации населения Южноукраинского региона: «неукротимость примордиального» // Социальные идентичности в динамике институционального и самоорганизационного. Одесса, 2013. С. 272-273, 282-283.
22. Мнения и взгляды жителей Юго-Востока Украины: апрель 2014. Режим доступа: http://zn.ua/UKRAINE/mneniya-i-vzglyady-zhiteley-yugo-vostoka-ukrainy-aprel-2014-143598_html (дата обращения: 11.05.2014).

И.Ю. Васильев (г. Краснодар, Россия)

РУССКИЙ ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В КУБАНСКОМ УКРАИНОФИЛЬСТВЕ

Этнические и мировоззренческие процессы в среде потомков украинцев на Кубани приводили к быстрым изменениям их идентичности, к весьма разным формам мировоззрения, сопряженных с этими идентичностями. В современной украинской историографии предпринимаются попытки свести это сложное разнообразие к национальному самоопределению украинцев [1].

Но на деле всё гораздо сложнее. А. Каппелер установил, что привилегированный служилый статус весьма способствовал принятию малороссами и белорусами русской идентичности, восприятию ими собственной национальной культуры как русской [2]. Не были исключением и кубанские казаки малороссийского происхождения. Их малороссийское самосознание объединялось в сложную структуру с казачьим субэтническим и общерусским.

В середине XIX в. на Кубани действовал украинофильский кружок во главе с Я.Г. Кухаренко, который в основном состоял из его родственников и сослуживцев. Я.Г. Кухаренко был близким другом Т.Г. Шевченко. Их объединяло внимание к украинским фольклорным традициям, украинской

старине. В Черноморском войске, казачьих правах черноморцев они видели некий отголосок «милрой старины», былых вольностей [3]. Кухаренко состоял в дружеских отношениях с восточно-украинским (харьковскими) представителями украинского национального движения, которые в 1830-е–1840-е гг. объединились в так называемый «Гурток». Его члены преимущественно были филологами, историками, писателями, этнографами: И. Срезневский, Н. Костомаров, А. Метлинский, П. Кулиш и др. Им, наряду с малороссийским самосознанием, было свойственно и общерусское, общерусский патриотизм [4].

В период знакомства с сорокапятилетним офицером члены кружка были его значительно моложе. Но они увлекли его общностью интересов [5]. Эти увлечения в основном касались украинской книги, традиционной культуры и быта. В меньшей степени – просвещения (в последнем случае дальше проектов дело не пошло). Сам проект упоминается только в письме сына Я.Г. Кухаренко, А.Я. Кухаренко к С.И. Опатовичу от 3 сентября 1863 г. В письме говорится о желании иметь начальное украиноязычное образование в Черномории и закупке некоторых учебных и религиозных книг [6]. Я.Г. Кухаренко занимался сбором фольклорных материалов в среде черноморского казачества, обменивался материалом с харьковскими украинофилами-фольклористами. Его очерк «Овцы и чабаны в Черномории» был напечатан в ведущем украинском журнале «Основа» [7].

Кружок не имел широкой поддержки со стороны казачества. Хотя старшее поколение членов кружка, такие как поэт, актёр и драматург Д. Дмитренко-Бут, его жена Вера Васильевна, ейский поэт и журналист И. Подушка придерживались популярной среди массы черноморцев идеи идеализации запорожской старины [8]. «Кухаренковцы» недооценивали изменения, происходящие с черноморскими казаками, того обстоятельства, что они стали принципиально новым, кубанским этноисторическим явлением по сравнению с казаками Украины прежних времён [9].

То же можно сказать и о младшем поколении в составе поэта-казака Ф. Бойчука, публициста и мемуариста С.А. Шарапа, драматургов М. Стеценко-Нордеги и К. Головатого. Они придерживались несколько более демократических взглядов, поддержали и развили на Кубани культ Т.Г. Шевченко [10]. Это также не дало им какой-либо массовой популярности. Однако несколько позже, с конца XIX столетия, соединение малороссийских культурных интересов с русским патриотизмом стала завоёвывать популярность и среди простых казаков.

Кружок Кухаренко по преимуществу состоял из вполне верноподданных и лояльных российской монархии казачьих офицеров, имеющих скорее «малороссийское» мировоззрение. Они в большей степени акцентировались на культурном своеобразии кубанских малороссов в рамках «большого» русского народа. Недаром полковник

И.П. Бабыч назвал Я.Г. Кухаренко «малорусским писателем». А независимый публицист С.А. Шарап был полковником [11].

Семья Кухаренко была органично интегрирована в российскую служилую элиту. Отец Я.Г. Кухаренко Герасим Романович был полковником Черноморского казачьего войска, присутствовал на коронации Императора Павла I. Сыновья Я.Г. Кухаренко дослужились до генеральских чинов. Его сын Николай Яковлевич служил в императорском конвое. Яков Герасимович и его сын Николай Яковлевич побывали на коронации трёх российских императоров. Знание украинской народной культуры дочерью Я.Г. Кухаренко Ганной украинской народной культуры (она пленила Т.Г. Шевченко исполнением песни «Тиче ричка») совершенно не помешало ей выйти замуж за русского армейского офицера А.Ф. Лыкова. Её сын Вячеслав так же был офицером [12].

Ни о какой оппозиционности Я.Г. Кухаренко и, по сути дела, круга его родных и друзей, речь не идёт. Они стремились лишь к расширению прав Черноморского казачества с возрождением некоторых традиций старой гетманской автономии, добивались сохранения этнографических особенностей черноморских казаков.

Примечательно, что во время конфликтной ситуации с проектом переселения черноморских казаков за Кубань, Я.Г. Кухаренко пытался быть проводником этого проекта. И не примкнул к активной и действенной фронде черноморских старшин [13].

Параллельно с быстрым развитием кубанского образования на рубеже XIX–XX веков происходил и рост самосознания кубанского казачества как субэтноса русского народа. Малороссийская идентичность, совмещённая с имперским патриотизмом, становилось одной из основ казачьего самосознания.

Украинофильство нередко выражалось в предпочтении украинского языка, интересе к творчеству Т.Г. Шевченко, украинской песне, танцу, театру. При этом такого рода украинофильство далеко не всегда было связано с националистическими взглядами, политическим радикализмом. Любители украинской культуры из числа молодёжи могли быть вполне лояльными подданными Российской империи. Особенно это касалось поклонников казачьей традиции. Таким, например, был будущий известный казачий мемуарист Ф.И. Елисеев. [14].

Любовь к казачьей и малороссийской старине весьма влияли на театральные предпочтения кубанцев. Украинофилы хотели видеть серьёзный, «интеллигентный» театр на украинском языке, поднимающий важные вопросы современности, экзистенциальные вопросы. Украинофилы нередко настаивали, чтобы артисты играли более «интеллигентно», а не «народно» [15].

Основная же масса зрителей предпочитала более «архаичный» развлекательный украинский театр с юмором, песнями, танцами, любовными историями, и конечно же – казачьей героикой и пафосом [16]. Именно поэтому такой популярностью, народной и государственной поддержкой пользовались постановки пьес Г. Доброскока «Казачьи прадеды» и «Сечевого орёл». При этом любители украинского сценического искусства почти всегда за пределами сцены говорили исключительно по-русски [17].

Показательно, что такая же ситуация сохранялась уже в советский период, в начале 1930-х гг. Театры по разнарядке ставили украиноязычные пьесы коммунистического содержания. Но выручку делали за счёт той самой старомодной классики, которую, кстати, называли «этнографический материал» [18].

Среди кубанских казаков существовала особая традиция: на демонстрации искренних патриотических чувств по отношению к Государству российскому писать «по-нашему». Такова «Пісня закубанця», написанная урядником станицы Ключевой Косиненко. «Не гнівайся на нас Царю / Не всі вінуваті, / Що меж нами объявілись / Зраднікі прокляті. / На все військо п'ятно чере / Вони положили / И кубанців честне имня / Соромом поккрыли / Клянемося своєю кров'яю / Оце п'ятно змыты / Щоб Твою пріязнь и ласку / Знову заслужыты». Этот текст посвящен восстанию во 2-ом Урупском полку во время революции 1905–1907 гг. [19]. По мнению известного диалектолога О.Г. Борисовой, этот текст представляет из себя попытку писать по-украински человека, плохо знающего украинскую орфографию.

Немало таких текстов и в знаменитом «Сборнике славы кубанцев», вышедшем в 1916 г. и посвященном подвигам кубанцев в Первой мировой войне. Там так же много сходных текстов [20]. По мнению О.Г. Борисовой, написанные будущим известным украинским поэтом и филологом И.Г. Чередниченко тексты близки к литературному украинскому. Стихи, написанные простыми казаками – образцы кубанской «балачки». Причём все они были выражением именно патриотических и монархических чувств. Идентичность верноподданных-малороссов была нередко тесно связана с кубанской казачьей идентичностью, одна идентичность перетекала в другую.

В целом, кубанское украинофильство началось с деятельности малороссов – российских патриотов во главе с Я.Г. Кухаренко. Уже в то время патриотическое малороссиянство смыкалось с местной казачьей идентичностью. С ростом и развитием особой кубанской казачьей идентичности оно стало его интегральной частью. И благодаря этому кубанская малороссийскость продолжала жить в среде казачества даже

после того, как появилось и стало развиваться антирусское украинское самостийничество.

Примечания

1. *Сергійчук В.І.* Українізація Росії. Політичне ошуканство українців більшовицькою владою в 1923-1932 роках. К.: Українська Видавнича Спілка. 2000.
2. *Каппелер А.* Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия – Украина: история взаимоотношений. М, 1997. С. 118.
3. *Федина А.И.* Атаман Кухаренко в кругу друзей и современников. Краснодар, 2004. С. 48–53.
4. *Неменский О.* Модели южнорусской идентичности на Украине // <http://www.apn.ru> (дата обращения - 24. 05. 2014)
5. *Федина А.И.* Александр Кухаренко и его письма // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 1998. № 1. С. 17.
6. *Федина А.И.* Атаман Кухаренко в кругу друзей и современников. Краснодар, 2004. С. 34, 36.
7. *Чумаченко В.К.* «От де, люде, наша слава.» // Курень. Антология кубанской литературы конца XVIII – начала XX веков. Краснодар, 1994. С. 5.
8. *Бондарь Н.И.* Указ. соч. С. 5–48.
9. *Чумаченко В.К.* Указ. соч. С. 5.
10. *Федина А.И.* Александр Кухаренко и его письма С. 15.
11. *Федина А.И.* Атаман Кухаренко в кругу друзей и современников. С. 5, 7, 39.
12. *Федина А.И.* Анна Лыкова (Кухаренко) её муж и дети: к генеалогии кубанских казачьих родов // Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар; Киев. 2013. Вып. VII. С. 327–332.
13. *Короленко П.П.* Переселение казаков за Кубань в 1861 году с приложением документов и записки полковника Шарапа // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1911. Т. 16. С. 320 – 386.
14. Жизнь и судьба кубанского казака и джигита Ф.И. Елисеева. Краснодар, 2013. С. 120.
15. *Потапов В.* Труппа П.Садовского // Новая зоря. 1908. №524. 9 июля. С. 3.; *Понятенко В.* На новом пути // Новая Зоря. 1908. №526. 11. Июля. С. 1.; *Потапов В.* Ревизор // Новая зоря. 1908. № 520. 4 июля. С. 1.
16. *Доброскок Г.В.* Казачьи прадеды // Родная Кубань. 2014. № 1. С. 87 – 143.
17. *Сергійчук В.І.* Українізація Росії. Політичне ошуканство українців більшовицькою владою в 1923-1932 роках. К.: Українська Видавнича Спілка. 2000. С. 171–175.
18. *Доброскок Г.В.* Указ. соч. С. 87–143.
19. Цит. по: Матвеев О.В., Фролов Б.Е. «В вечное сохранение и напоминание славных имён...» (к 100-летию пожалования Вечных шефов первоочередным полкам Кубанского казачьего войска), Краснодар. 2004 // www.slavakubani.ru (дата обращения - 24.05.2014)
20. Сборник славы кубанцев. Екатеринодар, 1916. Т. 1. С. 22- 24; 98–141

С.Ю. Бунтовский (г. Донецк, Донецкая Народная республика)

ВОПРОСЫ ТРАКТОВКИ ГОЛОДА 1932–1933 ГГ. КАК ЭЛЕМЕНТ ПОСТРОЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ НА УКРАИНЕ

К 1932 г. в ряде южных регионов СССР сложилась сложная ситуация с продовольствием, что привело к началу голода, получившего в украинской историографии название «голодомор». Рассмотрение объективных и субъективных причин бедствия, а также уточнение количества пострадавших не входит в задачу данной работы, поскольку автор уже анализировал их ранее [1].

При поддержке националистических политиков на Украине конца XX в. голод 1930-х гг. начал трактоваться как искусственный и направленный на уничтожение этнических украинцев. Тема голодомора и ответственности за его организацию активно использовалась для агитации против левых партий во внутренней политике и для подогрева русофобии во внешней. Особенно активно данная тема эксплуатировалась на Украине при президенте Викторе Ющенко. В это время украинскими политиками периодически озвучивалась идея предъявления претензий России как правопреемнице СССР и получения материальной компенсации за голод. Апофеозом всей этой компании стал законопроект о признании голода 1930-х гг. геноцидом против украинского народа.

Однако необходимо отметить, что теория, доказывающая искусственный характер голода начала разрабатываться украинскими националистическими организациями еще в сороковых годах прошлого века и с их подачи вошла в информационное поле западных стран. Концепция голодомора как «геноцида украинцев» хорошо ложилась в контекст холодной информационной войны между НАТО и коммунистическими странами и поэтому активно тиражировалась. Кроме того, даже честные западные авторы, общавшиеся, в основном, с антисоветски настроенными иммигрантами, получали зачастую искаженную информацию, на которой строили свои рассуждения. Например, британский историк и писатель Роберт Конквест под влиянием такой некритической информации написал ряд работ о Советском Союзе, в которых назвал голод 1932–1933 гг. искусственно организованным. Однако, ряд других западных исследователей выступили с резкой критикой этого мнения. Известный советолог Стефан Мерль доказывал, что голод стал результатом трагического стечения обстоятельств, а не преднамеренной политикой власти. Английский историк Алек Ноув назвал произошедшее скорее ударом по крестьянам, среди которых были украинцы, а не по украинцам, среди которых было много крестьян. Еще целый ряд серьезных исследователей пришел к выводу, что голод не был

геноцидом украинцев. Спустя годы гораздо лучше ознакомившийся с событиями 1930-х гг. Р. Конквест признал ошибочность своего тезиса о голоде-геноциде.

Однако идеи голодомора-геноцида были подхвачены и развиты на Украине после обретения независимости. Большинство «певцов голодомора» сознательно подгоняли факты под заранее объявленный результат. Те же, кто пытался разобраться самостоятельно, часто попадал в ловушку, абсолютизируя страдания своего народа и упуская исторический контекст произошедшего в 1930-е гг.

Возможно, стоит более подробно остановиться на роли Виктора Ющенко в раскручивании истерии на тему голодомора. Он не был первым из высокорейтинговых политиков, взявшихся озвучивать эту тему. Еще в 2002 г. Верховная Рада Украины специальным постановлением [2] осудила «политику геноцида, который проводился на государственном уровне... против граждан Украины, национального духа, менталитета и генетического фонда украинского народа...» и постановила провести ряд мероприятий, посвященных 70-летию голодомора. Среди запланированного значилось: проведение научных исследований, создание фильма о голоде, ежегодное проведение в учебных заведениях дней памяти жертв голодомора... Кроме того, планировалось добиваться признания международным сообществом голодомора актом геноцида. Однако именно после прихода к власти В. Ющенко тема голодомора стала мейнстримом украинского политикума. Под патронатом президента и с его участием регулярно проводились различные тематические мероприятия, изучение «нужной» трактовки событий 1932–1933 гг. было введено в школьные и ВУЗовские учебные программы. Популяризацией голодомора занялась даже Служба безопасности Украины (СБУ) а Нацбанк отчеканил специальную памятную монету.

Действия по увековечиванию жертв голода превратились в политические спекуляции, за освещение событий 1932–1933 гг. взялись не историки, а ангажированные политологи и откровенные пропагандисты. В итоге число жертв тоталитарного режима начало «расти», как на дрожжах. Если в статьях перестроечного периода речь шла о миллионе погибших, а потом заговорили о трех миллионах жертв, то при В. Ющенко стали говорить уже о пяти-шести миллионах.

Глядя на процесс этого «роста покойных», возникает вопрос: с какой целью это делается? Возможно, по мнению националистов, чем больше жертв, тем значимее событие, хотя есть и другое объяснение. На момент распада СССР на Украине жило около пятидесяти двух миллионов человек. Сейчас – сорок пять с половиной миллионов (учитывая население Крыма, Донбасса и временно покинувших страну беженцев). То есть за годы независимости демографические потери Украины составили больше

шести миллионов человек. Возможно, именно поэтому популяризаторам мифа о голодоморе было принято решение увеличить заявленное число погибших от голода, не взирая на достоверность данных.

Например, неожиданно выяснилось, что в «Книге памяти жертв голодомора 1932–1933 годов» Сумской области приведены имена и фамилии наших современников. Ответственная за составление списков жертв чиновница просто вставила в книгу список избирателей с последних выборов. Подлог раскрылся случайно, когда библиотекарь села Андрияшевка обнаружила в списке умерших себя и всех своих соседей [3].

Подобные книги создавались во всех областях Украины. Кроме того, чтобы имен было больше, в Книгу заносили данные всех умерших за 1932–1933 гг., независимо от причин смерти. Вообще же «Книга памяти» оказалась полна приписок, нестыковок и прямых фальсификаций [4]. Другим примером сознательной фальсификации истории может служить история с фотовыставкой, которую сотрудники СБУ возили по регионам страны. На фотографиях, призванных проиллюстрировать страдания украинского народа, были опознаны кадры, сделанные во время голода в Поволжье в 1921 г. и во время Великой депрессии в США.

При этом через значительную часть голодоморных мероприятий ненавязчиво проводилась мысль: в событиях восьмидесятилетней давности виновата Москва, которая всегда была и есть врагом украинцев. Якобы Кремль стремился уничтожить этнических украинцев, а на освободившееся место завести крестьян из России. То есть вместо сохранения памяти о трагедии современные политики используют тему голода для внедрения в общество русофобских идей. При этом в информационной кампании активно участвовали организации, существующие на западные гранты.

Так что можно сделать вывод о том, что «голодомор» стал одним из сюжетов в информационной войне, которая велась против СССР, а сейчас в более мягкой форме идет против России. Кроме того «голодомор» пытаются сделать одним из краеугольных камней, на которых строится современная украинская национальная идея, заключающаяся в полном отрицании принадлежности Украины к русскому миру и противопоставлении европейцев-украинцев азиатам-россиянам. Голод 1932–1933 гг. подается как проявление вечной враждебности к украинцам со стороны Москвы, что позволяет националистам одновременно вести пропаганду против русских и против коммунистов, тем самым настраивая граждан страны, как против соседнего государства, так и против левых партий внутри самой Украины.

Учитывая последние события на Украине можно констатировать, что выросшее за годы независимости поколение во многом впитало в себя русофобские мифы, одним из которых является миф о «голодоморе».

Примечания

1. *Бунтовский С.Ю.* Украина: русский взгляд. Донецк, 2014.
2. Постановление Верховной Рады Украины «О 70-й годовщине голодомора на Украине» // Ведомости Верховной Рады. 2002. № 51. Ст. 377.
3. Библиотекарь вернула к жизни жертв голодомора // <http://izvestia.ru/news/352368>.
4. *Корнилов В.В.* «Голодомор: фальсификация национального масштаба» // <http://www.materik.ru/rubric/detail.php?ID=7558>.

А.В. Бабич (г. Краснодар, Россия)

ДУХОВЕНСТВО УКРАИНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В КРАСНОДАРСКОЙ И КУБАНСКОЙ ЕПАРХИИ В 1942-1952 ГГ.

В июне-июле 1952 г., немногим более чем за полгода до окончания сталинского периода в истории СССР, Уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР по Краснодарскому краю Л.Ф. Полунин, составил две подробные справки о священнослужителях Краснодарской и Кубанской епархии:

- справку от 1 июня 1952 г., содержащую сведения «о служителях культа», которые в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. «находились на временно оккупированной немецкими захватчиками территории» и «являлись организаторами восстановления деятельности религиозных общин на Кубани» [1];

- справку от 1 июля 1952 г., содержащую сведения «о служителях культа», которые «не были на оккупированной территории в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» [2].

Оба документа, направленные Председателю Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР Г.Г. Карпову, носят беспрецедентный характер, поскольку такие полные списки о духовенстве Краснодарской и Кубанской епархии ранее не составлялись. Кроме того, указанные документы представляют практический интерес для изучения состава духовенства, служившего в Краснодарской епархии не только в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (преимущественно после начала оккупации края), но и в послевоенный период.

В них представлены следующие данные:

- фамилии, имена и отчества священнослужителей (протоиереев, иереев и диаконов),
- место (населенный пункт), где находился храм или молитвенный дом, в котором служило указанное духовное лицо в 1952 г.,

- год, число, месяц и место (населенный пункт) рождения,
- национальность,
- сведения об общем и специальном образовании,
- семейное положение,
- наличие судимости с указанием статьи УК,
- принадлежность к обновленческому расколу или отсутствие таковой,

а также дополнительные сведения: откуда священнослужитель прибыл в Краснодарский край (в том случае если он не был уроженцем Краснодарского края), находился ли на временно оккупированной территории, и чем занимался до 1952 года включительно.

Вместе с тем, следует обратить внимание на то, что в указанных источниках отсутствуют священнослужители, которые до 1952 г. были из епархии по разным причинам (снятие с регистрации, смерть, выход за штат, перевод в другую епархию, и др.).

Таким образом, из составленных Уполномоченным Л.Ф. Полуниным справок видно, что в действующих церквях и молитвенных домах Краснодарской епархии служило в это время (1952 г.) всего 232 православных священнослужителя, в том числе: 1 архимандрит, 58 протоиереев, 11 иеромонахов, 150 иереев (священников) и 12 диаконов, причем из них – 31 священнослужитель, в том числе, 1 архимандрит, 10 протоиереев, 15 иереев (священников), 3 иеромонаха и 2 диакона, - украинского происхождения, что составляло на тот момент 13,3% от общего количества священнослужителей Краснодарской и Кубанской епархии [3].

Предметом исследования данной статьи является православное духовенство украинского происхождения.

Если до начала временной оккупации Краснодарского края гитлеровцами на Кубани действовало всего лишь семь церквей, то в период оккупации и после освобождения края от нацистов, начинается процесс массового открытия православных приходов, происходивший вплоть до середины 1947 г. По отчетам Уполномоченного наибольшее количество приходов, составило к июлю 1947 г. 243 зарегистрированных общины Русской Православной Церкви. Затем это количество стало постепенно снижаться, и к концу 1952 г. составило 215 единиц, из которых фактически действующих было только 194, так как 21 община не имела священников [4].

В действующих храмах и молитвенных домах епархии служило 29 протоиереев и 2 диакона украинского происхождения – всего 31 священнослужитель, а именно:

- **Александров Александр Никифорович**, протоиерей, 20.08.1883 г. рожд., уроженец Полтавской губернии (с. Мокиевка Лохвицкого уезда); в 1913 г. окончил Полтавскую духовную семинарию; на Кубань прибыл из

Полтавской губернии в 1930 г.; в период оккупации работал секретарем в научно-исследовательском институте масличных культур; в 1952 г. служил в ст. Славянской; женат.

- **Белик** Петр Петрович, протоиерей, 19.06.1873 г. рожд., уроженец Полтавской губернии (с. Матяшовка Лубянского уезда); в 1895 г. окончил Полтавскую духовную семинарию; на Кубань прибыл из Ставропольского края в 1917 г.; в период оккупации организовал православную общину в ст. Васюринской и служил там священником; в 1952 г. служил в ст. Хамкетинской; женат.

- **Влох** Иван Алексеевич, архимандрит, 20.08.1878 г. рожд., уроженец Полтавской губернии (с. Ступки); образование домашнее; до 29 лет проживал в доме родителей; с 1913 по 1921 гг. находился в Кропоткинском монастыре; в 1921 г. рукоположен в иеромонахи; с 1921 по 1924 гг. служил в г. Краснодаре пономарем при церкви (наименование не указано); с 1924 г. служил пономарем при церкви в г. Армавире; в период оккупации служил сверхштатным священником в Св.-Николаевской церкви г. Армавира; воссоединен с Патриаршей Церковью в 1945 г.; в 1952 г. по-прежнему служил в Армавире [5].

- **Вовненко** Леонтий Яковлевич, священник, 16.06.1876 г. рожд., уроженец Харьковской губернии (с. Котельвы Ахтырского уезда); в 1888 г. окончил 4-классное Котелевское училище; в период оккупации жил в ст. Ольгинской; с 1944 г. – священник; в 1950 г. награжден набедренником; в 1952 г. служил в ст. Камышеватской; вдов [6].

- **Волконович** Александр Иванович, протоиерей, 12.12.1880 г. рожд., уроженец Волынской губернии (г. Ковель); в 1900 г. окончил Волынскую духовную семинарию; в период оккупации находился в г. Житомире; на Кубань прибыл в 1943 г.; воссоединен с Патриаршей Церковью в 1944 г.; в 1952 г. служил в ст. Псебайской; женат.

- **Гулевич** Иван Поликарпович, протоиерей, 30.03.1889 г. рожд., уроженец Тарнопольской губернии (г. Кременец); в 1909 г. окончил Каменец-Подольскую духовную семинарию; в 1909-1925 гг. служил священником в Винницкой и Одесской губерниях; во время 1-й мировой войны (в 1915-1917 гг.) служил полковым священником в действующей армии; с 1925 г. перешел на гражданскую работу и до 1941 г. работал бухгалтером; в период оккупации служил священником в хут. Насонтове Белокалитвенского района Ростовской области; на Кубань прибыл из Ростовской области в 1948 г.; служил священником в с. Калинино (1948-1949 гг.) и в ст. Староджерелиевской (1949-1952 гг.); с 1952 г. служил в ст. Ивановской; вдов [7].

- **Дашенко** Емельян Дорوفеевич, священник, 06.08.1883 г. рожд., уроженец Екатеринославской губернии (с. Воздвиженко Гуляй-Польского уезда); в 1904 г. окончил Казанскую духовную семинарию; на Кубань

прибыл из Коканда (Узбекистан) в 1937 г.; в период оккупации работал в ст. Отрадной заведующим школами; в 1952 г. служил в ст. Темиргоевской; вдов.

- **Дзюбенко** Иван Акимович, священник, 27.08.1888 г. рождения, уроженец Черниговской губернии (с. Новые Млины Батуринского уезда); в 1906 г. окончил 2-классное городское училище; с 1907 по 1910 учительствовал в хут. Синютино Сосницкого уезда Черниговской губернии; с октября 1910 г. призван в ряды Русской Императорской армии; служил при командной церкви; исполнял должность псаломщика в г. Москве до февраля 1918 г., затем вернулся в семью отца в с. Оленовка Черниговской губернии и служил там псаломщиком до 1921 г.; с 1921 по 1924 гг. учился на богословских пастырских курсах в г. Чернигове; с 1924 по 1930 гг. вновь служил псаломщиком в с. Оленовке; с 1930 по 1934 гг. работал на железнодорожном транспорте Киево-Московской железной дороги в должности десятника строителя ст. Воржба; с 1934 по 1938 работал в Мариуполе на заводе «Азовосталь» в электромонтажном бюро в должности слесаря-кузнеца; на Кубань прибыл из г. Мариуполя в 1938 г.; с 1938 по 15 июля 1942 г. жил в ст. Староминской, работал на элеваторе кузнецом-слесарем, затем уволен по болезни.

В период оккупации жил в ст. Староминской; после освобождения края от гитлеровцев работал в колхозе им. Кагановича в ст. Староминской; 10 октября 1943 г. рукоположен во диаконы и назначен служить в ст. Староминскую; 6 мая рукоположен во священники и назначен в ст. Холмскую; 10 ноября 1944 г. переведен в ст. Раевскую; 25 июня 1945 г. переведен в ст. Варениковскую; с 5 июня 1946 г. переведен в г. Темрюк, затем служил в станицах Курганной и Петропавловской; с июля 1949 г. служил в ст. Шкуринской; женат, имел двух сыновей и дочь [8].

- **Карпенко** Афанасий Григорьевич, иеромонах, 01.10.1867 г. рожд., уроженец Харьковской губернии (с. Николаевка Изюминского уезда); образование домашнее; в 1918-1920 гг. служил иеродиакonom при монастыре в Крыму; в 1919 Архиепископом Дмитрием Таврическим и Симферопольским награжден набедренником и наперсным крестом; в 1920-1921 гг. служил в Св.-Георгиевском храме г. Краснодара; с 1921 по 1942 гг. на гражданской работе (сторожем, маляром и др.); в период оккупации временно находился в ст. Донохоперской Гражданского района Краснодарского края; в 1943-1944 гг. служил священником в ст. Александроневской; в 1944-1945 гг. в ст. Переяславской, затем перешел по болезни за штат; с мая 1949 г. служил в ст. Львовской [9].

- **Ковтун** Георгий Моисеевич, диакон, 04.03.1881, уроженец Харьковской губернии (с. Млынки Ахтырского уезда); окончил два класса начальной школы; в период оккупации работал пчеловодом в ст. Староминской; в 1952 г. служил в ст. Староминской; женат.

- **Корнюшкин** Федор Александрович, священник, 08.07.1892 г. рожд., уроженец Воронежской области (с. Петропавловское Лискинского уезда); в 1905 г. окончил Петропавловскую приходскую школу и работал певцом хорового пения до 1915 г.; в 1915 г. окончил Регентские курсы в городе Воронеже и служил при церкви села Петропавловка до 1920 г.; в 1921 г. служил в хут. Николаевка регентом и псаломщиком по 1923 г.; с 1924 г. был рукоположен в сан диакона к Иоанно-Богословской церкви с. Колыбелка; на Кубань прибыл из Воронежской области в 1939 г.; в период оккупации работал плотником в хут. Марьевка Камышеватского района; в 1944 г. был вызван Архиепископом Краснодарским и Кубанским Фотием (Топиро) и после специального экзамена, рукоположен в сан священника, после чего направлен в хут. Полтавченский Кущевского района; в 1945 г. указом Преосвященнейшего Флавиана, Епископа Краснодарского и Кубанского, назначен в ст. Канеловскую; с 17 марта 1951 г. служил в ст. Переправной, в этом же году награжден набедренником; женат на девице Крячковой Анне Трофимовне с 1911 г. [10].

- **Костенко** Иоанн Андреевич, священник, 05.01.1884 г. рожд., уроженец Харьковской губернии (сл. Ольшанка Двуреченского уезда); в 1901 г. окончил 6 классов мужской гимназии и богословские курсы при Харьковском епархиальном управлении; с 1901 по 1905 гг. служил псаломщиком в слоб. Ольшанке Харьковской губернии; с 1905 по 1918 гг. служил в Русской Императорской армии; с 1919 по 1925 – в Красной армии; в 1922 г. окончил бухгалтерские курсы; с 1925 по 1943 гг. служил в гражданских учреждениях в г. Ставрополе; в период оккупации работал счетоводом в с. Суворовском Ставропольского края; с 1943 по 1947 гг. служил псаломщиком в ст. Николаевской Успенского района Краснодарского края; 10 октября 1947 г. рукоположен в сан священника в ст. Упорной; с октября 1950 г. служил в ст. Константиновской [11].

- **Лисенко** Тимофей Михайлович, священник, 03.06.1887 г. рожд., уроженец Черниговской губернии (с. Дедовцы Прилуцкого уезда); в 1910 г. окончил учительскую семинарию; с 1918 по 1920 гг. служил псаломщиком в с. Дедовцы; с 1920 по 1926 гг. – диаконом в этом же селе; с 1926 по 1937 гг. учительствовал в с. Бирюково Ворошиловградской области; с 1937 по 1942 гг. преподавал пение там же; с 1942 по 1943 гг. работал бухгалтером в колхозе им. Чапаева в с. Бирюково; с 1943 по 1944 гг. служил священником в Св.-Покровской церкви г. Новошахтинска Ростовской области; на Кубань прибыл в 1944 г.; с 1944 по 1945 гг. служил священником Св.-Покровской церкви ст. Новоромановской, с 1945 по 1946 гг. в Св.-Георгиевской церкви ст. Петровской, с 1948 по 1950 в Св.-Покровском молитвенном доме хут. Белый Павловского района; с 1950 по 1951 гг. в Св.-Екатериновской церкви ст. Екатериновской; с июля 1951 г. служил в ст. Келермесской, женат [12].

- **Литвиненко** Виталий Митрофанович, иеромонах, 24.12.1897 г. рождения, уроженец Курской губернии (г. Суджа); образование начальное; с 1914 по 1922 гг. послушник и монах Петропавловского монастыря Глуховского уезда Черниговской губернии; с 1922 по 1929 гг. занимался трудом по вольному найму в Полтавской губернии; в 1929 г. рукоположен во иеромонаха Епископом Рыльским и Курским; с 1929 по 1932 г. служил священником в Курской области; в 1932 г. осужден тройкой ОГПУ по ст. 58. П. 10 на 7 лет; с 1940 по 1942 работал простым рабочим в консервном тресте; в период оккупации с 1942 по 1943 гг. служил священником в г. Ейске, затем в ст. Старощербиновской; с 1943 по 1944 в ст. Староминской; с 1944 по 1947 в ст. Стародеревянковской; в 1947 в ст. Убеженской; с 1947 по 1949 в ст. Александроневской; с 1949 по 1950 в ст. Абадзехской; в 1950 г. награжден набедренником; с июля 1951 г. служил священником в ст. Сергиевской [13].

- **Лятыцкий** Николай Акимович, протоиерей, 09.05.1885 г. рожд., уроженец Винницкой губернии (с. Стрельчинцы); в 1912 г. окончил Киевскую духовную академию; на Кубань прибыл в 1938 г. из Сталинграда; в период оккупации жил в г. Краснодаре, работал экономистом; воссоединен с Патриаршей Церковью в 1949 г.; в 1952 г. служил в ст. Курганной, женат.

- **Максименко** Герасим Петрович, священник, 04.03.1887 г. рожд., уроженец Харьковской губернии (с. Ревучанское Купянского уезда); окончил 2-классное земское училище; на Кубань прибыл из г. Орджоникидзе в 1935 г.; в период оккупации служил священником в с. Отрадо-Ольгинском Гулькевичского района; в 1952 г. служил в ст. Старощербиновской; женат.

- **Мельниченко** Николай Семенович, протоиерей, 19.12.1879 г. рожд., уроженец Киевской губернии (с. Копало Жанковского уезда); в 1901 г. окончил Киевскую духовную семинарию; с 1901 по 1905 гг. служил учителем; с 1905 по 1937 гг. служил священником; на Кубань прибыл из Полтавской области в 1939 г.; в период оккупации служил священником в г. Анапе в Св.- Онуфриевской церкви, затем в с. Витязево Анапского района; воссоединен с Патриаршей Церковью в 1943 г., с марта 1948 г. служил в ст. Дондуковской, женат [14].

- **Недигов** Аким Андроникович, священник, 08.09.1878 г. рожд., уроженец Воронежской губернии (с. Колыбелки Лыскинского уезда); образование домашнее; до 1930 г. – крестьянин-хлебороб; с 1930 по 1942 гг. колхозник в с. Колыбелка; на Кубань прибыл из Воронежской области в 1942 г.; воссоединен с Патриаршей Церковью в 1942 г.; в период оккупации и после освобождения края от гитлеровцев (с 1942 по 1945 гг.) служил псаломщиком в станице Нововеличковской Краснодарского края; с 1945 по 1948 г. служил священником в ст. Андреевской; с 1948 по 1950 г.

служил в ст. Черноерковской; в 1950 г. награжден набедренником; женат на Евдокии Яковлевне Прохоренко с 1907 г. [15].

- **Павленко** Макар Максимович, священник, 25.07.1888 г. рожд., уроженец Екатеринославской губернии (с. Ивановка Межевского района); в 1901 г. окончил начальную земскую школу; на Кубань прибыл из с. Ивановка Днепропетровской области в 1939 г.; в период оккупации работал в сельском хозяйстве в с. Коноково Успенского района; в 1952 г. служил в с. Ванновка; женат.

- **Павленко** Григорий Макарович, 19.08.1909 г. рожд, уроженец Екатеринославской губернии (с. Ивановка Межевского района); в 1927 г. окончил 9 классов средней школы; во время Великой Отечественной войны служил в Красной Армии; в 1952 г. служил диаконом в г. Сочи; женат.

- **Петришин** Евграф Антонович, священник, 10.12.1887 г. рожд., уроженец Каменец-Подольской губернии (местечко Дзыговка Ямпольского уезда), в 1905 г. окончил полный курс духовного училища в с. Дзыговке Ямпольского уезда; с 1905 по 1932 гг. был хлеборобом и, одновременно с этим, исполнял должность псаломщика в местной церкви; с 1932 по 1942 гг. работал слесарем на заводах в Запорожье, Абрау-Дюрсо и Новороссийске Краснодарского края; в июле 1942 г. был мобилизован в Красную армию; 24.10.1942 был ранен и признан инвалидом Отечественной войны 2-й группы; в 1943 г. по освобождению из Красной армии поступил псаломщиком в с. Мостовое Краснодарского края; 7 декабря 1943 г. рукоположен в сан иерея (священника) и назначен настоятелем Св.-Михаило-Архангельского молитвенного дома ст. Зассовской Упорненского района; в 1944 г. назначен настоятелем Св.-Покровской церкви ст. Черниговской Рязанского района; в 1946 г. перемещен в ст. Нижегородскую Тульского района; в 1948 г. перемещен в ст. Костромскую Ярославского района; в 1950 г. перемещен в ст. Тенгинскую Усть-Лабинского района; с 16 июля 1951 г. настоятель Св.-Михаило-Архангельской церкви ст. Николаевской Успенского района, в этом же году награжден набедренником; с 1943 года женат на девице Чаловой Пелагее Денисовне [16].

- **Подстрешный** Иван Иванович, священник, 26.09.1891 г. рожд., уроженец Воронежской губернии (с. Подгорное Россошанского уезда); в 1904 г. окончил церковно-приходскую школу; в 1915 г. окончил регентскую школу; с 1916 по 1917 гг. вольнослушатель богословского курса Воронежской духовной семинарии; в 1926 г. рукоположен Епископом Алексием Воронежским в сан священника; на Кубань прибыл из Воронежской области в 1942 г.; в период оккупации служил священником в с. Великом Белореченского района; в 1951 г. награжден

набедренником; в 1952 г. служил в ст. Зассовской; женат на девице Хиценковой Анастасии Ивановне, имел 4 детей [17].

- **Сидоренко** Лев Нестерович, протоиерей, 21.02.1887 г. рожд., уроженец Киевской губернии (с. Шамраевка Велико-Половецкого уезда); в 1906 г. окончил церковно-учительскую школу; в 1916 г. Житомирское училище пастырства; в 1916 г. рукоположен во священники Никодимом, Епископом Черкасским и Чигиринским; в 1924 г. награжден наперсным крестом; в 1936 г. осужден по ст. 17. П. 72; в период оккупации с 1942 г. по 1952 г. служил священником в ст. Ясенской Ейского района; в 1950 г. награжден саном протоиерея; вдов [18].

- **Сиротинский** Дмитрий Иванович, священник, 26.10.1892 г. рожд., уроженец Киевской губернии (с. Собковка); в 1912 г. окончил Киевскую духовную семинарию; рукоположен во священника Иннокентием, Епископом Чигиринским; на Кубань прибыл из г. Азова в 1942 г.; в период оккупации служил священником в ст. Шкуринской; в 1945 г. награжден наперсным крестом; с апреля 1948 г. служил в ст. Павловской; в 1950 г. награжден саном протоиерея; женат на Горчинской Клавдии Гурьевне с 1912 г. [19].

- **Степыка** Феодосий Прокопьевич, священник, 25.01.1876 г. рожд., уроженец Черниговской губернии (с. Клинок); в 1895 г. окончил два класса Нежинской учительской семинарии; на Кубань прибыл из Донбасса; в период оккупации служил псаломщиком в ст. Троицкой; воссоединен с Патриаршей Церковью в 1945 г.; в 1952 г. служил в ст. Убеженской; вдов.

- **Сугаренко** Виктор Иванович, протоиерей, 10.03.1880 г. рожд., уроженец Екатеринославской губернии (с. Раздоры Александровского уезда); в 1902 г. окончил Екатеринославскую духовную семинарию; с 1905 г. служил псаломщиком в г. Азове при Кладбищенской церкви; с 1912 по 1920 священником; с 1920 по 1936 настоятелем этой же церкви; с 1936 по 1942 работал библиотекарем при железнодорожной школе № 6; с 1942 по 1943 служил священником в г. Батайске Азово-Черноморского края; был угнан немцами на Украину и в Судетскую область Чехословакии, затем репатриирован, прибыл на Кубань, и в 1945-1946 служил в ст. Зассовской; с 1947 г. в г. Лабинске; с 1948 г. в Екатерининском Кафедральном соборе г. Краснодара; с 17 мая 1951 г. священник Св.-Троицкой церкви г. Краснодара; вдов [20].

- **Терентиенко** Николай Петрович, протоиерей, 14.04.1885 г. рожд., уроженец Черниговской губернии (с. Фетьковка); в 1914 г. окончил духовную семинарию; в 1935 г. осужден по ст. 58. П. 10 на 5 лет; в период оккупации служил священником в ст. Новопокровской; в 1952 г. служил в ст. Платнировской; женат.

- **Третьяков** Семен Алексеевич, священник, 03.02.1886 г. рожд., уроженец Луганской области (с. Райгосродское); окончил 3 класса

Старобельской учительской семинарии; после сдачи экзамена при Харьковском духовном училище на право псаломщика в 1906 г. был назначен псаломщиком при Рождество-Богородицкой церкви слободы Берестовой Харьковской епархии; в 1910 г. по прошению переведен псаломщиком к Св.-Николаевской церкви слободы Ново-Водолаги Харьковской епархии; в 1919 г. после испытания на право получения сана диакона и рукоположению Епископом Алексием Волочанским, назначен диаконом к Св.-Вознесенской церкви слободы Кабанье Харьковской епархии; в 1922 г. после испытания на право получения сана священника и рукоположения Епископом Иоасафом Купянским, назначен священником к Св.-Преображенской церкви слободы Кабанье Харьковской епархии; в 1928 г. по личному прошению, Епископом Иоасафом переведен к Архангело-Михайловской церкви слоб. Ново-Краснянки Харьковской епархии; в 1933 г. вышел за штат и поступил на гражданскую работу в совхоз «Лесная дача» Лисичанского района Ворошиловградской области; в 1938 г. переехал в г. Сочи Краснодарского края и поступил в качестве экспедитора на завод «Молкомбинат»; с 10 ноября 1944 г. по личному прошению, в соответствии с резолюцией Фотия Епископа Краснодарского и Кубанского назначен священником на вакансии псаломщика при Михайло-Архангельской церкви г. Сочи; в 1945 г. по личному прошению и в соответствии с резолюцией Флавиана, Епископа Краснодарского и Кубанского, назначен священником к Св.-Троицкой церкви г. Гулькевичи, в этом же году воссоединен с Патриаршей Церковью; с 17 января 1952 г. настоятель Св.-Варваринского молитвенного дома ст. Старовеличковской Кагановичского района; жена Агрипина Петровна, 1882 г. рожд. [21].

- **Чернецкий** Леонид Алексеевич, протоиерей, 18.06.1898 г. рожд., уроженец Одесской губернии (с. Таужне); в 1918 г. окончил Каменец-Подольскую духовную семинарию; в 1923 г. рукоположен во священники Амвросием, Епископом Подольским и Брацлавским; до 1942 г. на гражданской работе; в период оккупации (с 1942 г.) служил священником в ст. Темиргоевской; в 1945 г. награжден наперсным крестом; в 1951 г. награжден саном протоиерея; в 1952 г. служил в г. Апшеронске; жена Александра Федоровна Березовская [22].

- **Янюк** Елифаний Никифорович, иеромонах, 24.08.1879 г., уроженец . рожд., Винницкой губернии (с. Заболотные Крыжопольского уезда); образование начальное, с 1888 по 1891 гг. окончил 3 класса сельского начального училища и до 1912 г. занимался сельским хозяйством на родине; с 1912 по 1915 гг. был послушником в Св.-Никольском мужском монастыре в хут. Цукорова Балка Кубанской области; с 1915 по 1917 гг. служил диаконом в указанном монастыре; с 1917 по 1923 гг. — священником; с 1924 по 1929 гг. занимался домашним сельским хозяйством; с 1929 по 1934 гг. служил священником при Св.-Иверском

молитвенном доме в том же хуторе; с 1934 по 1936 гг. работал сторожем при краевой школе шоферов и комбайнеров; с 1937 по 1944 гг. работал заведующим пчеловодной пасекой в колхозе им Молотова; с 27 августа 1942 г. служил священником при Св.-Иверском молитвенном доме в хут. Цукорова Балка до 1952 г. включительно [23].

- **Ярьсько** Матвей Никифорович, священник, 09.08.1879 г. рожд., уроженец Полтавской губернии (с. Заиченды); в 1892 г. окончил 4-классную школу; с 1908 г. по 1914 г. работал водителем трамвая в г. Москве; с 1914 по 1918 гг. находился на военной службе; с 1919 по 1927 гг. служил на различных должностях в советских учреждениях; с 1927 г. проживал в Ростовской области, работал чернорабочим; в период оккупации жил в ст. Псебайской, не работал; 12.12.1943 рукоположен во диаконы к Ильинской церкви в г. Краснодаре; в 1945 г. воссоединен с Патриаршей Церковью; в 1950 г. рукоположен во священника и с сентября 1950 назначен настоятелем Казанского молитвенного дома с. Беноково Мостовского района; в 1951 г. награжден набедренником; жена Дьяченко Агрипина Филипповна [24].

Из вышеприведенных данных вырисовывается следующая картина: в 1952 г. 28 священнослужителей украинского происхождения (т.е. подавляющее большинство) в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. находились на временно оккупированной немецкими захватчиками территории и являлись организаторами восстановления деятельности религиозных общин на Кубани, из них 7 человек принадлежали к обновленческой церкви, и 3 человека подвергались политическим репрессиям. Еще 3 человека на временно оккупированной территории не находились, причем двое из них служили в действующей армии [25].

При этом обращает на себя внимание сравнительно небольшой процент участия украинского духовенства в обновленческом расколе (менее трети), в то время как среди остальной части духовенства, преимущественно русского происхождения (198 русских, 1 белорус, 1 болгарин и 1 мордвин), в обновленческом расколе состояло 103 человека, то есть – более 50%.

Вызывает также интерес образовательный уровень украинского духовенства. Из общего количества священнослужителей (31 человек), служивших в 1952 г. в Краснодарской епархии, 1 окончил духовную академию; 10 – духовную семинарию; 1 богословские курсы, 1 – церковно-приходскую школу; 1 – церковно-учительскую школу; 3 – учительскую семинарию. Кроме того – 11 имели начальное образование и 3 – домашнее, то есть более половины (17 человек из 31) не имели специального духовного образования [26].

На первый взгляд может показаться, что образовательный уровень украинской части православного духовенства Кубани был относительно невысоким, однако, если учесть предшествующий период жестоких гонений на церковь, когда на Кубани оставалось всего 7 храмов, а многие священнослужители или расстреляны или брошены в тюрьмы и лагеря, то окажется, что почти 50% уровень духовно образованных людей, открывавших храмы на Кубанской земле в период оккупации и после освобождения края от гитлеровцев, это не так уж мало. В то же время мы видим, что и люди, не имевшие такового образования, также внесли свой весомый вклад в возрождение Кубанской епархии в трудные послевоенные годы.

Примечания

1. ГКУ КК «Государственный архив Краснодарского края» (ГАКК). Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53.
2. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 20–28.
3. ГАКК. Ф. 1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 20-53.
4. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 3. Л. 1; Д. 81. Л. 3; Д. 37. Л. 59-60.
5. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 274. Л. 63.
6. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 299. Л. 32–32 об.
7. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 243. Л. 21–22 об.
8. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 379. Л. 43–43об.
9. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 373. Л. 47, 51.
10. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 371. Л. 53, 54, 61.
11. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 329. Л. 29-30.
12. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 291. Л. 70–71 об.
13. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 242. Л. 77–78.
14. ГАКК, Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 290. Л. 55–56.
15. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 369Л. 41–43, 51.
16. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 266. Л. 61–63.
17. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 336. Л. 51.
18. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 425. Л. 59–60.
19. ГАКК, Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 362. Л. 15, 21.
20. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 321. Л. 67–68 об.
21. ГАКК. Ф.Р-1519. Оп. 2. Д. 307. Л. 7–72 об.
22. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 232. Л. 54.
23. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 441. Л. 35–36 об.
24. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 453. Л. 58– 59 об., 62.
25. ГАКК. Ф. 1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 20-53.
26. Там же.

Л.Д. Чекаленко, В.Г. Циватый (г. Киев, Украина)

ГУМАНИТАРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ УКРАИНЫ И РОССИИ

Сотрудничество Украины и России в гуманитарной сфере охватывает целый пласт вопросов, важность которых подтверждают задачи национальной безопасности каждого из государств. Неадекватное восприятие угроз национальной безопасности в этнонациональной и религиозной сферах часто провоцировало внешние и внутренние конфликты, социальные взрывы. Одним из путей предупреждения таких сценариев является своевременная подготовка к ним, действия на опережение и упреждение возможных событий, прогнозирование возможного разворачивания конфликта, фактически, своевременное применение механизма превентивной дипломатии. Потенциальная угроза таких явлений требует также своевременных политико-правовых действий властных структур.

Исходя из необходимости решения гуманитарных задач во внешнеполитической сфере, Российская Федерация определила постсоветское пространство зоной своих жизненно важных интересов. Одним из объектов постоянного внимания российских властных структур является этническое российское население в СНГ, которое трактуется довольно широко – как соотечественники. Об этом было заявлено еще в 1995 г. в известном документе, утвержденным президентом России Б.Н. Ельциным «Стратегический курс РФ по отношению к странам-участницам СНГ». К соотечественникам российские эксперты причисляют всех представителей, как российского этноса, так и лиц, исповедующих российскую национальную идею¹.

Количество этого населения в данном регионе по некоторым оценкам превышает 25 млн. чел, из которых приблизительно 8 млн. проживают в Украине. Россия рассматривает соотечественников как средство укрепления своих позиций во внутреннеполитическом пространстве стран Содружества, а также объединяющим фактором между метрополией и окраинами. Россия возлагает на этот своеобразный плацдарм особенные надежды в реализации своих геополитических планов. Напомним, что Украина придерживается международных норм и принципов защиты прав представителей всех народов, которые проживают на ее территории [1].

Определенный интерес, в связи с этим, представляет опыт и практика России по привлечению в страну «своих» соотечественников. Особое

¹ Однако понятие «российская национальная идея» пока еще не нашло должного определения в российской научной литературе

отношение к соотечественникам прослеживается в первую очередь в формировании соответствующей законодательной базы по расширению и закреплению их прав. Так, внесенные изменения в Закон о гражданстве РФ (2001 г.) были закреплены и в «Законе о поправках к Закону о гражданстве», утвержденного Советом Федерации ФС РФ 29 октября 2003 г. [2]. Этим документом значительно упрощался порядок получения российского гражданства бывшими гражданами СССР, зарегистрированными по месту проживания в России на 1 июля 2002 г., ветеранам Второй мировой войны, детям и недееспособным лицам, являющимися иностранными гражданами и лицами без гражданства. Кроме того, упрощенный порядок получения гражданства предусмотрен также для граждан бывшего СССР, которые получили среднее или высшее профессиональное образование в вузах России после 1 июля 2002 г., а также, для тех, кто не менее трех лет служил по контракту в российских вооруженных силах.

Ускоренная реализация законодательных инициатив в этой сфере вызвана в первую очередь процессом неумолимого сокращения численности российского населения. Поэтому привлечение в страну дееспособных лиц стало первейшей задачей государственной важности для России. Прогнозировалось, что законодательными инициативами относительно упрощенной схемы получения гражданства в Россию удастся привлечь приблизительно 20–25 млн. человек. При этом основными источниками для привлечения молодого трудоспособного населения в первую очередь рассматривались Республика Беларусь и Украина. Заметим, что с точки зрения национальных интересов Украины выезд довольно значительной массы украинских трудящихся, в том числе и представителей научной элиты на заработки в Россию, где они часто остаются на постоянное место жительства, рассматривается угрозой стабильности и развитию украинского государства.

Превалирующее число трудовых мигрантов из Украины выезжает в Россию на сезонные или постоянные работы, что становится, практически, основным источником их доходов, а в некоторых случаях и существования. Определенная часть людей этой категории также пополняет список граждан России. Такие работники заняты в основном в тех сферах, которые из-за низкой оплаты или тяжелых условий труда не привлекают местное население. Причем работодателям выгоднее трудоустраивать работников на временную работу, не заботясь об их социальных гарантиях и обустройстве. Таким образом, из половины всех строительных рабочих и трети работников городского транспорта Москвы, являющихся трудовыми мигрантами, одна треть – выходцы из Украины. В целом по некоторым оценкам Посольства Украины в России, численность украинских работников в России составляла в среднем приблизительно 1

млн. человек, а в сезонный пик – свыше 3 млн. Из них, по неофициальным данным, число легально оформленных работников составляет лишь 5-7% от общего числа. Таким образом, преобладающее большинство наших соотечественников работают нелегально [3]. В целом же, в России работает свыше 6 млн. «нелегалов», большинство которых – граждане Украины, Китая, ряда стран Ближнего и Дальнего Востока. Только в Тюменской области украинцы, не являющиеся гражданами России, составляют 32% иностранной рабочей силы. Такое значительное количество украинских мигрантов на территории Российской Федерации объясняется несколькими причинами:

- культурной и языковой близостью;
- наличием у граждан Украины семейных связей на территории Российской Федерации (по данным мониторинга Института социологии НАН Украины, в России проживают родственники 40% жителей Украины);
- налаженностью миграционных связей и потоков еще со времен СССР (нефтяная и газовая промышленность, строительство и проч.);
- упрощенным порядком пересечения границы;
- значительными потребностями в отдельных районах РФ в квалифицированных рабочих и работниках средней квалификации на строительных работах, в химической, лесной и лесоперерабатывающей промышленности.

Основными районами трудоустройства украинских граждан является Москва и Московская область, Республика Коми, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Белгородская, Ленинградская, Ростовская области, Краснодарский и Красноярский край.

К сожалению, большинство украинских граждан работает на территории России вне правового поля. Причинами такого положения дел является деятельность фирм-посредников, осуществляющих работу по подбору рабочей силы среди украинских граждан с последующей передачей их российским партнерам для использования на работах в обход российского законодательства. Российские работодатели, как правило, не заинтересованы в оформлении разрешений на работу, особенно неквалифицированных работников, поскольку с этим связаны значительные материальные расходы. Ведь легализация иностранного работника предполагает оплату работодателем специального взноса, размер которого колеблется в зависимости от квалификации работника. Кроме того, легализация налагает добавочные обязательства на работодателей. Это и гарантирование минимальной заработной платы, социального и медицинского обеспечения, надлежащих условий труда, а также лишает его тех преимуществ, которые он имеет в случае трудоустройства нелегала: возможности выплачивать меньшую зарплату,

чем российскому гражданину, отсутствие социальных обязательств, гибкости в увольнении и найма на работу и т.д.

Зачастую легализация не выгодна и самому работнику, так как в таком случае, даже если заработок увеличивается до минимального уровня, реальная сумма, выплаченная работодателем, в результате уменьшается. Такое положение вещей приводит к тому, что 90% трудовых мигрантов пребывают в сфере теневой экономики, которая контролируется в основном криминалитетом [4]. В результате наблюдаются значительные нарушения прав трудовых мигрантов.

Растет число обращений в дипломатические представительства Украины в России по поводу нарушений прав граждан Украины. Только в консульстве Посольства Украины в Российской Федерации (Москва) ежегодно в среднем обращается до миллиона граждан. Среди вопросов – 50% относятся к социальной сфере, 20% – гражданской и 15% административной. Наибольшее число жалоб поступает от граждан Украины, пребывающих в Москве, Московской области [5].

Наиболее распространенными нарушениями прав и свобод граждан Украины на территории Российской Федерации, что связаны с трудовыми правоотношениями, являются:

- нарушение правил приема на работу (без заключения трудовых контрактов);
- нарушение условий труда, а именно несоблюдение санитарных норм в помещениях, где проживают украинские трудовые мигранты, что должно обеспечиваться администрацией соответствующих предприятий;
- существенное различие в оплате труда по сравнению с гражданами России.

МИД Украины также фиксирует факты отказа руководителей отдельных предприятий в трудоустройстве граждан Украины, постоянно проживающих на территории РФ, из-за их принадлежности к украинскому гражданству. Такая ситуация вынуждает граждан Украины принимать российское гражданство.

Как известно, существуют проблемы и с осуществлением медицинского страхования, хотя между нашими государствами подписано соответствующее межправительственное соглашение по этому вопросу. Кроме того, оставляет желать лучшего и процедура пересечения государственной границы Украины и России.

Серьезной проблемой для украинских трудовых мигрантов является неблагоприятное законодательство Российской Федерации относительно банковских переводов. Так, ввозить и пересылать наличными иностранную валюту разрешается при условии ее предварительного ввоза, перевода или пересылки с предоставлением соответствующих банковских или таможенных документов. Такая ситуация приводит к тому, что

большинство граждан Украины, которые трудятся на территории России, вынуждены перевозить заработанные деньги наличными, часто становясь объектами повышенного внимания криминалитета и недобросовестных работников правоохранительных и таможенных органов.

Подобные проблемы на сегодняшний день призваны решать консульские учреждения двух стран. Во время проведения очередных украинско-российских консультаций по консульским вопросам консульских служб министерств иностранных дел Украины и России подчеркивалось, что трудовая миграция из Украины в Россию, в отличие от иных государств, является законной, таким образом, значительное количество украинцев пребывает на территории России на законных основаниях. Соответственно, украинские трудовые мигранты как иностранцы, легально пребывающие на территории РФ, должны пользоваться всеми правами и свободами, которые связаны с этим статусом. Но, к сожалению, на практике это не всегда осуществляется.

Прогнозируя дальнейшее развитие ситуации вокруг вопроса украинской трудовой миграции в России, можно предположить, что она будет постепенно сокращаться в результате протекционистской политики российской стороны. Прямым подтверждением этому можно рассматривать позицию российского президента В.В. Путина, по мнению которого, учитывая, что в РФ работает 2,8 млн. человек из Украины, «трудовые мигранты в условиях экономического кризиса, который до конца еще не преодолен, не должны создавать ненужной конкуренции на рынке труда РФ нашим гражданам» [6].

Негативным фактором для развития отечественной науки и техники является угрожающих масштабов эмиграция научных работников, специалистов высшей квалификации. По данным Президиума НАН Украины, только из ее учреждений в 1994 – 2001 гг. за границу выехали 3838 научных сотрудников, в том числе 3399 на временную работу и стажировку, из которых 842 доктора и 2358 кандидатов наук. Этот процесс продолжается и ныне. В основном украинские специалисты эмигрируют в США, ФРГ и Россию [7]. По некоторым оценкам, за пределами Украины 30% украинских ученых работают в интересах науки и экономики зарубежных стран. К сожалению, высокий спрос на украинских специалистов в основном реализуется на неофициальном рынке, что приводит к прямым потерям Украины (в среднем эти потери составляют 1 млрд. долларов США в год). Специалисты утверждают, что эту цифру вычислить несложно, намного сложнее оценить потери страны из-за неконтролируемого оттока за границу специалистов и научных кадров.

Со своей стороны Украина также предпринимала определенные шаги по привлечению в страну иностранных украинцев. Положительным фактором, который призван был улучшить демографическую ситуацию в

стране, рассматривается Закон Украины «О правовом статусе зарубежных украинцев», принятый Верховной Радой Украины 20 ноября 2003 г. Законом введены льготные условия для иммиграции зарубежных украинцев в Украину. Сущность закона состоит в кардинальных изменениях политики по отношению к лицам украинского происхождения, проживающих за рубежом. Закон определил правовой статус зарубежных украинцев, разрешил им въезд и пребывание в Украине. По закону, зарубежный украинец – это человек, который идентифицирует себя украинцем, является гражданином другого государства или лицом без гражданства, к тому же может иметь украинское этническое происхождение или являться выходцем из Украины. Он может проживать за пределами Украины, сохранять украинскую культуру, язык, самосознание и не быть гражданином Украины. Зарубежным украинцам МИД Украины, а также дипломатические представительства, консульские учреждения Украины за рубежом выдают специальное свидетельство, подтверждающее их статус [8].

Введение в практику упомянутого закона можно рассматривать и как очередной шаг к пополнению трудовых и интеллектуальных ресурсов, состояние которых оставляет желать лучшего. По данным последней переписи, население Украины уменьшилось на три с половиной миллиона человек. При этом перспективы его роста, кроме недавнего всплеска рождаемости, пока не просматриваются. Если учесть довольно значительное количество этнических украинцев, проживающих во всем мире (по некоторым подсчетам 18–20 миллионов украинцев, в т.ч. в России, Канаде, США, Казахстане, Молдове, Бразилии, Польше, Аргентине и Австралии), то можно надеяться, что принятый закон предоставит им широкий выбор, и, в конце концов, станет востребованным.

Комплекс довольно сложных вопросов возникает с реализацией Закона Украины «Об иммиграции» [9]. Иностранцами гражданами часто нарушаются правила въезда в Украину, выезда из Украины и транзитный проезд через ее территорию. К сожалению, в двусторонних украинско-российских гуманитарных отношениях случаются не только неосознанные ошибки, но и провокационные приемы. Необходима доработка некоторых двусторонних документов, как, например, «Соглашения между Украиной и Российской Федерацией о регулировании процесса переселения и защита прав переселенцев» [10]. Необходимо также продумать механизм действительности украинско-российского «Соглашения о реадмиссии», учитывая, что иностранные граждане, как правило, выходцы из Индии, Пакистана, Китая, Вьетнама и т.д., получив российские визы, легально прибывают в Россию с тем, чтобы затем переправиться в Украину с целью дальнейшего продвижения к границам Европейского Союза. В результате

усиления пограничного контроля на границе ЕС нелегалы часто оседают в Украине.

Для успешной реализации иммиграционного законодательства в Украине была разработана и принята Программа борьбы с незаконной миграцией, утвержденной 18 января 2001 г. № 2210 и подкрепленной Указом Президента Украины «О неотложных дополнительных мерах по усилению борьбы с организованной преступностью и коррупцией» от 6 февраля 2003 г. № 84. Был создан единый центральный орган исполнительной власти – Государственная миграционная служба Украины, на которую возложена реализация иммиграционного законодательства, способствующего обеспечению надлежащей эффективности управления всем комплексом иммиграционных процессов.

Так как реальную угрозу национальной безопасности Украины создает, в частности, нелегальная миграция, ряд мер по противостоянию этому явлению предложен Советом национальной безопасности и обороны Украины. Об этом говорится в документе «О направлениях государственной миграционной политики Украины и неотложных мерах по повышению ее эффективности» от 15 июня 2007 г. (введен в действие 20 июля 2007 г. Указом Президента Украины (№ 657/2007)). В документе подчеркивается, что осуществление мер по реализации государственной миграционной политики Украины должно, в частности, обеспечить:

- регулирование и дифференциацию иммиграционных потоков в Украину, в том числе временного характера, в зависимости от инвестиционных, научных и культурных потребностей государства;
- усовершенствование национального законодательства о беженцах, создание правовых институтов для реализации прав лиц, нуждающихся во вспомогательной и временной защите;
- эффективное противодействие незаконной миграции, усиление ответственности за связанные с ней правонарушения.

При этом Кабинету Министров Украины поручалось разработать проект Концепции государственной миграционной политики Украины и внести его в установленном порядке на рассмотрение Верховной Рады; а также разработать следующие законопроекты:

- об основных принципах государственной миграционной политики Украины;
- о внесении изменений в Закон Украины «О правовом статусе иностранцев и лиц без гражданства» (новая редакция);
- о беженцах и лицах, нуждающихся во вспомогательной и временной защите в Украине;
- о ратификации «Соглашения между Кабинетом Министров Украины и Правительством Российской Федерации о реадмиссии».

Министерству иностранных дел среди прочего поручалось провести в рамках подготовительных мероприятий к ратификации «Соглашения о реадмиссии между Украиной и Европейским Союзом» соответствующие консультации об участии Украины в программе Европейского Союза по финансированию принудительного и добровольного возвращения незаконных мигрантов в страны происхождения или гражданства; а также ускорить процесс завершения демаркации государственной границы Украины с Республикой Молдова, Республикой Беларусь, Российской Федерацией. Соглашение Украины и ЕС о реадмиссии (о возвращении незаконных мигрантов в страну выезда, а далее – в страну их происхождения) было успешно ратифицировано [11].

По сравнению с миграционной ситуацией в Украине, в России уделяется этому вопросу большее внимание: регулярно обновляются основы миграционной политики с целью улучшения демографической обстановки в стране. Так, в 1990-е гг. политика была направлена на поощрение и привлечение в страну граждан из стран СНГ, и в первую очередь Украины. При этом особое внимание уделяется жителям украинских регионов повышенного риска, где количественно преобладают русские – развитых промышленных регионов Украины (Донецкая, Харьковская, Днепропетровская области). Следует отметить, что российская сторона при этом предлагает переселенцам не столичные районы для проживания, а глубинку, где экономическая ситуация оставляет желать лучшего.

Защита соотечественников за рубежом вынесена в перечень стратегических задач на России на ближайшую перспективу. При поддержке специальных структур РФ (департаментов МИД и МВД России, управлений в мэриях ряда городов) осуществляется широкая программа оказания всесторонней помощи школам с русским языком преподавания за рубежом, русскоязычным периодическим изданиям, другим русскоязычным средствам массовой информации. Так, по информации Второго департамента СНГ российского МИД, только в 2010 г. Россия отчислила на поддержку соотечественников только в Украине свыше 1,2 млн. долларов. В мае 2013 г. Федеральному агентству по делам СНГ, которое занимается вопросами соотечественников и международным гуманитарным сотрудничеством в целом – Россотрудничеству – проводника «мягкой силы» в российской внешней политике, финансирование было увеличено в несколько раз – с 2 млрд. рублей до 9,5 млрд. к 2020 г. Это свидетельствует об особых задачах, возлагаемых властями России на деятельность соотечественников за рубежом [12].

При этом особое внимание уделяется русскому языку. О необходимости борьбы за распространение и закрепление в странах СНГ русского языка в статусе государственного постоянно заявляют

представители властных структур РФ. Однако необходимо иметь в виду и то обстоятельство, что на территории самой России нет ни одной украинской школы, ни одной украинской газеты, которые бы поддерживались государством.

Особая роль в консолидации российской диаспоры возложена на общественно-политические организации, среди которых ведущую роль играет Конгресс русских общин (КРО), объединяющий свыше ста региональных отделений и организаций Международного КРО в странах Балтии и СНГ (более 80 тыс. членов). В число наиболее активных международных партнеров КРО и позиционно близких входят русские общины Украины [13].

В столице Украины работает Русский клуб, центры русской культуры и науки, открыты Интернет-ресурсы, выходят российские газеты и журналы («Комсомольская правда в Украине», «Коммерсант Украины», «Известия» и др.). При этом отметим, что содержание российских СМИ в Украине значительно и не лучшим качеством отличается от исконно российских.

Наблюдаются столкновения между украинскими «грантоедом» российских материальных средств. Так, в коррупционных скандалах обвиняют активиста Сергея Цекова, который нынче является заместителем председателя Всеукраинского Координационного совета организаций российских соотечественников. Руководителем организации в ноябре 2010 года был избран Вадим Колесниченко [14].

При разработке программ дальнейшего сотрудничества Украины и России в гуманитарной сфере необходимо учитывать, что толчком к непосредственному развертыванию этнического противостояния в первую очередь выступают составляющие культурно-национальной идентичности национальной группы. Здесь и распространенность, и статус титульного языка и языков национальных меньшинств; исторический опыт собственного государства. Гуманитарный фактор используется определенными силами по обе стороны границы в политических целях.

В одностороннем порядке (учитывая значительную финансовую мощь России) расширяется сотрудничество в области образования. Хотя подписано двустороннее соглашение о создании и функционировании филиалов высших учебных заведений России на территории Украины, а филиалов высших учебных заведений Украины на территории России, российские учебные заведения и научно-исследовательские центры открываются усилиями российских представителей в Украине: фонд академика РАН Ж. Алферова, филиалы Московского госуниверситета, МГИМО и т.д., с последующим «вымыванием» украинской талантливой молодежи в Россию.

Не способствует единству украинского общества проблема раскола церкви и церковного противостояния в Украине.

Украинской стороне желательно бы активизировать работу по доведению до логического завершения принятия ряда законодательных актов, призванных защитить и улучшить положение украинских трудовых мигрантов, в частности в России; пересмотреть договорно-правовую базу, учитывая международные стандарты. Желательно также привлечь внимание ответственных учреждений по обе стороны границы к необходимости улучшения информационного имиджа Украины и объективной оценки российской политики.

Примечания

1. Документы ООН о правах представителей этнических меньшинств (резолюция 47/135 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1992 г.; Закон Украины «Про національні меншини в Україні». Документ 2494-12 // Відомості Верховної Ради (ВВР). - 1992. - №36, ст.529. - Режим доступа: // <http://www.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi>; Закон Украины «Про основи національної безпеки України» від 19.06.2003 № 964-IV.

2. Західний дрейф // Эксперт. 2003. №39 (394). 20 октября.

3. Карпачова Н.І. Стан дотримання та захисту прав громадян України за кордоном. Спеціальна доповідь Уповноваженого Верховної Ради України з прав людини. К., 2003.- С.57.

4. Управление по работе с соотечественниками МИД Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.mintrud.ru>.

5. Бритченко С. Деякі питання регулювання імміграційних процесів в Україні // Бюлетень Міністерства юстиції України. 2003. № 8; Поволоцкая Л. Деньги // Факти. 2004. 17 января.

6. Путина не устраивают мигранты из Украины. // <http://zik.com.ua/ru/news/2010/02/17/2173446>.

7. Рябоконт Л. Тест на успішність // День. 2003. 17 грудня.

8. Закон України «Про закордонних українців» { Назва Закону в редакції Закону N 4381-VI (4381-17) від 09.02.2012 } , ВВР, 2012, N 39, ст.473 }. 4 бер. 2004 – Режим доступа: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/1582-15>; Оформлення статусу закордонного українця. – Режим доступа: http://www.ukr-consulate-brest.com/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=77&Itemid=93&lang=uk.

9. Закон України «Про імміграцію». Верховна Рада України; Закон від 07.06.2001 №2491-III (Відомості Верховної Ради України (ВВР), 2001, N 41, ст.197). – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2491-14>.

10. Соглашение между Украиной и Российской Федерацией о регулировании процесса переселения и защите прав переселенцев (643_147) от 16 февраля 2001 года. В силу не вступило, находится на стадии ратификации. – Режим доступа: zakon.rada.gov.ua/laws/show/997_149.

11. Угода між Україною та Європейським Співтовариством про реадмісію осіб { Угоду ратифіковано Законом N 116-VI (116-17) від 15.01.2008, ВВР, 2008, N 9, ст.86). – Режим доступа: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/994_851.

12. Путин решил многократно увеличить бюджет Россотрудничества. – Режим доступа: <http://www.km.ru/v-rossii/2013/06/05/vladimir-putin/712513-rossiya-vydelila-ogromnye-dengi-na-myagkuyu-silu-kotoroi-u/>.

13. См.: ИНТЕРФАКС-УКРАИНА – 2003. –19 апреля; Съезд русских общин 16-17 октября 2003 г. «Зарубежная диаспора – интеллектуальный ресурс России» / Сообщения пресс-службы Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О заседании Совета Собора славянских народов» 26 июня 2002 г. (по материалам бюллетеня «Думское обозрение» № 87 (1241) 25 июня 2002 года). – Режим доступа: <http://www.russia.org.ua/>.

14. Виктор Дяченко. В Крыму не поделили «русские» деньги [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Виктор Дяченко // <http://www.from-ua.com/voice/a576f4f707f8e.html/>.

А.В. Петров (г. Омск, Россия)

ИСКУССТВЕННО СОЗДАННЫЙ ЭТНИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ

В общественных науках бытует мнение, что одно из важнейших отличий человека от прочих живых существ состоит в его способности не столько преодолевать жизненные обстоятельства, сколько изменять их; именно благодаря этой способности стало возможным существование культуры и истории. От этой же точки зрения отталкивается понимание самой истории как борьбы и конкуренции – и человека с природой, и человека с человеком. Еще в Античности зародилось идея того, что история делается не повседневной размеренной жизнью; историю движут события, неотъемлемым спутником которых является пафос – возвышенное состояние, в котором человек способен на сверхусилие. Нужда в сверхусилии обычно возникает в крайних обстоятельствах – на войне, в лишениях и бедствиях. Обстоятельства переживания и преодоления катастрофических событий насыщают ткань истории. Иными словами, немалую часть исторического процесса составляют конфликты, вызывающие к жизни подобного рода катастрофы.

На лице земли едва ли найдется народ, который, имея историю, мог бы похвастаться тем, что она не полна драматических событий, порожденных конфликтами в разных сферах общественной жизни. Славянские народы здесь не будут исключением. Более того, славянский мир, как один из немногих, на протяжении столетий весьма часто был вынужден отвечать на вызовы, предъявляемые временем. Как и в истории других народов, эти вызовы имели разноплановый характер, происходя из политической, военной, экономической или культурной сферы. Однако если во второй половине XX в. европейские народы в большинстве своем не были затронуты конфликтами, чреватых кровопролитием, то славянские народы эта чаша не миновала. В конце XX в. война коснулась южных славян, отстаивавших свою государственность в борьбе с вызовами, пришедшими из-за пределов славянского мира, а в начале XXI в. вторглась на земли восточных. В настоящее время восточные славяне

оказались втянуты в конфликт, трагедия которого состоит в том, что внешний импульс, породивший его, вызвал к жизни антагонизм внутри самого славянского мира. Этот конфликт, основными сторонами которого оказались два славянских народа, отличен тем, что в нем проявляются признаки конфликта на этнической почве, инспирированные искусственно.

Существует определение этнического конфликта [1], согласно которому такой конфликт возникает тогда, когда группа, в ходе межгруппового конфликта, поляризуется по этническим признакам. Будучи порожденным столкновением социально-политических или экономических интересов, этнический конфликт имеет особенность – на уровне национального самосознания эти интересы признаются фундаментальными жизненными потребностями этнической общности. Иными словами, конфликт между народами питают причины, которые допустимо назвать витальными. К таковым можно отнести все, что касается возможности существования народа, его языка, культуры, государственности – это могут быть международные конфликты по поводу территории, продвижения экономических интересов, защита прав диаспоры и т.п.

Общеизвестно, что одним из важнейших признаков этноса является язык, а также культура и то, что называют менталитетом – и только после этого раса, территория проживания и образ жизни. Поэтому необходимым условием этнического конфликта, помимо отчетливого, хотя и интуитивного, разделения на «своих» и «чужих», должна быть существенная языковая и культурная разница. Если же разница в языке и менталитете несущественна, а четкое разделение легко заметно, то конфликт наверняка будет иметь какие угодно причины – в частности, идеологические, – но только не этнического плана. Для примера можно вспомнить Гражданскую войну в России – стороны конфликта видели друг в друге врагов главным образом на основании идеологических мотивов. Гражданская война является величайшей трагедией в истории любого народа, поскольку причины, порождающие их, никогда не имеют действительно витально важного характера. Они вызваны к жизни идеологией, а потому могут считаться искусственными – настолько, насколько идеологию можно считать искусственной конструкцией.

Очевидно, что облик идеологии определяется ее содержанием, важнейшую роль в становлении которого играет телеология – причем телеология не тождественна тем целям, которые идеология высказывает в качестве программных. Цели могут иметь чисто умозрительный характер, вроде торжества коммунизма, демократии или свободного рынка. Эти программные цели составляют искусственный пласт идеологии, являясь чем-то наподобие «символа веры», ритуально и демонстративно декларируемого ее приверженцами. Телеологическое измерение идеологии

шире программного целеполагания; телеологические основания идеологии обнаруживают себя при реализации ее программных установок. Иными словами, идеологические максимы приобретают процессуальность тогда, когда становятся мотивом к действию, превращаясь из статичных деклараций в живой призыв к действиям. Можно предположить, что эта метаморфоза, когда идеология становится телеологией, происходит тогда, когда программные тезисы накладываются то, что этническое сознание считает своими витальными интересами – претензии на территорию, ресурсы, суверенитет и т.п. Этническое сознание, само по себе далекое от толерантности, сообщает идеологии жизненную силу, оправдывая ею активные действия по защите своих витальных интересов.

Очевидно, что любой международный конфликт имеет свое идеологическое обеспечение – будь то захват Германией жизненного пространства на Востоке или экспорт революции Советской Россией. Но первостепенное значение идеология имеет тогда, когда в конфликт оказывается втянуты представители родственных этносов, а то и вовсе одного и того же. Только с ее помощью можно внушить сторонам конфликта, что визави не только совсем не похожи на них, но и настроены враждебно. Подобное можно наблюдать на примере всех сколько-нибудь идеологически обусловленных гражданских конфликтов в XX в. – в России, Китае, Корее или Вьетнаме. В этих конфликтах витальные причины противоборства оказались подменены идеологическими, в результате чего некогда единое этническое поле было расколото и политически, и культурно. Не иначе как глубокую скорбь вызывает необходимость включить в список стран, претерпевших гражданскую войну, Украину.

С тех пор, как Украина, в силу исторических обстоятельств, обрела государственность, а в особенности после начала «оранжевой» смуты в 2004 г., градус националистической пропаганды постепенно повышался. Ее усилия были направлены на проведение демаркационной линии между «украинским» и «русским» – сознанием, историей, культурой; в связи с этим все чаще стала звучать мысль о том, что украинское общество идет по пагубному пути, чреватому кровопролитием. Но до недавних пор едва ли кто-нибудь всерьез воспринимал это как угрозу ожесточенной гражданской войны с тысячами жертв, масштабными разрушениями и активным участием третьих стран. Это стало реальностью в большой степени из-за того, что внутренние стороны конфликта подверглись идеологической обработке – разной глубины и интенсивности; безусловно, украинский народ испытал на себе основной гнет этого воздействия. Идеологическое обеспечение такой войны не менее важно, чем грамотно налаженная логистика – поскольку у гражданской войны нет действительно существенных, витальных причин, пропаганде необходимо

предъявить причины идеологические, способные заменить их. Война на Украине явила, пожалуй, весь спектр способов идеологического воздействия и средств их применения – от возбуждающих патриотизм «фронтowych» историй, «расчеловечивания» и демонизации противника, до тотальной дезинформации собственного народа с помощью телевидения и Интернета.

Все это имело целью не только стимулировать чувство патриотизма, во-первых, за счет создания образов могущественного и беспринципного внешнего врага и коварного внутреннего, чьи медийные портреты получились весьма зловещими. Во-вторых, за счет укрепления чувства национальной идентичности, но только не путем утверждения, а путем отрицания – отрицания общей с соседями истории, культуры и экономики. Уже одно это не могло не привести к формированию экзальтированного патриотизма, умеющего заявлять об отличии себя от других, но не умеющего убедительно сказать, в чем же именно оно состоит. Эти две линии в совокупности дали кумулятивный эффект в виде глубокого раскола внутри восточного славянства; участники конфликта с каждой его стороны пользуются сознанием собственной моральной правоты, которое питается сложным сочетанием мотивов, где, в одном случае, доминируют экзальтированный патриотизм и национализм, в другом – жажда возмездия и стремление обособиться. О мотивации участников конфликта со стороны третьих стран, а также тех, для кого война является профессией, сейчас можно говорить лишь предположительно. По всей вероятности, в список можно включить политическую и этническую солидарность, антифашизм и национализм, меркантильные соображения, специфический «туризм», военный приказ и т.д. (эта тема сама по себе слишком интересна, чтобы рассматривать ее здесь).

Чем бы ни завершился конфликт, всякая экзальтация чревата отрезвлением – и неизбежным абстинентным синдромом, Несомненно, он будет особенно тяжелым для украинского общества, но не минует и российское – когда станет известно, чего стоила России эта война. Абстинентный синдром коснется всех, кто был втянут в конфликт и воспринимал его как войну с иноплеменниками, а не с братьями по крови и общности исторических судеб, и не давал себе труда видеть в противнике человека – этим отметились, хотя и в разной степени, все стороны конфликта.

Неизбежность такой перспективы ставит вопрос о способах преодоления последствий возврата национального сознания в «трезвое» состояние. К сожалению, универсального рецепта для этого еще не сформулировано – кроме того, что предотвратить непоправимое легче, чем изжить. Залог успеха этого дела – сохранение способности критически мыслить, препятствующая пропаганде наложение шор на сознание. В этом

отношении бесполезно помнить фразу *cui prodest* [2] – чтобы понять, кому выгодна внушаемая идеология и кто является благополучателем от общественного умопомешательства. И, наконец, весьма важным является знание истории и культуры тех, кого пропаганда пытается объявить врагом; ничто не действует на ее построения так разрушающе, как обычный доброжелательный диалог – то, что называют «народной дипломатией».

Преодоление последствий вражды поставит также и вопрос определения ответственности за произошедшее. Ответ на него не может быть простым. С одной стороны, участники событий нередко находятся под воздействием пропаганды, формирующей из статичной идеологии лозунги, побуждающие к действию, и окрашивающей мир черный и белый цвета, не оставляя места для сомнений и способности критически мыслить. С другой стороны, идея еще никогда и никого не лишала жизни – она может требовать жестокости, но совершает ее всегда человек, который видит в этом свой витальный интерес. Как бы там ни было, вся полнота ответственности лежит на тех, кто вдыхал жизнь в идеологические клише, превращая ее в телеологию. Трагедия в том, что едва ли они ее понесут, а единственным пострадавшим окажется славянский мир по обе стороны украинской границы.

Примечания

1. Этнический конфликт. psyoffice.ru » Словари и энциклопедии » Психология» Большая психологическая энциклопедия 1. URL: <http://www.psyoffice.ru/5-psychology-3533.htm> (дата обращения 09.09.2014).

2. Лат. кому выгодно.

М. Васильева (г. Киев, Украина)

ЄВРОПЕЙСЬКІ ЦІННОСТІ, ЩО ЗАСНОВАНІ НА ДУХОВНІЙ, МОРАЛЬНІЙ ТА ІСТОРИЧНІЙ СПАДЩИНІ НАРОДІВ ЄВРОПИ

У чому полягають Європейські цінності? Відповідь доволі важко знайти та й однозначності у цьому питанні немає. З певною обережністю про європейські цінності можна говорити, відштовхуючись від заявлених положень, що зазначені в Хартії фундаментальних прав Європейського Союзу, прийнятої 7 грудня 2000 р. (м. Ніцца). І першу позицію серед них посідає людська ГІДНІСТЬ, точніше – повага гідності. Іншими зазначені: свобода, демократія, рівність, правова держава, солідарність, а також дотримання прав людини.

Основоположні принципи – цінності є єдиним комплексом та являють собою правовий статус особистості. У документі особливо підкреслюється,

що ці принципи засновані на духовній, моральній та історичній спадщині народів Європи (п. 2 Хартії). Відповідно названі розділи Європейської Хартії. Так, Розділ I «Гідність» (статті 1-5), крім, власне, права на людську гідність, закріплює права та гарантії, що забезпечують гідне існування людської особистості в суспільстві: право на життя, заборона тортур, рабства тощо. Стаття 3 закріплює «Право на особисту недоторканність». У Розділі II «Свободи» (статті 6-19) зосереджено увагу на фундаментальних громадянських і політичних свободах, закріплених у європейській конвенції з прав людини – Конвенції про захист прав людини і основоположних свобод, що прийнята Радою Європи 4 листопада 1950 р. (зі змінами та доповненнями, внесеними Протоколом № 11 від 11 травня 1994 року та Протоколом № 14 від 13 травня 2004 р.). Розділ III «Рівність» (статті 20-26) містить норми, спрямовані на забезпечення рівності перед законом, недискримінації, культурного, релігійного та лінгвістичного різноманіття, рівності жінок і чоловіків, прав дітей та людей похилого віку, а також осіб із фізичними вадами. Розділ IV «Солідарність» (статті 27-38) містить певні трудові права та деякі положення Європейської соціальної хартії Ради Європи, що прийнята 3 травня 1996 р. (м. Страсбург), яка вже стала частиною права ЄС.

Положення про соціальні права та принципи містить застереження про те, що вони реалізуються «на умовах, закріплених правом Союзу та національними законодавствами та національною практикою».

Головною ідеєю Хартії є те, що людську особистість Європейський Союз вважає центральною у своїй діяльності, надає їй «громадянство Союзу та створює простір свободи, безпеки та правосуддя» [1].

Однак, на адресу такого поділу цінностей лунають і критичні зауваження. Так, американська дослідниця С. Гервас переконана, що, «бажаючи примирити цінності з часто суперечливими кінцевими цілями, діалектичному зусиллю «гуманістичного синтезу» європейського проекту бракує, головним чином, ясності й простоти, однорідного й оригінального викладу» [2].

Сучасні уявлення про європейські цінності, що, теоретично, мають бути близькими загальнолюдським, в основі своїй мало змінилися порівняно з попередніми періодами історії існування людства. Різняться умови, за якими ці цінності повинні бути впроваджені в життя, трансформувалася сама система міжнародних відносин, у якій вирують глобалізаційні явища і випереджають регіональне реформування.

Аксіологічні засади, за якими в разі класичного сценарію має вибудовуватися державний механізм, були сформульовані з прадавніх часів давньогрецькими мислителями і реалізовані у давньогрецьких містах-полісах. Оскільки людські спільноти творять держави і продержавні утворення, які за своїми характеристиками наближаються до «апарату

насильства», то і намагаються власні цінності привнести в управлінську систему. Таким чином, піддається зсувам і класичний набір аксіологічних цінностей державотворення, а отже, і трактувань суверенітету, який вже не виступає захисним механізмом від зовнішнього втручання.

Деякі зі світових лідерів і сьогодні беруть на себе сміливість нав'язувати уявлення про відповідні цінності іншим народам і країнам. І власні уявлення про схеми буття впроваджують на практиці, роблячи світ за своїм сценарієм і на своє переконання «більш демократичним». Однак, як показала практика міжнародного життя, більшість спроб реалізації демократії в інших країнах, а фактично нав'язування західної моделі державності, управління та цінностей, були невдалими, що призвело до появи нових недієздатних держав і підштовхнуло низку інших до такого непривабливого статусу. Доволі часто після подібних втручань конфлікти, протистояння та громадянські війни розгорталися з подвійною силою і призводили до більш трагічних наслідків. Так, політолог і економіст, колишній радник МВФ П. Кольер, проаналізувавши всі подібні конфлікти після 1991 року, дійшов висновку, що близько 50% міжнародних інтервенцій завершилися тим, що протягом наступних десятиріч у проблемному регіоні починається новий етап громадянської війни [3].

Водночас, незважаючи на глибокі переміни всієї системи міжнародного існування, основними елементами відносин поки що залишаються суверенні держави, які повинні здійснювати на своїй території всю повноту законодавчої, судової та виконавчої влади. За визначенням аналітиків, дії міжнародного права традиційно зупинялися на кордонах суверенної держави, у межах якої все підпорядковувалося її юрисдикції. З вищого принципу суверенітету слідував і принцип невтручання як зобов'язання інших суб'єктів не втягуватися у внутрішні справи держави без згоди останньої. Разом з тим, природа міжнародних відносин виправдовує легітимність застосування сили, спричиняє до трансформації суверенітету. На порядок денний вийшла доктрина про право світової спільноти на втручання у внутрішні справи держави не лише для підтримання міжнародного миру, а й з гуманітарних міркувань – так зване гуманітарне втручання.

За світовою шкалою дієздатності Україна має доволі непогані показники. Так, за дослідженнями журналу Foreign Policy Magazine, із 177 країн, де провадився моніторинг, у третині (60 держав) – спостерігається повний або частковий занепад державної влади. За цим показником перед ведуть: Сомалі, Зімбабве, Судан (з 4 млн. біженців), Чад, Конго (де з 1998 року загинуло 5,4 млн. людей), Ірак та Афганістан. До «провальних» країн наближаються з частковою або повною кризою державної влади: Камерун, Ємен, Ефіопія, Еритрея, Гвінея та Гвінея Бісау. У цілому населення таких країн сягає 2 млрд. осіб. Більшість із них розташовані в Африці. Найгірші

економічні показники мають 10 країн: на них припадає 10% світового населення і лише 1% світової торгівлі.

Серед пострадянських країн у «помаранчевій» категорії неспроможності опинилися: Росія (83 місце), Білорусь (85), Молдова (73), Туркменістан (81), Азербайджан (68). Дещо краща ситуація у Вірменії (102), Казахстані (107) та Україні (113). У критичній червоній зоні опинилися: Узбекистан (39 місце), Киргизія (41), Таджикистан (46) та Грузія (51). Найвищу позитивну позицію – 177 – у цьому рейтингу обіймає Фінляндія.

ТАБЛИЦЯ

81 Turkmenistan	6.2	3.9	6.4	4.8	6.8	5.7	9.0	6.4	8.4	7.2	7.7	4.9	77.4
82 Venezuela	5.7	4.5	6.7	6.1	7.2	5.9	7.9	6.3	7.7	6.7	7.3	5.2	77.3
83 Russia	6.0	5.0	7.9	5.4	7.3	4.0	7.9	5.0	8.1	8.2	8.0	4.3	77.1
84 Thailand	8.2	6.7	7.8	4.0	6.9	4.0	6.5	4.7	7.2	7.3	8.8	4.9	77.0
85 Turkey	6.0	6.5	8.6	4.2	7.1	5.6	6.2	6.0	5.3	7.7	7.5	5.9	76.6
85 Belarus	6.0	3.3	6.5	4.2	6.0	6.5	9.0	5.5	8.3	6.0	8.0	7.3	76.6

xxx

112 Ghana	6.7	5.2	5.2	7.6	6.2	6.0	4.8	7.6	4.5	3.3	4.7	5.7	67.5
113 Ukraine	5.0	2.9	6.2	6.0	5.6	5.7	7.7	3.9	5.4	4.3	8.0	6.5	67.2
113 Belize	6.8	5.1	4.4	7.0	6.9	5.4	6.0	5.9	3.9	5.5	4.3	6.0	67.2
115 South Africa	8.1	6.4	5.6	4.0	8.2	5.6	5.2	5.8	4.5	4.8	5.9	2.8	66.8
115 Cyprus	4.1	4.7	7.3	5.0	7.0	5.4	5.2	3.1	3.3	5.0	7.9	8.8	66.8

Спроби визначення й оцінювання кількісних індикаторів та їхнього поєднання із занепадом держав корисні тим, що дають загальне уявлення про глибинні фактори слабкості країн, однак не відповідають на запитання: чому деякі слабкі держави інколи перетворюються на країни у стані занепаду або неспроможні країни? Не дають вони й інструментарію для прогнозування. Беззаперечно, певні умови загалом підсилюють ризик руйнування держави – такі, як бідність, недостатній рівень освіти та розвитку інфраструктури, а можливо, також наявність міжетнічних і релігійних конфліктів. Однак, низка країн з такими умовами не прямують до занепаду. Водночас, держави можуть існувати й у стані занепаду або навіть ставати слабкішими, але це не призводить до краху чи спалаху насильства. І нарешті, існують також пускові фактори занепаду держави. Зовнішнє втручання часто і є таким фактором, і його вкрай недостатньо враховують у дослідженнях згаданої тематики. Іншими факторами можуть бути потужні економічні шоківі явища, природні катаклізми, серйозні політичні кризи або вкрай невдалі рішення політичних лідерів.

У таких умовах реалізація безпекових завдань України, як і більшості держав, що розвиваються, залежить не лише від внутрішнього стану та здатності пристосуватися до оновленої системи міжнародних відносин, а й від спроможності гарантів міжнародного миру забезпечити стабільність і партнерство всіх держав світу незалежно від їхнього рівня розвитку та військового потенціалу. У зв'язку із зазначеним, для захисту власних цінностей і протистояння загрозам, необхідно шукати інші важелі, якими нам уявляються зовнішньополітичні механізми захисту. І найбільш надійним з них може розглядатися поглиблення економічної складової взаємовідносин України з Європейським Союзом, а також взаємне культурне проникнення, що означає спільне плекання і захист європейських цінностей. Чому звертаємося саме до ціннісної та економічної складової міжнародних відносин, а не політичної, наприклад, або військової? Відповідь на таке запитання знаходиться на поверхні: тому, що так чи інакше всі виклики та загрози обіймає поняття загальної безпеки держави, людини, суспільства. На наше глибоке переконання, саме економічні важелі як підмурок для взаємодії, а також духовне надбання, що збагачує одне одного, як верхівка європейських ціннісних постулатів є майбутніми опорами розвитку світу, в якому існують і Україна, і ЄС, і Європа в цілому. Тобто – усі Ми. Тому такими, що мають попит і на усіх владних рівнях активно підтримуються є ідеї поглибленої економічної взаємодії України з ЄС (перший етап – Угода про асоціацію). Тому ми говоримо про плекання українських європейських цінностей, які не лише відповідають європейським уявленням, а навіть виходять за їхні межі своєю толерантністю, терпимістю та співчуттям...

Ураховуючи фактор європейського вибору, Україні необхідно поєднувати існуючий білатеральний характер інституційних контактів з окремими сусідами з розвитком національної стратегії. Виходячи з цих міркувань, важливо об'єднати зусилля політичної еліти, дипломатів, експертів для реалізації вектора Україна – країни-сусіди, у тому числі й варіант Україна – ЄС. Водночас, адекватне часу сприйняття відносин складових ЄС – Україна – Росія дасть змогу виробити паралельні багатопланові та комплексні заходи співпраці у просторах безпеки, економічного співробітництва, питань юриспруденції та судової системи, а також культурній площині.

Сьогодні можна вважати універсальною, за рідкісним виключенням, доктрину пріоритету прав людини над національним суверенітетом. Завершення глобальної ідеологічної боротьби між двома світовими устроями дало змогу по-новому поглянути на домінуючі у світі духовні цінності, співвідношення між правами окремої людини та благополуччям суспільства, національними і глобальними ідеями. Одними з перших на порядку денному розвитку соціуму перебувають завдання морального

ренесансу. Неперевершене значення мають результати пошуку національної ідеї, що поєднує специфічні та загальнолюдські цінності. Цей процес відбувається по суті в усіх посткомуністичних суспільствах, у тому числі й Україні. Можна передбачити, що у XXI ст. саме духовний розквіт держави визначатиме її місце та роль у світовому співтоваристві. У другу чергу йтиме – матеріальне благополуччя та військова міць.

Слушним у цьому контексті є спостереження чеського соціолога Мирослава Гроха, який виокремлює три етапи національного розвитку: академічний, культурно-освітній і політичний. На першому етапі серед місцевих еліт з'являється науковий і аматорсько-антикварний інтерес до різних виявів етнічної виокремленості: мови, фольклору, народних звичаїв, локальної історії тощо. На другому етапі цей інтерес захоплює ширші кола місцевої інтелігенції, спонукаючи її до активнішої участі в «національній справі»: поширенні освіти й літератури народною мовою, розвитку преси та книгодрукування, створенні патріотичного канону національної історії тощо. І, нарешті, на третьому етапі відбувається структурування національного суспільства саме як суспільства громадянського, з'являються не лише культурно-освітні та інші громадські організації, а й політичні партії, які чітко артикулюють вимоги національної емансипації у вигляді державної незалежності (чи автономії) і мобілізують широкі маси на здійснення своїх політичних програм [4].

На якому етапі за наведеною аналогією перебуває Україна у формуванні та врешті збереженні своїх європейських цінностей? Цей науковий аспект залишимо на роздум філософів та істориків. Наведемо кілька міркувань аналітиків щодо європейськості українського народу. Кращі якості: волелюбність, гідність, любов до життя, патріотизм, сила волі, сила духу, готовність захищати рідну землю. Типові якості українського характеру це – шукання правди, довіра, щедрість, музикальність, задушевність, ліризм, поетичність, працьовитість, пісенність, талановитість, глибока волелюбність [5]. Читаємо далі: обрядова культура українців глибоко філософська, досить розвинута у варіативних виявах, відтворює духовний зв'язок між поколіннями та коловорот річного землеробського життя, вбачаючи в землеробській праці у цілому сенс людського існування. У календарно-обрядовій культурі лежить землеробська основа, а в родинно-обрядовій переважає філософія родинних взаємин, ідеали краси, здоров'я, моралі, у першу чергу моральних підвалин праці.

Задана тема про європейські цінності та, зокрема, європейські цінності України є невичерпною, широкою та багатогранною, і до її дослідження мають долучитися вітчизняні учені. Розкриваючи цю тему, можна говорити про географічні засади та витоки, історичне минуле, про політичні та етнічні фактори, культурні надбання, світоглядні уявлення,

патріотичне налаштування, миролюбні звияги, що написані нашим народом на скрижалях його такої непростой історії.

Примечания

1. Див.: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/994_524.
2. Гервас С. Європейські цінності: між ідеалом, дискурсом і реальністю. – <http://rethinkingdemocracy.org.ua/themes/Ghervas.html>
3. Paul Collier The Bottom Billion, Oxford UP]. – Режим доступу: <http://www.golos-ameriki.ru/content/a-33-2007-07-03-voa4/653322.html>.
4. <http://exlibris.org.ua/riabczuk/r07.html>
5. Негативні якості: нашарування і недоліки українського характеру: неповага до рідної мови, недостатнє відчуття єдності своєї нації, невміння розпізнавати недоброзичливих людей, ворогів народу, примиреність, довготерпеливість, почуття національної меншовартості, недостатня готовність захищати свою гідність і честь. http://pidruchniki.ws/16400116/pedagogika/prirodni_kulturno-historichni_chinniki_formuvannya_ukrayinskoyi_dushi_harakteru_svitoglyadu.

А.В. Ващенко (г. Краснодар, Россия)

КРИЗИС 2014 Г. НА УКРАИНЕ: ПРИЧИНА, УРОВНИ, ПОСЛЕДСТВИЯ

Украинский кризис 2014 г. интересен как объект исследования по целому ряду причин. Во-первых, это сочетание внутренних и внешних факторов, которые, в силу ряда обстоятельств (динамика развития событий, возможность включённого наблюдения), стали доступными для анализа, не смотря на жёсткую и тотальную информационную войну. Во-вторых, кризис 2014 г. – заключительный этап многоэтапной политики, когда уже нет необходимости скрывать свои намерения под дипломатическими формулировками о «партнёрстве», «единой зоне европейской безопасности», «перезагрузке» и т.д. Это своего рода «момент истины», когда расставлены все точки над «і» [1]. В-третьих, украинский кризис 2014 г. – проявление противоречий на различных уровнях: глобальном (цивилизационном), региональном, межгосударственном, межличностном. В-четвёртых, острота ситуации заставила стороны конфликта применять технологии, анализ которых приводит к весьма интересным выводам. Стоит отметить, что дробление ситуации на уровни – искусственное. Оно предпринято для удобства анализа. Реально уровни взаимно влияют друг на друга, имеют тенденцию к диффузии, когда события более низких уровней могут восприниматься и влиять на более высокие уровни и наоборот. Анализируемые на Украине кризисные события хронологически охватывают отрезок с 21 ноября 2013 г. (первые протестные акции «Евромайдана») до 12 сентября 2014 г. (объявление

режима прекращения огня в зоне гражданской войны в Новороссии). А также три блока проблем: 1) антиконституционный переворот в Киеве и приход к власти радикалов; 2) референдум 16 марта 2014 г. и воссоединение Крыма и Севастополя с Россией; 3) гражданская война в Новороссии (6 апреля – по настоящее время).

Начало противостояния – классика жанра.

Победа Партии регионов и В. Януковича на выборах 2010 г. воспринималась как победа пророссийских сил. По крайней мере, тогда так казалось в сравнении с явно прозападной и антироссийской политикой предыдущего президента страны В. Ющенко. Анализ 4 лет правления В. Януковича говорит о том, что это была политика лавирования между Западом и Россией, с целью получения дополнительных преференций как с одной, так и другой стороны. Во внутренней политике – это были действия по укреплению позиций той олигархической группировки, которую представлял В. Янукович и ограничение возможности других олигархов. Таким образом, В. Янукович не устраивал Запад, который был заинтересован в приведении к власти лидера более чётко ориентированного на Запад. Внутри страны: коррупция, беззакония, на фоне общего ухудшения экономической ситуации, способствовали накоплению протестного потенциала внутри общества. Сочетание внешних и внутренних факторов составляло «горючую смесь» политической ситуации Украины в конце 2013 г. Подготовка смены режима В. Януковича шла полным ходом, но планировалась на 2015 г. (период новых президентских выборов). Выступления киевлян в декабре 2013 г. начались спонтанно. Во многом они были спровоцированы процессом подготовки подписания Декларации об ассоциации с ЕС. На это событие работала вся пропагандистская машина не только Украины, но и Европейского Союза. Под давлением РФ (что было в тренде политики лавирования) В. Янукович меняет своё решение относительно подписания Декларации, но информационная кампания, особенно в странах ЕС, продолжалась. Данная ситуация и вывела на улицы западноориентированных граждан, которые выступали за подписание Декларации об ассоциации с ЕС, рассматривая западный вектор интеграции, как панацею от внутренних украинских проблем.

Этапы украинского кризиса

На первом этапе «Евромайдана» с 21 ноября 2013 г. (первые выступления, вызванные решением правительства Н. Азарова приостановить подготовку подписания декларации) по 2 января 2014 г. (факельное шествие, посвящённое памяти С. Бандеры), внешним куратором украинских событий выступал ЕС (визиты министра иностранных дел Германии Г. Вестервелле 4 декабря 2013 г. и вице-президента Европейской комиссии К. Эштон 8 декабря 2013 г.). Основной

социальной группой «Евромайдана» на этом этапе была киевская интеллигенция. Однако уже с 30 ноября стала очевидна динамика на радикализацию «Евромайдана». Это было обусловлено прибытием новых участников из западных областей Украины. С начала декабря появились лозунги «Правого сектора» о «национальной революции», отставке правительства и Верховной Рады. Точкой бифуркации стало факельное шествие украинских националистов, приуроченное к 105-летию со дня рождения С. Бандеры. В нём приняло участие по официальным данным 10 тысяч человек. К этому моменту внешнее кураторство переходит от ЕС к США. Именно американские спецслужбы, готовившие свержение В. Януковича в 2015 году, приняли решение, используя момент, привлечь к киевским событиям боевиков «Правого сектора», прошедших подготовку на базах натовского спецназа в Польше.

Второй этап противостояния со 2 января до 21 февраля 2014 г. (свержение правительства В. Януковича), уже шёл по американскому сценарию. Лидеры ЕС выполняли важную роль по «нейтрализации России», идя при этом на прямой обман. Но обо всём по порядку. Второй этап противостояния характеризовался следующими тенденциями: 1) вытеснение умеренных из протестного движения; 2) усиление радикальной оппозиции от парламентских партий «Батькивщина» (А. Яценюк), «Удар» (В. Кличко) до фашистского «Правого сектора» (Д. Ярош); 3) захват радикалами складов с вооружениями на западе Украины; 4) давление со стороны США и ЕС на правительство В. Януковича с целью неприменения им силы и как результат полная дезорганизация силовых структур верных президенту страны; 5) нейтрализация России, через обещание гарантий урегулирования конфликта, если Россия убедит В. Януковича не использовать силу. Такого рода обещания неоднократно высказывались во время многочисленных консультаций между В.В. Путиным, А. Меркель и Б. Обамой. Окончательное решение о свержении В. Януковича было принято на совещании в Мюнхене 1 февраля 2014 г., в котором приняли участие: госсекретарь США Дж. Керри, А. Яценюк, В. Кличко и П. Порошенко. После этого эскалация конфликта уже носила взрывной характер. Ключевыми стали события 18–20 февраля, когда боевиками практически было спровоцировано кровопролитие. Пиком стала провокация со снайперами, которые стреляли как в боевиков майдана, так и в представителей силовых структур Украины. Независимое расследование, победившими боевиками, до сих пор не проведено. Факты уничтожены. Однако интересна запись телефонного разговора министра иностранных дел Эстонии У. Паэта с Верховным Представителем ЕС по вопросам внешней политики К. Эштон, попавшая в «Ютуб» [2]. Подлинность беседы была подтверждена сторонами. В данной беседе высказывается мнение, что стрельба снайперов была организована силами

не связанными с правительством В. Януковича. Глава МИД Эстонии открыто сказал: «Стремительно растёт понимание того, что за этими снайперами стоял не Янукович, а кто-то из новой коалиции». В этих условиях 21 февраля между представителями новой коалиции «Европейский выбор» (В. Кличко («УДАР»), А. Яценюком («Батькивщина») и О. Тягнибоком («Свобода»)) и В. Януковичем подписывается Соглашение об урегулировании политического кризиса на Украине. В качестве наблюдателей подписи под документом поставили министры иностранных дел Польши и Германии, руководитель департамента МИД Франции. Показателен факт, что специальный представитель Президента РФ В. Лукин отказался ставить свою подпись под этим документом. Соглашение оказалось обманом и провокацией. После отвода спецназа, начался штурм правительственных учреждений боевиками «Правого сектора» и режим В. Януковича пал. Таким образом, захват власти в Киеве произошёл неконституционным путём в результате военного переворота. К власти в Киеве пришли радикальные украинские националисты. Стали формироваться незаконные вооружённые формирования из боевиков правого сектора, которые стали проводить акции устрашения и терроризировать русскоязычное население в крупных городах юга и юго-востока Украины.

Эскалация конфликта и упущенные возможности

События в Киеве катализировали процесс территориального распада Украины как единого государства. Уже в конце января – начале февраля 2014 г. Луганский и Донецкий областные советы приняли решение о создании дружин самообороны. На юге и юго-востоке Украины начались митинги, местами перераставшие в столкновения сторонников и противников «Евромайдана». В ходе этих столкновений происходила поляризация сил. Противники киевского режима, который выступал с всё более националистическими и фашистскими лозунгами, стали объединяться вокруг идеи федерализации и гарантий статуса русского языка. Однако киевский режим на компромисс не пошёл. Наоборот, начались преследования активистов, аресты и избиения сторонников федерализации. В крупные города юга и юго-востока стали прибывать хорошо подготовленные вооружённые группы боевиков «Правого сектора». Их структура, организация, характер действий, координация не оставляют сомнения в том, что это были заранее подготовленные группы, действовавшие под прикрытием сотрудников милиции из западных областей Украины и представителей западных спецслужб. Ядро таких групп состояло из 20-40 профессионально подготовленных боевиков, вооружённых огнестрельным оружием, уже в городе к ним присоединялось от 100 до 300 местных активистов националистических организаций, вооружённых холодным оружием из подручных материалов,

ещё до 500 человек составляли местные фанаты и «гопота». Милиция бездействовала. Многочисленные кинодокументы, попавшие в интернет, показывают, что группы имели между собой оперативную связь и единый координационный центр. Задачи подобных групп состояли в устранении активистов и сторонников федерализации, третирование и запугивание русскоязычного населения крупных русских городов юга и юго-востока. Вопрос о федерализации и статусе русского языка ещё мог предотвратить разрастание кризиса и сохранить Украину как единое федеративное государство. Однако политика киевского режима с февраля по апрель развивалась совсем по иному сценарию. Было заявлено о неизбежности унитарного устройства государства. Сторонники федерализации были объявлены сепаратистами. Начинается борьба с инакомыслием, запрещается деятельность политических партий, в том числе и парламентских (Коммунистическая партия Украины). Начинается создание негосударственных, частных вооружённых формирований «национальной гвардии Украины». Параллельно активизировался процесс по переделу собственности внутри олигархических группировок. Началась борьба за раздел «наследства клана Януковича». Появилась реальная возможность устранения одного из главных олигархов и спонсоров В. Януковича Р. Ахметова.

*Позиция США в украинском кризисе. Глобальный
уровень противоречий*

Россию проект федерализации и гарантии статуса русского языка полностью устраивал. При реализации этого проекта и «демократическом характере» украинской власти, возникла надежда на сохранении нейтрального статуса Украины и её традиционно дружеских отношений с РФ. Но именно этот фактор не устраивал, прежде всего, США. Результатом политики В. Путина с начала XXI стало не только восстановление страны, но и выстраивание активных взаимовыгодных, разносторонних отношений как с ведущими странами старой Европы, прежде всего с Германией, так и с КНР. Начало приобретать структуру и очертание интеграционного объединения территория постсоветского пространства (ЕврАзЭС и ШОС). Активное участие в данном процессе стали принимать Индия, Пакистан и Иран. Стал возникать мощнейший новый центр силы, выступавший как альтернатива американскому доминированию в мире. Немецкие технологии, российские природные ресурсы, китайская рабочая сила в совокупности с возросшими экономическими и финансовыми возможностями стран БРИКС в перспективе создавали новую глобальную международную систему. Понимая это, США на протяжении всего периода своего доминирования после окончания холодной войны, ставили задачу не допустить создания такой системы. На региональном уровне это предполагало дробление

единого экономического пространства бывшего СССР, через создания там зон нестабильности и управляемых конфликтов, а так же поддержки проамериканских режимов. Ключевыми странами в этом процессе на уровне региона были Грузия и Украина. Августовская война 2008 г. показатель того, что для достижения своих целей США и его союзники в лице Великобритании и некоторых новых членов ЕС и НАТО (страны Прибалтики и Польша) были готовы пойти на применение военной силы, так как ресурсов «мягкой силы» в виде «цветных революций уже не хватало. Вышесказанное объясняет, что под воздействием США, киевский режим начинает предпринимать фантастические, неподдающиеся логике здравого смысла, безрассудно жестокие, экономически убийственные действия по эскалации конфликта. В результате начались необратимые процессы территориального распада Украины, приведшие к гражданской войне.

Распад Украины как единого государства.

Гражданская война в Новороссии

16 марта 2014 г. в ходе референдума, в котором приняло участие 92% населения Крыма. Подавляющее большинство голосов (97,2%) высказалось за вхождение Крыма и Севастополя в состав РФ. 18 марта в Георгиевском зале Кремля был подписан договор о вхождении Республики Крым и города Севастополь в состав Российской Федерации. В начале апреля были образованы Донецкая и Луганская народные республики. В середине апреля киевская хунта начала против жителей этих областей карательную операцию, которая сопровождалась огромными жертвами, со стороны гражданского населения. Второго мая в Одессе произошла трагедия, в результате действий боевиков «Правого сектора» в Доме профсоюзов было заживо сожжено 62 человека. 11 мая 2014 в ДНР и ЛНР прошли референдумы о провозглашении независимости. По данным организаторов свыше 80% принявших участие в голосовании высказались за независимость ДНР и ЛНР и их объединения. Украинские события по-разному интерпретировались на Западе и в России.

Таблица № 1: Сравнительный анализ оценочных подходов по украинскому кризису

Критерии	Запад	Россия
Оценка событий декабря 2013 – февраля 2014 года в Киеве	Народная революция. Свержение олигархического режима В. Януковича. Характер власти легитимен.	Переворот. Смена одного олигархического режима другим. Власть нелегитимна.
Оценка референдума в Крыму и его воссоединения с РФ	Россия, воспользовавшись моментом, аннексировала Крым. Действия РФ незаконны. Именно они	Крым и Севастополь воссоединились с Россией на основе прямого волеизъявления народа. Действия полностью

	вызвали кризис на юго-востоке Украины.	легитимны. Воссоединение позволило избежать кровопролития, подобного трагедии в Одессе 2 мая 2014 года и событий в Новороссии.
Оценка войны в Новороссии.	Движение за федерализацию – это сепаратизм и терроризм. Россия помогает сепаратистам и террористам. Киевское правительство ведёт законную контртеррористическую операцию.	Гражданская война. Карательная операция. Действия киевских властей преступны и нелегитимны. Гуманитарная катастрофа.

Различные оценки и подходы к украинскому кризису вызвали активную информационную войну против РФ, а также обмен экономическими и финансовыми санкциями. На саммите стран НАТО в Уэльсе в сентябре 2014 года Россия вновь была названа главным противником. Аналитики заговорили о новой холодной войне.

Выводы:

1. Кризис на Украине – это последствие глобальной политики США, направленной на создание серии управляемых конфликтов с целью ослабить своих глобальных конкурентов и сохранить своё доминирование в мире.

2. Нам (России) дали чётко понять, что мы не «запад» и мы не «европейцы». Мы не предсказуемы и наши модели поведения на международной арене не вписываются в их европейское понимание. Более того, Россия – это «антизапад» и её надо сдерживать всеми средствами, включая силовые.

3. На региональном уровне Украина и Грузия это инструменты сдерживания России. Это источник длительного конфликта на российских границах. Цель американской политики в отношении Украины: а) создание из Украины «анти России»; б) перевооружение украинской армии и её интеграция в структуры НАТО; в) начало войны в Крыму накануне президентских выборов 2018 года в РФ.

4. Межгосударственный уровень. Украина должна постоянно провоцировать РФ на военное вмешательство. Война за Крым крайнее средство, когда РФ уже будет трудно не отвечать на провокацию, так как Крым – это часть территории РФ. Ответные действия России приведут к расширению конфликта и вмешательству стран НАТО. Цель ухудшение экономической ситуации в РФ и приведение к власти прозападных

политиков, которые изменяют внешнеполитический курс нашего государства.

5. В этой геополитической игре Украина и Грузия пешки. Фактически в результате политики своих элит, которая не отвечала национальным интересам этих стран, они фактически лишились своего суверенитета, передав его США. Они лишились части своих территорий: Грузия Абхазии и Южной Осетии. Украина – Крыма и Новороссии. Причём, процесс территориального распада, при сохранении нынешней политики, будет продолжаться. Примечателен факт, что продолжают попытки втянуть в процесс дробления постсоветского пространства Молдову. Результаты те же: экономический коллапс, утрата и передача суверенитета внешним акторам, территориальные потери (Приднестровье, а в перспективе и Гагаузия).

6. Межличностный уровень. Анализ причин возрождения украинского национализма в формах близких к итальянскому фашизму и германскому нацизму заставляет историков задуматься над проблемой переформатирования исторической памяти если не народа в целом, то части молодого поколения. Политизация истории, принятие т.н. «мемориальных законов», создание институтов «национальной памяти», выводит нас на проблематику «консциентальных войн» [3]. Войн, где боевые действия ведутся в сознании людей. Где объектом разрушения являются историческая память, традиционная культура, традиционные ценности, когда появляется возможность перепрограммировать целые поколения или целые страны. Продуктом консциентальных войн являются тысячи скачущих («кто не скачет, тот москаль»), идущих с факелами и скандирующих «комуняку на гилляку», бросающих бутылки с «коктейлем Молотова» в одесский дом профсоюзов. Что делать с этим «продуктом»? Эти молодые люди будут расти. Они будут воспитывать своих детей, воспроизводя свои идеи и мысли. Продукт гебельсовской пропаганды был физически уничтожен в пламени второй мировой войны. Какова будет судьба украинских наци? Вопрос?

Примечания

1. Обвинения России: расставим точки над «и» // http://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_109141.htm?selectedLocale=ru Дата обращения 20.09.2014 г.

2. Запись телефонного разговора министра иностранных дел Эстонии У. Паэта с Верховным Представителем Европейского Союза по вопросам внешней политики К. Эштон // <https://www.youtube.com/watch?v=Ae1UFxdkHxQ>. Дата последнего обращения 12.09.2014

3. *Потехин В.К.* Современные консциентальные войны и Национальная безопасность России // <http://www.milresource.ru/Potekhin-1.html> Дата последнего обращения 21.09.2014.

Раздел II. Славяне и их соседи: вопросы политических связей

А.Н Щерба (г. Санкт-Петербург, Россия),
В.И. Яковенко (г. Темрюк, Россия)

КИММЕРИЙЦЫ В ЭТНОГЕНЕЗЕ ДРЕВНИХ НАРОДОВ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Как известно, объединение русских земель в Новгородско-Киевское государство началось с севера и, северная часть славянских племен оказалась в центре внимания летописцев и историков. Основным источником при изучении истории Новгородско-Киевского государства является «Повесть временных лет» (ПВЛ). Главные события в ней разворачиваются вокруг двух крупных славянских центров: Новгорода и Киева. Судьбы Южной Руси остались вне поля зрения Нестора.

Один из первых исследователей истории Южной Руси, директор Керченского музея и автор одного из первых крупных научных исследований по истории данного региона, написанного в первой половине XIX века, А.Б. Ашик признавал: «Доселе никто еще не мог разрубить этого гордиева узла и пролить сколько-нибудь свету на таинственный мрак, которым покрыта древняя история Черного моря» [1].

Сложность проблемы заключается в том, что этническая ситуация на юге праславянского ареала была намного сложнее, чем на севере, а стало быть и её научный анализ требует более глубокого и комплексного исследования. Источниковая база по этой важной исторической проблеме весьма противоречива и, отдельные её элементы, нужно признать, еще нуждаются в научной критике. Тем не менее, с учетом важности проблемы, в настоящее время, необходим синтез всех имеющихся источников, чтобы выйти на новый уровень знаний.

Фактически до эпохи классического Средневековья Причерноморье было регионом с постоянными этническими миграциями многочисленных кочевых народов, которые сопровождалась острым вооруженным противоборством. С VII по VI в. до н. э. многочисленные греческие колонисты плотно заселили берега Черного и Азовского морей. Сюда активно вторгались войска воинственной Персии и легионы могущественной Римской империи, здесь же проходили наиболее мощные этнические потоки миграции в период Великого переселения народов в IV-V вв. Кроме того, здесь в период классического Средневековья проходил передний фронт противостояния кочевого мира с оседлым и, все это дополнялось борьбой за религиозное влияние между исламом и христианством.

В этой связи есть основания утверждать, что в Причерноморье ни один этнос не может считаться единственным предшественником другого. В процессе исторического развития в южном регионе, было много разделений и слияний различных этнических групп. В результате этих процессов часто появлялись новые народы и, нередко, с новым названием. Племена получали названия по именам своих выдающихся вождей, местности проживания. Иногда разделение и разница в названиях возникали из-за различий в верованиях. В итоге, мы имеем невероятную этническую путаницу, а поэтому и весьма схематичное понимание хода исторического процесса.

В мировой и отечественной исторической науке принято считать, что первым известным в истории народом, освоившим Причерноморские просторы, являются киммерийцы. Один из известных исследователей этногенеза славян профессор Д.Я. Самоквасов (1843–1911) утверждал: «Первый исторический народ, занимавший территорию, лежащую над Черным морем именуется Скитами-Киммериянами» [2]. Их судьбы тесно переплетаются со всеми народностями Причерноморья, Балкан и Малой Азии в эпоху античности, в том числе и с праславянами.

Советская историческая энциклопедия под киммерийцами понимает: «Название племен, данное ассирийцами северным соседям урартийцев и маннеев» [3]. Подобная же, поражающая своей неопределенностью, абстрактная формулировка содержится и в знаменитом словаре Брокгауза и Ефрона, где киммерийцы – «народ, живший близ Таврического (Киммерийского) пролива» [4]. Содержание вышеизложенных формулировок наших энциклопедических изданий, свидетельствует об ограниченности нашего знания об этом народе.

Следует, однако, признать, что, подобные формулировки имеют объективный характер, ибо исторические сведения о киммерийцах весьма расплывчаты и даже противоречивы. Так, греческий историк и географ Страбон (около 64/63 гг. до н. э. – около 23/24 гг. н.э.) пишет: «Киммерийцы жили у близкого к северу Воспора Киммерийского» [5]. Более точных данных он не дает. Из Истории Геродота мы видим, что их владычество распространялось на более обширные регионы, в том числе на Крым, Кавказ и некоторые другие территории Причерноморья. Так, например, в V веке до н. э. в Крыму был построен хорошо укрепленный город Киммерик [6], там же находится и гора Киммерион [7].

О городе Киммерике пишет и Страбон: «Киммерик прежде был город, построенный на полуострове и замыкающий перешеек рвом и валом» [8]. Город Киммерик, очевидно, имел значительный порт и был, довольно, известен в античном мире. Учитывая это, исследователи Причерноморья утверждают, что он находился в 460 стадиях от современной Феодосии на

месте нынешней горы Опук [9]. Это неоспоримые доказательства длительного присутствия киммерийцев в данном регионе.

Два выдающихся географа Античности Страбон (XI, 2, 4) и Птолемей (V, 8, 4) в своих трудах упоминают о городе Тирамба, который находился в 120 стадиях к востоку от Киммерика, расположенного на азиатском Боспоре [10]. Это говорит о многочисленности народа киммерийцев, которые проживали, как на азиатской, так и на европейской части пролива.

Вышеизложенные сведения Страбона и Птолемея находят подтверждения в некоторых конкретных материальных атрибутах нашего времени. Недалеко от современного поселка Сенной, расположенного на берегу Таманского залива там, где в античное время находилась Фанагория, сохранились остатки крепостного вала. Греки и народы, проживавшие в этом регионе в более поздний исторический период, называли вал «Киммерийским». До настоящего времени сохранилась часть этого вала, протяженностью более километра и высотой до двух метров. Судя по его нахождению, вполне вероятно, что это остатки защитных сооружений города Киммерика.

Большое внимание народам Причерноморского региона уделяет «отец истории» Геродот (около 484 г. до н. э. – около 425 г. до н. э.), которому были хорошо известны киммерийцы. Поэтому он, довольно, детально, повествует о них в своей Истории. В самом начале своего бессмертного труда греческий историк подчеркивает воинственность и могущество этого народа и упоминает: «нашествие киммерийцев, которые еще до времен Креза дошли до Ионии» [11]. Это событие относится ко времени около 700 г. до н.э. [12]. Не будем комментировать, что это было завоевание или набег, но совершить столь дальний военный поход до ионийского побережья, мог лишь очень сильный и воинственный народ.

Несмотря на всю свою научную добросовестность, нельзя не заметить негативное отношение Геродота к киммерийскому народу. Истоки подобного отношения нетрудно определить. Целый ряд походов киммерийцев в глубинные районы Греции и ответные действия греков, свидетельствуют о существовании исторической розни между этими народами. Геродот был в Причерноморье около двух веков спустя нашествия киммерийцев и записывал довольно туманные предания со слов греков, переживших набег киммерийцев. При анализе трудов греческого историка необходимо учитывать эти реалии.

Народ гимери, т.е. киммеры встречается в клинообразных летописях времени Дария Гидаспа, как семитический перевод арийского имени сака. Этот народ состоял из двух племен Гомурха и Тихрохуда. По исследованиям известного лингвиста народов Кавказа П.К. Услара, киммеры обитали в горах Северного Кавказа и на равнинах, примыкающих к нему, до реки Дона. Греки их часто смешивали с трерами (трирами),

жителями Фракии [13]. В.Н. Татищев также подтверждает это и пишет: «Киммеров сих обиталище по обстоятельствам видится по Дону и морю Меотийскому» [14].

Исследователь истории Причерноморских народов Ф. Брун, считал, что киммерийцы являются одним фракийских народов и утверждал: «Киммерияне <...> народ фракийского племени, потому что по Страбону к ним принадлежали триры, последние же, по словам Фукидида, были народом Фракии» [15]. Другие исследователи утверждают, что Треры (триры) не были киммерийцами и опираются при этом на произведения античных авторов. Так, греческий поэт, элегик Каллин (пер. пол. VII в. до н.э.), хорошо знавший киммерийцев, и призывавший в своих произведениях граждан Греции к борьбе с ними и трерами, говорит о них, как о двух разных народах [16].

Из вышеизложенного видно, что происхождение киммерийцев как этноса, равно как и особенности их внутренней жизни, а также тип ведения хозяйства, истории неизвестны. В настоящее время, следует признать тот факт, что мы не можем точно утверждать, к какой расе они принадлежали и на каком языке разговаривали. Пока история киммерийцев покрыта плотной пеленой веков, проникнуть сквозь которую невозможно по причине отсутствия достаточно достоверных источников. Однако, следует признать, что это характерно не только для киммерийцев, но и для многих других народов.

Наиболее известны истории военные успехи киммерийцев. В VII в. до н. э. они вступили в длительную борьбу с одним из сильнейших античных государств Малой Азии – Лидийским царством. В этой войне киммерийцы добились выдающихся результатов. Снова обратимся к Геродоту, который пишет, что в битве с киммерийцами (около 654 г. до н. э.) пал лидийский царь Гигес. Следует отметить, лидийский царь вел войну с ними в союзе с сильнейшими державами античного мира – ассирийским царем Ассурбанипалом, а потом с фараоном Египта Псамметихом [17]. Поэтому Страбон, в отличие от резко негативно относящегося к киммерийцам Геродота, признает: «Киммерийцы некогда имели большую силу на Воспоре, вследствие чего Воспор был назван Киммерийским. Это тот народ, который делал набеги на живущих внутри страны и по правую сторону Понта, до Ионии» [18].

В правление другого лидийского царя Ардиса, сына Гигеса киммерийцы, вытесненные, по словам Геродота, из своих обычных мест обитания скифами-кочевниками, несмотря на это, проникли в Азию и захватили Сарды (кроме акрополя). Напомним, скифы пришли в Причерноморские степи около 720 г. до н.э [19]. Это означает, что киммерийцы продолжали завоевания и после появления скифов, оставаясь могущественным народом.

В связи с этим, возникает ключевой вопрос о характере взаимоотношений между киммерийцами и скифами, которые мы оцениваем, в основном, со слов Геродота. Опираясь на него, историки, как правило, разделяли киммерийцев и скифов и придавали их взаимоотношениям явно враждебный характер.

Уточним при этом: Геродот пишет, что обидчиками киммерийцев стали скифы-кочевники. Из этого следует, что речь идет о части скифского этноса. Для кочевых народов, которые были в постоянном движении, это была обыкновенная практика и их миграции, далеко не всегда приводили к военному столкновению. Греческий историк уточняет, откуда прибыли скифы-кочевники: «Кочевые племена скифов обитали в Азии. Когда массагеты вытеснили их оттуда военной силой, скифы перешли Аракс и прибыли в киммерийскую землю» [20].

После прибытия скифов-кочевников на территорию киммерийцев Геродот говорит не о боевых столкновениях между ними, а о междоусобице между самими киммерийцами. Они раскололись на две части и начали между собой войну. Причиной междоусобицы стал вопрос об отношении к скифам. Едва ли подобное было возможно, если бы скифы были врагами киммерийцев. Это, достаточно, наглядно видно по жестким действиям последних в Лидии, Геллеспонте, Боспоре Фракийском и других отдаленных регионах Малой Азии. В отношении скифов мы наблюдаем явление другого порядка: на своей земле могущественные киммерийцы без сопротивления принимают скифов, что бывает в отношении народов близких этнически.

Есть еще одно обстоятельство, которое отмечено известным лингвистом и исследователем этнографии народов Кавказа П.К. Усларом. Он обращает внимание на то, что киммерийцы, после появления на их территории скифов, наступавших с востока, начали движение с Днестра к Кавказу, т.е. с запада к востоку [21]. Движение навстречу противнику, по меньшей мере, является странным и направлением, для народа, убегающего от захватчиков.

Необходимо обратить внимание еще на один факт из Истории Геродота. Трудным для понимания является то, что скифы, преследуя целый народ киммерийцев, ошиблись при определении направления преследования более чем на тысячу верст. Это обстоятельство дает основание усомниться в выводах греческого историка и относительно намерений самих скифов, которые якобы с враждебными намерениями, преследовали киммерийцев.

Взаимодействие киммерийцев со скифами осуществлялось на огромной территории от берегов Каспийского до берегов Черного и Азовского морей и далее, до Днестра, где были горные регионы и равнинные. Скифы были кочевниками и им были необходимы равнинные

районы. В связи с этим, некоторые историки высказывают предположение, что часть киммерийцев, проживавшая на равнинах, уступила места своего проживания скифам и двинулась в Малую Азию. Возможно, еще одна их часть осела в Западной Европе под именем кимров (кимвров). Все киммерийцы, жившие в горных районах, осталась на месте. Мало того, часть киммерийцев, живших в равнинных регионах, также осталась на своих исконных местах и, в частности, живущие у Таманского полуострова [22].

Этим, в частности и объясняется тот факт, что уже после появления скифов киммерийцы были способны к завоевательным походам против столь сильного противника, которым было тогда Лидийское царство. Можно предположить, что киммерийскому этносу удалось сохранить свою военную мощь. В этой связи, возникает вопрос о территории, на которой утвердились киммерийцы уже после появления скифов. Исходя из направленности их походов, можно предположить, что это была территория, Причерноморья, Придонье, Приднестровье и Фракия. Без обладания Фракией киммерийцы не имели бы возможности совершать военные походы на малоазиатское побережье и, в частности, на Лидию.

Поэтому, в некоторых фундаментальных изданиях делается однозначный вывод, что: «Киммерийцы переселились во Фракию, здесь они соединились с трерами (трирами) и в союзе с ними несколько десятков лет, в начале VII века, грабили Малую Азию. Они уничтожили Фригийское царство, угрожали существованию Лидийского. С Ассирией киммерийцы столкнулись в 675 году; Ассаргаддон воевал с ними и называет их «гимиррай». Они разрушили Магнезию (совр. Маниса в Турции) на Меандре и осаждали Эфес» [23].

Военные походы киммерийцев, достаточно, подробно описаны аккадскими текстами, начиная с 670 годов до н.э. Отмечается их активная деятельность в 678–675 гг. до н. э. в районе верхнего течения Евфрата. Упоминается также о совместных действиях киммерийцев и фригийцев. Присутствие киммерийцев во Фригии и соседней с ней Вифинии и в других регионах фиксируется многочисленными античными источниками. Так ассирийские источники эпохи правления Ашшурбанпала сообщают об активных действиях киммерийцев в Малой Азии – от Лидии на западе до Киликии и западных границ Ассирии на востоке [24].

Греки не оставались в долгу и в 437 г. до н.э. знаменитый афинский полководец Перикл во главе большого флота совершил военный поход на Черное море для устрашения местного населения. Кроме того, задолго до этого, греки начали проводить провокационную политику, направленную на разжигание вражды среди местных народов. Возможно, трения между киммерийцами и скифами были следствием подобной политики. В плену подобных политических интриг мог оказаться и Геродот.

Тем не менее, масштабы военной деятельности киммерийцев после их отступления перед скифами-кочевниками, заставляют нас искать источник их могущества. Мы находим его в работах древнегреческого биографа Плутарха (около 45 – около 127 гг.), который сообщает нам очень ценные сведения: «Киммерийцы, сделавшись известными впервые древним эллинам, представляли собою незначительную часть целого, которая в качестве изгнанников или вследствие возмущения, теснимые скифами, перешла от Меотиды в Азию под руководством Лигдамия, но что наибольшая и самая воинственная часть их, живущая у внешнего моря, занимает землю тенистую, лесистую и туманную повсюду вследствие глубины и густоты дубрав, тянущихся до Еркинского леса и живет под небом, где полюс по-видимому достигает большой высоты вследствие наклона параллелей и отделяется лишь небольшим пространством от зенита» [25].

Это свидетельство Плутарха существенно корректирует известные утверждения Геродота и позволяет по-новому взглянуть на вышеупомянутые исторические события. Киммерийцы были частью огромного скифского мира, который выступал мощным ресурсом их могущества. Произошедший между ними раскол не был чем-то из ряда вон выходящим, а обыкновенной практикой объективно возникающей на пути эволюции любого этноса. Отколовшаяся от своих собратьев меньшая часть киммерийцев, после вооруженного столкновения, вынуждена была перейти в Азию. Однако основная их часть осталась на прежних местах проживания и продолжала свои вторжения на территорию соседей.

Древнегреческий географ Дионисий Периегет (II в. до н. э.) в своем «Описании населенной Земли», написанном в 124 году до н.э., отмечает: «С савроматами же соседят синды, киммерийцы и живущие вблизи Евксина керкетии, тореты и сильные ахейцы» [26]. Стало быть, якобы вытесненные, по словам Геродота из этих мест, киммерийцы продолжали жить в своих старых местах обитания, по крайней мере, значительная часть киммерийского этноса.

В Схолиях (*греч. scholia* – толкования, объяснения) к «Аргонавтике» Аполлония Родосского при описании Боспора прямо указывается, что киммерийцы – это часть скифов: «Есть и другой Воспор в Скифии, называемый Киммерийским вследствие заселения тех местностей скифским народом киммерийцами». В Древних Схолиях к Гомеровой Одиссее киммерийцы вообще полностью отождествляются со скифами: «Эти киммерийцы или скифы кочевники, пришедши с западных областей океана, разграбили храм Аполлона в Дельфах» [27].

Сохранилось очень важное свидетельство византийского историка Прокопия, который при описании народов Причерноморья в первой половине I-го века отмечает: «Люди же, которые там живут, в древности

именовались киммерийцы, а теперь называются утигурами» [28]. Это очень важное свидетельство, которое позволяет зафиксировать важный факт длительной этнической эволюции и подтверждает то обстоятельство, что киммерийцы не исчезли и не растворились на бескрайних просторах Восточной Европы. Они были и остались частью Причерноморских народов, одной из неотъемлемых частей огромного племени, которое больше известно, как скифы.

Место и влияние киммерийцев в составе большого скифского мира было столь значительным, что память о них сохранялась вплоть до Средневековья. Евстафий митрополит Фессалоникский живший во второй половине XII века, описывая земли Причерноморья, отмечал: «К северу от Евксина находится Мэотийское озеро; скифы его окружают и им ограничиваются их земли <...>». Говоря о киммерийцах, он пишет, что многочисленные киммерийцы живут у холодной подошвы Тавра и называет их «скифским племенем» [29]. Здесь очень важно, что автор фиксирует одновременное проживание киммерийцев среди скифов и однозначно утверждает об их этнической принадлежности к скифам.

Известный русский историк и специалист в области славянского этногенеза Д.И. Иловайский высказывает очень важное предположение. Он, подчеркивает, что в процессе распространения кочевых скифских племен «они отчасти вытеснили своих предшественников киммериян, отчасти смешались с ними» [30]. Речь идет об ассимиляции между киммерийцами и скифами, которая, безусловно, имела место на огромной территории их совместного проживания. Это позволило некоторым исследователям данной проблемы сделать смелое предположение о том, что реальные киммерийцы были в культурном отношении близки позднейшим скифам [31].

Автор известного исследования по истории скифов Т. Райс также подчеркивает активные процессы ассимиляции в ходе этногенеза на просторах Евразийской степи, где и был ареал соприкосновения киммерийцев с другими этносами скифского мира. По этому поводу автор подчеркивает: «Евразийская степь, простирающаяся от восточных стран до Центральной Европы, настолько огромна, что неизбежно, народы, живущие на той или иной её окраине, должны были больше сблизиться со своими непосредственными соседями, даже если они оказались чужаками, нежели со своими сородичами, но живущими далеко» [32]. Подчеркнем, при этом особо, что процессы ассимиляции между народами близкими этнически, проходят особенно активно.

О том, что это были родственные народы, отмечали многие историки, современники тех событий. В советской исторической энциклопедии резюмируется данный вывод: «Греческие историки и географы нередко путают киммерийцев и скифов, в особенности, когда

речь идет о походах и тех и других в Переднюю Азию. Ассирийские источники также недостаточно четко разграничивают киммерийцев и скифов» [33].

Это дало основания некоторым историкам высказать предположение о том, что название «киммерийцы» не было настоящим этнонимом, а обозначением скифских мобильных отрядов [34]. Вышеупомянутые дальние военные вторжения киммерийцев во владения сильнейших государств Античности дают для этого достаточные основания.

Серьезные доказательства о родстве киммерийцев со скифами дает нам археология. Как известно, киммерийцы были носителями срубной культуры (1600–1000 лет до н.э.). Археологами установлено: когда на смену киммерийцам якобы приходят скифы, ничего не происходит с захоронениями. Их характер остается прежним, то есть соответствующим срубной культуре и часто даже используются старые курганы [35]. Из этого напрашивается важнейший вывод о том, что киммерийская и раннескифская археологическая культура идентичны. Значит, народ киммерийцев был первым известным истории звеном в цепи сложного этногенеза скифских народов.

Это же подтверждают и известные зарубежные исследователи. Уже упомянутая Т. Райс, исследуя культурные особенности всей совокупности племен, обитавших вокруг Черного и Азовского морей, отмечает одну очень важную особенность, объединяющую их. Она пишет: «На мысль об их определенном сходстве нас наводит характер их искусства, которое демонстрирует свои почти идентичные черты на территории всего этого достаточно обширного района» [36]. Можно утверждать, что все эти племена составляли один и тот же культурный тип.

Это же в полной мере относится и к типу военной организации, поскольку все древние народы Причерноморья использовали сходные виды вооружения и применяли одинаковые формы вооруженной борьбы. Это, прежде всего, широкое применение конницы с новым видом конской упряжи: стремечковидные удила и украшенные в зверином стиле проножи. Весьма совершенные, для своего времени, луки, железные мечи-акинаки с длинным лезвием, и бронзовые втульчатые наконечники стрел.

Следует подчеркнуть, что скифы это не родовое имя, а название данное греками совокупности народов, занимающих огромную территорию юга и востока Европы. На это обратил внимание еще Геродот, который отмечает: «Все племена вместе называются сколотами т.е. царскими. Эллины зовут их скифами». Далее греческий историк пишет: «Персы ведь всех скифов зовут саками» [37]. В позднеавиловских текстах название «киммерийцы» также используется для обозначения скифов и саков [38]. Следовательно, скифов нельзя считать каким-либо одним этносом, а очень широкой общностью этнически близких народов, среди

которых, на раннем этапе исторического развития, были и собственно киммерийцы. Это говорит о том, что данный этноним применялся расширительно и носил собирательный характер.

При рассмотрении данной исторической проблемы необходимо учесть еще один ключевой фактор. На обширных степях Причерноморья, как и в других регионах мира, каждый этнос имел свой период процветания, который обусловлен целым рядом объективных конкретно-исторических факторов. Расцвет киммерийцев, как одного из крупнейших этносов данного региона пришелся на довольно ранний период известной нам истории, чем и объясняется крайняя скудость доступных, в настоящее время, источников. Однако окончание периода расцвета, не означает исчезновение этноса с арены мировой истории. Эта истина характерна не только для киммерийцев, она подтверждается примерами исторического развития и других народов Античности.

Тем не менее, необходимо признать, что не только Геродот, но и целый ряд других источников Древнего мира разделяют киммерийцев и скифов. Так, например, Аккадские тексты (VII в. до н.э.) ассирийского происхождения, четко отличают эти два этноса. При перечислении возможных противников Ассирии киммерийцы и скифы упоминаются, как отдельные народы [39]. Подобные реалии давно поставили историческую науку перед, казалось, неразрешимым противоречием относительно этнической принадлежности киммерийцев и характера их отношений со скифами.

По нашему мнению отождествление скифов с киммерийцами в одних источниках и их разделение в других не является неразрешимым противоречием, если исходить из того, что киммерийцы были частью большого скифского мира, причем наиболее крупной и поэтому, более ранее и более детально, зафиксированной в источниках. Ареал их распространения, особенности жизни, быта, хозяйственный уклад, характер военной организации и вооружения, а также культурные традиции позволяют утверждать, что киммерийцы были ранними скифами. Это утверждение трудно опровергнуть, так оно подтверждается и единством их археологической культуры. Рассмотрение киммерийцев как ранних скифов снимает те многочисленные противоречия, которым так богата их история.

Таким образом, киммерийцы являются первым известным в истории народом современной России. Благодаря своей мощи и воинственности они стали хорошо известны многим историкам и географам Античности. Загадочное исчезновение этого крупного этноса до сих пор вызывает различные оценки у историков.

Современное состояние исторического знания об этом народе позволяет предположить, что киммерийцы не исчезли и не могли

исчезнуть на огромных просторах Евразийской степи. Являясь частью огромного и многоликого мира, который в мировой истории, чаще всего, принято называть «скифским» они на протяжении длительного исторического периода оставались в его составе и на своих традиционных местах проживания поэтапно ассимилировали, соприкасаясь с другими этносами, значительная часть которых были кочевыми.

Научное исследование хода и особенностей данного процесса имеет важное значение для развития отечественной исторической науки, поскольку он является одним из этапов в цепи этногенеза славянства.

Примечания

1. *Ашик А.* Боспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками расписными вазами, планами, картами и видами. Одесса, 1848. Ч. 1. С. 5.
2. *Самоковасов Д.Я.* Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908. С. 91.
3. Советская историческая энциклопедия (СИЭ). М., 1965. Т. 7. С. 240.
4. Энциклопедический словарь (ЭС). СПб.: Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1895. Т. 15. С. 62.
5. *Латышев В.В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 1. Греческие писатели. СПб., 1890. С. 92.
6. СИЭ. Т.15. С. 241.
7. *Ашик А.* Указ. соч. С. 9.
8. *Латышев В.В.* Указ соч. С. 131.
9. *Брун Ф.* Черноморье. Сборник следований по исторической географии Южной России. (1852–1877 г.). Одесса, 1879. Ч. 2. С. 300–301.
10. Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 87.
11. *Геродот.* История. М., 2009. С. 12.
12. Там же. С. 13.
13. *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска. В 2- т. Т. 1. История края. Екатеринодар, 1910. С. 212–213.
14. *Татищев В.Н.* История Российская: [В 3т.]. Т. 1. М., 2005. С. 99.
15. *Брун Ф.* Указ. соч. С. 33–34.
16. *Щербина Ф.А.* Указ соч. С. 213.
17. *Геродот.* Указ. соч. С. 15.
18. *Латышев В.В.* Указ соч. С. 131.
19. *Геродот.* Указ. соч. С. 15.
20. Там же. Указ. соч. С. 260.
21. *Услар П.К.* Древнейшие сказания о Кавказе. Тифлис, 1881. С. 277.
22. *Щербина Ф.А.* Указ. соч. С. 215–216.
23. ЭС. Т. 15. С. 62.
24. *Аскольд И. Иванчик.* Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологи восточноевропейских степей и Кавказа пред – и раннефеодального времени. М., 2001. С. 56–57.
25. *Латышев В.В.* Указ. соч. С. 488.
26. *Щербина Ф.А.* Указ. соч. С. 216.
27. *Латышев В.В.* Указ. соч. С. 425, 304.

28. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1 (1-6 вв.) / *Сост. Л.А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин.* М., 1994. С. 201.
29. *Латышев В.В.* Указ. соч. С. 193.
30. *Иловайский Д.И.* Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю. М., 1876. С. 7–8.
31. *Аскольд И. Иванчик.* Указ. соч. С. 16.
32. *Райс Тамара Т.* Скифы. Строители степных пирамид / Пер с англ. М., 2012. С. 13.
33. СИЭ. Т. 7. М., 1965. С. 240.
34. *Аскольд И. Иванчик.* Указ. соч. С. 15.
35. *Павлищева Н.П.* 10 тысяч лет русской истории. Все было не так. М., 2012. С. 95.
36. *Райс Тамара Т.* Указ. соч. С. 35.
37. *Геродот* Указ. соч. С. 258, 456.
38. *Аскольд И. Иванчик.* Указ. соч. С. 16.
39. Там же. С. 18–19.

С.В. Петков (г. Запорожье, Украина)

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВ ИГОРЕВИЧ И ЛЕГЕНДАРНЫЕ ПРАВИТЕЛИ СТАРОЙ ВЕЛИКОЙ БОЛГАРИИ

Ряд тезисов нами уже был высказан ранее [1; 2; 3]. Но осталось еще большое количество вопросов, которые требуют детального изучения.

До сих пор продолжают споры, где находится место гибели Святослава [4; 5]. Некоторые учёные считают, что свою смерть он встретил на Черной Скале на острове Хортица.

Другие исследователи отождествляют место гибели и место погребения Святослава с Вознесенской Горкой (центральная часть города Запорожье) где в 20-х гг. XX в., во время строительства, были найдены остатки земляных укреплений и богатого погребения. Мы должны констатировать, что, к сожалению, предметы «Вознесенского сокровища» рассеяны по многим музеям Украины [6; 7; 8]. А чередой болгарских исследователей считают, что это погребение принадлежит руководителю Болгарского царства Аспаруху, сыну Кубрата Великого, который вернулся в Приднепровье, чтобы помочь своему брату Батбаяну в борьбе с хазарами. Кто же такой Кубрат, чье имя неоднократно упоминается в связи с Вознесенским кладом? Каким образом мог оказаться основатель Дунайской Болгарии Аспарух на территории современного Запорожья? Что связывает Кубрата, Аспаруха и прочих каганов великой Болгарии со Святославом?

Небольшой штрих к общему полотну воспроизводимых событий. Вспомните, что сделал каган Куря с головой своего противника. Не тот ли

обряд проделывали скифы, и как свидетельствует летопись, болгарские предводители со своими врагами?

Ряд исследователей считает Вознесенскую Горку местом возможного захоронения хана Аспаруха. На одном из домов Запорожья установлена мемориальная доска средневековому герою. А дискуссии относительно места гибели и захоронения среднего сына Кубрата – Аспаруха не утихают до сих пор [7; 9].

Так, запорожский краевед Иван Ангелов утверждает: «Мечта Аспаруха и его братьев была восстановить территорию Старой Великой Болгарии. Они надеялись собраться силами, оттеснить хазар и восстановить единство. Предполагаем, что Аспарух со свитой из 32 воинов попали в засаду к хазарам. Основное войско не успело оказать ему помощь. Аспарух погиб в неравной битве». Насколько сходно данное описание с летописной картиной гибели Святослава. Только в данном случае воин в белой рубахе не Святослав, а Аспарух, черные степные наездники – не печенеги, а хазары.

Доктор исторических наук, профессор Георгий Шаповалов констатирует: «Всего было похоронено около тридцати человек. И это однозначно было захоронение людей, погибших в бою» [5].

Кандидат исторических наук, доцент Михаил Ельников дополняет: «Это был поминальный комплекс, поскольку в одной яме было найдено несколько наслоений. То есть эта могила заполнялась в несколько этапов, это не одномоментное захоронение. Совершались определенные ритуалы, жертвоприношения (оружием, животными) и таким образом эта яма заполнялась. Вторая могила была заполнена пеплом и рядом с этой ямой были найдены останки около 800 лошадей – т.е. – это грандиозное жертвоприношение» [7, 26].

Интересен тот факт, что захоронение или клад было проткнуто тремя саблями. Если поддержать версию, что на Вознесенской Горке были похоронены русы, погибшие в битве с печенегами, возникают вопросы: Почему захоронение было проткнуто саблями? Откуда у русов, после зимовки на Белобережье взялось 800 лошадей для жертвоприношения? Почему обряд захоронения напоминает больше степной, нежели варяжский?

Похороны знатного руса были описаны Ибн Фадланом. Некоторые элементы сходны с теми, что можно реконструировать на основании находок. В X веке арабский писатель и путешественник Ахмед ибн Фадлан описал погребение вождя русов (предположительно шведа), во время экспедиции последнего по Волжскому торговому пути. Его свидетельство является уникальным источником о погребальных церемониях викингов, а также славян. В своем труде ибн Фадлан даёт наиболее детальное описание скандинавских обрядов погребения X века [10].

Сразу после смерти вождь был похоронен во временной могиле, пока для него шили новые одежды. Через десять дней, когда были сшиты новые одежды для усопшего, тело было эксгумировано. Перед началом церемонии драккар вождя был вытасчен на берег и водружён на деревянную платформу. На корабле поместили кровать вождя, а ангел смерти положила подушку на неё. В качестве подношений вождь получил хмельные напитки, фрукты и музыкальный инструмент. После чего его положили на кровать со всем его оружием и подношениями. Затем загнали двух коней, порубили их на куски, а мясо их бросили на драккар. В конце в жертву принесли петуха и курицу.

В конце церемонии прибыли родственники почившего с факелами и подожгли драккар. Считалось, что огонь поможет умершему перейти в мир иной. На месте сожжения был сооружен круглый холм, а на его вершине водружен столб из белого тополя (хаданг) с вырезанными на нём именами вождя и его конунга. После они отплыли в своих драккарах.

Не все просто обстоит и с версией о том, что здесь был похоронен Аспарух – средний сын кагана Старой Великой Болгарии Кубрата Великого. На Полтавщине разрабатывается проект мемориального комплекса, который будет установлен на месте нахождения малоперещепинского клада и возможного захоронения Кубрата – отца Аспаруха.

Кубрат, а соответственно и его сын Аспарух относились к династии Дуло. Род Дуло конкурировал с иным тюркским родом Ашином на просторах Великой Степи. И если из рода Дуло происходили правители Гуннской империи, в том числе и легендарный Аттила «Бич Божий», то род Ашинов укоренился в Хазарии.

Вели́кая Болга́рия (Булгария) (греч. Παλαιά Μεγάλη Βουλγαρία) — кратковременное объединение болгарских племён (632 – около 671 гг.), возникшее в степях Восточной Европы вскоре после распада державы гуннов. Основная территория располагалась в причерноморских и азовских степях. Основу объединения составило болгарское племя кутригуры, которому удалось освободиться от власти аваров. Могущество последних было подорвано неудачной попыткой захвата Константинополя (626).

Хану Кубрату (632–665) удалось объединить свою орду с другими болгарскими племенами кутригуров, утигуров, оногуров и других гунно-болгарских племен (находившихся ранее в зависимости от тюркютов). Возможно, объединение болгарских племен начал хан Орган, дядя Кубрата. Никифор (IX в.), описывая события под 635 г., отмечал: «В те же самые времена восстал вновь Кубрат, родственник Органы, государь гунно-гундугов, против аварского кагана и весь народ, который находился вокруг него, подвергая оскорблениям, прогнал из родной земли. (Куврат)

прислал послов к Ираклию и заключил с ним мир, который они сохраняли до конца своей жизни. И Ираклий послал ему подарки и удостоил сана патрикия» [11].

Освободившись из-под власти Западно-Тюркского каганата, Кубрат расширил и укрепил свою державу, которую греки называли Великой Булгарией.

После смерти Кубрата, под натиском хазар Старая Великая Болгария раскололась на три части: Волжскую, Приазовскую и Дунайскую Болгарии. Орда старшего сына Батбая (Батбаян), обосновавшаяся в Приазовье, постоянно воевала с хазарами и византийцами. Впоследствии они были известны под именем «чёрных болгар» или «черных клобуков». Черные болгары упоминаются в договоре князя Игоря с Византией. Игорь обязуется защищать византийские владения в Крыму от нападений чёрных болгар. А князь Святослав Игоревич поселил их на территории Руси. Еще длительное время они, также как и берендеи и торки играли самостоятельную роль во внутренней политике Руси. А позже, наряду с иными Восточно-европейскими народами, стали основой формирования украинского этноса.

Второй сын Кубрата – Котраг получил в наследство земли за Доном. Ставка Котрага располагалась на средней Волге и Каме. Впоследствии там возникла Волжская Булгария. Волжские болгары, являются предками населения Поволжья в лице чувашей и казанских татар.

Третий сын Кубрата – Аспарух получил в наследство территорию Буджака. Отсюда он начал наступление на запад. После завоевания Добруджи у Византии в 679 году основал Первое Болгарское царство. Между болгарам и славянами, проживавшими на Балканском полуострове, был заключен союз – славяне в битве с Византией выступили пехотой, болгары как конное войско. После тщетных попыток византийского императора Константина IV покорить болгарские земли, он признал Болгарское царство в 681 году. Опираясь на поддержку славян внутри государства, Аспарух с протоболгарами мог успешно воевать с хазарами на востоке и с Византией на юге.

Часть болгарских дружин под предводительством сыновей Курбата ушли на службу к европейским монархам. Четвёртый сын Кубрата – Кубер (Кувер), со своей ордой Кубер двинулся в Паннонию и примкнул к аварам. В городе Сирмий он сделал попытку стать аварским каганом. После неудачного восстания он привел свой народ в Македонию. Там он осел в районе Керемисия и сделал неудачную попытку захвата города Салоники. После этого он исчезает со страниц истории, и его люди объединились со славянскими племенами Македонии. Пятый сын Кубрата – Альцек ушёл со своей ордой в Италию. Около 662 г. он устроился во владениях лангобардов и попросил землю у короля Гримоальда I Беневентского в

Беневенто в обмен на военную службу. Король Гримуальд отправил болгар к своему сыну Ромуальду в Беневенто, где они и осели в Сепини, Бовиане и Инзернии. Ромуальд принял болгар хорошо и дал им земли.

Сохранить последнюю кочевую империю Европы, было невозможно, поскольку в тот период каждый из правителей считал только себя наиболее достойным верховенствовать. И мы можем видеть распад в империи Карла I Великого – императора франков. Карлу удалось в ходе многочисленных битв и интриг объединить под своей десницей практически всю Западную Европу. Для подтверждения своего императорского титула Карл стремился заключить брачный союз с византийской царицей Ириной, с целью соединить, таким образом, Восток и Запад. Западные послы должны были прибыть в Константинополь осенью 802 г. для обсуждения этого вопроса, но в ту же осень 21 октября в византийской столице произошёл дворцовый переворот, лишивший Ирину власти. Престол занял Никифор I, который отказался признать Карла в качестве императора.

Никифор I Геник (760 – 26 июля 811) – византийский император (802—811). До прихода к власти руководил финансовым ведомством империи. Погиб в битве при Вырбишском проходе с болгарским ханом Крумом. Из черепа императора хан сделал чашу для пиров, отделанную серебром. Так же впоследствии поступит болгарский каган Куря с черепом Святослава Игоревича. Через 12 лет после начала конфликта византийский император Михаил I, преемник погибшего в Болгарии Никифора, формально признал за Карлом титул императора, в расчёте на поддержку Запада в борьбе с Болгарией, разгромившей византийское войско в 811 г. За признание своего императорского титула Карл уступил Михаилу I Венецию и Далмацию. Однако законность признания этого титула оспаривалась византийцами в XII и XIII вв. В феврале 806 г. Карл завещал разделить империю между своими тремя сыновьями. Людовику должны были отойти Аквитания и Бургундия, Пипину – Италия и Германия к югу от Дуная, а Карлу Молодому – Нейстрия, Австразия и Германия к северу от Дуная. Однако в 810 г. умер Пипин, а в 811 г. – Карл Молодой.

Если предположить, что князь Святослав имел династические связи с представителями рода Дуло, становиться понятными его притязания на территории которые некогда принадлежали власти жителям степи, создавшим Гуннскую империю и Старую Великую Болгарию.

Именно поэтому империя Святослава практически полностью повторила очертания Старой Великой Болгарии. А его непримиримая борьба с целым рядом империй расположенных в Восточной Европе являлись не чем иным, как попыткой восстановить справедливость. И властители соседних держав осознавали справедливость претензий Святослава на эти земли. И даже хронисты более поздних времен видели

прямую связь между предводителем руссов и его славными предшественниками.

Итак, государство Святослава Игоревича возникло на территории, на которой с древнейших времен существовали государства: Скифия, Сарматия, Гуннская империя, Великая Болгария. Предприимчивые и удачливые варяжские предводители: Рюрик, Аскольд и Дир, Олег и Игорь в союзе с дружинами сформированными вождями местных народностей захватили обширные территории Северного Причерноморья. И Киевская Русь стала полиэтническим и полирелигиозным образованием в состав которого входили осколки ранее могущественных государств имевших тысячелетнюю историю, описанную в трудах давних авторов.

Примечания

1. *Петков С.* Святослав, князь київський // Історія України. 2013. № 13 (797), липень 2013. С. 4–6.
2. Там же. С. 4-7.
3. *Петков С.* Життєпис великого київського князя Святослава I Славного (942–972 рр.). Сімферополь, 2004.
4. *Супруненко В.* Где погиб Святослав? // Ретро Запорожье // <http://retro.zp.ua/attraction/monument/319-klassiki-kraevedeniya-gde-pogib-svyatoslav.html>.
5. *Шаповалов Г.* Про місце загибелі князя Святослава Ігоревича // Память століть. 2003. № 1 (40). С. 30– 4.
6. *Міллер М.* Могила князя Святослава. Вінніпег, 1951.
7. «Вознесенський скарб»: Дві долі, два погляди ... // Упорядник О.В. Дровосєкова. Запоріжжя, 2010.
8. *Амброз А.О.* Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре – вопрос интерпретации // Древности эпохи великого переселения. М. 1982. С. 204 – 222.
9. *Білецький А.* Вознесенське поховання: проблема інтерпретації // Проблеми археології Подніпров'я: наук, міжвуз. зб. з проблем археології та давньої історії / редкол. : *І.Ф. Ковальова (відп. ред.) та ін.* – Дніпропетровськ, 2012. С. 40-49.
10. *Ибн-Фадлан.* «Записка» о путешествии // <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/fadlan.htm>.
11. Никифора патриарха Царяграда летописець вскорє // Полное собрание русских летописей // <http://znanie.podelise.ru/docs/92587/index-6547.html?page=3>.

А.С. Добычина (г. Москва, Россия)

«ВИЗАНТИЙСКИЕ» СРЕДСТВА ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ АСЕНЕВЦЕВ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ ВТОРОГО БОЛГАРСКОГО ЦАРСТВА

В последнее время среди исследований по средневековой болгарской государственности все чаще появляются работы, посвященные так называемой «проблеме византийских образцов», обусловленной тесным

взаимодействием двух культур, болгарской и византийской [1]. Вопрос о том, как усваивался и трансформировался со временем «византийский» компонент в политической культуре средневековых болгар, приобретает особую актуальность, когда речь идет о становлении в конце XII – начале XIII вв., после почти полутора веков византийского правления, независимого Болгарского государства, условно именуемого в историографии Вторым Болгарским царством.

В свое время Д.И. Польшанский сравнил модель болгаро-византийского культурного симбиоза с «глядением в зеркало», причем в качестве «зеркала» выступает не современная болгарам Византия, а «их представления о византийской христианской цивилизации» [2]. Это утверждение в полной мере относится и к болгаро-византийским отношениям конца XII в. Стремясь обосновать законность своей власти и независимость молодого Болгарского государства от Византии, его основатели – братья Петр-Феодор, Иван Асень I и Калоян – парадоксальным образом использовали в своих «антивизантийских» целях «византийские» средства легитимации, воспроизводя их в соответствии со своими собственными представлениями.

Первым прецедентом такого рода становится апеллирование болгар в ходе Тырновского восстания 1185–1186 гг. к культу «имперского» святого, патрона второго по значимости города в Византии, Фессалоники, – св. Димитрию Солунскому. Описывая выступление болгар, современник событий, византийский автор Никита Хониат подчеркивает, что сначала болгары «медлили и не решались на восстание, к которому подстрекали их Петр и Асан (Асень), опасаясь неверности такого важного предприятия» [3]. Тогда, замечает историк, «желая излечить своих земляков от явной трусости», «родные братья» Феодор-Петр и Асень, построив в небольшой горной крепости Тырново церковь во имя мученика Димитрия, собрали там «множество бесноватых из обоих родов [болгар и влахов?]» и «внушили им говорить в исступлении, будто Бог благоволил даровать свободу болгарам и влахам, будто соизволил снять с их шеи временное ярмо и будто с этой целью Христов мученик Димитрий оставил Фессалонику, покинул тамошний храм, не захотел более пребывать с ромеями и перешел к ним, чтобы быть им помощником и сотрудником в их деле» [4]. «Одушевленный такого рода прорицаниями, – пишет Хониат, – весь народ вооружился поголовно, и так как с самого начала дела мятежников пошли успешно, то они еще более уверились, что Бог посылает им свободу» [5].

Как видно из описания Хониата, прорицания о покровительстве великомученика восставшим болгарам произвели колоссальный эффект. Несомненно, что выбор святого-покровителя предприятия не был случайным, так же, как и время восстания, приуроченного к празднованию

дня памяти фессалоникийского великомученика [6]. Как известно, к концу XII в. культ св. Димитрия достиг расцвета не только в Византии, но и в болгарских и древнерусских землях, а сам великомученик превратился в помощника и заступника не только Фессалоники и ее жителей, но и самих византийских императоров и других носителей военно-политического авторитета [7]. Иначе говоря, обращение к этому культу в конце XII в. со стороны мятежных болгар стало естественным следствием того «имперского», престижного и даже политизированного статуса и, следовательно, пропагандистского потенциала, которым сам культ был наделен к этому времени усилиями византийских императоров и, прежде всего, династии Комнинов [8].

В то же время для привлечения на свою сторону колеблющихся в выборе соплеменников Петру и Асеню едва ли было достаточно простой «ссылки» на авторитет святого – необходимы были какие-то материальные свидетельства «живого» присутствия великомученика среди восставших болгар. Появление в Тырново одного из важнейших свидетельств такого присутствия было обусловлено трагическими событиями августа 1185 г., когда весь «город св. Димитрия» Фессалоника, включая знаменитую базилику, посвященную великомученику, подвергся разорению со стороны войск сицилийского короля Рожера II (1130–1154 гг.) [9]. Падение некогда неприступной крепости, охраняемой небесным воином Димитрием, под ударами «варваров»-норманнов произвело эффект разорвавшейся бомбы не только в столичном Константинополе, но и в болгарских землях, куда, по всей видимости, хлынули потоки беженцев из Фессалоники и ее окрестностей. Вероятно, с кем-то из них или благодаря болгарским защитникам Фессалоники, сумевшим спасти святыню, в руки предводителей восстания попадает некий широко почитаемый образ св. Димитрия, использованный ими как доказательство «живого» присутствия великомученика в рядах восставших [10].

Согласно представлениям средневекового христианина, любое перемещение святыни происходит лишь с «санкции» самого Небесного Покровителя (или Покровительницы), но отнюдь не по желанию конкретного человека. По замыслу Феодора-Петра и Асеня, внезапное появление во время празднования в Тырново дня св. Димитрия его чудотворного фессалоникийского образа должно было окончательно убедить даже наиболее стойких противников конфликта с империей в наличии «божественной санкции» на восстание.

Следующим средством легитимации, почерпнутым болгарами из византийского «арсенала», становится церемония венчания на царство старшего из Асенецев, Петра. Согласно Никите Хониату, один из братьев, называвшийся ранее Феодором, принимает имя Петра и проходит обряд «венчания на царство»: «увенчивает голову золотой диадемой, а на ноги

надевает пурпурные сандалии» [11]. Примечательно, что, описывая это событие, византийский писатель намеренно употребляет устаревшие термины для царских регалий, чтобы подчеркнуть нелепость события [12]. Однако, несмотря на ироничность тона автора, можно предположить, что какая-то имитация византийского церемониала с привлечением характерных элементов в виде золотой диадемы и пурпурных сапожек, действительно имела место и вновь служила средством легитимации власти родоначальников новой болгарской династии.

С развитием антивизантийского движения и укреплением молодого Болгарского государства византийская власть не прекращает попыток вернуть болгарские земли в сферу своего влияния [13]. В то же время вхождение сопредельных территорий в состав Болгарии требует привлечения новых средств легитимации. Спустя всего 5 лет после начала восстания поддержка антивизантийского движения ни на северо-востоке, ни на юге, во фракийских землях и Причерноморье, очевидно, еще не была повсеместной. Характерным примером тому может служить упомянутый в «Истории» Никиты Хониата безымянный проводник из «варваров», который во время сражения в Тревненском перевале 1190 г. (окрестности совр. г. Трявна, Болгария) выводит севастократора Дуку из устроенной болгарами засады [14]. О неустойчивости настроений местного населения косвенно свидетельствует и сообщение Георгия Акрополита о том, что при приближении войск Исаака II Ангела к Тырново незадолго до сражения у Тревненского перевала «этот городок» на следующий день собирался сдаться» [15].

С последним обстоятельством связан не менее значимый прецедент использования болгарами «византийских» средств легитимации в «антивизантийских» целях. В 1190 г. после похода императорских войск на болгарскую столицу Тырново, который заканчивается катастрофическим поражением войск византийского императора в Тревненском перевале, в руках болгарских предводителей оказываются доспехи византийцев, все снаряжение византийского войска, а также вещи самого императора. По сообщению Георгия Акрополита, болгарам «достались высокие шапки императора, фиалы знатных мужей, множество денег и даже сам императорский крест. Они нашли его вскоре в реке, куда он был брошен кем-то из священников» [16]. Как пишет византийский автор, «крест был сделан из золота, заключал посередине вырезанный в форме креста [кусочек] священного Древа, на котором был распят владыка Христос, а, кроме того, имел множество маленьких ларцов, в которых хранились мощи прославленных мучеников, молоко Богоматери, кусочек ее пояса и многое другое» [17].

Повышенное внимание к факту перехода в руки болгар креста и подробное его описание позволяет говорить о том, что эта вещь была

уникальна и, по-видимому, являлась одной из «жемчужин» императорской коллекции реликвий. По преданию, доставшийся болгарам крест был создан в IV в. при императоре Константине Великом [18]. Помимо креста, значительной денежной суммы, драгоценных чаш-«фиалов» и доспехов, доставшихся болгарам в Тревненской битве, особую ценность в глазах победителей должны были представлять и «высокие шапки», или, иначе говоря, пирамидальные короны, — реплики тернового Венца Спасителя, символизирующая избранность правителя, призванного быть наместником Бога на земле [19]. Переход короны в руки нового владельца, как и в случае с любой христианской святыней, означал проявление Божьей воли, а значит, с переходом пирамидальных корон в руки Петра и Асеня провозглашенное во время восстания утверждение о том, что «Бог благоволил даровать свободу болгарам и влахам», получало свое окончательное подтверждение, а статус Болгарского царства как «богохранимого» — материальное выражение.

Использование «византийских» средств легитимации в «антивизантийских» целях для утверждения власти Асеневцев в болгарских землях в конце XII в., несомненно, было связано с долгим, почти полуторавековым пребыванием болгарских земель в составе империи. За это время появились поколения, не заставшие собственной независимой государственности и выросшие в новых, имперских, реалиях, которые воспринимали византийскую власть как легитимную [20]. Служение Византии в их глазах уже не выглядело предательством — скорее, оно расценивалось как средство достижения жизненного успеха: богатства, власти и авторитета. В конце XII в. в болгарском обществе оформляется новая социально-имущественная группа, которую условно можно назвать «новой знатью», обладающая определенным материальным благосостоянием и статусом, но стремящаяся к получению широких властных полномочий в своих землях [21]. Будучи сами выходцами из «новой знати», Асеневцы, очевидно, понимали, что успех их предприятия зависит не только от большинства соплеменников со средним и низким уровнем достатка (едва ли имевших повод «колебаться», как описывал Хониат, в своем недовольстве существующей властью и ее постоянными налоговыми нововведениями), а, прежде всего, от тех, кто не понаслышке был знаком с византийской религиозно-политической практикой, проявлял лояльность византийской власти и, в случае неудачи предприятия Асеневцев, терял все возможные перспективы в рамках имперской системы. Именно для этой группы лиц предназначались «византийские» инструменты легитимации власти и формировался навеянный византийским «зеркало» образ нового, «богохранимого» и могущественного, Болгарского царства.

Примечания

1. Например: *Иванов С.А.* Формы легитимации верховной власти в Болгарии XI–XII вв. // *Славяне и их соседи*, выпуск 12. Анфологион: власть, общество, культура в славянском мире в средние века. Москва, 2008. С. 66–75; *Полывянный Д.И.* Культурное своеобразие средневековой Болгарии в контексте византийско-славянской общности IX–XV веков. Иваново, 2000; *Илиева Л.* Пространното житие на Климент Охридски и проблемът за българо-византийския културен синтез // *Византия в собствените ѝ очи и в очите на другите*. София, 2007. С. 160–176; *Чешимеджиев Д.* Българската държавна традиция в апокрифите: цар Петър в Българския Апокрифен Летопис от XI–XII в. // *Българско Средновековие: общество, власт, история*. София, 2013. С. 262–271.

2. *Полывянный Д.И.* Культурное своеобразие средневековой Болгарии в контексте византийско-славянской общности IX–XV веков. Иваново, 2000. С. 69.

3. Так передает этот рассказ С.А. Иванов: *Иванов С.А.* Общественная мысль в Болгарии в XI–XIII вв. // *Власть и общество в литературных текстах Древней Руси и других славянских стран (XII–XIII вв.)*. М., 2012. С. 111–112. Греческий текст: *Nicetae Choniatae*. Historia. Rec. I. A. van Dieten (=Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. 11/1). Berolini et Novi Eboraci, 1975. P. 371.

4. Там же.

5. Там же.

6. *Prinzing G.* Demetrios-Kirche und Aseniden-Aufstand. Zur chronologischen Präzisierung der Frühphase des Aseniden-Aufstandes // *Зборник радова Византолошког Института*. Београд, 1999–2000. Т. 38. S. 257–265.

7. *Иванова О.В., Турилов А.А., Лукашевич А.А., Преображенский А.С.* Димитрий Солунский // *Православная Энциклопедия*. Т. XV. М., 2007. С. 165–177; *Търкова-Займова В.* Le culte de Saint Demetrius à Byzance et aux Balkans (Problemes d'histoire et de culture) // *Das Christentum in Bulgarien und auf der übrigen Balkan halbinsel in der spätantike und im früher Mittelalter (Miscellanea Bulgarica 5)*. Wien, 1987. P. 139–146; *Walter J.* St. Demetrius: The Myroblitos of Thessalonika // *Eastern Churches Review*. 1973. Vol. 5. № 2. P. 157–178.

8. Подробнее см.: *Добычина А.С.* «Имперский» святой: культ св. Димитрия Солунского у византийцев и славян в конце XII века // *Родина*. 2013. № 1. С. 103–105.

9. *Евстафий Солунский*. О пленении латинянами города Фессалоники. Сообщение Евстафия, архиепископа Фессалоникийского о последнем, как мы надеемся, завоевании этого города // *Памятники византийской литературы IX–XIV вв.* М., 1969. С. 240–241; *Цекански летопис* // *Латински Извори за българската история*. Т. IV. София, 1981. С. 139–140; *Nicetas Choniata*. Historia... P. 305–306; *Eustazio di Tessalonica*. La espugnazione di Tessalonica. Palermo, 1961.

10. *Гюзелев В.* Чудотворна икона на св. Димитър Солунски в Търново през 1185–1186 г. // *Любен Прашков – реставратор и изкуствовед*. Материали от научната конференция, посветена на 70-годишнината на проф. доктор Любен Прашков, проведена във ВТУ «Св. Кирил и Методий», 14–15 декември 2001 г. София, 2006. С. 36–39; *Дуйчев И.* Проучвания върху българското Средновековие. София, 1945. С. 48.

11. *Nicetas Choniata*. Historia... P. 371.

12. *Атанасов Г.* Инсигниите на средновековните български владетели. Корони, скиптри, сфери, оръжия, костюми, накити. Плевен, 1999. С. 122–129.

13. Подробнее о развитии событий см.: *Божилов И., Гюзелев В.* История на средновековна България. VII–XIV век (=История на България в три тома. Т. I). София, 1999. С. 429–436; *Ritter M.* Die vlacho-bulgarische Rebellion und die Versuche ihrer Niederschlagung durch Kaiser Isaakios II. (1185–1195) // *Byzantinoslavica*. 2013. № 71 (1–2). S. 162–210.

14. *Nicetas Choniata. Historia...* P. 430.
15. *Георгий Акрополит. История / Отв. редактор ак. РАН Г.Г. Литаврин.* СПб, 2013. С. 55.
16. Там же.
17. Там же. С. 55—56; *Theodorus Scutariota. Compendium Chronicum // Гръцки извори за българска история.* Т. 8. София, 1972. С. 251-252.
18. Там же.
19. *Лазаров И.* Политическа идеология на Второто българско царство (XII–XIII в.). Генезис. Велико Търново, 2003. С. 24-27.
20. *Литаврин Г.Г.* Еволюция етническото самосъзнание на българската знат в епохата на византийското господство // *Елита и етнос Средновековието.* М., 1995. С. 170–177.
21. Там же; *Николов Г.Н.* Българите и Византийската империя (август-ноември 1185 г.) // *Тангра. Сборник в чест на 70-годишнината на акад. Васил Гюзелев.* София, 2006. С. 597-617; *Guiland R.* Byzance et les Balkans, sous le regne d'Isaac II Ange (1185–1195) // *Actes du XII Congrès International d'Études Byzantines.* Т. II. Beograd, 1964. P. 125–137.

Е. Хаджиниколова (г. София, България)

БРАТСТВО «ПРОСВЕЩЕНИЕ», МОСКОВСКИЯТ СЛАВЯНСКИ КОМИТЕТ И БЪЛГАРСКОТО ЦЕНТРАЛНО БЛАГОТВОРИТЕЛНО ОБЩЕСТВО (1876 г.)

На Балканите през 1875–1878 г. избухва Източна криза, която първоначално се обуславя от въстанията в Босна и Херцеговина. През 1876 г. кризата се задълбочава с Априлското въстание в българските земи, последвано от сръбско-турска война. Всичките тези националноосвободителни движения привличат вниманието на Московския славянски комитет. В резултат за Сърбия заминават през сръбско-турската война руски доброволци, които влизат в състава на сръбската армия на Тимошко-Моравския фронт. На този фронт идват също български чети, възглавени от свои войводи, но поставени под командването на руския генерал Михаил Григориевич Черняев, член на Московския славянски комитет.

Българското четническо движение в сръбско-турската война се ръководи от Българско Централно Благотворително Общество (БЦБО), създадено в Букурещ през юли 1876 г. Почетният председател на обществото е Владимир Семьонович Йонин, чиновник в руското министерство на външните работи и член на Московския славянски комитет. БЦБО изпраща българските чети на Тимошко-Моравския фронт, но ги поверява на Филип Тотю, техния «главен войвода» [1].

БЦБО свързва своята дейност през сръбско-турската война с Московския славянски комитет, но цялата дейност на българското

четническо движение се поема от Киряк Цанков, председателя на организацията. Негови помощници са членовете на БЦБО и комитетите в Румъния и българските земи [2]. В ръководството на БЦБО се извършва помирение на революционно-демократичното и либерално-реформисткото движение от средите на Българския Революционен Централен Комитет (БРЦК) в Букурещ [3]. В резултат във него през 1876 г. инициативата поемат «младите» в национално-освободителното движение, опиращи се на българските общини в Болград, Гюргево, Браила, Крайова, Слатина, Галац, Турну-Магуреле и Плоещ [4]. «Младите» в БЦБО се ръководят от надеждата, че ще подготвят въстание в българските земи. По тази причина Стефан Стамболов пише, че «само ако има въстание в България, ние можем да се надяваме за едно по-честито и светло бъдеще» [5].

БЦБО обединява «младите» в българското национално-освободително движение, но сред тях се запазват техните остри противоречия, оформили се през 70-те години в БРЦК. През 1873–1875 г. в БРЦК укрепват революционните среди около Ст. Стамболов, Христо Ботев, Тома Кърджиев и др. [6]. Тези среди са недоволни от провежданата политика към Сърбия от Любен Каравелов, Иван Адженов, Иван Грудов, Иван Кавалджиев, които предпочитат да се опират на едрата българска буржоазия («старите») и на тяхната одеско-букурешка и цариградска групировка [7]. В резултат на 7 август 1876 г. част от ръководството на БЦБО напуска организацията. В нея те се заменят от Олимпий Панов, Петър Енчев, Павел Наботков, Иван Вазов, Димитър Павлов Иванов, Стефан Стамболов и Павел Христов Висковатов [8]. За тези промени Ал. Бурмов пише, че БЦБО минава изцяло «в ръцете на революционерите...» [9]. Организацията веднага изработва свой план за въстание в българските земи, което ще се подкрепя от българските чети в сръбско-турската война. През ноември 1876 г. БЦБО свиква Народен събор, който приема «Политическа програма» за формирането на независимата българска държава от България, Тракия и Македония [10].

Укрепването на революционните среди на «младите» в ръководството на БЦБО поставя въпроса за мястото на българите в национално-освободителните борби на балканските народи. Известно е, че през 1873 г. Търновският революционен комитет, в чийто състав са Ст. Стамболов, Никола и Георги Живкови, прекъсват взаимоотношенията си с Л. Каравелов [11]. Комитетът се обявява за Централен комитет в българските земи и от 1874 г. започва да работи само с Русенския комитет. През 1875 г. Хр. Ботев се свързва със Ст. Стамболов, оформяйки групировка, която заедно с Филип Тотю и Одеската дружина, започва да подготвя въстание.

От друга страна, Ст. Стамболов се включва в БЦБО, когато се извършва промяната в организацията на 7 август 1876 г. Тогава в БЦБО

влиза и Димитър П. Иванов, председателят на Братство «Просвещение». Д. П. Иванов ръководи Цариградската организация от 1872 г., веднага щом като Българската Екзархия се обявява за «схизматична» и се застрашава нейното съществуване след избора на екзарх Антим [11а].

Братство «Просвещение» се основава през 1868 г. в Цариград и се помещава при Българската църква на Фенер. Един от неговите видни създатели е Григорий Хилендарски (митрополит Григорий Доростоло-Червенски). Сред заслужилите му дейци е Петър Мусевич, деловодителят на организацията през целия период на нейното съществуване до 1876 г. [12]. Д.П. Иванов, преди да влезе в Братството, е член през 1866-1869 г. на Цариградското българско читалище, а през 1869 г. създава Търновското читалище «Надежда» (1869–1872 г.). През 1869 г. той се включва в работата на Братството и от февруари 1872 г. е неговият председател [13].

Братство «Просвещение» има права, дадени му от Българската Екзархия, да се грижи за църковно-просветните борби на българите в Южна Македония [14]. По тази причина то участва в създаването през 1868 г. на Солунската българска община и спомага за работата на Македонската българска дружина в Цариград [15]. Трудността, в която изпада Екзархията след избора на екзарха през 1872 г., оказва влияние върху църковно-просветните борби на българите в Южна Македония. Тогава Братството и Цариградското българско читалище, подкрепени от екзархийското ръководство, създават «Касата за бедните училища», която замества Македонската българска дружина [16]. Братството и «Касата за бедните училища» преминават веднага под прекия контрол на Екзархията [17].

Обявената «схизма» за Българската църква и последвалия я натиск от страна на Гръцката Патриаршия предизвикват посещение през 1873 г. на П. Мусевич в Москва [18]. «Братският» деец отпътува за руската столица, за да разговаря по «екзархийския въпрос» с дейците на Московския славянски комитет [19]. Той успява да се свърже с комитета благодарение на Марин Дринов [20]. В резултат Мусевич има срещи с Михаил Петрович Погодин и Иван Сергеевич Аксаков [21].

От Москва Мусевич отива в Одеса. Тук той се среща, по настояване на Найден Геров, с българската емиграция в града [22]. В Одеса, където от двадесет години работи Одеското българско настоятелство, Мусевич събира сведения за българските офицери в Одеския военен окръг. Братството успява също да се свърже с одеските български търговци, които през 1871 г. закупуват оръжие за четата на Филип Тотю [23].

Филип Тотю е виден български войвода, който участва в редица важни моменти от националноосвободителните борби на нашия народ. Той живее от 1869 г. в Одеса, а през 1870 г. изпраща на полк. Иван

Кършовски списък на българските офицери в Одеския военен окръг [24]. Според Сергей Н. Никитин оръжие за четата Филип Тотю се подготвя в Николаевски арсенал, но то никога не преминава в разпореждане на българите, дори и при създаването на БЦБО [25]. Следователно, отделно от руското оръжие, одеските българи набавят по свой път снаряжението за Филип Тотю, «главния войвода» на четите през сръбско-турската война 1876 г.

Мусевич престоюва в Русия една година (1873–1874 г.), а през това време Братство «Просвещение» не прекъсва връзките си с Д.П. Иванов [26]. През тези години организацията понася много несправедливи обвинения във връзка със своя престой в Москва, но въпреки това то продължава да се грижи за укрепването на Екзархията и за църковно-просветните борби [27]. При този свой престой си в Москва Мусевич работи в тясно сътрудничество с Одеското българско настоятелство [28].

Мусевич идва в Русия с препоръки от Екзархията и от граф Николай П. Игнатиев, предназначени за редица славянофилски дейци. Така той бързо се приема от Московския славянски комитет [29]. По същото време Братството в Цариград продължава да издържа българските училища край турската столица и да финансира образованието на «своите македонски братя» [30]. През 1874 г. Мусевич се включва в обиколките из македонските български селища, провеждани от Никола Живков, виден деец на Братството. Те двамата искат тогава да възстановят Македонската българска дружина [31]. Според в «Независимост», издаван от Л. Каравелов, Живков води борбата за Дружината, защото е бивш член на Русенската книжарница на Христо Г. Данов [32].

Мусевич получава през 1873 г. в Москва благоразположението на протопрезвитер Йоан Леотиевич Янишев, ректора на Петербургската духовна академия и духовник на «техни императорски величества» [33]. Протопрезвитер Янишев е основателят на «Церковный вестник» и член на Петербургския славянски комитет. През 1873–1874г. Мусевич живее в руската столица в дома на Михаил Андреевич Бухтев [34]. Тогава той провежда разговори с К.П. Победоносцев, член на Държавния съвет и на Департамента по граждански и духовни дела. Него го посреща приятелски и Д.А. Толстой, обер-прокурор на Светия синод и др. [35]. Благодарение на Тодор Минков от град Николаев и на проф. Владимир Ив. Ламански, Мусевич успява да подаде «Докладна записка» до императрицата, получавайки от нея обещанието, че «България няма да бъде оставена» [36].

През Източната криза (1875–1878 г.), когато избухва сръбско-турската война, Мусевич отива, по искане на Московския славянски комитет, в Белград [37]. Одеското българско настоятелство подкрепя неговата мисия

в Сърбия чрез Николай М.Тошков, Николай Хр.Палаузов, Васил Н.Рашеев и хаджи Мина Пашов [38].

Мусевич посещава отново Москва в края на 1876 г., когато се очаква избухването на руско-турска война. Това той извършва със знанието на архимандрит Методий Кусев от Прилеп и при удобрението на Пловдивската митрополия [39]. На път за Русия Мусевич посещава българските селища в Южна Македония и получава подкрепата на Солунската българска община [40].

От друга страна, Д.П. Иванов, бившият председател на Братство «Просвещение», влиза през 1874 г. в ръководството на «Дружеството за разпространение на полазни знания» в Букурещ, свързано с десните среди на «младите» в БРЦК, обединени от Иван Адженев и Любен Каравелов [41]. Тези дейци не удобряват подготовката на въстание в българските земи, провеждана от Христо Ботев и Стефан Стамболов. Те се насочват към подпомагане на въстанието в Херцеговина и създават на 21 август 1875 г. Българското Човеколюбиво Настоятелство, подновено на 1 май 1876г. Средите около «Дружеството за разпространение на полезни знания» също помагат на българските чети в сръбско-турската война, получавайки подкрепа от «старите» [42].

Когато през юни 1876г.избухва сръбско-турската война, К. Цанков, Панайот Хитов, Филип Тотю и Д.П. Иванов подписват «Възвание на Привременното българско правителство», което поема ръководството на българските чети в Сърбия и «военното управление на България» [43]. Междувременно Филип Тотю се назначава за «главен войвода на българските чети в Сърбия» [44]. Филип Тотю е член на Одеската дружина, с която през март 1876 г. се свързва Георги Живков [45]. Преговорите с Одеската организация Г. Живков води от името на Търновския революционен комитет. Член на тези търновски среди е Ст. Стамболов.

Филип Тотю влиза през 1875 г. в Одеската дружина (Българския комитет в Одеса), която през Източната криза (1875–1878 г.) работи с Одеското българско настоятелство [45a]. Одеската дружина се председателства от Спиро Стоманяков и поддържа връзки с Хр. Ботев. Неин емисар е Трифон Панов, който участва в преговорите със сърбите в Букурещ през март 1876 г. и се включва в Браилското събрание от с.г. Одеската дружина иска въстание на българския народ през сръбско-турската война от 1876 г. [46].

Г. Живков, както вече се посочи, е виден деец на Братство «Просвещение» и на неговата политика в областта Македония. В революционните борби на македонските българи той участва заедно с Филип Симидов, член на Одеската дружина [46a]. Член на Одеската

дружина е също Филип Тотю. Ф.Симидов обаче не подкрепя Тотю, който е в Одеската дружина. Той се чувства в организацията част от Търновския революционен комитет, в чиито среди са братя Живкови и Ст. Стамболов. От името на тези среди Ф. Симидов свързва Филип Тотю с Георги и Никола Живкови през 1876 г. [47] Ф. Симидов пише в своите спомени, че работи през сръбско-турската война от името също на Българския Революционен Комитет (БРК) в Букурещ. В Сърбия отива с удобрението на братя Живкови и на Търновския комитет [48]. Одеската дружината участва също в подготовката на Ботевата чета [49].

Филип Тотю, който е съпричастен към «старите» и към Одеското българско настоятелство, не приема пушките, които му предлагат братя Живкови, когато той се среща с тях на път за Сърбия [50]. Филип Тотю използва пушките, закупени през 1871 г. от Одеското българско настоятелство чрез Николай М. Тошков [51].

Филип Тотю формира щаба на своята чета, която нарича «Балкански лъв». В щаба ѝ той включва дейци, съмишленици и на Хр. Ботев. Това е Никола Живков [52]. В щаба влиза също и Д.П. Иванов, свързан с Л. Каравелов, Ив. Адженов и десницата на «младите» в БРЦК и през сръбско-турската война [53]. Д.П. Иванов става касиер и секретар на четата, а Георги и Никола Живкови се изпращат в дипломатическия корпус на ген. Черняев в Сърбия [54].

Петър Мусевич и Димитър П.Иванов са видни дейци на Братство «Просвещение» през 1872–1875 г. Те работят с Екзархията и дейно участват в църковно-просветните борби на македонските българи. По тази причина те потърсват през 1873 г. връзки с Московския славянски комитет, които те запазват и през Източната криза (1875–1878 г.) През времето на сръбско-турската война от 1876 г. Димитър П. Иванов насочва Братството към сътрудничество с Каравеловата група в БЦБО. Дейците на Братството обаче не се отрпват от членовете на Търновския революционен комитет. Така те работят в БЦБО заедно със съмишлениците на Хр.Ботев в българското националноосвободително движение през 1876 г.

Бележки

1. *Хаджиниколова Ел.* Българите в сръбско-турската война 1876 г. София, 1996. С. 76.

2. *Бурмов Ал.* Българският Революционен Централен Комитет (1868–1877). София, 1950. С. 154–169; *Генов Ц.* Славянските комитети в Русия и българското освободително дело (1858–1878). София, 1986. 207 с.; *Косев К., Дойнов Ст.* Освободителната война 1877–1878 и българската национална революция. София, 1988. С. 135; *Стоянов Ив.* Славянските комитети и българското освободително движение след Априлското въстание 1876. София, 1992. 122 с.

3. *Косев К., Дойнов Ст.* Освободителната война 1877–1878. С. 135; *Шарова Кр.* Българската национална акция в Европа след Априлското въстание и Русия.

Освобождението на България и руската общественост. Летопис на дружбата. Т.6. София, 1977. С. 211.

4. *Бурмов Ал.* Пос. съч. *Шарова Кр.* Българският въпрос пред Европа през 1876. България в света от древността до наши дни. Т.1. София, 1979, С. 492. *Същият.* Български външнополитически акции пред Европа през XIX в. до 1877 // Исторически преглед (ИП). ЛП,1996, № 4. С.59.

5. *Косев К., Дойнов Ст.* Освободителната война 1877–1878. С. 137.

6. *Бурмов Ал.* Българският Революционен Централен Комитет. С. 115–158. *Косев К., Жечев Н., Дойнов Д.* История на Априлското въстание 1876. София, 1976. С. 156, 169 и др.

7. *Бурмов Ал.* Пос. съч.. С. 156–158. *Гандев Хр.* Априлското въстание 1876. София, 1974. С. 87–94; *Косев Д.* Мисли по дискусиата за ролята на българската буржоазия в национално-освободителното движение // ИП. 1977. №1. С. 103–105; *Митев Й.* История на Априлското въстание 1876 г. Т.1.София, 1986. С. 128; *Косев К., Дойнов Ст.* Освободителната война 1877–1878. С. 135; *Същите.* История на Априлското въстание 1876. С. 206; *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960. С. 330–341.

8. *Бурмов Ал.* Български Революционен Централен комитет. С. 158; *Косев К., Дойнов Ст.* Освободителната война 1877–1878. С. 135.

9. *Бурмов Ал.* Български Революционен Централен Комитет. С. 158.

10. Пак там.

11. *Косев К., Жечев Н., Дойнов Д.* История на Априлското въстание 1876. С. 149, 154, 156, 169, 177, 203, 223, 260, 327.

11а. *Начов Н.* Цариград като културен център на българите до 1877. София, 1925. С. 72–75; *Христов Хр.* Освобождението на България и политиката на западните държави (1876–1878). София, 1968. С. 40–49; *Шарова Кр.* Българската национална акция в Европа след Априлското въстание и Русия. С. 257.

12. *Маркова З.* Българската Екзархия (1870–1879). София, 1989. 397 с.; *Хаджиниколова Ел.* Българите срещу сръбското проникване в Македония. Велико Търново, 2003, 381 с.; *Същият.* Доротей Софийски-митрополитът на Скопска епархия на Българската Екзархия (1874). София, 2012, 231 с.

13. *Начов Н.* Цариград като културен център на българите. София, 1925. С. 72, 89; *Радев Ив.* История на Велико Търново (XVIII–XIX в.). Велико Търново, 2000. С. 644; *Хаджиниколова Ел.* Българите срещу сръбското проникване в Македония. С. 149; *В. «Македония».* Бр. 30 от 23.8.1869. Според в. «Право» Д.П. Иванов е председател на Братството и през 1873 г. (В. «Право». Бр. 4 от 7.4.1873; Бр. 16 от 30.6.1873; Бр. 18 от 13.7.1873; Бр.17–18 от 14.7.1873).

14. *Начов Н.* Цариград като културен център. С. 72; *Ванчев Йорд.* Новобългарската просвета в Македония през Възраждането. София, 1982. С. 62.

15.. *Алексиев Вл.* Създаването на българската община в Солун // Сборник Солун (издание на възпитателите и възпитаниците на Солунската българска гимназия). София, 1934. С. 195–208; *Генчев Н.* Поглед върху просветното развитие в Македония през XIX в. до 1878 г. // Пламък на Солунския светилник. Юбилеен сборник. София, 1970. С. 38, 59; *Снегаров Ив.* Солун в българската духовна култура. Исторически очерк и документи. София, 1937. С. 60.

16. *Маркова З.* Пос съч.

17. *Алексиев Вл.* Създаването на българската община в Солун. С. 204–208; *Начов Н.* Цариград като културен център. С. 64–65.

18. *Кирил патриарх български*. Екзарх Антим (1816–1888). София, 1956. С. 674–675; *Начов Н.* Цариград като културен център на българите. С. 133; Според в. «Право» тези посещения в Русия са във времето, когато Братството все още се ръководи от Д.П. Иванов (В. «Право». Бр. 20 от 28.7.1873; Бр. 36 от 17.11.1873).
19. *Кирил патриарх български*. Екзарх Антим (1816–1888). С. 512–513; *Хаджиниколова Ел.* Българите срещу сръбското проникване в Македония. С. 156–157.
20. *Езекиев С.* Марин Дринов и българската интелигенция в Цариград през Възраждането // Марин Дринов. Сборник статии. София, 1989. С. 97–101;
21. *Кирил патриарх български*. Екзарх Антим. С. 512–513.
22. *Из архивата на Найдено Геров*. Кореспонденция с частни лица / Под редакцията на Тодор Панчев. Т. 2. София, 1914 (Писмо от Т. Пенев. Одеса, 14 август 1873).
23. *Косев К., Жечев Н., Дойнов Д.* История на Априлското въстание 1876. С. 67; *Унджиев Ив.* Васил Левски. София, 1993. С. 403, 409.
24. *Унджиев Ив.* Пос. съч. С. 409.
25. *Никитин С. А.* Славянские комитеты в России. Москва, 1964. С. 249.
26. *Начов Н.* Цариград като културен център на българите. С. 72–75.
27. В. «Право». Год. VIII. Бр. 4 от 7.4.1873; Пак там. Бр. 16 от 30.6. 1873; Пак там. Бр. 18 от 13.7. 1873; Пак там. Бр. 17–18 от 14.7. 1873; Пак там. Бр. 19 от 20.7.1873; Пак там, бр.20 от 28.7. 1873; Пак там. Бр. 36 от 17.11. 1873. В. «Турция». Год. IX. Бр. 19 от 22.6.1873.
28. В. «Турция». Год. IX. Бр. 19 от 22.6.1873.
29. Национална Библиотека «Св. св. Кирил и Методий». Български исторически архив (НБКМ-БИА). Ф. 605. А. ед. 1; *Мусевич-Бориков*. Записки (1840–1914). Кн. 2. С. 601.
30. В. «Право». Год. VIII. Бр. 35 от 9.11.1873; В. «Век». Бр. 37 от 21.9.1874;
31. В. «Век». Бр. 37 от 21.9.1874; *Хаджиниколова Ел.* Българите срещу сръбското проникване в Македония. С. 171–189;
32. В. «Независимост». Бр. 48 от 14.9. 1874.
33. НБКМ-БИА. Ф. 605. А. ед.1. Л. 609.
34. Пак там.
35. Пак там. С. 603.
36. Пак там. С. 604.
37. Пак там. *Генов Ц.* Славянските комитети в Русия и българското освободително дело (1858–1878). София, 1986. С. 62.
38. НБКМ-БИА. Ф. 605. А. ед.1. Л. 605–609.
39. Пак там. С. 601; *Архим. Дометиан*. Методий Кусев и църковно-народната борба // 100 години от учредяването на Българската Екзархия. София, 1971. С. 281–282.
40. *Архим. Дометиан*. Пос съч. С. 605.
41. *Арнаутов М.* Любен Каравелов. Живот, дело, епоха (1834–1879). София, 1964. С. 747–748; *Бурмов Ал.* Български Революционен Централен Комитет. С.123; *Косев К., Жечев Н., Дойнов Д.* История на Априлското въстание 1876. С. 169.
42. *Арнаутов М.* Любен Каравелов. С. 754; *Бурмов Ал.* Български Революционен Централен Комитет. С. 153; В. «Отечество». Бр. 76 от 12.2.1871.
43. НБКМ-БИА. Ф. 5. А. ед. 6. Л. 192–193.
44. Пак там. ПА-8600.
45. *Косев К., Жечев Н., Дойнов Д.* История на Априлското въстание 1876. С. 156, 223, 260; *Митев Пл.* Създаване и дейност на Българския Революционен Комитет 1875. София, 1998.

- 45а. *Забунув И.Д.* Болгары юга России и национальное болгарское возрождение в 50-70-е гг. XIX в. Кишинев, 1981. С. 99, 102, 108 и др.
46. *Забунув И.Д.* Болгары юга России. С. 99.
- 46а. *Хаджиниколова Ел.* Българите срещу сръбското проникване в Македония. С. 171–183.
47. *Симидов-Стоянов Ф.* Прочутият Филип Тотю войвода (наречен «Хвърковатия Тотю»). Русе, 1900. С. 521.
48. Пак там.
49. *Унджиев Ив., Унджиева Цв.* Христо Ботев. Живот и творчество. София, 1983. С. 268.
50. *Симидов-Стоянов Ф.* Прочутият Филип Тотю. С. 522.
51. *Унджиев Ив.* Васил Левски. София, 1993. С. 403.
52. *Симидов-Стоянов Ф.* Прочутият Филип Тотю. С. 524.
53. *Бурмов Ал.* Български Революционен Централен Комитет. С. 132. *Гандев Хр.* Априлското въстание 1876. С. 87, 93; *Косев К. Жечев Н., Дойнов Д.* История на Априлското въстание 1876. С. 149; *Митев Й.* История на Априлското въстание 1876. С. 128; *Симидов-Стоянов Ф.* Прочутият Филип Тотю войвода. С. 513; Д.П. Иванов е през 1875 г. член на настоятелството на Братство «Просвещение» // В. Напредък. Бр. 32 от 8.3.1875 г.
54. *Симидов-Стоянов Ф.* Прочутият Филип Тотю. С. 543, 567.

И.М. Шугалёва (г. Запорожье, Украина)

ПРАВОСЛАВНОЕ ВОЕННОЕ ДУХОВЕНСТВО ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА В 1914-1920-Х ГГ.

В кризисные периоды истории люди часто ищут моральной поддержки в религии. Особенно во время войн, когда существует постоянная угроза потерять жизнь. Начиная со средних веков и до второй половины XIX в., в условиях ведения государствами военных действий, практиковалось служение так называемого военного клира. В мирное время этих священников отпускали служить в своих приходах.

В 1890 г., в ходе военной реформы в Российской империи была официально учреждена категория военно-морского духовенства, полномочия которой распространялись на все военные и казачьи образования: Черноморский флот, Донское и Кубанское казачьи формирования, армейские полки, расквартированные в приграничных районах. Статус военно-морского клира не был четко очерчен в российском законодательстве. Сохранились «Положение об управлении церквями и духовенством военного ведомства» [1], инструкция протопресвитера Г. Шавельского для военных священников [2].

Небольшой удельный вес военно-морского духовенства, его противоречивые отношения с церковными учреждениями, ограниченная территориальная локализация названной категории обусловили невысокую

степень разработки историками проблематики, связанной с организационной структурой военного клира. Основными источниками для исследователей остаются вышеназванные документы, а также мемуары протопресвитера военно-морского ведомства Георгия (Шавельского) [3] и епископа военно-морского духовенства Вениамина (Федченкова) [4].

В данной статье мы хотим: во-первых, определить юридические аспекты административной организации духовенства Черноморского флота, действовавшего на территории Екатеринославской, Таврической и Херсоно-Одесской епархий. Во-вторых, охарактеризовать духовно-нравственную роль клира в армии.

В начале XX в. все военное духовенство подчинялось Протопресвитеру – высшему чину в иерархии белого духовенства. Этот пост был создан во время вышеупомянутой военной реорганизации в 1890 г. Протопресвитера выбирали в ходе совещаний царя Николая II, Главнокомандующего Петербургским военным округом, военного министра и представителя от Синода. В XX в. этот пост занимали Евгений Аквилонев, после его смерти в 1911 – Георгий Шавельский.

Протопресвитер имел полномочия архиерея. Его власть распространялась на все корабли военно-морского флота. Однако в своих действиях он подчинялся военному министру. С 1912 г. в помощь в канцелярских делах, Протопресвитеру назначался помощник. При протопресвитере действовали отдельные церковные административные учреждения – духовное правление и благочиния, которые вели дела исключительно военно-морского клира. Статус флотского духовенства был специфическим. Священники и церковнослужители, как в эскадрах, так и в береговых формированиях, подчинялись не только Протопресвитеру, но и протоиерею-настоятелю Черноморского адмиралтейского собора и обер-иеромонаху. В 1916 г. императорским указом учреждалась должность главного священника Черноморского флота, на которую назначен протоиерей Г. Спасский.

Структура управления черноморским флотским духовенством оставалась без изменений, как в мирное, так и в военное время (в отличие от сухопутного военного клира, который в мирные периоды подчинялся власти епархиального архиерея, а во время войны – Протопресвитеру). Клир флота не переходил под юрисдикцию местных архиереев и консисторий и не выполнял их распоряжений. Последние считали это ограничением своих полномочий и стремились включить военное духовенство в сферу своего влияния.

Соответственно между флотским духовенством и местными церковными организациями постоянно возникали конфликты и недоразумения.

При каждом военном формировании Черноморского флота – флотилии, десантной дивизии или эскадре был священник.

Военные пастыри считались служилыми лицами. Великий князь Николай Николаевич, который был военным министром, ввел четкую иерархию военного и морского духовенства. Должность главного священника приравнивалась к рангу генерал-майора (для флота – адмирала). Полковой священник соответствовал чину капитана, диакон – поручика, псаломщик – прапорщика.

Согласно иерархии чинов, священно и церковнослужители получали от государства денежное жалование и военные награды. Порядок награды военного клира определился в годы Первой мировой войны. Пастырям дарили культовые вещи (камилавку, наперсный крест и т.д.), вручали ордена Св. Анны и Св. Владимира, их повышали в сане. В мирное время военно-морские священники совершали таинства и богослужения в подразделениях, в которых они поступили, проводили пастырские беседы, духовные чтения и т.д.

Командование флотом понимало большое значение священников в деле укрепления морального духа матросов и пыталось помогать им. Морское министерство, по инициативе адмирала В.В. Верховского, издало распоряжение, чтобы каждый молодой матрос получил Евангелие. Это было реальным средством самосовершенствования для матросов, поскольку они были глубоко религиозными и почитали духовную литературу.

Военно-морским пастырям вверялось дело образования матросов неправославной веры. Пастыри должны улаживать религиозные споры и ограничивать вероятность распространения сектантства.

Торговые корабли Черноморского флота регулярно посещали зарубежные страны. Соответственно, постоянно существовала угроза распространения иноверия среди команд. Флотские священники с помощью проповеди, собеседований, чтения религиозной литературы пытались оберегать чистоту православия. Священники организовывали так называемые братские собрания, на которых обсуждались важные на тот момент вопросы. Благородные функции военного клира сводились на нет такой отрицательной чертой как доносы и использования тайны исповеди, а также откровенных бесед с нижними чинами. История этой проблемы уходит корнями в эпоху царствования Ивана Грозного, который считал себя защитником православной церкви и поощрял доносы духовенства. В российской армии и на флоте в 1917 г. действовал циркуляр Синода, в котором военным пастырям предписывалось доносить руководству о том, что им было открыто на исповеди. В частности, сохранился рапорт благочинного Севастопольского гарнизона к протопресвитеру армии и флота, в котором излагался содержание всех исповедей в год [5].

Кардинальное изменение статуса военно-морского клира обусловила Первая мировая война. Священники лично не имели права участвовать в военных баталиях, поскольку это противоречило церковным канонам. Однако царское правительство Российской империи считало, что присутствие священников в армии и на флоте станет существенной моральной поддержкой для воинов. Глубоко религиозные моряки и солдаты искренне доверяли священникам.

Накануне войны, 1 июля 1914 г. начал работу первый Всероссийский съезд военно-морского духовенства, на который собрались представители всех военных округов: 40 сухопутных и 9 морских. В заключительный день работы съезда 11 июля 1914 г. обсуждались функции священников непосредственно во время военных действий. Кроме общепризнанных полномочий пастырей (отправление богослужений, совершения таинств, проповедничество, организация благотворительной и миссионерской работы, захоронения умерших) на священников возлагалось много новых функций. В частности, сотрудничество с врачами (для священников организовывались десятидневные медицинские курсы при госпиталях). С началом войны в священнических обязанностях входили посещения раненых, помощь раненым и малограмотным матросам в написании писем домой, организация обществ помощи родственникам погибших, оповещения родным об убитых, забота о военных могилах и кладбища.

Во время Первой мировой войны в русской армии и флоте служили около пяти тысяч человек православного клира (для сравнения: в мирное время – около 730 человек). Однако для обеспечения духовных потребностей солдат духовенства не хватало, поскольку общая численность русской армии превышала 1 млн. человек.

Для координации действий духовенства армии и флота созывалось совещания протопресвитера с главными священниками. Они происходили нерегулярно.

В условиях войны пастыри руководствовались «Положением об управлении войсками в военное время». Этот документ был разработан в ходе военной реформы 1890 г. и утвержден императором. Однако в «Положении» четко не определены все обязанности военно-морского клира. Соответственно, возникало много осложнений при выполнении священниками своих функций.

Протопресвитер Шавельский разработал инструкцию военным священникам, в которой подробно объяснил обязанности клира на фронте, на судне, в береговых и прифронтовых госпиталях. Инструкция протопресвитера давала наставления благочинным по работе в среде военного и флотского духовенства.

На флоте, согласно боевого корабельного расписания, священникам поручали подносить снаряды к артиллерийским орудиям. В 1916 г. Синод

издал «Положение о гарнизонных священников», по которому при каждом военном формировании должно быть по два священника [6]. Они подчинялись Протопресвитеру и непосредственно военному руководству. Последние требовали беспрекословного выполнения распоряжений и стремились распространить свое диктат не только на моряков, но и на клир.

С целью увеличения удельного веса военно-морского клира Синод в 1916 г. объявил дополнительную мобилизацию клира. Пастырям, попавшим под мобилизацию или записавшимся добровольцами, гарантировалось сохранение должностей в их приходах [7]. Православные священники не остались равнодушными к призыву правительства и добровольно записывались служить как в сухопутные войска, так и на флот, оставляя свои семьи и приходы [8]. Епархиальная власть не всегда была способна обеспечить сохранение должностей за священниками. В частности, в Екатеринославской епархии мобилизованных в армию местных священников освобождали от выполнения обязанностей [9].

Такая политика объяснялась тем, что во время войны наблюдались большие волны миграции клира в зависимости от успехов или поражений русской армии. При отступлении сил Юго-Западного фронта на восток вместе с солдатами приходили православные священники. Последние подавали многочисленные петиции епископу Екатеринославском Агапиту (Вишневному) с просьбами предоставить им приходы для служения [10]. Преосвященный имел возможность удовлетворить эти просьбы лишь за счет служителей собственной епархии, которые приняли статус военно-морского клира.

С целью создания духовных вакансий Агапит издал распоряжение благочинным по сбору для него сведений о бессемейных священниках, которые обнаружили согласие служить в армии, на флоте или уехать в Германию или Австрию в лагерь русских военнопленных [11].

Архиепископ Таврический Димитрий (Абашидзе) лично обратился в Синод и протопресвитера с просьбой предоставить ему должность судебного священника. Несмотря на высокий сан, архиепископ в 1918 г. добросовестно исполнял пастырские обязанности на флоте, во всем подчиняясь приказам руководства.

Таким образом, два первых года войны существенно не изменили организационной структуры института военно-морского клира. Наблюдалось только существенное увеличение удельного веса данной категории. В условиях высокой религиозности населения священники были необходимы в армии и на флоте. Они предоставляли духовно-нравственную и психологическую поддержку морякам и солдатам, стремились поднять боевой дух армии. Распространение социалистических идей, а вместе с ними и атеистических взглядов привело к усложнению

отношений священников с верующими, ослаблению военной дисциплины. Кардинальный перелом как в ходе войны, так и в психологии людей принес 1917 год. В этот год состоялся Всероссийский церковный собор, участники которого высказались категорически против вмешательства военного министра и вообще светских учреждений в жизнь военно-морского духовенства.

В мае 1917 состоялся съезд духовенства Юго-Западного фронта, на котором присутствовали и командующие всех формирований Черноморского флота. Главным в постановлении съезда был пункт о «продолжении войны до победного конца» [12]. Священники флота, которые не присутствовали на съезде, узнав о таком решении, не поддержали его. Годы войны принесли моральное истощение пастырям и их пастве. Флотские священники массово оставляли военную службу и возвращались на родину.

Подавляющее большинство клира осталась сторонником монархического строя. Не последнюю роль в выборе военно-морскими священниками силы, которую они могли бы поддержать, сыграла позиция Георгия Шавельского. Он был избран пожизненным протопресвитером военно-морского клира на соборе духовенства в 1917 г. Вскоре он присоединился к Добровольческой армии генерала А.И. Деникина. Многие представители флотского духовенства подали заявления-просьбы к Г. Шавельскому предоставить им службу в рядах белогвардейцев [13]. В Крым съехалось много православных священников из российских и украинских приходов. Севастополь стал центром военно-морского духовенства. Священники надеялись после завершения политических перипетий вернуться в свои приходы, которые в то время находились под контролем большевиков или украинского правительства Директории.

После поражения А.И. Деникина в 1920 г. роль политического и военного лидера взял на себя П.Н. Врангель. Он изменил структуру управления флотским духовенством, назначив председателем военно-морского клира епископа Вениамина (Федченкова). Главное внимание Вениамин уделял координации действий армии и флота и военно-морского клира. Вместе с тем он был министром в Совете министров при Врангеле и членом Крымского Синода. С наступлением на Крым большевистских сил представители белого движения и большинство православного духовенства вынуждены были переехать на Кубань. В целом политические события 1919–1920 гг.: Гражданская война, наступление большевиков, поражение П.Н. Врангеля в Крыму обусловили окончательный упадок Черноморского флота и духовенства, служившего на нем. Дальнейшая судьба флотских священников обстояла следующим образом: часть их успела эмигрировать, остальные остались в советской Украине, и в конце 20-х - 30-х годов стали жертвой многочисленных репрессий.

Примечания

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. СПб., 1890. Т. XX.
2. *Шавельский Г.*, протопресв. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота: В 2 т. М., 1996. Т. 2. С. 93–94.
3. Там же.
4. *Федченков В.*, еп. На рубеже двух эпох. М., 1994.
5. *Кузнецов А.* Флотские священники. Деятельность православного духовенства на флоте: Дисс. ... канд. истор. наук: <http://voskres.orthodoxy.ru/army/library/fleetpriests.htm>.
6. Центральный государственный исторический архив Украины (г. Киев) (ЦГИАУ). Ф.182. Оп.1. Д. 222. Л. 33.
7. Там же. Л. 58.
8. ЦГИАУ. Ф. 182. Оп. 1. Д. 2914. Л. 12.
9. Там же. Л. 45.
10. Государственный архив Запорожской области (ГАЗО). Ф.19. Оп.1. Д. 81. Л. 57а, 59.
11. ГАЗО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 108. Л. 34.12.
12. Съезд духовенства армий Юго-Западного фронта 5-8 мая 1917 г. в г. Проскуров. Каменец-Подольск, 1917. С. 9–15.
13. *Шавельский Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 24.

Е. П. Барабаш-Тимофеева (г. Киев, Украина)

ВАЦЛАВ ЛАСТОВСКИЙ – КООРДИНАТОР ЛИТОВСКО-БЕЛОРУССКО-УКРАИНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА (1917-1924-е гг.)

Революционные потрясения 1917–1921-х гг. в Беларуси, Украине и Литве поспособствовали тому, что их соседке Польше удалось частично заполучить территории Украины, Белоруссии и Литвы. Польский диктатор Ю. Пилсудский выдвинул в то время идею Междуморья – создания конфедерации Польши, Белоруссии, Украины и Литвы. Суть данного проекта состояла в том, чтобы при помощи «кнута и пряника», опираясь на культурное и экономическое взаимодействие, продвигаться в направлении поэтапного создания регионального политико-экономического сообщества Польши, Белоруссии, Украины, Литвы, и возможно, Латвии с рядом других приграничных стран. Ведущая роль при этом отводилась, безусловно, Польше. Притязания Пилсудского не были беспочвенными. Польша преследовала в первую очередь цель, вернуть былое политическое величие, вернуть Польшу «от моря до моря», от Гданьска до Одессы [1].

В разрез польским политическо-экономическим амбициозным планам шли планы белорусских и украинских национальных элит, добивающиеся

международного признания БНР и УНР не только «де-факто», но и «де-юре». Не менее интересной была и история борьбы за независимость Литвы в тоже беспокойное время.

Литва. В 1917–1920-х гг. Литва отличалась от других стран Балтии своими специфическими конфликтами с Советской Россией и Польшей. Утрата Вильнюса, оккупированного поляками, привела к ряду последствий. Во-первых, желание компенсировать эту потерю спровоцировало Литву захватить Мемель (Клайпеду). Во-вторых, следовало бы считаться с перемещением столицы Вильнюса в Каунас, «меньший и менее космополитичный город».

Абстрактный спор литовцев и поляков об исторической принадлежности Вильно стал приобретать характер реального конфликта за право владения регионом. Политика Варшавы, целью которой с конца 1918 г. было присоединение Виленского края к Польше любыми средствами, превратила территориальный спор сначала в польско-литовский политический, а затем и международный конфликт. Напряженные отношения двух соседних государств, некогда составлявших единую Речь Посполитую, в итоге стали одной из причин неудачной попытки создания прибалтийской Антанты в 1920-е гг.

Активная позиция советской дипломатии в польско-литовском конфликте в 1920–1921 гг. привела к тому, что уже в конце 1921 г. Москва стала играть роль арбитра в польско-литовском споре, наравне с великими державами и Лигой Наций, и, так же как и Польша, отводила Литве значительное место в обеспечении собственной безопасности. То есть, Литва в 1920-е гг., в отличие от Беларуси и Украины, свою независимость, пусть и относительную, шаткую, но получила.

В экономическом плане Литва очень пострадала от последствий Первой мировой войны как сторонница Антанты: было реквизировано практически все имущество страны, банковская система полностью развалена, промышленность фактически вся вывезена в Россию. Однако вот парадокс: персонал банков остался в Литве, а многие хозяйствующие субъекты имели опыт организации производства по западным стандартам и работы по правилам капиталистической экономики, а также имели выход на европейские рынки, что тоже имело свои последствия [2].

В *Беларуси* и *Украине* ситуация была иная. Одной из ключевых в межгосударственном сотрудничестве Украины и Беларуси в течение 1918 года оставалась проблема границ. Особую остроту она приобрела после подписания соглашения между представителями Украинской Народной Республики (УНР) и Германии (февраль 1918 г.), а позже – соглашения от 3 марта 1918 г. между Советской Россией и странами Четверного союза. Согласно Брестскому мирному договору Беларусь фактически делилась на три части. Западная – отошла к Германии и

получила название Новая Восточная Пруссия, население данных территорий становилось гражданами Германской империи. Центральная часть Беларуси считалась временно оккупированной территорией. Белорусское Подляшье признавались Германией за Украиной, и только восточные районы Белоруссии оставались в составе Советской России. Провозглашенная БНР занимала те территории, где проживало и преобладало белорусское население: в Могилевщине, в белорусских частях Минщины, Гродненщины (с Гродно, Белостоком и др.), в Виленщине, Витебщине, Смоленщине, Черниговщине и пограничных частях соседних губерний, населенных белорусами. Таким образом, Третья Уставная грамота (25 марта 1918 г.) пересматривала в свою пользу Україно-Белорусскую границу, установленную на переговорах в Брест-Литовске.

В марте-апреле 1918 г. состоялся активный переговорный процесс между представителями Центральной Рады и Белорусской Народной Республики. Однако продолжение совместных заседаний и подписание соглашения о границах было прервано установлением гетманата Скоропадского.

Спорными так и оставались: части Новгород-Северского и Городнянского уездов Черниговской губернии, южные волости Мозырского и Пинского уездов Минской губернии, части Пружанского, Кобринского и Брест-Литовского уездов Гродненской губернии.

Немалые трудности как объективного, так и субъективного характера ждали обе страны и в деле налаживания торгово-экономических связей. На первый взгляд, на их отношения влияли благоприятные геополитические факторы, опираясь на которые можно было быстро организовать взаимовыгодный товарообмен. Украинский консул в Минске А. Квасницький отмечал, «что природными богатствами Украина и Беларусь дополняют друг, поэтому помимо железной дороги было бы предпочтительней задействовать и водные пути друга» [3].

Белорусские экономические круги предлагали А. Квасницькому стать посредником в деле открытия отделения Украинского государственного банка, обещая за короткое время обеспечить до 10 миллионов рублей взносов. В то время белорусское правительство уже реализовало в Украине дров на 3750 тыс. рублей, 105 ящиков спичек, а также предлагало продажу на 4 млн. рублей леса и стеклянных изделий, кроме того, в неограниченном количестве спичек, грибов, сушеных фруктов и сена. Из государственных же запасов Украины белорусскими коммерсантами реализовывались табак, сахар, соль, гвозди, сельскохозяйственный инвентарь. Однако, довольно быстро в экономику, не на пользу ей, вмешалась политика.

Народный Секретариат БНР 20 ноября 1918 г. отправил в Киев Особую торгово-экономическую комиссию для урегулирования проблемы товарообмена и заключения отводящего договора на основе взаимности. В ее состав были включены профессора Митрофан Довнар-Запольский, Александр Цвикевич и член Совета украинского МИДа Иван Красковский.

В начале декабря был подготовлен и согласован текст основательного «Договора между Украинским государством и Белорусской Народной Республикой», который по объективным причинам остался неподписанным. Этот договор, в беглом обзоре, отражал желательные перспективы развития межгосударственных отношений между БНР и УНР на постимперском пространстве. Соглашение носило в первую очередь экономический характер и предусматривало свободное перемещение через белорусско-украинскую границу людей, товаров и услуг.

Тем времен, украинская дипломатия вместе с другими новообразованными республиками пытались совместно решить ряд региональных проблем. Одной из них была инициатива по созданию Балтийско-Черноморской федерации, преследующая цель объединения стран, которым угрожала опасность, как со стороны белогвардейской российской реакции, так и большевистской России. Уже 18 февраля 1919 г. эта проблема обсуждалась на украинско-литовско-белорусском совещании, созванном в украинском посольстве в Берлине по инициативе Н. Порша. Кроме него УНР представлял советник посольства и одновременно уполномоченный ЗУНР в Германии Р. Смаль-Стоцкий. Было обнаружена общность многих проблем, стоящих перед молодыми государствами УНР, Белоруссией и Литвой и они были четко зафиксированы совещанием. Речь шла о: 1) опасности со стороны Польши; 2) опасности со стороны большевиков; 3) опасности со стороны российской реакции, которая отстаивала «единую и неделимую» Россию; 4) борьбе за международное признание, желании иметь общие границы, общность экономических, торговых интересов; 5) интернационализации железной дороги на промежутках «Просктно-Граево-Берест-Литовск» и других. Одновременно Н. Порш и посол Литвы в Берлине Шаулис обсудили возможность совместных шагов в дипломатическом и военном направлениях, а также возможное сотрудничество на мировой конференции в Париже [4].

Но ситуация, увы, складывалась не на пользу УНР и БНР. Польша и Советская Россия все больше крепчали в Европе. 18 марта 1921 г. был подписан Рижский мирный договор, разделивший Беларусь, и Украину на части. В этих условиях, белорусской и украинской национальным элитам, не бросившим борьбу за независимость своих стран, пришлось переориентироваться в тактике и стратегии. Центр борьбы переместился, фактически, в эмиграцию.

Как уже было сказано, столицей Литвы вынужденно в 1920-х гг. стал Каунас. Именно здесь, в Каунасе, в 1921 г. состоялось объединение двух белорусских Рад (Верховной и Народной) и признание лидерства Вацлава Ластовского (1883–1938 гг.) белорусскими эсерами.

Несколько слов о самом Вацлаве Ластовском в то время. Вацлав Устинович Ластовский – белорусский писатель, общественный и политический деятель, академик (1928), историк, филолог, директор Белорусского государственного музея, Премьер-Министр БНР. Был активистом Белорусской социалистической громады, редакционным секретарём газеты «Наша Ніва» (с 1909 г.), входил в руководство партии «Хрысціянская злучнасць», являлся Председателем Кабинета Министров Белорусской Народной Республики (1919–1922). Выступал против советской власти и польской оккупации за независимую и целостную Беларусь. В начале 1920-х годов он посетил ряд стран Западной Европы, где агитировал за идею независимости Беларуси [5].

Талант Ластовского как политика раскрылся в должности премьер-министра БНР. На протяжении 1920–1923 гг. Вацлав Ластовский посещает с дипломатическими миссиями Бельгию, Ватикан, Германию, Италию, Чехословакию, Францию, Швейцарию. На каждом торжественном приеме, международной конференции, совещании, симпозиуме он выступает как белорус, от имени Беларуси и ради будущего Беларуси.

В конце 1923 г. Ластовский начал подготовку своего доклада к V Ассамблеи Лиги Наций, которая должна была состояться в сентябре 1924 г. в Женеве. В своем докладе, Ластовский, тогда еще противник Польши и Советской России, обосновывал белорусскую государственную независимость «только в союзе с демократическими крестьянскими народами Литвы и Украины» [6]. О чем шла речь?

Отстаивая этнографические белорусские территории и относительную политическую независимость (в частности независимость внешней политики Беларуси), Вацлав Устинович отстаивал идею единого внутреннего рынка. Внутренний рынок, по его мнению, представляет собой физическое и экономическое пространство, внутри которого не существует экономических границ и действуют «четыре свободы». Говоря современными экономическими терминами, «четыре свободы» – это:

- **свобода перемещения товаров** – конкретное открытие национального рынка даёт ряд преимуществ в замене дорогого отечественного производства более дешёвым импортом, созданию посредством конкуренции мощного стимула для улучшения качества товаров, либерализации международной торговли.

- **свобода оказания услуг** – возможность лиц, предоставляющие услуги, иметь право ездить к заказчику, пересекая при этом

самостоятельно границу для того, чтобы предоставить свои услуги в другой стране.

• **свобода перемещения лиц (включая свободу учреждения)** – право граждан политико-экономического союза искать и устраиваться на работу по найму в любом другом государстве-члене и пользоваться теми же правами в области оплаты труда, условий работы и профсоюзных прав, что и граждане принимающего государства.

• **свобода перемещения капиталов** – регулирование движение капитала как мобильного фактора производства.

Относительно последнего пункта Ластовский так и не определился в вопросе идти ли навстречу совместной валюте или оставлять за каждой страной наличие своих денежных знаков. Но в любом случае поражает дальновидность лидера белорусских эсеров, который уже тогда рассуждал глобальными категориями [7].

Но практической реализации политическо-экономического союза не получилось, даже не смотря на симпатии Ластовского к Литве. Тариба была непреклонна касаясь государственных «этнографических» границ Литвы. О чем неоднократно отмечалось в украинской прессе [8].

«Холодным» оставался контакт и в вопросах экономических «свобод»: литовский капитал, литовские банки и предприятия смотрели на украинский и белорусский бизнес свысока, не замечая в последних равноправных партнёров. И пусть Польша была захватчиком, но для Литвы предпочтительным были польские и европейские товарообороты.

К большому сожалению, рациональное зерно литовско-белорусско-украинского политическо-экономического союза не было взято во внимание в первую очередь литовцами. Не заинтересовал союз в полной мере и самих украинцев и сябров, не говоря уже о европейцах.

К тому времени изменилась и внешнеполитическая ситуация. На советском пространстве главенствовал НЭП, украинизация и белоруссизация. Неплохо работала и советская контрразведка, внося смуту в ряды политических эмиграций. Под давлением всех этих обстоятельств, в 1925 году белорусские эсеры в эмиграции, очарованные политикой коренизации и белоруссизации в БССР, провели в Берлине Вторую Всебелорусскую конференцию, на которой признали Минск – единственным координирующим центром белорусского возрождения, чем внесли раскол в ряды белорусской политической эмиграции. Ластовский «крепился» еще полтора года. Но когда в ноябре 1926 г. он побывал в Минске, как участник конференции по проблемам белорусского правописания, увиденное и услышанное «сломало» его окончательно. В 1927 г. Ластовский вступил на тот же трагический путь, который прошел четырьмя годами раньше, украинский историк Михаил Грушевский.

Таким образом, развитие литовско-белорусско-украинского политическо-экономического союза в 1917–1924-х гг. происходило в сложных социально-экономических и военно-политических условиях, что отразилось в будущем на исторических судьбах, как украинцев, так и белорусов и литовцев. Именно эти факторы в сочетании с неблагоприятной внешнеполитической конъюнктурой помешали переубедить и отстоять его наличие.

Примечания

1. *Неменский О.* IV Речь Посполитая: взгляд на Восток. Электронный ресурс // Режим доступа: <http://www.apn.ru/opinions/article9544.htm>.

2. *Баторшина И А., Манкевич М А.* Сравнительный анализ переходных процессов в Литовской республике в 1917-1922 годы и 1989-1991 годы. Электронный ресурс // Режим доступа: <http://www.km.ru/referats/335428-sravnitelnyy-analiz-perekhodnykh-protsessov-v-litovskoi-respublike-v-1917-1922-i-1989-1991-gg>.

3. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины в г. Киеве (ЦГАВОВУ). Ф. 2592 (Народное министерство иностранных дел Украинской Народной Республики). Оп. 1. Д. 20. Л. 43.

4. ЦГАВОВУ. Ф. 3696 (Министерство иностранных дел УНР). Оп. 1. Д. 32. Л. 12–16.

5. Беларусь: Энциклопедический справочник = Беларусь: Энцыклапедычны даведнік / Рэдкал.: Б. І. Сачанка і інш. Минск: БелЭн, 1995. С. 632.

6. *Ластоўскі Вацлаў.* Прамова ў Жэнэве. Электронный ресурс // Спадчына.1993. №5. С. 42–47. // Режим доступа: http://pawet.net/library/history/bel_history/_articles/lastouski2.

7. ЦГАВОВУ. Ф. 3793 (Украинский социологический институт в Праге (1925–1927)). Оп. 2. Д. 58. Л. 44–49.

8. Государственный архив Винницкой области. (ГАВО) Ф. Д-54-1 (Винницкая Директория). Оп. 1. Д. 1002. Л. 2; См. также: *Зубко О.* 1919 год. Польско-большевистская война в Беларуси глазами украинцев. Электронный ресурс // Режим доступа: <http://www.istpravda.ru/bel/research/10002>.

И.И. Вавренюк (г. Брест, Республика Беларусь)

АНТИСЕМИТИЗМ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ОБРАЗОВАНИЯ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1921 – 1939 гг.)

События польско-советской войны 1919–1920 гг. и подписание 18 марта 1921 г. Рижского мирного договора привели к значительным геополитическим изменениям в европейском регионе, в результате чего значительная часть этнической Беларуси очутилась в границах Польского государства. Особенности северо-восточной части государства в 1921–1939 гг. являлось преобладание на этих территориях непольского

населения, доминирование среди городского и местечкового полиэтнического населения евреев.

Согласно официальных данных переписи населения Польского государства 1921 г., на территории Западной Беларуси (в границах современной Республики Беларусь) проживало 241,5 тыс. человек иудеев. Но, по различным политическим причинам к еврейской национальности отнесли себя только 185,7 тыс. жителей региона. Около 55 тыс. иудеев определили себя как поляки [1]. В Новогрудском воеводстве евреи составляли 6,8% (56,1 тыс.), в Полесском 8,3% (75,1 тыс.), а в двух поветах Гродненском и Волковысском Белостокского воеводства 13,5% (36 тыс.) от общего количества жителей [2]. Согласно переписи населения 1931 г. на территории Западной Беларуси (в границах современной Республики Беларусь) проживало 251,9 тыс. евреев (7,3% от общего количества), в то же время 283,3 тыс. человек иудеев (8,8% от общего количества жителей) [3]. Необходимо отметить, что данные переписей не являются достоверными по ряду причин (разные критерии и др.). Результаты переписей не показали реальной демографической картины региона.

Все национальные меньшинства в Польше находились под защитой двусторонних международных договоров, декларировались в Конституции 1921 г. Польского государства. Однако в реальной жизни отношение к национальным меньшинствам со стороны властей было отнюдь не одинаковым. Правящие круги Польши не видели угрозы государственным интересам в существовании еврейского национального меньшинства на территории своего государства по ряду причин, и еврейское меньшинство получило ряд преимуществ по сравнению с другими национальными меньшинствами.

Польская политика по отношению к национальным меньшинствам, задуманная и осуществляемая в глобальных масштабах, имела, в основном, два направления: политика «ближнего прицела» – прямого и непосредственного действия (для быстрого достижения цели и получения желаемых результатов), и политика «дальнего прицела», рассчитанная на более медленное действие и получение тех же результатов в более отдалённом будущем [4].

Национальный вопрос во II Речи Посполитой вызвал к жизни два способа его решения. Один, сформулированный Национальной Демократией, соответствовал формуле «Польша для поляков». Данная программа предусматривала, что в государстве роль единственного суверена будет исполнять польский народ. Другим народам отказывалось в праве на свободное развитие. При этом предусматривалось, что одни народы (белорусы, украинцы) будут полонизированы, а другие (немцы, евреи) покинут Польшу. Другой подход заключался в том, чтобы непольскому населению страны было гарантировано право свободного

национального развития. Данный подход был одобрен различными политическими силами. После майского переворота 1926 года правительство официально приняло эту доктрину. Однако фактически руководство страны действовало в этом направлении весьма осторожно, провозгласив политику «малых шагов» [5].

Правительство В. Грабского в 1925 г. сделало ставку на достижение соглашения с евреями, что было горячо поддержано депутатами Сейма. 7 июля 1925 г. было заключено еврейско-польское соглашение. Согласно ему, еврейские политики обязывались не предпринимать действий, направленных на нарушение целостности государства и его внутренней консолидации. Польские власти, в свою очередь, обязались отменить дискриминационные в отношении евреев законы [6]. Это соглашение дало толчок к дальнейшему противостоянию между еврейским и славянским населением Польского государства.

Начало мирового экономического кризиса вызвало усиление пропаганды антисемитизма в Речи Посполитой, которая погрузилась в глубокий кризис. В Польше антисемитская пропаганда проводилась прежде всего национал-демократами. Лидеры этой партии хотели направить польское общество через антисемитские выступления к борьбе за власть для самих себя. После 1935 г., когда в результате изменения конституции и избирательного закона Сейм стал полностью зависеть от правящей верхушки, антисемитские взгляды стали играть большую роль. Правительство “санации” стало в своей национальной программе приближаться к эндекам, особенно по вопросу об отношении к еврейскому населению. Правительство официально осуждало погромы. Немалую роль тут сыграло и общественное мнение других государств. По стране прокатилась волна антиеврейских погромов. К акциям антисемитизма имели отношение некоторые представители католического клира [7].

Во второй половине 1930-х годов в польском обществе доминировали антиеврейские настроения. В ходе борьбы за власть польский правительственный блок воспринял ряд программных установок национал-демократического лагеря. Это выразилось в издании ряда законодательных актов, направленных на ограничение экономических и гражданских свобод евреев. Обострение польско-еврейских отношений во второй половине 1930-х годов вылилось в еврейские погромы, введение *numerus clauses*, многочисленные акции бойкота еврейской торговли и т.п. В программах большинства польских партий предпочтительным решением еврейского вопроса провозглашалась скорейшая еврейская эмиграция. Эта идея проникла в массовое сознание поляков и часто манифестировалась как панацея от всех бед [8].

Отношения между славянами и евреями имели на этих территориях давнюю и непростую историю. Ситуация осложнялась религиозными

предрассудками. Традиционализм, замкнутость и нежелание менять устоявшийся жизненный уклад значительной части еврейского населения автоматически создавали значительные сложности для межнационального общения и формировали почву для возникновения негативных стереотипов. В свою очередь огромное влияние так называемого «народного католицизма» (с характерной для него упрощённой картиной мира) на большую часть польского общества ещё сильнее обостряли противоречия [9].

Антисемитизм в польском государстве в 1921–1939 гг. имел ряд особенностей. Исходя из этого, можно выделить несколько его периодов: 1) период военного и послевоенного времени, который характеризуется открытыми грабежами, поджогами, физическим насилием, как со стороны местного населения, так и со стороны военных и бандитских формирований; 2) период до 1926 г., который характеризуется неопределённым отношением к евреям со стороны польской власти; 3) период с 1926 по 1935 г. – период относительной стабильности. Он характеризовался неодобрительным отношением к антисемитизму в любых проявлениях; 4) период с 1935 г. (после смерти Ю. Пилсудского). Он характеризовался усилением в правительственном лагере националистических идей и открытым антисемитизмом на государственном уровне. Именно в этот период волна погромов просто захлестнула вновь страну.

Отражением политики государства по отношению к евреям стала образовательная политика, которая как лакмусовая бумага впитывала и показывала отношение общества к евреям.

Евреи – народ Торы, который пронёс сквозь все испытания верность своему духовному идеалу и поэтому сохранил национальные особенности вопреки всем гонениям и преследованиям. Еврейский народ обладал значительной духовной культурой, которая передавалась из поколения в поколение. Именно образование сыграло важнейшую роль в сохранении еврейского народа и развитии его культуры. В еврейском мире образование было одним из символов принадлежности к аристократии еврейского общества. Образованный человек занимал высокое положение в иерархической структуре еврейских общин Европы. Период 1920–1930 - х гг. был благоприятным временем для развития иудейского образования, когда Польша стала для иудеев глобальным религиозным, культурным и образовательным центром [10]. Иудейское образование было представлено в государстве различными типами учебных учреждений: начальными школами (хедеры, «Талмуд Торы», «Бейс Яков», «Хойрев», «Тахкемоне», «Явне») и иешивами. Система светского образования евреев была представлена различными школами, гимназиями и лицеями. Еврейские

дети учились и в государственных польских учреждениях образования. Высших учебных заведений у евреев не было.

Культурная жизнь еврейского населения западнобелорусского региона изредка нарушалась антисемитскими выступлениями. Так, например, 21.11.1929 г. неизвестные подожгли еврейскую школу и библиотеку «Тарбут», дом еврейского Товарищества «Талмуд-Тора», иудейский молитвенный дом в Бресте над Бугом. В результате пожара всё имущество было уничтожено [11]. Но, вплоть до 1935 г. антисемитские настроения в культурной жизни, как правило, носили умеренный характер.

Особо усилились антисемитские настроения с середины 30-х годы по всей территории государства. Активисты НД зачастую были инициаторами и активными участниками прокатившихся по всей стране еврейских погромов: 1935 г. – Гродно, ноябрь 1935 г. – Одживоль, март 1936 г. – Пшытык, июнь 1936 г. – Минск-Мазовецкий, Львов, Петриков, Плоцк, Сероцк, Мысленице, июль 1936 г. – Высоко-Мазовецк, май 1937 г. Брест над Бугом и др. [12].

Ареной антисемитской борьбы в 1930-е гг. в Западной Беларуси стал Виленский университет. Первые антисемитские наступления в вузах начались на медицинском факультете этого вуза. Причиной конфликта стал отказ еврейского кагала (общины) допускать вскрытие еврейских трупов в прозекторских. В ответ эндеки выдвинули лозунг «Для евреев – еврейские трупы!». С 1931 г. столкновения между польскими националистами и евреями стали обычным проявлением в Виленском университете. В ноябре 1931 г. в таком столкновении погиб студент – теолог Вацлавский, ставший «героем борьбы за дело» среди польских националистов. Осенью 1933 г. в Вильно и Варшаве была начата акция по установлению «гетто лавкового». В 1935 г. эта компания достигла своего апогея. Администрация вузов вынуждена была пойти на выделение отдельных мест для поляков и евреев, хотя по этой причине ректор и проректор университета в начале 1937 г. подали прошение об отставке. Из-за студенческих волнений власти вынуждены были закрывать Виленский университет в ноябре 1932 г., ноябре 1933 г. и ноябре 1936 г. В марте 1938 г. на территорию университета впервые была введена полиция, что являлось исключительным случаем нарушения вузовской автономии.

Помимо «гетто лавкового» эндеки требовали ограничения доступа евреев в вузы. В рамках этой компании с 1937 г. в Вильно проводились так называемые «дни без евреев», которые с осени 1938 г. превратились в «недели без евреев». Результатом всех этих антисемитских выступлений было то, что единственной национальной группой польского государства, численность представителей которой сократилась в вузах в предвоенное десятилетие, были евреи – с 8982 в 1931 г. до 4790 в 1937 г. [13].

Волна антисемитизма вызвала бурю возмущений со стороны еврейских религиозных гмин, еврейских политических партий и общественных организаций; нашла своё отношение в СМИ. Например, брестская еврейская гмина на одном из своих заседаний обсуждала принятие резолюции протеста против антисемитских выступлений 31.08.1937 г. в ответ на события в городе 13 мая 1937 г. [14]. Объединение женщин сионисток «Wizo» на собрании организации, приуроченной к 8-ой конференции, высказались за протест от имени еврейской матери против продолжавшихся несколько месяцев эксцессов и насилия, проводившихся безответственной частью молодёжи академической по отношению к еврейской молодёжи во всех учебных заведениях и выразили поддержку еврейским учащимся в обороне их еврейской чести [15]. Наиболее активным среди политических сил был Бунд. Так, на заседании правления гмины в Бресте, фракция Бунда предложила принять декларацию о борьбе с антисемитизмом. В Пинске по инициативе бундовцев на заседании правления гмины была принята резолюция, призывающая к организации всеобщей стачки в знак протеста против травли еврейских студентов в ВУЗах. Бунд оказывал значительное влияние на общественно-политическую жизнь еврейского населения Западной Беларуси проведением разовых акций и мероприятий, направленных на защиту еврейского населения. Так, с начала марта 1936 г. в рамках партийных и профсоюзных организаций Бунд начал проводить идею создания «Конгресса по борьбе с антисемитизмом». Днём открытия конгресса было определено 13 июня 1936 г. Но польские власти запретили проведение Конгресса. В начале 1938 г., после принятия 13 тезисов праворадикальной политической организации Лагерь национального единства, в которых в крайне реакционных формах рассматривался еврейский вопрос, Бунд усиливает внимание в вопросах борьбы с антисемитизмом. На протяжении первой половины 1938 г. бундовскими партийными организациями Западной Беларуси была организована кампания протеста против антисемитской политики польских властей под лозунгом «За наши права». Однако, несмотря на запрет польских властей, Бунд продолжал проводить широкую агитационную работу, делая акцент на борьбу с антисемитизмом. Фактически, мы можем констатировать, что борьба с антисемитизмом до конца межвоенного периода стала основным содержанием общественно-политической работы партии на территории Западной Беларуси [16].

В целом, вышеизложенный материал позволяет сделать следующие выводы: причины нестабильности и конфликтности народов в Польском государстве были во многом обусловлены национальной политикой государства. Результатом антиеврейской пропаганды явились многочисленные погромы во многих городах Польши и Западной

Белоруссии, акции антисемитизма в учебных учреждениях; антисемитизм нашёл своё негативное проявление в образовании Западной Беларуси, что привело к оттоку еврейской интеллигенции из сферы образования; все меры противодействия антисемитизму не имели должного результата, так как противоречили государственной политике.

Примечания

1. *Эберхардт П.* Дэмаграфічная сітуацыя на Беларусі 1898–1989. Мн., 1997. С. 91.
2. Там же. С. 86–87.
3. Там же. С. 113–121.
4. *Монтвилов М.* Русская гимназия в Бресте-над-Бугом (1919–1939 гг.). Ним-Брест-Минск, 1996. С. 48-52.
5. *Струнец С.В.* Еврейский вопрос в национальной политике II Речи Посполитой // Моладзь Берасцейшыны: : Зб. студ. навук. прац.-Брэст: Академия, 2006. С.134-144
6. *Пашкевич А.* Взаимоотношения представительств евреев и славянских национальных меньшинств в парламенте межвоенной Польши в 1922–1927гг. // Материалы Двенадцатой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. В 2-х ч. Часть 2.-М.: Академическая серия. Выпуск 18. 2005. С.144.
7. *Суворов А.* К истории антисемитских выступлений во 2-й Речи Посполитой // Моладзь Берасцейшчыны: : Зб. студ. навук. прац.-Брэст: Изд-во БрГУ, 1995. С. 3-4.
8. *Розенблат Е., Струнец С.* Погромная волна. Польско-еврейские отношения на Белосточчине накануне и в первые недели Великой Отечественной войны // Проблемы еврейской истории. В 2-ч. Ч. II. Материалы научных конференций Центра «Сефер» по иудаике.-М.:Книжники, 2009. С. 96–97.
9. *Струнец С.В.* Еврейский вопрос в национальной политике II Речи Посполитой. С.135-136.
10. *Kawalec G.* Szkolnictwo żydowskie w Drugiej Rzeczypospolitej (1918-1939) // Rocznik Komisji Nauk Pedagogicznych, T. 56, Kraków, 2003. S. 34-35.
11. Государственный архив Брестской области (ГАБО) Фонд 1. Оп. 1. Д. 111. Л. 179.
12. *Струнец С.В.* Еврейский вопрос в национальной политике II Речи Посполитой. С. 140.
13. *Кривуть В.И.* Молодёжные организации на территории Западной Беларуси (1929 – 1939 гг.). Минск: Беларуская думка. 2008. С. 22 – 24.
14. ГАБО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 2741. Л. 286.
15. Там же. Л. 280.
16. *Мошук А.В.* Деятельность Бунда на территории Западной Беларуси в 1921–1939 гг. : дисс. ... канд. ист. наук. Брест, 2007. С. 65–67.

Л.П. Лантева (г. Москва, Россия)

УЧАСТИЕ СЛОВАЦКОЙ АРМИИ В ВОЙНЕ ПРОТИВ СССР В ПЕРИОД С 1941 ПО 1944 ГГ.

Когда мы говорим об Отечественной войне 1941–1945 гг., то называем это время борьбой советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Однако в этой войне участвовали не только немцы, но и другие народы Европы – венгры, болгары, румыны, словаки. Если вообще об Отечественной войне написаны сотни книг и не одна тысяча статей, то об участии словаков в войне против СССР в Советском Союзе 70 лет умалчивалось по политическим и «стратегическим» соображениям. До 1989 г. в историографии об участии словацкой армии на советско-германском фронте было почти ничего не известно, а если что и упоминалось, то описывалось нежелание словацких солдат воевать против СССР, говорилось о массовом переходе их на сторону Советской Армии, их симпатии к советскому народу. Антигитлеровская пропаганда, которую проводил не только Советский Союз, но и коммунисты всех стран, оккупированных Германией, создала миф о нежелании словацких солдат и офицеров сражаться против Красной Армии, что якобы и способствовало неудачному участию словаков в войне СССР против гитлеровской Германии. После 1989 г. открылись многие архивы в России и Словакии, документы, в них сохранившиеся, свидетельствуют о том, что картина была совершенно противоположной той, какую нарисовали пропагандисты и историки послевоенного времени. Среди публикаций нового времени обращает на себя внимание 10-ти томное энциклопедическое издание немцев «Германский рейх и вторая мировая война», где в 4-м томе даётся описание участия Словакии во Второй мировой войне и её войск в боях на Восточном фронте [1]. После распада СССР в 1998–1999 гг. выходит четырёхтомник «Великая Отечественная война 1941–1945», где кратко излагаются боевые действия частей Красной Армии в операциях против словацких войск. После этого поток литературы, основанной на архивных материалах, всё увеличивался.

Прежде всего, словаки решили сказать правду, которая, конечно, ещё не вся, т.к. многие проблемы не изучены, однако словацкая историография вопроса значительна по количеству. Ведущим российским историком, изучающим вопрос взаимоотношений Советского Союза и Словакии в годы Второй мировой войны, является В.В. Марьина, издавшая трёхтомную монографию «Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны 1939 – 1945 гг.» [2], где в книге 2-й подробно рассказывается о действиях словацкой армии. В этой монографии использованы как опубликованные, так и преимущественно

архивные документы из Российских архивов (Архив внешней политики России, Российский государственный Архив социально-политической истории, Государственный архив Российской Федерации, Центральный Архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации), некоторых словацких архивов и, разумеется, основная литература, как русская, так и словацкая по этой проблеме. А в 2000 году вышла первая книга документов «Кубань в годы Великой Отечественной войны 194—1945 гг. Рассекреченные документы. Хроника событий» [3]. Публикации документов региональных архивов тех мест, где словацкая армия вела бои и осуществляла действия по установленному оккупационному порядку, стали базой для достаточно большого количества исследований. Написаны диссертации [4], монографии [5], опубликованы сборники статей — материалы конференций по этому вопросу. В этих сочинениях отмечается недостаточная научная разработанность темы в территориальных и хронологических рамках.

В общем, проблема в историографии не только поставлена, но и обросла богатой литературой, хотя многие детали ещё требуют исследований. Как известно, при захвате Чехословакии гитлеровской Германией на территории Чехии был создан протекторат, а в Словакии образовалось государство фашистского характера. Чехословацкая армия не оказала сопротивления вторжению немецких войск, и протекторат превратился в кузницу производства разного рода вооружения для войск вермахта, и эту функцию трудолюбивые чехи честно выполняли, до конца войны снабжая немецкую армию большим количеством высококачественного разнообразного вооружения. Что касается Словацкой Республики, то началась её фашизация. Используя национальные настроения, немецко-фашистские идеологи утверждали, что Словацкая Республика впервые в своей истории получила государственность, которую ей предоставила Германия, словаки должны её за это отблагодарить и присоединить свою армию к германской армии, разумеется под её контролем. Одновременно происходила фашизация словацкой армии. Немецкие офицеры обучали младший командный состав в различных школах и на курсах, то же самое происходило со средним офицерским контингентом, а на высших постах стояли убеждённые фашисты во главе с президентом Й. Тисо, который ещё в августе 1941 г. заявил, что «с Адольфом Гитлером мы останемся до конца» [6]. Участие Словакии в войне против Советского Союза он обосновывал необходимостью первый раз за тысячелетие защитить своё собственное имя, словацкую нацию, независимое государство. Особенный упор Тисо делал на антибольшевистские цели войны и на необходимость защиты от безбожного большевизма и призывал словаков участвовать в германском походе для того, чтобы предотвратить от опасности большевистского ада

славянский народ и Европу [7]. Подобный мотив звучал, например, в приказе по армии от 24 июня 1941 г. главнокомандующего Фердинанда Чатлоша, который в Первой мировой войне был в русском плену, а потом стал чехословацким легионером, проникся ярим антибольшевизмом. В приказе говорилось, что «под руководством победоносной германской армии словацкая армия установила стальную завесу от смертельной опасности, которая угрожала Европе и её цивилизации. Красный большевизм, поработивший весь русский народ под прикрытием ложного равенства ... хотел навязать Европе свои законы и подчинить её насилию красных комиссаров-евреев. Адольф Гитлер, вождь великой германской империи правильно расценил эту опасность и приказал своей армии ликвидировать её и установить в Европе новый порядок и лучшее будущее» [8].

В начале войны в Словакии было мобилизовано 80 тыс. человек, 50 тыс. из которых отправлены на фронт. Перейдя 24 июня 1941 г. границу в районе Дуклинского перевала передовые части словацкой армии 25–27 июня приняли участие в боях, участвовали в штурме Киева. Но оказалось, что медлительные словацкие части, плохо оснащённые и плохо ориентированные, не могли сравниться с немецкими частями, нацеленными на блицкриг, т.е. оказались недостаточно подготовлены к ведению современной войны. И дело было не в неблагонадёжности словаков и нежелании солдат воевать против СССР, как это утверждала наша пропаганда и вообще коммунистическая пресса, придумывающая примеры массового дезертирства и перехода солдат на сторону Красной Армии. 27 июля 1941 г. в боях под Липовцем словацкая армия понесла большие потери и, по согласованию с немецким командованием, Ф. Чатлош отдал приказ о реорганизации посланной на фронт словацкой группировки. Была создана «Быстрая дивизия» для участия во фронтовых операциях и «Охранная дивизия» для выполнения задач на оккупированной немцами территории. С фронта было возвращено в Словакию 35,5 тыс. человек личного состава, т.е. 2/3 отправленных на фронт [9]. К середине декабря 1941 г. численность словацкой действующей армии составляла 15 тыс. (иногда больше). «Быстрая дивизия» продвинулась на юг от Киева и вела бои на Украине, в июле 1942 г. «Быстрая дивизия» отличилась при захвате Ростова-на-Дону и плацдармов на южном берегу р. Дон, началась борьба за Кавказ. В целом словацкая моторизованная дивизия прошла по Кубани путь большинства соединений немецкой армии. Она совершила стремительное наступление в августе 1942 г., втянулась в изнурительные и малорезультативные бои за предгорья Кавказа в сентябре-октябре и вела позиционную войну в ноябре-декабре 1942 г. [10]. Но случаев массового перехода на сторону Красной Армии не происходило. В августе 1942 г.

немецкое командование отметило действия словацкой дивизии награждением её командира Йозефа Гуранца рыцарским крестом, железные кресты получили 13 офицеров, два унтер-офицера и 11 солдат дивизии [11]. О её действиях говорят документы. Так, зимой 1943 г. «Быстрая дивизия» прикрывала отход основных немецко-румынских войск, понеся при этом значительные потери. Около станицы Саратовской её части попали в окружение и сумели вырваться, бросив всё тяжёлое вооружение и технику. Остатки её были эвакуированы по воздуху в Крым, где словаки прикрывали береговую линию Сиваша, а некоторые части оказались перед Мелитополем [12].

«Охранная дивизия» с середины августа 1941 г. действовала в северо-западной Украине. Она занималась охраной железных и шоссейных дорог, важных военных объектов, участвовала в ликвидации очагов сопротивления окружённых советских войск, проводила карательные операции против партизан и помогавшего им местного населения.

17 июля 1941 г. командир тогда ещё «Быстрой бригады» Р. Пилфаусек издал приказ, в котором говорилось: «... немедленно после вхождения в жилое помещение прежде всего выяснить, не находятся ли там бывшие функционеры коммунистической партии, и арестовать их. Потом призвать проживающих там сдать имеющееся у них оружие и провести во всём населённом пункте обыски. Тех гражданских лиц, у которых после этого будет найдено какое-либо оружие, следует рассматривать как партизан и преступников и в соответствии с этим действовать. В случае если бы гражданское население стреляло в наши части, дом, из которого стреляли, следует окружить и поджечь. Каждого, кто пытался выбежать из горящего дома – застрелить. В случае если в отношении наших солдат ночью будет совершено какое-либо насилие, злоумышленника расстрелять. Если же его невозможно будет найти, то приказываю за каждого нашего солдата расстрелять либо 10 бывших коммунистических функционеров, либо евреев» [13]. А в марте 1942 г. один из участников акции против партизан, осуществлявшейся «Охранной дивизией» докладывал командиру дивизии, что зимой и весной много людей было застрелено словацкими солдатами, и что эти люди были невиновны. Во всех деревнях население относилось к нам сдержанно, боязливо, но весьма гостеприимно. А когда у него спрашивали, почему они так боятся, отвечали, что мы чехословаков очень боимся, потому что они сразу же стреляют, жгут деревни. 2 августа 1942 г. была учинена расправа над населением деревни Малодуша, последовавшая за нападением партизан на словацкую автоколонну и гибелью 8 словацких солдат. Всё население было согнано на площадь перед зданием местной милиции и окружено солдатами. Деревню подожгли. Примерно 15 человек, подозреваемых в связях с партизанами, вместе с малолетними детьми отвели в ближайший дом, расстреляли, а дом затем сожгли. На

следующий день совместно с немецкими частями была проведена «зачистка» окрестностей, в результате было сожжено большое число деревень. При этом авиация «Охранной дивизии» уничтожила десятки населённых пунктов. Военнопленные и подозреваемые в связях с партизанами расстреливались на месте без суда и следствия.

В приказе командира «Быстрой дивизии» 23 августа 1942 г. говорилось, что каждого партизана, который будет захвачен с оружием в руках или со спрятанным оружием, расстреливать на месте без допроса. Для устрашения следует повесить нескольких расстрелянных партизан на многолюдном месте у дороги с надписью «партизан». Каждая часть, размещённая в определённом населённом пункте, немедленно после занятия его должна взять не менее пяти наиболее известных жителей в качестве заложников и объявить, что если партизаны нападут на какого-либо военнослужащего словацкой армии, то заложники будут расстреляны [15]. Как свидетельствуют опубликованные документы в книге «Кубань в годы Великой Отечественной войны», в оккупированном Краснодарском крае был установлен новый порядок, который под диктовку эсэсовских немецких военных властей стали осуществлять словацкие военные подразделения. Эти «мирные словацкие землепашцы и пастухи», как называл их советский писатель и публицист И. Эренбург [15], насаждали «высокую Западную культуру», вылавливали партизан и большевиков и массами вешали их, запрещая предавать земле тела в назидание местному населению. Словацкие подразделения окружали отступающие группы солдат Красной Армии, брали их в плен и убивали.

Особенно «успешно» оккупанты боролись с безоружными советскими гражданами. Осуществлялось массовое истребление евреев и других представителей неславянского населения. Так в Шовгеновском районе Адыгейской автономной области 9 августа 1942 г. жители аула Уляп в количестве 50 человек с целью недопущения бомбёжки и обстрела их аула вышли навстречу воинской части и просили не подвергать обстрелу мирных жителей. Но солдаты зверски расправились с этими жителями: расставили их по группам 4-5 человек и расстреляли из автоматов. Погибло 24 человека в возрасте от 16 до 80 лет. Трупы расстрелянных были брошены на месте расстрела, и их не разрешалось хоронить [16]. В станице Славянской 12 августа 1942 г. оккупанты арестовали около тысячи человек жителей этой станицы, согнали их в школу, отобрали 60 человек в возрасте от 15 до 65 лет и объявили им в присутствии всех арестованных, что 13 августа они будут расстреляны. Эта весть дошла до жителей станицы и родственников обречённых и утром около школы собралось много народа. Солдаты разгоняли народ прикладами и плетьюми, но толпа не расходилась. Тогда в ход пошли автоматы. В 10 часов утра обречённых 60 граждан погнали на машинно-

тракторную станцию станицы на расстрел. Сзади арестованных гнали 15 подростков с лопатами для рытья ямы своим одностаничникам. В 11 часов 13 августа 60 советских граждан в возрасте от 15 до 65 лет были расстреляны. Все были евреями [17].

Всё население оккупированных областей, включая и детей 11-12 летнего возраста, заставляли работать: на оборонительных объектах, строительстве и ремонте дорог, на уборке урожая. Сено, кукурузу, картофель, фураж, фрукты вывозились из станиц для потребности находящихся в станицах или проходящих войск. Весь рогатый скот был конфискован и отправлен в глубокий тыл [18]. Что касается религии и защиты церкви от «безбожной большевистской власти», то религиозная тема разными способами эксплуатировалась в идеологической работе. В проповедях и во время церковных церемоний духовенство заставляли выражать верноподданническое чувство по отношению к Адольфу Гитлеру, и читать молитву: «Адольф Гитлер, ты наш вождь, имя твоё наводит трепет на врагов. Да придет третья империя твоя, и да осуществится воля твоя на земле» [19]. При отступлении из оккупированных областей началось массовое разграбление и сжигание храмов, депортация и убийство священников, осквернение святынь. Солдаты глумились над иконами, стреляли в изображения святых и т.п. Словацкая армия вместе со всеми вооружёнными силами вермахта переживала победы и участвовала во всех действиях оккупантов. За период оккупации Кубани «Быстрая дивизия» потеряла около 500 человек [20] убитыми и ранеными, хотя советская разведка оценила их потери в 2,5 тысячи офицеров и солдат [21]. Массового перехода словаков на советскую сторону источники не зафиксировали.

Таким образом, словацкие войска совместно с немецкими принимали участие в боях на фронте, проводили карательные акции против партизан, пленных и отступающих частей Красной Армии, проводили мероприятия по массовому уничтожению евреев, обеспечивали безопасность коммуникаций и важных военных объектов в тылу германской армии, строили укрепления для отступающих войск вермахта. Во всех этих действиях и мероприятиях, как и в отношении к населению и пленным, словацкая армия не отличалась ни в чём от немцев и других подразделений вермахта. По некоторым данным с начала войны до марта 1942 г. словацкая армия потеряла на восточном фронте более 2 тыс. человек [22].

В период коренного перелома в Отечественной войне в 1943 г. части словацкой армии по существу были разгромлены. Однако отдельные части оказывали сопротивление Красной Армии до 1944 г. Так словацкие лётчики-истребители на «Мессершмиттах», базировавшиеся на аэродроме близ Анапы в марте 1943 г. удостоились похвалы со стороны маршала авиации Германии Г. Геринга за одержанные воздушные победы на юге

восточного фронта против «большевистских неприятелей». Таким образом, Словакия внесла свою лепту в победы вермахта на советско-германском фронте и содействовала оккупационной политике третьего рейха на захваченных им советских территориях [23].

Когда наступил перелом в войне в пользу СССР, в словацкой армии усилилось раздражение политикой полного подчинения Германии, увеличилось дезертирство, появились факты перехода словацких военнослужащих на сторону Красной Армии или сдачи в плен. Всполюшились и европейские политики антигитлеровской оппозиции, которые до сих пор спокойно наблюдали за поединком Советского Союза с фашистской Европой, ожидая кто победит, чтобы с выгодой воспользоваться результатами противостояния. Когда Советская армия стала подходить к границам европейских стран, и исход поединка становился ясен, политики сообразили, что Германия войну проиграла и началась организация антифашистского движения в странах – сателлитах Германии. Здесь не место разбирать сложные политические расчёты и решения. Об этом существует огромная литература с разнообразными оценками. Одним из ярких эпизодов европейского антифашистского движения было словацкое восстание 1944 г., которое историками названо национальным. Политическая ситуация в Словакии была чрезвычайно сложной. В верхах существовало, по крайней мере, три ориентации. Одна из них – фашистская – быть с Германией до конца. Вторая линия проводилась сторонниками и эмиссарами Чехословацкого эмигрантского правительства в Лондоне. Она была направлена на восстановление Чехословакии домюнхенского периода. Третья считала, что нужно вступить в переговоры с Советским Союзом и добиться сохранения самостоятельности Словакии. С другой стороны, всё большее влияние на события оказывали коммунисты, руководители которых находились в эмиграции в Советском Союзе. По сведениям советской, современной восстанию, печати первая группа партизан в Словакии появилась в 1942 г., но летом 1944 начали действовать направленные из СССР организаторские партизанские группы и подготовка к восстанию активизировалась. В ней были задействованы представители словацких армейских кругов под руководством подполковника Я. Голиана и генерала Веста – они готовили военный переворот в Словакии и при вступлении Красной Армии на территорию Словакии планировали повернуть словацкие войска против немцев. Эти планы словацкой военной верхушки были одобрены Чехословацким правительством в Лондоне. Военный министр Ф. Чатлош и его сторонники имели свои планы. Боясь расправы за сотрудничество с немцами, он решил вступить в контакт с советским командованием. Также и коммунисты не только активно участвовали в подготовке вооружённого выступления, но и стремились к его руководству. Их лидер Шмидке

прилетел в Москву для контакта с советским Генеральным штабом по вопросу о координации действий Красной Армии и словацкой армии в борьбе против немцев. Так как партизан в Словакии было всего 600-800 человек, то и Чатлош и коммунисты договорились сделать всё, чтобы словацкая армия полностью приняла участие в этой борьбе. Шмидке уверял, что армия всецело на стороне восстания. Дальнейшую подготовку восстания и его ход излагать здесь не представляется целесообразным. Огромная литература по этой проблеме создала столько мифов, что и спустя 70 лет после событий историки ещё не могут придти к единому мнению по ряду вопросов. Описанная ситуация заставила фашистское руководство Словакии обратиться к Германии с просьбой ввести войска. В конце августа 1944 были получены известия о введении в Словакию немецких войск. Часть словацких гарнизонов в центральной Словакии поддержали идею восстания, но на западе и востоке страны отношение к этой идее было прохладным. 29 августа немцы вступили в Словакию, заняли Братиславу и разоружили крупнейший братиславский гарнизон. Затем были разоружены дивизии в восточной Словакии. 21 августа без сопротивления немцы захватили штаб армии в Прешове и все важнейшие коммуникации. При разоружении прешовского гарнизона немцы расстреляли более 300 словацких солдат и офицеров. После этого началась паника и хаос. Часть личного состава дивизии была отправлена в концлагеря, другие ушли в горы и присоединились к партизанам, остальные разошлись по домам. Словацкая армия с немцами воевать не хотела. Многие города сдавались без сопротивления, в том числе и центр партизанского движения Баньска Быстрица.

Наши публицисты писали: «Словацкие партизаны и бóльшая часть регулярной армии отступили в неприступные горы Центральной, Восточной и Северной Словакии и, после необходимого укрепления своих сил, начали немедленно наносить непрерывные удары немецким захватчикам» [24]. Это был очередной миф! Действительность была иной. Основная масса регулярных словацких войск была немцами разоружена. Моральный дух армии пал до самого низкого уровня. Началось массовое дезертирство. Некоторые представители командного состава помышляли о переговорах с советскими руководителями партизанских отрядов об условиях сдачи им в плен. Один из руководителей восстания коммунист Густав Гусак писал в своей книге о хаосе, творившемся в армейских частях, о полном распаде армии. Дисциплина исчезла, армия разбежалась. 28 октября 1944 г. командующий словацкими войсками генерал Вест собрал офицеров на совещание и сообщил, что армия как целое воевать не может, поэтому он её распускает, освобождает от присяги и напутствует, что если кто хочет и может, то пусть дальше воюет по партизански [25]. Коммунистическое руководство восстанием начало уходить в горы.

Драматически описывает Гусак это отступление: «Примерно в пять часов утра 28 октября, – пишет он, – мы уходили из Доновал по направлению к Прашиву: Шмидке с сыном Драганом, Шверма, Сланский, Асмолов, Лаушман, я и другие товарищи. Было нам всем грустно, что Вест и Голиан потихоньку исчезли, не осведомив руководящих политических деятелей и спасая собственную шкуру в этой трагической ситуации». Так ранним утром 28 октября 1944 г. окончилось сопротивление повстанческой армии, и начался страшный путь по грязи и снегу на отрогах Низких Татр. Масса людей мелкими группами и поодиночке брели во мгле под дождём и снегом, чтобы сохранить свою жизнь. Продовольствие и другие припасы остались в долине, и каждый нёс то, что у него было. Масса людей брела во всех направлениях без организации и руководства, в окружённом нацистами горном массиве и никто не знал, где находятся немцы. Только погода оказалась милосердной: густой туман не позволил немецкой авиации превратить в кровавое месиво эти бредущие колонны и группы [26].

В штабной группе, вместе с чешскими и словацкими коммунистами шёл Алексей Никитович Асмолов, советский полковник (позднее генерал) – организатор партизанского движения в Словакии и один из руководителей восстания. После войны А.Н. Асмолов в беседе с автором этих строк остановился на одном эпизоде этого похода. Он сказал: «Когда несколько рассеялся туман, я окинул взглядом местность и увидел, что весь склон, по которому мы накануне проходили по снегу – был чёрным. Это было брошенное оружие, владельцы которого пошли вниз сдаваться немцам. Некоторые из них, возможно, надеялись затеряться среди населения в местах, занятых немцами». Среди коммунистических руководителей Асмолов не обнаружил Яна Шверму. Накануне Шверма был простужен и сильно болен. Я послал вниз солдат, которые нашли Шверму мёртвым, обвязали труп верёвками и волоком доставили наверх – здесь мы его похоронили – завершил свой печальный рассказ А.Н. Асмолов. Штабная группа добралась до партизанских ставок и стала ждать прихода Красной Армии, которая в октябре 1944 г. прорвала оборону немцев на Дукельском перевале и продвигалась на помощь повстанцам.

Если теперь обратиться к объяснению причин неудачи словацкого восстания, то среди множества других объяснений забывается тот факт, что словацкая армия, которая год назад вешала советских партизан, расстреливала невинных советских граждан, массами уничтожала евреев, едва ли горела особенным желанием превратиться в партизан и воевать против немцев, которым так усердно помогала во время военных действий на территории Советского Союза. Так же не следует оставлять без внимания неустойчивое поведение главных участников и руководителей событий. В качестве яркого примера «непоследовательности» образа

действий можно привести эпизод из биографии Ф. Чатлоша. В Центральном Архиве ФСБ РФ хранится уголовное дело этого деятеля. Бывший военный министр и главнокомандующий словацкой армии [27], высокопоставленный деятель словацкого фашистского государства Фердинанд Чатлош, почувствовав в 1944 г. близкий крах нацистской Германии, оставил своих хозяев – президента Тисо и фюрера Гитлера и, прикрываясь заботой о судьбе Словакии, решил предложить свои услуги советскому командованию. В ходе словацкого восстания он, с повстанческой территории, организовал перелёт на территорию СССР военного самолёта и пытался договориться с «советскими органами» «о судьбе Словакии». Но «органы», не жаловавшие «квислингов», Чатлошу не поверили и заключили в тюрьму. Материалы его допросов и другие документы показывают, как умный и изворотливый политик, спасая собственную шкуру, стремится использовать складывающуюся политическую ситуацию и предаёт всех своих бывших союзников и друзей. В СССР, где в это время за каждое неловко оброненное слово гражданину грозило суровое наказание вплоть до расстрела, бывшему словацкому главнокомандующему армией, истреблявшей советских граждан, была не только сохранена жизнь, но и предоставлена свобода. Ф. Чатлош по политическим соображениям был передан в Чехословакию и жил на свободе до 1972 года.

Бедные словаки, «мирные земледельцы и пастухи», заложники амбиций политиков: то их бросали против русских, то против немцев и всё под фарисейскими предложениями защиты интересов народа и государства! Однако давно уже доказано, что политика – явление противоположное общечеловеческой морали, что великолепно подтверждается судьбой словацкого деятеля.

Примечания

1. Das Deutsche Reich und die zweite Weltkrieg. 10. Bd. Stuttgart: Deutsche Verlagsanstalt, 1973-2008.

2. *Марьина В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время второй мировой войны 1939 – 1945 гг. Книга 2. 1941 – 1945. Москва, «Индрик». 2009.

3. Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. Хроника событий. Книга первая. 1941-1942. Краснодар, 2000.

4. Например, *Шмидт Петра.* История боевых действий частей Красной армии против словацких войск в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Воронеж, 2009. Приводится большая иностранная и русская библиография.

5. Напр. *Шмидт Петра.* Словаки на Восточном фронте 1941-1944 гг. Воронеж, 2009.

6. *Марьина В.В.* Указ. соч. Кн. 2. С. 37.

7. Там же. С. 36-37.

8. Там же. С. 37.

9. Там же. С. 39.

10. *Киселев И.В.* Участие словацкой моторизированной дивизии в оккупации Кубани // Национальная идентичность и национализм у славян и их соседей: проблемы

прошлого и настоящего / *Научн. ред., сост. Э.Г. Вартаньян, О.В. Матвеев.* Краснодар, 2011. С. 146.

11. Там же.
12. *Марьина В.В.* Указ. соч. С. 43.
13. Там же. С. 42-43.
14. Там же. С. 45.
15. *Эренбург И.Г.* Сестра Словакия. // *Красная Звезда.* 1944. 6 сентября.
16. Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. Рассекреченные документы. Хроника событий. Книга первая. 1941-1942. Краснодар, 2000. С. 467-468.
17. Там же. С. 469.
18. Там же. С. 470.
19. *Бабиц А.В.* Гитлеровский оккупационный режим и русская православная церковь на Кубани, 1942-1943. // *Национальная идентичность и национализм...* С. 149-151.
20. *Киселев И.В.* Указ. соч. С. 146.
21. *Петра Ш.* История боевых действий частей Красной армии против словацких войск в годы Великой Отечественной войны 1941-1944. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Курск, 2009. С. 19.
22. *Марьина В.В.* Указ. соч. С. 41.
23. Там же. С. 45.
24. *Славяне.* 1945. № 2.
25. *Hustav Husák.* Svedectvo o Slovenskom národnom povstani. Bratislav. 1964. С. 482.
26. Там же.
27. См. об этом: *Марьина В.В.* Словакия в войне против СССР. 1941–1945 гг. // *Новая и новейшая история.* 2011. № 4. С. 41-53.

В.И. Бондаренко (г. Краснодар, Россия)

ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ КАТАСТРОФА КАК ОБЩАЯ ТРАГИЧЕСКАЯ СТРАНИЦА В ИСТОРИИ УКРАИНЫ, РОССИИ И БЕЛОРУССИИ

Сегодня на постсоветском пространстве мы достаточно часто видим стремление руководства и национальных элит ряда бывших союзных республик переписать историю и противопоставить свои государственные образования России. В настоящее время указанная тенденция получила массовое распространение на Украине, где, в связи с вооружённым захватом власти в феврале 2014 г. националистическими и русофобскими группами предпринимаются попытки ввести два братских народа – русских и украинцев в состояние вражды, а также произвести ревизию прошлого.

Несмотря на стремление отдельных лиц переписать историю, Россия, Украина и Белоруссия, бесспорно, имеют общее историко-культурное развитие. Одной из таких страниц совместного прошлого является

Чернобыльская катастрофа, от которой в наибольшей степени пострадали территории и население вышеназванных государств.

Авария на Чернобыльской атомной электростанции (ЧАЭС) произошла 26 апреля 1986 г. в 1 ч. 23 мин. 50 сек. [1]. Именно в это время на четвёртом энергоблоке ЧАЭС случился взрыв реактора, оцененный в 50-60 тонн в тротиловом эквиваленте. По мнению многих исследователей, данная авария является самым крупным техногенным бедствием XX в. [2]. Отправным моментом в оценке последствий Чернобыльской катастрофы стало постановление Верховного Совета СССР от 25 апреля 1990 г. «О единой программе по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС», в котором, в частности, отмечалось, что указанная трагедия по совокупности последствий является самой крупной катастрофой современности, общенародным бедствием, задевшим судьбы миллионов людей [3]. Заметим, что аварию на ЧАЭС из-за своей чрезвычайно сложной структуры и уникальных характеристик можно рассматривать как обобщённую модель техногенной катастрофы с огромными социальными последствиями, которая, как явление мирового масштаба, изменила качество и сущность жизни мирового сообщества в целом [4].

Главной причиной данного технологического бедствия стали ошибки в работе персонала станции. Согласно выводам Правительственной комиссии, авария на ЧАЭС явилась следствием безответственности и халатного отношения руководителей данной АЭС, Министерства энергетики и электрификации СССР, Министерства среднего машиностроения, Госатомэнергонадзора к вопросам ядерной безопасности, низкой требовательности к кадрам за соблюдением строжайшей дисциплины и порядка в эксплуатации реакторных установок [5].

В результате взрыва и разрушения активной зоны реактора четвёртого энергоблока ЧАЭС радиоактивному загрязнению подверглись обширные территории ряда стран. Во внешнюю среду поступило огромное количество продуктов деления урана суммарной активностью в 50 млн. Ки. В атмосферу было выброшено в 90 с лишним раз больше радиоактивных веществ, чем при взрыве атомной бомбы над Хиросимой [6]. Наибольшему радиационному загрязнению подверглись территории 39 районов РСФСР, Украинской и Белорусской ССР [7]. Существенно от Чернобыльской катастрофы пострадали обширные территории Украины (41,75 тыс. км²), Белоруссии (46,6 тыс. км²), России (57,1 тыс. км²) [8]. Всего же в СССР серьёзному радиоактивному загрязнению подверглось 150 тыс. км², на которых проживало 6 млн. 845 тыс. чел. [9]. На европейской территории Советского Союза, где наблюдалось повышение радиационного фона из-за аварии на ЧАЭС, находилось около 75 млн. чел. [10]. К концу июля 1986 г. из зоны бедствия было эвакуировано 135 тыс.

чел. [11]. Ещё несколько десятков тысяч человек самостоятельно покинули районы, находящиеся вблизи от пострадавших районов.

В начале 1990-х гг. Украина и Белоруссия объявили Чернобыльскую катастрофу национальным бедствием и обратились за помощью в ООН [12]. Всего же радиоактивному загрязнению с уровнями выше 1 Ки/км² подверглись территории 17 стран [13]. Только на Украине, в связи с аварией на ЧАЭС, пострадало 7 % населения: 3,5 млн. её граждан, среди которых 1,3 млн. детей, получили дополнительное облучение. Украинский реестр пострадавших включает в себя около 677 тыс. чел., в том числе 205809 ликвидаторов [14]. В России подобный регистр содержит более 700 тыс. чел., из которых 190 тыс. участников ликвидации последствий аварии [15]. Большое количество пострадавших и ликвидаторов насчитывается и в Белоруссии. В целом, катастрофа на ЧАЭС перевернула судьбы сотни тысяч человек, которые стали говорить о своей жизни до апреля 1986 г. как о жизни «до войны» [16].

В общей сложности народнохозяйственный ущерб от данного технологического бедствия составил около 175–215 млрд. руб. (в ценах 1986 г.) [17]. Чернобыльская катастрофа нанесла стране почти невосполнимый экономический и психологический ущерб, и стала прологом к другой, уже социально-политической катастрофе – распаду СССР. В наши дни последствия аварии на ЧАЭС продолжают съедать значительную часть бюджета России, Украины и Белоруссии.

Локализация Чернобыльской катастрофы потребовали беспрецедентной мобилизации сил и средств всего Советского Союза. В аварийных работах в зоне бедствия было задействовано более 40 министерств и ведомств [18]. Только за период 1986-1991 гг. для ликвидации последствий данной аварии из союзного бюджета было выделено порядка 25 млрд. руб. [19].

Борьба с указанным технологическим бедствием стала масштабной, героико-трагической эпопеей в истории Советского Союза с многочисленными примерами мужества, самопожертвования, сострадания и соучастия с одной стороны, и необдуманности, безынициативности, обмана – с другой. Авария на ЧАЭС стала общенародной бедой сродни военному противостоянию [20]. Чернобыльская трагедия вполне соизмерима с войной, внезапно обрушившейся на СССР и продлившейся около четырёх лет. Только благодаря самоотверженной работе и мужеству десятков тысяч советских людей данная техногенная авария была локализована.

Военные, учёные, инженерно-технические работники, медики, рабочие и сельские жители продемонстрировали в ходе усмирения этого страшного бедствия под названием «техногенная катастрофа» широкий диапазон человеческих качеств: от осознанного героизма и преданности

делу – к паразитическому использованию ситуации для удовлетворения карьерных амбиций или личного обогащения [21].

В общей сложности в 1986–1991 гг. в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС участвовало свыше 600 тыс. чел., прибывших в зону бедствия из разных уголков страны [22]. Всего же число ликвидаторов из шести республик СССР только в 1986 г. превысило 300 тыс. чел. [23]. Участие в локализации Чернобыльской катастрофы приняло около 340 тыс. военнослужащих Советской армии, из которых только 24 тыс. являлись кадровыми военными (остальные – резервисты) [24]. В 1986 г. для ликвидации последствий аварии на ЧАЭС было одновременно задействовано 111 войсковых подразделений, общей численностью свыше 70 тыс. чел. [25]. В середине мая 1986 г. группировка войск в зоне бедствия насчитывала около 30 тыс. чел. [26]. В июне 1986 г. в аварийных работах на ЧАЭС одновременно участвовало 94 войсковые части с общим количеством личного состава 32329 чел. [27]. К августу 1986 г. в ликвидации последствий катастрофы было задействовано 111 войсковых соединений общей численностью 39245 чел. [28]. К ноябрю 1986 г. радиационному облучению подверглось 93816 военнослужащих [29]. В последующие годы военная группировка, участвующая в ликвидации последствий катастрофы, была несколько уменьшена и насчитывала около 20 тыс. чел. [30]. На 1 июля 1987 г. в районе ЧАЭС находилось 75 воинских соединений общей численностью 19344 военнослужащих, среди которых 85 % личного состава было призвано из запаса [31]. В октябре 1987 г. в ликвидации последствий принимало участие 20,7 тыс. военных, в том числе 18,6 тыс. резервистов [32]. Заметим, что, несмотря на снижение предельно допустимой дозы для лиц, занятых на ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы, с 25 до 10 рентген (бэр), в 1987 г. проводились не менее опасные в радиационном отношении работы: дезактивация помещений 3-го энергоблока и населённых пунктов, уборка и захоронение оборудования, предназначенного для строительства 5 и 6 блоков станции. Наряду с этим, радиационная обстановка на самой ЧАЭС продолжали желать лучшего. Так, на 15 июня 1987 г. на 1-м энергоблоке Чернобыльской АЭС уровни радиации превышали временно допустимые значения в 40 раз, на 2-м – в 85 раз, а на 3-м – в 870 раз [33].

В целом до 1989 г. на ЧАЭС дезактивации было подвергнуто более 24 млн. м² внутренних помещений и более 6 млн. км² территории, вывезено и захоронено 38 тыс. т. радиоактивных отходов. В течение 1986–1988 гг. данной процедуре подверглись 944 населённых пункта, из которых около половины пришлось обрабатывать по 3–4 раза [34].

Ещё одним свидетельством важности работ по локализации аварии на ЧАЭС для страны, несмотря на попытки скрыть последствия катастрофы, являются массовые награждения ликвидаторов правительственными

наградами. В разное время 19 чел. за своё активное участие в ликвидации последствий данного техногенного бедствия были удостоены звания Героя СССР (Социалистического Труда, Героя России или Украины), из которых только восемь получили Золотую Звезду при жизни [35]. По данным на 1 августа 1988 г. за участие в локализации Чернобыльской катастрофы было награждено правительственными наградами 9361 чел. [36]. Награждение ликвидаторов орденами и медали проходило и в последующие годы и продолжается до нашего времени.

Авария на ЧАЭС среди граждан СССР вызывала разные чувства. Чернобыльская катастрофа и государственная дезинформация вокруг неё возмутили общественность страны в целом и спровоцировали всплеск общественной активности. Проявлением высокой гражданской сознательности и моральных качеств большинства советских людей было их активное желание помочь пострадавшему населению [37].

Особую известность в стране приобрёл так называемый «фонд помощи Чернобылю» – счёт № 904, открытый в Госбанке СССР. Уже в начале мая 1986 г. в советские и партийные органы страны, в редакции газет в большом количестве от инициативных граждан Советского Союза стали поступать письма с призывами о создании специального счёта помощи пострадавшим от аварии на ЧАЭС [38]. Заметим, что первоначально правительство СССР не решалось поддержать данное предложение [39]. Однако, специальный счёт помощи для «чернобыльцев» всё-таки был создан. В это же время по всей стране проходят субботники, ярмарки солидарности, концерты и другие благотворительные мероприятия, заработанные деньги на которых перечислялись на счёт № 904. Отдельные граждане вносили в этот фонд часть своей зарплаты, премии, пенсии [40]. К декабрю 1986 г. сюда поступило свыше 520 млн. руб. [41].

Говоря о ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, подчеркнём важную роль РСФСР и её регионов в локализации указанной катастрофы. Несмотря на тот факт, что от данного технологического бедствия пострадали обширные территории России, именно РСФСР оказала наибольшую помощь Украинской и Белорусской ССР. В период с 26 апреля 1986 г. по 1991 г. в аварийных работах в районе ЧАЭС и в других пострадавших областях Украины и Белоруссии участвовало около 190 тыс. посланцев России. Кроме того, из 300 тыс. чел., принимавших участие в локализации Чернобыльской катастрофы в 1986 г., из РСФСР прибыло 87 722 чел. [42]. Заметим, что население Украинской и Белорусской ССР с особой благодарностью и уважением относилось к участникам ликвидации аварии на ЧАЭС, прибывшим в зону бедствия из других регионов Советского Союза. Важную роль в локализации катастрофы играли и российские предприятия, которые в срочном порядке выполняли

специальные заказы для «Чернобыля», поставляли технику, оборудование и материалы, необходимые для проведения аварийных работ. Кроме того, многие регионы России временно разместили на своей территории население ряда пострадавших областей Украины и Белоруссии, эвакуированное из зоны бедствия. Например, летом 1986 г. только в здравницах Краснодарского края было размещено более 60 тыс. чел. из Киевской, Черниговской и Гомельской областей Украинской и Белорусской ССР соответственно, в том числе 40,5 тыс. детей [43]. С 1987 г. и по 1991 г. на Кубани ежегодно оздоравливались 70 тыс. чел. из районов, пострадавших от аварии на ЧАЭС [44]. Тесное сотрудничество России, Украины и Белоруссии в сфере преодоления последствий Чернобыльской катастрофы продолжилось в постсоветский период и ведётся до настоящего времени.

Подводя итоги по рассматриваемой нами теме, отметим, что от аварии на ЧАЭС в равной степени пострадали территория и население РСФСР, Украинской и Белорусской ССР. Чернобыльская катастрофа стала чёрной страницей в истории Советского Союза в целом и России, Украины, Белоруссии в частности, а ликвидация её последствий является героико-трагической эпопеей с многочисленными примерами мужества и взаимопомощи. Именно благодаря героизму и самоотверженности сотен тысяч граждан СССР крупнейшая техногенная авария XX в. была локализована. Эту часть нашего общего прошлого, как и другие факты совместного историко-культурного развития, мы должны свято помнить.

Примечания

1. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 89. Оп. 51. Д. 24. Л. 6.
2. Барановська Н.П. Чорнобиль в новітній історії України : влада і суспільство : дисс... доктора іст. наук. Київ, 2006. С. 3; Дьяченко А.А. Опыт ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС: деятельность государственных органов СССР (1986-1991) : дисс... доктора ист. наук. М., 2002. С. 5.
3. Барановська Н.П. Чорнобильська трагедія. Нариси з історії. Київ, 2011. С. 5.
4. Барановська Н.П. Чорнобиль в новітній історії України... С. 5, 372.
5. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 53. Д. 12. Л. 2.
6. Барановська Н.П. Чорнобильська трагедія... С. 63.
7. Россия в борьбе с катастрофами. Книга 2. XX век – начало XXI в. / Под общ. ред. С.К. Шойгу. М., 2007. С. 120.
8. Историческая справка. [Электронный ресурс]. URL: <http://souzchernobyl.ru/index.php/10/1749.html>. (дата обращения 29.04.2014).
9. Россия в борьбе с катастрофами... С. 120.
10. Ярошинская А.А. Чернобыль. Совершенно секретно. М., 1992. С. 517.
11. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 53. Д. 12. Л. 3.
12. Ярошинская А.А. Указ соч. С. 146.
13. 25 лет Чернобыльской аварии: итоги и перспективы преодоления её последствий в России (1986-2011). Российский национальный доклад / Под общ. ред. С.К. Шойгу. М., 2011. С. 7.

14. *Барановська Н.П.* Чорнобильська трагедія... С. 138.
15. 25 лет Чернобыльской аварии: итоги и перспективы... С. 82.
16. *Журбенко В.М., Кудряшов В.И.* Участие Вооружённых Сил СССР в ликвидации последствий взрыва на Чернобыльской атомной электростанции // Военно-исторический журнал. 2006. № 4. С. 34.
17. Россия в борьбе с катастрофами... С. 120.
18. *Журбенко В.М., Кудряшов В.И.* Указ. соч. С. 30.
19. Россия в борьбе с катастрофами... С. 120.
20. См.: *Дьяченко А.А.* Указ. соч. С. 172.
21. *Барановська Н.П.* Чорнобильська трагедія... С. 260
22. *Дьяченко А.А.* Указ. соч. С. 18.
23. 25 лет Чернобыльской аварии... С. 57.
24. *Митюнин А.* Атомный штрафбат // Атомная стратегия XXI века. 2005. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pripyat-city.ru/pages/pripyat/texts/pdf/atomny-shtrafbat.pdf>. (дата обращения 27.03.2014).
25. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 53. Д. 74. Л. 4.
26. *Журбенко В.М., Кудряшов В.И.* Указ. соч. С. 31.
27. Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины. Ф. 65. Оп. 1. Д. 36. Л. 87.
28. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее – ЦГАОО Украины). Ф. 1. Оп. 25. Д. 2984. Л. 57-60.
29. *Ярошинская А.А.* Указ. соч. С. 514.
30. Дьяченко А.А. Указ. соч. С. 320.
31. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 53. Д. 63. Л. 2.
32. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 53. Д. 74. Л. 4.
33. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 57. Д. 67. Л. 2.
34. *Журбенко В.М., Кудряшов В.И.* Указ. соч. С. 32-33.
35. *Малеев В.Н.* Герои неизвестной войны. Память обретенная. М., 2011. С. 13.
36. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р7523. Оп. 145. Д. 3863.
37. *Барановська Н.П.* Чорнобильська трагедія... С. 151.
38. См.: ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 25. Д. 2995. Лл. 4, 36.
39. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 53. Д. 5. Л. 1.
40. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 25. Д. 3089. Л. 27; Чорнобильська трагедія: документи і матеріали / уклад. *Н. П. Барановська*. Київ, 1996. С. 236.
41. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 53. Д. 23. Л. 10.
42. 25 лет Чернобыльской аварии... С. 82.
43. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-1518. Оп. 3. Д. 1105. Л. 185.
44. ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 7. Д. 4008. Л. 75.

Йоанна Козел (г. Люблин, Польша)

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ПОЛЬШЕЙ В ГЛАЗАХ ПОЛЯКОВ ПОКОЛЕНИЯ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

Культура никогда не обладает четко определенными границами, совпадающими с пределами государственной территории. Культуры

разных стран влияют друг на друга, приобретают новые черты и оттенки, так как люди всегда были заинтересованы в новом, неизвестном, чужом. Такой процесс наблюдается на протяжении всех веков, но особенно он усилился в последнее время – в эпоху глобализации. Благодаря современным средствам общения, многочисленным путешествиям и миграционным процессам, люди напрямую или косвенно знакомятся с традициями и обычаями других стран. Кроме того, умение общаться считается чрезвычайно важной способностью необходимой для того, чтобы выстраивать правильные отношения с людьми, налаживать контакты. Поэтому рассмотрение данного вопроса является ключевым в современном мире не только в рамках личной жизни, но и в сфере бизнеса. Одновременно, несмотря на интенсивный процесс глобализации, человек не всегда и не всё знает о культуре других народов. Остается много вопросов, которые вызывают недоразумение, а иногда даже враждебное отношение, что обусловлено, прежде всего, недостаточными знаниями особенностей менталитета, стереотипов [1]. Они касаются разных областей человеческой жизни, например, религии и культуры. Настоящая работа посвящена именно этому вопросу. На примере граждан Польши и России мы попробуем показать, насколько поляки знают своих восточных соседей, какой образ современного русского человека складывается у них, а также какие встречаются сложности в межкультурной коммуникации между представителями этих наций. Для подтверждения приведенных тезисов будут указаны результаты опроса проведенного автором статьи.

В начале исследований обратим внимание на понятие межкультурной коммуникации. Оно включает в себе не только общение с помощью языковых и речевых средств, но также невербальный контакт [2]. Необходимо познакомиться с культурой другого человека, чтобы процесс коммуникации был успешен. Ключевым понятием считается толерантность к чужим обычаям и традициям. Человек должен осознавать, что у представителей других культур иное мировоззрение и нормы поведения. То, что в какой-то стране может показаться странным или вызывает возмущение, в другой является правилом. Наглядным примером служит восточнославянский праздник Радуница. Поляков шокирует вид людей, которые устраивают пир на кладбище. Без знания русской традиции, такое поведение могло бы стать причиной агрессии и обивниения в профанации. Поэтому, непрерывно нужно стремиться познавать особенности других культур. Это единственный способ избежать межкультурных конфликтов [3].

Польша и Россия – пограничные государства, и благодаря этому в культурах этих государств существует много общих элементов. Кроме того, их соединяет происхождение от этноязыковой общности славян, а также историко-политические события. Политологи подчеркивают, что

Польша всегда была в сфере геополитических интересов России, этот интерес сохраняется и сегодня [4]. Стоит заметить, что происшествия прошлых времен также способствовали возникновению многочисленных стереотипов. Отношения поляков и россиян сложные и неоднородные: с одной стороны, это «приятели москали и русские друзья», как определял их польский поэт А. Мицкевич, но с другой – враги и захватчики [5]. Так же и в восприятии поляков русскими: их определяют хитрыми, чрезмерно гордыми бунтовщиками, но одновременно подчеркивают славянское единство, хорошее образование и доброжелательность [6]. К сожалению, формированию и популяризации негативного образа и тех и других способствуют современные масс-медиа. Это так же является немаловажным фактором, разжигающим враждебные отношения между людьми.

Для подтверждения выше описанных тезисов нами был проведен опрос. Исследование проводилось на территории Польши. По методу случайной выборки нами были исследованы 100 респондентов. Прежде всего, молодые люди, родившиеся после перемен 1989 г. и конца коммунистического режима в Польше. Такой выбор мы мотивировали тем, что у поколения 20-летних поляков нет плохих ассоциаций с Россией обусловленных историко-политическими факторами. Среди опрошенных доминировали люди с высшим образованием (90%). Участники отвечали на вопросы, касающиеся восприятия ими России, россиян, а также их знаний в области российской культуры и религии. Они тоже определяли свое отношение к восточным соседям. 65% опрошенных негативно относятся к России. Однако, возможно, что на результаты повлияла нынешняя политическая ситуация и действия русских политиков: конфликт между Россией и Украиной, а также напряжение в отношениях с Евросоюзом.

В начале анкеты участники называли три вещи или явления, которые у них ассоциируются с Россией. Среди ответов преобладали: матрешки, водка и суровая зима. Алкоголь указало свыше 50% респондентов, а деревянную куклу – 40%. Очень часто люди перечисляли также понятия связанные с культурой, например, балет, русские писатели (чаще всего Достоевский и Пушкин), и православной верой: иконы, Церковь. Интересно, что в опросах редко упоминались понятия, относящиеся к политике: Путин, коммунизм, царь (только у 15% участников).

В следующем вопросе респонденты пытались описать в трех словах россиянина. Большинство поляков положительно оценивает характер жителей России. Чаще всего подчеркивают их гордость и самоуверенность. Кроме того, по-мнению поляков, русские отличаются дружелюбием, приветливостью. Они также импульсивны и спонтанны. С другой стороны, 30% респондентов указало, что восточные соседи часто

злоупотребляют алкоголем и любят пьянствовать. Среди отрицательных черт были упомянуты жадность, заносчивость и жестокость.

Остальные вопросы касались знаний русской культуры и православной религии. Оказывается, что значительная часть респондентов не знает вероучение Церкви. Хотя почти 90% поляков определяет себя католиками [7], однако они не совсем понимают роль икон. С одной стороны, 67% опрошенных подтверждает, что священные образы играют в православии значительную роль, в отличие от католического костела, но одновременно они не в состоянии указать, в чем заключается смысл икон. Согласно вероучению Костела и Церкви, религиозные картины исполняют такую же функцию как Священное писание, являясь путем к познанию Господа. Однако это путь не через слова, а через красоту [8]. Они также напоминают о вере и Божьем присутствии. Однако в Католическом костеле картины не должны изображать Господа, так как он невидимый [9]. Картины могут изображать Бога в лице Христа, как его воплощение. В православной иконописи Бог изображается довольно часто. Кроме того, католики после входа в храм не направляются в сторону религиозной картины, а в сторону алтаря и табернакля. Молитвы перед изображениями не являются необходимыми. В отличие от православия, в католическом костеле не существует традиция лобзания.

На основе полученных данных можно сделать вывод о том, что отношения между Польшей и Россией характеризуются большой сложностью. Они обременены событиями прошлых веков, различиями в понимании истории и антипатией, которую они вызывают. Доказательством этого являются результаты анкетирования – среди молодых людей тоже преобладает негативная оценка России. Однако необходимо подчеркнуть, что негативные чувства вызывает, прежде всего, российская политика, так как русская культура и русская душа всегда увлекала поляков. Поэтому очень важно, особенно сегодня, стремиться к лучшему познанию России. Только благодаря этому можно создать хорошие условия для межкультурной коммуникации.

Примечания

1. См. *Zajączkowska M.J.* Komunikacja międzykulturowa w okręgu przygranicznym, интернет-ресурсы: <http://www.mjz.com.pl/maria/art/komunikacja%20miedzykulturowa%20w%20okre%20gu%20przygranicznym.pdf> (доступ: 10.09.2014).

2. См. *Z. Nęcki*, Komunikacja międzykulturowa, Kraków 1996. S. 9.

3. Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М., 2005. С. 208;

4. *Zukowski, Stosunki*. Polska-Rosja: stan, problemy, nowe możliwości // Nowa polityka wschodnia. 2011, № 1 (1). С. 69.

5. См. *Polska-Rosja. Diagnoza społeczna 2013. Raport z badań opinii publicznej w Polsce i Rosji*, Warszawa, 2013. С. 13.

6. См. Polacy i Niemcy w oczach Rosjan / *pod red. Gromadzki G., Kucharczyk J.* Warszawa 2012. С. 26.

7. Kościół katolicki w Polsce 1991–2011. Rocznik statystyczny, Instytut Statystyki Kościoła Katolickiego oraz Główny Urząd Statystyczny, Warszawa 2014.

8. *Yiannia J.* Sztuka i architektura prawosławna // *Prawosławie. Światło wiary i zdroj doświadczenia / red. K.Leśniewski, J.Leśniewska.* Lublin 1999. С. 322.

9. Katechizm Kościoła Katolickiego, Poznań 2009, 234.

Н.Н. Косач (г. Краснодар, Россия)

**«БЕЛОВЕЖСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ» 8 ДЕКАБРЯ 1991 г.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАПИСОК БЕЛОРУССКОГО ДИПЛОМАТА
И ПОЛИТИКА П.К. КРАВЧЕНКО)**

8 декабря 1991 г. руководители Российской Федерации, Украины и Беларуси подписали в Вискулях (Беловежская пуца) Соглашение о денонсации союзного договора 1922 г. и создании Содружества Независимых Государств (СНГ). Участники, подписавшие Соглашение, обязались развивать равноправное и взаимовыгодное сотрудничество своих народов и стран в области политики, экономики, культуры, образования, охраны здоровья, окружающей среды, науки, торговли, в гуманитарной и других областях. Соглашение объявлялось открытым для всех республик бывшего СССР, а также других государств. Официальным местом нахождения Координирующих органов СНГ был определен Минск [1].

Накануне подписания (7 декабря 1991 г.) прибывший в Минск первый президент России. Б.Н. Ельцин, выступая в Верховном Совете Белоруссии, четко охарактеризовал ситуацию в стране и важность встречи в Вискулях: «Старого Союза уже нет, нового союза тоже пока нет. Ушла в историю попытка воссоздания Союза ССР в ленинской интерпретации. Сегодня терпит неудачу идея полуфедерации, полуконфедерации. Если останется хотя бы небольшой элемент унитаризма, есть риск возрождения той системы, которая уже завела нас в тупик. Всех пугает наличие Центра и его возможное возрождение в старых формах. Участников переговоров становится все меньше. Если так будет продолжаться, за стол переговоров некому вообще будет сесть. В резиденции «Вискули» руководители славянских республик будут обсуждать 4–5 вариантов Союзного договора. Встреча трех руководителей государств, возможно, станет исторической» [2].

В 2006 г. издана монография Петра Кравченко «Беларусь на распутье. Записки дипломата и политика». В ней обстоятельно изложены этапы развития Республики Беларусь (конца XX – начало XXI вв.). Петр

Кравченко, известный белорусский дипломат и политик, кандидат исторических наук, в годы перестройки (1985–1991 гг.) секретарь Минского горкома партии. Избирался депутатом Верховного Совета Белоруссии двух созывов, был первым министром иностранных дел Республики Беларусь, потом председателем комиссии Верховного Совета по международным делам и одновременно председателем комитета по международным делам Парламентского Собрания Союза Беларуси и России, послом Республики Беларусь в Японии [3]. Является одним из участников создания «Беловежского соглашения» (8 декабря 1991 г.) и в своих мемуарах «Беларусь на распутье или Правда о Беловежском соглашении» дает свою оценку о происходящих событиях.

П.К. Кравченко считает, что место встречи для подписания Беловежского соглашения было выбрано следующим образом: «В декабре 1990 года в Москву выезжала белорусская правительственная делегация для заключения договора между БССР и РСФСР. В делегацию входил ряд депутатов Верховного Совета, в том числе и Геннадий Козлов (в 1992 г. возглавил в Верховном Совете фракцию «Беларусь»). У депутатов состоялось несколько неформальных бесед с людьми из окружения Ельцина. Говорили, в том числе и о необходимости создания нового пост-советского образования, причем по сценарию Ельцина, а не по плану М.С. Горбачева... Тут-то и прозвучало предложение Козлова, что собраться для заключения нового договора нужно в Беловежской пуще. Находится она возле Бреста, а с этим городом связана одна из самых позорных страниц советской истории. Здесь в 1918 г. был заключен Брестский мир, по которому вождь российских большевиков Владимир Ленин отдал немцам большую часть Беларуси и Украины. По мнению Козлова, подписание исторического договора в этом же месте символизировало бы восстановление справедливости. Позже это предложение было принято» [4].

8 декабря 1991 г. в правительственной резиденции «Вискули» в Беловежской пуще руководители трех советских республик подписали соглашение, которое юридически подвело черту под существованием советского государства [5].

Интересна точка зрения автора мемуаров об основных действующих лицах соглашения. Как полагает П. Кравченко, «ошибаются те, кто считает, что этот исторический акт совершили три «беловежских зубра».

На самом деле со стороны Беларуси никакого «зубра» выставлено не было. Руководство Беларуси играло в беловежских процессах скорее вспомогательную функцию. А главной проблемой, которая решалась в Вискулях, было разрешение довольно острых противоречий между руководством Украины и России. Киев стремился к полной независимости и суверенитету, Москва надеялась сохранить хоть какое-то подобие Союза

советских республик. Так появилась формула «Содружество независимых государств».

Белорусский премьер Вячеслав Кебич долгое время был сторонником лишь экономической автономии Беларуси. Конечно, ему нравилось, что он становился более самостоятельным, более независимым от Москвы, чем его предшественники. Ведь ему уже не нужно было ездить в Госплан или союзный Совмин и «выбивать» деньги. Но Кебич никогда не считался национал-радикалом – скорее он был умеренным автономистом, и не более того [6]. П. Кравченко рассматривает встречу в Вискулях как действия двух основных игроков: Ельцина и Кравчука.

Встреча 8 декабря 1991 г. не была неожиданностью для западных политиков из воспоминаний Дж. Буша (президент США с 1989–1993 гг.) следует: «1 декабря украинцы подавляющим большинством голосов – в 90% – поддержали независимость, а Кравчук был избран 62% голосов. Я позвонил 3 декабря и поздравил его. Он сказал, что Ельцин уже звонил ему и подтвердил, что Россия признает Украину. 8 декабря должна будет состояться их встреча для координации политики — как и говорил Ельцин...» [7].

П.К. Кравченко в мемуарах описывает, почему произошло подписание документов, где говорится, не о «союзе», а именно о «сотрудничестве». Автор излагает следующее: «Когда собрались члены рабочей группы, разговор перешел в стадию обсуждения деталей. Необходимо за ночь подготовить проект договора о создании нового политического образования. В частности, обсуждался формальный вопрос: как его назвать. Союз? Все дружно возражали, что это неприемлемо. Федерация, конфедерация? Всем понравилось слово «содружество». Вспомнили Британское содружество наций, которое казалось чуть ли не идеальным примером постимперской интеграции.

Где-то к середине ночи сошлись и на том, что никакой единой столицы быть не должно, достаточно ограничиться политическим центром Содружества, в котором должны находиться его рабочие органы.

Потом разговор перешел к самому главному – как не породить сложностей для граждан, не понизить их жизненный уровень и не вызвать у республик откровенного противоборства и антагонизма.

Все участники Вискулевской встречи понимали, что в таких условиях надо выработать форму цивилизованного развода. Всем понравилось сравнение Советского Союза с коммунальной квартирой, из которой нельзя вот так сразу вырваться, некоторое время еще придется сосуществовать. Посему звучали предложения: давайте не будем бить посуду, а сделаем все так, чтобы нам и нашим потомкам не было стыдно смотреть друг другу в глаза» [8].

П. Кравченко в воспоминаниях иронично отмечает сам процесс «прощания с СССР», а точнее как выбиралось место для подписания важного, значимого в истории документа: «Руководители делегаций закончили работу над «Соглашением». Текст был отпечатан. И возникла протокольная проблема – как организовать подписание? Где подписывать?

В столовой, где постоянно накрыт стол, подписывать столь важный документ сочли неприличным. От бильярдной отказались по той же причине. Большого зала, подходящего для такого уникального события, в правительственной резиденции не было. Поэтому решили поставить столы в вестибюле перед столовой. Это было довольно внушительное помещение, метров шестьдесят площадью, с колоннами и неплохим интерьером с претензией на классицизм.

Сама процедура подписания заняла несколько минут. От прессы были только корреспонденты Белорусского телевидения и информагентства БЕЛТА. Было сделано несколько протокольных фотографий, и на этом официальная часть завершилась» [9].

В мемуарах П. Кравченко и в опубликованных воспоминаниях участников встречи заострен один момент. Кто первый из высокопоставленных лиц государств узнал о подписании «Беловежского соглашения»? Все три главных участника сообщают в своих мемуарах о том, что об этом стало известно первому президенту США Дж. Бушу. Из воспоминаний Л.М. Кравчука: «Закончилось это мероприятие, а что дальше? Молча, смотрим друг на друга – нужно о принятом решении сообщать Горбачеву. Но никто не горел желанием разговаривать с ним. Пауза показалась тягостной. У Ельцина возникла идея сообщить о нашей встрече Бушу. На всякий случай. Приняли это предложение. Ни к кому конкретно не обращаясь, Ельцин вдруг говорит: «Я с Горбачевым разговаривать сегодня не буду».

А тут сообщают, что ответил Вашингтон. Дело в том, что мы заказывали Москву и Вашингтон одновременно, но так получилось, чисто по техническим причинам, что раньше удалось связаться с Бушем. Говорил с Бушем Ельцин. Через переводчика. Сообщил о принятом нами решении, рассказал о принципах, которые легли в основу модели будущего содружества. Буш ответил, дескать, дело ваше, мы не вмешиваемся, будем поддерживать ваше решение... Воспринял нашу информацию спокойно. Удивления не выразил» [10].

В заключении можно констатировать, что автор на протяжении всех мемуаров дает критическую оценку власти Республики Беларусь (конца XX–начало XXI вв.), которая ярко выражается, по его мнению, в следующем: «Попытки соединить несоединимое – рынок и управление, демократию и тоталитаризм – это шараханье в разные стороны. Движение без царя в голове – это даже не стояние на месте, это откат назад.

Навязываемая нам идеология держится на трех апробированных в XIX столетии принципах – самодержавии, православии и народности. Конечно, они переименованы, но суть осталась прежней. Выстраивается идеология светской монархии. Правда, пока еще без института престолонаследования, но очень напоминающая самодержавное правление. И дело близится к тому, чтобы объявить главу исполнительной власти пожизненным правителем, неким мессией для Беларуси» [11].

Примечания

1. История Беларуси: В контексте мировых цивилизаций. / Под ред. В.И. Голубовича, Ю.М. Бохана. Минск, 2008. С. 437.
2. Союз можно было сохранить. Белая книга: Документы и факты о политике М.С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 424.
3. *Кравченко П.* Беларусь на распутье. Записки дипломата и политика // Народная Воля. Белорусская газета. 2006. № 148-149. С.1–3.
4. Там же. С.149.
5. Там же. С. 143.
6. Там же. С. 144.
7. Союз можно было сохранить. С. 421
8. *Кравченко П.* Указ. соч. С.156–157.
9. Там же. С. 163.
10. Союз можно было сохранить. С. 456
11. *Кравченко П.* Указ. соч. С.440-441.

О.А. Васильев (г. Киев, Украина)

ПРОБЛЕМИ ТРАНСФОРМАЦІЇ ІНТЕГРАЦІЙНОГО ОБ'ЄДНАННЯ РФ ТА БІЛОРУСІ (ПОГЛЯД З УКРАЇНИ)

Практика самостійного існування Нових незалежних держав показала, що пострадянський простір не є єдиним економічним полем, а егоцентризм і національний прагматизм правлячих еліт став визначаючим фактором у взаємовідносинах країн-членів СНД. В цих несприятливих внутрішніх і зовнішніх умовах для економічної реінтеграції пострадянського простору спроба об'єднання Білорусі і Росії і створення в перспективі єдиної державності на новій двосторонній основі може стати позитивним прикладом соціально-політичної трансформації.

Росія і Білорусь займають особливе місце в інтеграційних процесах в рамках СНД. При утворенні різних субрегіональних угруповань мова йде, як правило, тільки про економічну інтеграцію. Це означає в першу чергу не політичний і навіть не військовий союз, а інтеграцію національних економік, встановлення інтеграційних зв'язків між галузями народного

господарства окремих країн. Економічна інтеграція вимагає об'єднання ринків, формування єдиного економічного простору на базі такої форми державності, яка відповідає інтересам учасників міждержавного утворення. Необхідною передумовою об'єднання країн є сумісність економічних і політико-правових систем, певна синхронність і одночасність економічної і соціально-політичної трансформації держав, що об'єднуються [1, 2]. Особливості сучасної геополітичної і гео економічної ситуації на пострадянському просторі визначають специфічний зміст стану соціально-політичної трансформації як безпосередньо Росії і Білорусі, так і їх міждержавного об'єднання.

Розрив господарських зв'язків колись єдиного народногосподарського комплексу після утворення Нових незалежних держав на теренах колишнього Радянського Союзу вимагав від їх правлячих еліт продекларувати визнання необхідності координації економічної політики на пострадянському просторі як ключової умови виживання нових державних утворень в умовах фактичної дезінтеграції. Реінтегруватися в Євразійський та Митний союз Росія фактично примусила Білорусь. Опинившись у міжнародній ізоляції, керівництво Білорусі в умовах політичного, енергетичного і економічного тиску з боку РФ було змушено заради збереження власного авторитарного режиму погодитись на російські інтеграційні проекти.

Принципи створення інтеграційного об'єднання

При формуванні російсько-білоруського союзу сторони заявили про об'єднання двох країн в Союзну державу. Об'єктивними передумовами інтеграції двох країн є геополітичні, економічні та історичні фактори.

Росію і Білорусь можна характеризувати як різномасштабні і різнопланові економічні суб'єкти світового господарства, які мають свої національні пріоритети. Але вони відчують спільні реальні загрози їх внутрішньому розвитку, подолання яких, як свідчить світова практика, може бути успішно вирішено в рамках інтеграційного об'єднання. Підписанням 21 лютого 1995 р. у Мінську Договору про дружбу, добросусідство і співробітництво терміном на десять років президенти Республіки Білорусь і Російської Федерації відкрили першу сторінку міждержавної інтеграції в їх пострадянській історії. 2 квітня 1996 року у Москві було підписано Договір про створення Співтовариства Білорусі і Росії з метою об'єднання матеріального і інтелектуального потенціалів двох держав для підйому економіки, створення рівних умов для підвищення рівня життя народів і духовного розвитку особистості [3].

У Договорі держави-учасники задекларували готовність створити єдиний економічний простір з спільним ринком і вільним пересуванням товарів, послуг, капіталів і робочої сили. Сторони погодились створити єдину нормативно-правову базу для усунення міждержавних бар'єрів і

обмежень у здійсненні рівних можливостей для вільної економічної діяльності, завершити створення спільного митного простору з об'єднаною службою управління, уніфікувати грошово-кредитні і бюджетні системи для створення умов щодо введення єдиної валюти.

У соціальній сфері передбачалось забезпечення рівних прав громадян Росії і Білорусі в отриманні освіти, у працевлаштуванні і оплаті праці, придбанні майна у власність, володінні, користуванні і розпорядженні їм. В країнах-учасниках Співтовариства передбачалось також введення єдиних стандартів соціального захисту, вирівнювання умов пенсійного забезпечення, призначення допомоги і пільг для ветеранів війни і труда, інвалідів и малозабезпеченим сім'ям.

Ключове місце в економічній стратегії Союзу відводиться забезпеченню динамічного економічного розвитку держав-учасників, формуванню єдиного економічного простору, створенню рівних умов господарювання, у тому числі для вільної конкуренції і гарантій діяльності господарюючих суб'єктів на території Союзу, створенню і розвитку спільної інфраструктури (зокрема, об'єднання транспортної і енергетичної систем та системи зв'язку, формування єдиного науково-технологічного та інформаційного простору). З метою ефективного використання економічного потенціалу двох країн передбачалось узгодження структурної політики, створення умов для діяльності спільних транснаціональних компаній тощо. В економічній стратегії Союзу декларується необхідність розробки і реалізації узгодженої програми проведення ринкових реформ з урахуванням особливостей економічного розвитку кожної держави-учасниці Союзу.

Соціальні задачі Союзу передбачають головним чином, уніфікацію систем соціального захисту населення двох країн, сприяння розвитку освіти, взаємозбагачення культур, здійснення рівних умов збереження і розвитку етнічної, культурної і мовної самобутності народів.

Установчі документи Союзу не внесли принципових змін до державного устрою Росії і Білорусі, оскільки кожна держава зберігала свій державний суверенітет, незалежність і територіальну цілісність, конституцію, державний флаг, герб та інші атрибути державності.

Держави-учасниці зобов'язались проводити тісно узгоджену політику в міжнародних справах, у сфері оборони, безпеки і боротьби з злочинністю, в соціальній і культурній областях, тобто виконувати всі функції, притаманні найбільш розвиненому типу інтеграційного об'єднання.

Таким чином, можна констатувати, що новий етап інституціонального оформлення інтеграції Росії і Білорусі передбачає створення саме нової держави, а не якісь складні перехідні форми інтеграції.

Але інтеграційні процеси характеризуються непослідовністю і неконкретністю, зокрема, із-за протидії з боку деякої впливої частини правлячої еліти Росії. На етапі розвитку Союзу стала також виразно виявлятися різниця у підходах до регулювання соціально-економічних і політичних процесів у кожній з держав-учасниць, що не тільки відсувало строки досягнення, але й ставило під сумнів здійснення декларованих цілей Союзу. Аналіз становлення Росії і Білорусі як незалежних держав показав, що в рамках розвитку Союзу багато негативних факторів переважували інтеграційні зусилля обох країн і працювали на расходження їх економік, фінансових систем, законодавств і гальмували розвиток господарчих зв'язків.

Роль науково-технічного прогресу у соціально-політичній трансформації об'єднання

Історичний досвід говорить, що будь-яка інтеграція – це багатосторонній і прокволистий у часі процес. Для формування взаємовигідного об'єднання двох країн в нових історичних умовах необхідно в першу чергу налагодити ефективне торгово- економічне співробітництво, забезпечити зближення курсів реформ, уніфікацію законодавства. Без створення необхідних економічних, політичних, соціальних, правових передумов передчасно і безперспективно ставити питання щодо об'єднання двох держав [4].

Головною зовнішньоекономічною задачею двох країн в умовах створення Союзної держави є всебічне стимулювання можливостей підвищення національної конкурентоспроможності Росії і Білорусі, адаптації їх зовнішньоторгових операторів до норм і правил глобального ринку, щоб у перспективі якісно змінити теперешній так званий периферійний тип участі двох країн у світогосподарських зв'язках. Для Росії і Білорусі розвиток реального сектору економіки є єдиним шляхом укріплення своїх позицій у світовій економіці. Пріоритетне значення у формуванні промислової політики в рамках Союзної держави має набути стратегія інноваційного розвитку як єдино можливої форми економічного прогресу в умовах глобалізації [5, 6].

Зовнішньоекономічна діяльність крім прямого економічного ефекту надає можливість у цілому покращити економічну ситуацію в двох країнах, зокрема:

- реалізувати потенційні можливості науки та високих технологій;
- зберегти індустріальний та технологічний базис економіки;
- створити перспективи для використання виробничих потужностей, проектно-конструкторських організацій, розширити зайнятість працездатного населення;
- підтримати коопераційні зв'язки і створити сприятливі умови для формування вигідних економічних відносин з іншими країнами;

- сприяти виникненню конкретних матеріальних передумов для залучення високих технологій із розвинених країн;

- розвивати вітчизняну базу високого технологічного виробництва і інформаційних послуг, сприяти виникненню перспектив ефективного економічного обміну, одержання прибутку, пов'язаного з використанням ноу-хау і технологічним лідерством.

Зміцнення та розвиток експортного потенціалу двох країн набуває особливого значення на сучасному етапі економічних перетворень, як фактор підтримки багатьох галузей виробництва та джерело надходження валюти для задоволення виробничих та соціально-економічних потреб. Цілеспрямований розвиток експортного виробництва стає важливим елементом структурної перебудови економіки, спрямованої на технологічну модернізацію та підвищенню конкурентоспроможності двох країн.

Побудова постіндустріальної економіки можлива тільки на базі повноцінної індустріальної економіки. Науково-технологічний підйом можливий на базі потужного конгломерату білорусько-російських інноваційних взаємодій, зокрема, в рамках академій наук, галузевих організацій і підприємств, окремих вчених і підприємців.

Важливу роль у соціально-політичній трансформації кожної з країн Союзу відіграє науково-технічний прогрес. Особливо це стосується РФ як головної держави у цьому об'єднанні. Але сировинне спрямування розвитку народного господарства Росії не дає основи для інноваційного розвитку економіки. Основні проблеми російської науки знаходяться не в академічному секторі, який достатньо ефективно виконує свою функцію генерації нових фундаментальних знань, а в слабкості прикладної ланки після практичної повного знищення галузевої науки і її проектної частини. Незадовільні і дорогі експерименти у сфері НТП (зокрема, проекти Роснано і Сколково) фактично свідчать про системний провал державної функції стимулювання інноваційної активності.

Перспективи інтеграційного об'єднання

Інтеграційне об'єднання Російської Федерації і Республіки Білорусь знаходиться у стані суперечливої соціально-політичної трансформації, стикаючись з перепонами, пов'язаними з нерівними ваговими характеристиками геополітичного, економічного і соціального характеру. Гальмівним фактором є різнопланові економічні моделі розвитку обох держав: в Росії – ліберально-демократична, а в Білорусі – централізовано-державна.

Концептуальне і стратегічне положення щодо створення союзних органів державної влади і управління, яким Росія і Білорусь делегують широкі повноваження в соціально-економічній області, у сферах зовнішньої політики, забезпечення оборони і безпеки, покликано об'єднати

зусилля двох країн і народів для ефективної відповіді викликам ХХІ століття.

Реалізація проекту євразійської економічної інтеграції, початок якому було покладено у 2010 році, показує його позитивні результати. Одним з важливих показників є те, що Росія, Білорусь і Казахстан, які створили Митний союз, продемонстрували випереджаючі темпи росту взаємного товарообігу у порівнянні з загальними темпами своєї зовнішньої торгівлі (зростання за три роки на 45% і на 36% відповідно). Слід вказати також, що структура взаємного товарообігу у ці роки була більш якісною, ніж структура їх торгівлі з третіми країнами. Так, за даними Євразійської економічної комісії, на паливно-енергетичні товари у взаємній торгівлі членів МС припадає тільки 37% у порівнянні з 72% у загальному обсязі їх зовнішньої торгівлі, а частка машин і обладнання перевищила 20% [7].

Аналіз заяв і дій керівництва РБ говорить про те, що білоруська сторона на даному історичному етапі зробила геополітичний крок в напрямку Євразійської інтеграції в першу чергу завдяки тому, що РФ витрачає значно більші ресурси, ніж ЄС у конкуренції за вплив на регіон Східної Європи. Так, зокрема, субсидії Білорусі з боку Росії дорівнюють близько 10 млрд. дол. на рік тільки за рахунок низьких цін на енергоресурси. В той же час ЄС виділив на підтримку шістьох країн – учасниць «Східного партнерства» приблизно 600 млн. євро. Можна прогнозувати, що поки ЄС не вийде з кризи і не зможе виділяти відповідні інвестиційні ресурси, у нього не буде ефективної стратегії впливу на Білорусь. В той же час РБ не відмовляється від торгівельно-економічного співробітництва з Європейським союзом, який є її другим за вагомістю партнером після РФ. Керівництво РБ вважає, що робити вибір між Сходом і Заходом для Білорусі є неприйнятним рішенням.

Поки що процеси співробітництва між членами МС не мають всеосяжного характеру і не призвели до створення крупних багатосторонніх торгово-промислових комплексів, які здатні успішно протистояти у конкурентній боротьбі закордонним ТНК. Залишаються обмеженими їх досягнення у створенні спільними зусиллями сучасних науково-технічних розробок і технологій. Але без рішучого зрушення у цьому напрямку учасникам євразійської інтеграції не вдасться домогтися структурної перебудови їх національних економік і забезпечити відхід від нині діючої моделі паливно-сировинного розвитку. А це означає подальше їх відставання і неможливість перспективного розвитку у глобальній системі світового господарства і відповідній соціально-політичній трансформації.

Для України, як і для Білорусі, важливо знайти варіанти взаємодії як з Європою, так і з Євразією, шукати позиції, що об'єднують, а не роз'єднують країни, активно використовуючи взаємну зацікавленість у

розширенні торгівельно-економічного співробітництва, створюючи своєрідний міст з двостороннім рухом в обох напрямках.

Висновки

1. Життєздатність російсько-білоруського об'єднання в першу чергу залежить від стратегічного забезпечення політичної і економічної безпеки РБ і РФ в надалі все більш глобалізованому світі. Наявність таких спільних для Росії і Білорусі структур як Митний Союз, Євразійський Союз дає змогу вирішувати економічні питання в більш широкому обсязі, ніж у двосторонньому форматі, що в значній мірі нівелює перспективні цілі інтеграційного об'єднання у матеріальному плані. Зростаюче прагнення білоруської громади до всебічного розвитку білоруської культурної ідентичності (зокрема, мови) не сприяє прискоренню процесу створення уніфікованої держави, в якій роль Білорусі буде знівельовано. Негативний досвід створення багатокультурного суспільства в країнах Європи також створює додаткові обереги на шляху створення такого інтеграційного об'єднання.

2. Позиція керівництва РБ в російсько-українському конфлікті, зокрема, щодо анексії Росією АРК, а також в питаннях, пов'язаних з експортом українських товарів до країн МС, говорить про ознаки самої і небажання Білорусі безостережно йти у фарватері політики РФ. Це надає можливість для керівництва України будувати перспективну політику щодо подальшого налагодження плідних стосунків з РБ як в економічній, так і в політичній сферах, зокрема, в рамках проекту ЄС «Східне партнерство».

Використані джерела та література

1. *Пахомов Ю.М.* та ін. Національні економіки в глобальному конкурентному середовищі. К., 1997.
2. *Чекаленко Л.* Зовнішня політика України (від давніх часів до наших днів): Підручник для студентів вищих навч. закл. 2 вид. К., 2011. .
3. *Годин Ю.Ф.* Россия и Белоруссия на пути к единению. Проблемы экономической безопасности союзного государства. М., 2001.
4. *Ирхин А.А.* Геополитические циклы Евразии и национальные интересы Украины. Севастополь, 2011.
5. *Инновационное направление современных международных отношений / А.В. Бирюков, Е.С. Зиновьева, А.В. Крутских и др.* М., 2010.
6. *Васильев О.А.* Міжнародне співробітництво в інноваційно-технологічній сфері в контексті подолання економічної кризи [антологія творчих досягнень]. Вип.6, 2012. С. 86 – 91.
7. *Чуфрин Г.* Достижения и проблемы евразийской интеграции // Россия и новые государства Евразии, Вып.IV (XXI) . М., 2013. С. 5–17.

Раздел III. Научные и культурные связи, духовное наследие славянских стран и их соседей

Э.Г. Вартаньян (г. Краснодар, Россия)

РОЛЬ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ В РАЗВИТИИ АГРАРНОЙ НАУКИ БОЛГАРИИ (КОНЕЦ XIX – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX в.)

Научные связи русского и болгарского народов уходят своими корнями в далекое прошлое. В первые десятилетия после освобождения Болгарии от османского гнета этот процесс активизировался. Русские ученые оказали большое влияние на развитие сельскохозяйственной науки Болгарии. По признанию известного болгарского ученого проф. К. Павлова, «русские агрономы были первыми учителями болгарского народа в области земледелия» [1]. Старшее поколение болгарских агрономов получило образование в России, российский опыт земледелия был перенесен в Болгарию.

Первые земледельческие машины – плуги, рыхлители, сеялки были доставлены в освобожденную Болгарию из России. Тогда же ввозились из России семена ценных сельскохозяйственных культур, пород животных, научная литература (труды К.А. Тимирязева, Н.И. Вавилова, И.В. Мичурина, В.Е. Борковского, В.В. Докучаева, И.П. Павлова, Д.И. Менделеева, И.М. Сеченова, Д.Н. Прянишникова). Целые поколения болгарских специалистов учились по учебникам по экономике, организации и управлению сельским хозяйством советских ученых В. Немчинова, С. Кувшинова, И. Зальцмана, К. Лозы [2].

Развитие ветеринарии Болгарии было связано с именами россиян, участников войны 1877–1878 гг. И. Неймана, И. Вознесенского, О. Калинга. В 1881 г. в г. Шумен, под руководством И. Вознесенского, была создана военная ветеринарная школа с двухгодичным курсом обучения. Уже в 1883 г. поручик И. Вознесенский с учениками ликвидировал в Шумене эпидемию чумы, охватившую крупный рогатый скот [3].

Болгарские ученые применили классический российский метод М.Ф. Иванова по выведению асканийской породы овец (в Болгарии были распространены преимущественно грубошерстные породы). Большую помощь в выведении тонкорунных пород овец оказали болгарским ученым труды К.Д. Филянского, Г.Р. Литовченко, Б.Н. Филиппова, А.В. Любавского и др. Использовался разработанный российскими учеными А.В. Васильевым и Г.Р. Литовченко метод сложного воспроизводительного скрещивания местных горных пород овец [4].

В 1912 г. русский ученый проф. Б. А. Федченко посетил с научной целью Болгарию и работал там с основоположником болгарской ботаники С. Петковым. В том же 1912 г. профессор С. Петков опубликовал в России библиографические материалы по вопросам болгарской флоры [5]. Этот факт свидетельствует о том, что не только болгарские ученые проявляли интерес к России, но и российские к болгарской науке.

Высоко ценил труды российских классиков в области почвоведения основатель болгарского почвознания Н. Пушкаров. При изучении почв Болгарии Н. Пушкаров использовал российскую методику, а в 1931 г. составил на её основе первую карту почв своей страны в масштабе 1:500000 [6].

С возникновением Всесоюзного общества культурных связей (ВОКС) в 1925 г. научные и культурные связи между двумя странами активизировались. Впервые документы по советско-болгарскому сотрудничеству в области сельскохозяйственной науки ВОКС опубликовал в марте 1926 г. [7].

Сотрудничество агрономического факультета Софийского университета было установлено с Академией сельскохозяйственных наук СССР в 1925 г. и осуществлялось первоначально в основном по линии книгообмена [8]. Так, преподаватели Софийского университета в 1927 г. выписали советский журнал «Почвоведение», а «Журнал софийской земледельческой опытной станции» был отправлен в Астрахань. По отчетам ВОКС в 1930 г. Софийский университет осуществлял книгообмен с 47 советскими научными институтами, опытными станциями, вузами [9].

Общество защиты природы Болгарии с 1928 г. стало осуществлять книгообмен с 16 советскими институтами и обществами аналогичного профиля. Советская периодика постоянно поступала в библиотеку Музея защиты природы Болгарии в обмен на болгарские издания [10]. Сотрудники ВОКС помещали свои статьи в болгарских газетах «Работническо дело», «Народна просвета», «Балканский рабочий» и др. [11].

Значительная часть литературы сельскохозяйственного профиля поступала в Болгарию по неофициальным каналам – на Агрономо-лесоводческий факультет Софийского университета, Садовскую опытную станцию, Центральный земледельческий испытательный институт и др. В 1936 г. известный советский генетик Н.И. Вавилов предложил Институту защиты растений Болгарии, руководимому профессором И. Странским, возобновить книгообмен с аналогичным институтом г. Ленинграда. Болгарская сторона с готовностью откликнулась на это предложение, отправила в Ленинград «Труды по прикладной ботанике», изданные в Софии, и в свою очередь обратилась к сельскохозяйственной Академии

СССР с такой же просьбой [12]. По приблизительным подсчетам автора данной статьи, в 1941 г. в библиотеке Центрального земледельческого испытательного института Болгарии было около 150 названий советских книг, а в личных библиотеках известных ученых Н. Платиканова, И. Георгиева имелась значительная сельскохозяйственная литература из СССР.

С 1926 по 1937 г. велась систематическая переписка между ВОКС и болгарскими учеными, исследовательскими учреждениями сельскохозяйственного профиля. В 1927 г. ВОКС получил массу заявок о сотрудничестве научных учреждений сельскохозяйственного профиля СССР и Болгарии.

В контексте развития связей российских и болгарских ученых-аграриев интересна переписка советского профессора Н.С. Державина и председателя Болгарской Академии наук (БАН) Л. Милетича. О своем желании посетить «милую, дорогую, Советскую Россию, посмотреть, как она живет, как идет ее строительство, познакомиться с ее достижениями», писал Л. Милетич Н.С. Державину [13]. О росте интереса к России в Болгарии свидетельствует и тот факт, что в газете «Работнически литературен фронт» рубрике «СССР» с 1930 г. стала отводиться целая страница. В статьях о России в болгарских изданиях было немало информации о сельском хозяйстве и достижениях сельскохозяйственной науки [14].

В практике Софийского университета было принято избирать почетных докторов из среды зарубежных ученых. К 50-летнему юбилею университета в мае 1939 г. почетными докторами с советской стороны были избраны Н.И. Вавилов и Б.М. Ляпунов [15]. Велика роль известных болгарских ученых И. Странского и Я. Моллова (воспитанники русского ученого Н.М. Кулагина) в развитии теории и практики сельского хозяйства.

Со второй половины 1920-х гг. стала оформляться такая форма сотрудничества двух стран как прямые связи научных учреждений и селекционно-опытных станций. Просьба болгарских селекционеров об установлении постоянных связей с Государственным институтом общей агрономии г. Ленинграда и Саратовской опытной станцией была направлена в ВОКС в 1926 г. Болгарских ученых особенно интересовал опыт российских коллег на Кубани, Украине, в Южном Поволжье, где почвенно-климатические условия схожи с болгарскими. В середине 1930-х гг. в порядке обмена СССР отправил болгарской опытной станции в Павликени семена сортов подсолнечника «Ждановский-6432» и «Ждановский-8281». Благодаря их ввозу культура подсолнечника получила в Болгарии широкое распространение [16]. По примеру СССР в Болгарии был организован оперативный сектор по защите растений и,

таким образом, были заложены основы охраны сельскохозяйственных культур от вредителей и болезней.

Связи были установлены также между коллективами ученых-агрономов Софийского университета с одной стороны, и Краснодарской опытной селекционной станцией зерноводства, Ульяновской опытной станцией картофелеводства, Саратовским институтом зерновых культур, Ленинградским институтом мелиорации и гидротехники, с другой. В январе 1932 г. руководство НИИ сельского хозяйства Центрально-черноземной области России обратилось к софийским селекционерам с предложением обмена семенным материалом растительных культур и научной литературой [17].

Яркий пример упрочения болгаро-советских отношений и плодотворного сотрудничества являет собой деятельность известного болгарского ученого Дончо Костова – преподавателя агрономического факультета Софийского университета (в 1926–1929 гг. проходил специализацию в Гарвардском университете США, получив стипендию фонда Рокфеллера по линии международного Совета по образованию). В 1932 г. Д. Костов по приглашению академика Н.И. Вавилова приехал на работу в Институт прикладной ботаники и селекции АН СССР. Под непосредственным руководством Н.И. Вавилова Д. Костов занимался проблемами генетики растений, особенно наиболее распространенных в Болгарии культур – табака и бобовых. Ученый проработал почти во всех филиалах Института – в Средней Азии, Закавказье, Сибири, Краснодарском крае. Его достижения в области межвидовой гибридизации были высоко оценены в СССР. Н.И. Вавилов в 1934 г. предложил Д. Костову опубликовать его статьи в журнале «Доклады Академии наук». В том же году болгарский ученый получил в СССР докторскую степень [18]. В советских научных изданиях он опубликовал 47 статей, стал заведующим отделом межвидовой гибридизации в Институте генетики АН СССР. Д. Костов занимался также преподавательской деятельностью в университетах Ленинграда и Минска.

Д. Костов пропагандировал достижения российской селекции и генетики в Болгарии. Сохранились материалы его научных выступлений на родине, собиравшие огромное количество слушателей. Остановимся на одном сюжете. 2 февраля 1936 г. в 10 часов утра в библиотеке «Славянска беседа» в Софии состоялась лекция ученого, посвященная достижениям советской сельскохозяйственной науки. На лекции присутствовал полицейский агент и в своем рапорте он писал: «Уже в 9 час. зал был переполнен. Хотя мест не было, люди все шли и шли. Заполнены были и балкон, и коридор. Присутствовало около 1000 человек» [19]. Два часа Д. Костов рассказывал о развитии российской аграрной науки, оперируя цифрами и фактами, говорил о связи науки с практикой сельского

хозяйства и т.д. На улице докладчика ожидала многочисленная толпа, люди, не попавшие на лекцию, просили ученого повторить ее для них в ближайшее время [20]. Приведенный пример является показателем огромного уважения научного мира Болгарии к одаренному ученому, интереса к его исследованиям, и, конечно, нескрываемой заинтересованности людей в положении дел в СССР, его достижениях в области науки и практики.

Причины возвращения Д. Костова на родину в 1939 г. болгарские исследователи объясняют тем, что в СССР кануна войны не могли доверять человеку из стран прогерманской ориентации [21]. Однако, в первую очередь, необходимо учитывать обстановку, которая сложилась в советской биологической науке второй половины 1930-х гг. Борьбу против положений классической генетики, представителем которой в отечественной науке был Н.И. Вавилов и его соратники, возглавил сторонник мичуринской генетики Т. Д. Лысенко. Д. Костов как ученик и сотрудник Н.И. Вавилова в условиях травли последнего вынужден был вернуться на родину. Последнее письмо от своего учителя Д. Костов получил в июне 1940 г., а в августе того же года Н. И. Вавилов был репрессирован. Советский ученый не успел воспользоваться приглашением Д. Костова посетить Болгарию летом 1940 г. Однако с отъездом Д. Костова связи между генетиками двух стран не прервались. В феврале 1940 г. болгарский ученый направил в Министерство земледелия письмо, в котором представил широкую программу научного сотрудничества с СССР. Он предлагал установить постоянный обмен сельскохозяйственной литературой, научными изданиями, семенами растений и селекционным материалом и т.п. [22]. Кстати, большую помощь советской сельскохозяйственной литературой проф. Н. Платиканову оказал Д. Костов во время своего пребывания в СССР [23].

Еще в 1932 г., до установления дипломатических отношений между СССР и Болгарией, ряд государственных учреждений болгарского Министерства земледелия установили первые контакты с ВОКС, в том числе и по вопросу сельскохозяйственного образования в СССР, обмена опытом в области животноводства, литературой. И связи научных и опытных станций двух стран были установлены уже в начале 1930-х гг. В ноябре 1934 г. дирекция опытного поля в Павлекини через советского представителя в Софии просила содействия в установлении связей с российскими коллегами [24]. Опытное поле в Павлекини специализировалось на выращивании масличных культур и в конце 1934 г. ему удалось установить официальные связи с Всесоюзным институтом эфиромасличных культур. Аналогичные процессы происходили между опытной станцией виноградарства и др.

В архиве БАН хранится переписка болгарского и советского ученых С. Петкова и Б. А. Федченко за 1936–1947 гг. Она демонстрирует взаимный интерес ученых к научным изысканиям, проводимым СССР и Болгарией [25].

Высокую оценку в среде мировой научной общественности, в том числе и российской, получило учение болгарского биолога М. Попова по стимуляции клетки. Русский ученый Н. А. Максимов уже в 1925 г. указал на высокий научный уровень опытов М. Попова и отметил приоритет болгарских ученых в этой области науки [26].

Постоянная переписка велась между советскими и болгарскими учеными – орнитологами в течение 1931–1938 гг. И. Бурешом, П. Патовым, Н. Атанасовым с болгарской стороны, и Б. Туровым, К. Терентьевым, М. Рузским, с советской. Даже находясь на специализации в Германии в 1936–1938 гг., Н. Атанасов продолжал переписываться с проф. И. Караваевым. Советский ученый И. Караваев интересовался исследованиями немецких коллег, в лаборатории которых работал Н. Атанасов. Научные интересы подтолкнули последнего к переписке с советским биологом, профессором В. Арнольди, которая особенно оживилась после Второй мировой войны [27].

Болгарское энтомологическое общество, основанное еще в 1909 г., установило тесные связи с аналогичным российским обществом. Первыми почетными членами болгарского общества были Петр и Андрей Семенов-Тянь-Шаньский, а пожизненным членом болгарского энтомологического общества был председатель общества энтомологов и директор зоологического музея в Ставрополе В.Н. Лучник, его исследования публиковались в Болгарии в периодических изданиях. Интересны переписка и личные контакты между болгарским энтомологом П. Чорбаджиевым и советским ученым Б. Сокановским. Так в 1928 г. П. Чорбаджиев отправил Б. Сокановскому 71 вид насекомых для изучения. Болгарский ученый впоследствии писал о содействии, оказанном ему Б. Сокановским при написании статей по исследуемым проблемам [28].

В научное сотрудничество были вовлечены ученые черноморских биологических станций Болгарии и России. Одной из первых станций на Черном море была севастопольская (по всему черноморскому побережью впоследствии было создано 9 зоологических станций). Первая болгарская морская биологическая станция датируется 1932 г., и она довольно скоро установила связи с СССР по биологии Черного моря. Известный советский гидробиолог С.А. Зернов получил от болгарских ихтиологов А. Нечаева и Г. Гроздева данные по болгарскому побережью Черного моря, и эти сведения были использованы российским ученым в монографии «Общая гидробиология» [29].

В развитии научных и культурных связей между двумя странами велика роль первого полномочного представителя СССР в Болгарии Ф.Ф. Раскольников и руководителя научной секции общества болгаро-советской дружбы проф. А. Златарова. В 1935 г. болгарские ученые получили приглашение от директора Института экспериментальной медицины (г. Ленинград) А. Н. Федорова на участие в XV международном конгрессе физиологов. Среди приглашенных был и А. Златаров. Это не единственное приглашение, полученное А. Златаровым из различных институтов СССР. А. Златаров лично ходатайствовал в Министерстве народного просвещения Болгарии на предоставление въездных виз видным ученым СССР Н.С. Державину и Н.И. Вавилову в 1936 г., визит советских ученых, правда, не состоялся по независящим от них обстоятельствам. А. Златаров был большим другом Советского Союза, он написал ряд восторженных статей, объединенных в отдельной книге впечатлений от страны Советов. Книга получила положительные отклики деятелей науки и культуры, и, несмотря на цензурные ограничения, отзывы эти были опубликованы [30].

Из видных советских ученых Болгарию в середине 1930-х гг. посетил академик К. И. Скрябин, основатель школы российской гельминтологии, и первым среди российских ученых выступил с лекциями и докладами о положении советской интеллигенции [31]. Во второй раз К.И. Скрябин побывал в Болгарии в 1940 г. На торжественной сессии Академии сельскохозяйственных наук Болгарии, состоявшейся в 1963 г., советский ученый был назван учителем болгарских гельминтологов [32]. Проблемами гельминтологии в Болгарии занимался профессор К. Матов, использовавший в своих разработках достижения К. И. Скрябина и начавшего в 1936 г. преподавать паразитологию в Софийском университете по программам советских институтов.

Интерес к стране Советов был велик настолько, что вопреки препятствиям монархо-фашистского режима болгарский народ добивался в 1930-е г. разрешения посещать СССР и знакомиться с его достижениями. Устанавливались связи между кооперативными организациями, а в 1933 г. при болгарском кооперативе «Согласие» было учреждено первое представительство советского «Интуриста», которое организовывало групповые и индивидуальные посещения СССР болгарскими гражданами. Через это представительство в 1936 г. первая делегация болгарских кооператоров посетила Россию [33]. Это был один из каналов распространения информации о развитии в СССР кооперативного движения, состоянии сельского хозяйства и сельскохозяйственной науки. В конце 1939–начале 1940 гг. болгарское правительство готово было обсудить вопрос о заключении конвенции по ветеринарии с СССР, однако начало Второй мировой войны помешало осуществлению этих намерений

[34]. Развитие научных связей было прервано в конце 1930-х гг. по причине политических позиций двух стран накануне Второй мировой войны.

Из изложенного можно сделать вывод о том, что в годы становления сельскохозяйственной науки Болгарии происходило оформление связей между Болгарией и Россией/СССР в указанной области. Связи эти первоначально были стихийными, неорганизованными, являлись скорее частной инициативой исследовательских институтов и ученых, нежели частью государственной политики в аграрном секторе, однако уже в конце 1920-х – начале 1930-х гг. они стали приобретать организованные формы, начали очерчиваться контуры прямых связей между опытными станциями и исследовательскими учреждениями, ставшие впоследствии ведущими. Это сотрудничество сыграло важную роль в развитии аграрной науки и сельского хозяйства Болгарии и России.

Примечания

1. Архив Болгарской Академии наук (БАН). Ф. 66. Оп. I. Д. 63. Л. 16.
2. Архив БАН. Ф. 66. Оп. I. Д. 63. Л. 16.
3. *Белев Н.* Столетие ветеринарно-медицинской службы в Болгарии // Международный сельскохозяйственный журнал (МСЖ). 1983. № 4. С. 89.
4. Архив БАН. Ф. 66. Оп. I. Д. 63. Л. 18.
5. *Яникова Н.* Българо-съветски връзки в областта на естествените науки (1918–1941) // Исторически преглед. 1982. № 6. С. 62.
6. Архив БАН. Ф. 66. Оп. I. Д. 63. Л. 16.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5283. Оп. 2. Д. 27. Л. 122; *Митев Й.* Връзки между български и съветски научни институти и културни дейци в периода 1927–1937 // Списание на БАН. Кн. 3. София, 1959. С. 70–71.
8. Българо-съветски отношения и връзки. Док. и матер. Т. 1. София, 1977. С. 244.
9. ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 2. Д. 27. Л. 3. Д. 481. Л. 9.
10. ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 2. Д. 27. Л. 118–119, 124; Българо-съветска дружба. София, 1949. Кн. 2. С. 27; Архив БАН. Ф. 56. Оп. I. Д. 102. Л. 2.
11. ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 5. Д. 709. Л. 68–70.
12. Българо-съветски отношения и връзки. Док. и матер. Т. 1. София, 1977. С. 469.
13. *Вартаньян Э.Г.* Академик Н.С. Державин: три сюжета из эпистолярного наследия // Мир славян Северного Кавказа: сб. ст. Вып. 3 / *Научн. ред., сост. О.В. Матвеев.* Краснодар, 2007. С. 15-25; *Костадинова Л., Фролова В., Димитрова Б.* Българо-руски научни връзки XIX – XX век. Писма и документи. София, 1968; ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 5. Д. 709. Л. 70–71.
14. Българо-съветска дружба. София, 1949. Кн. 2. С. 27; ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 705. Л. 46.
15. Софийский городской окружной государственный архив (СГОДА). Я. 994к.. Оп. 2. Д. 65. Л. 254; Д. 98. Л. 35.
16. СГОДА. Ф. 994к. Оп. 2. Д. 65. Л. 254; Д. 98. Л. 35.
17. ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 2. Д. 481, Л. 4, 6, 8.
18. Изследване в памет на Дончо Костов. София, 1960. С. 21-36; *Азманов И.* Московското досие на академик Дончо Костов // Векове. 1983. № 4. С. 77–83.

19. Централен държавен исторически архив (ЦДИА) на България. Ф. 370. Оп. 1. Д. 481. Л. 2.
20. ЦДИА на България. Ф. 370. Оп. 1. Д. 481. Л. 5.
21. *Азманов И.* Един живот за науката // Орбита. 1977. 25 июня; *Он же.* И звездите бяха негови // Отечествен фронт. 1979. 19 нояб.; *Костова А.* Крупнейший советский ученый акад. Н.И. Вавилов – олицетворение русского сердечного гостеприимства // Вопросы географии культурных растений и Н.И. Вавилов: Научная сессия, посвященная 75-летию со дня рождения Н.И. Вавилова. М.:Л., 1966. С. 84.
22. *Яникова Н.* Указ. соч. С. 60.
23. Там же. С. 60–61.
24. *Евтимов Т.* Плодотворно сътрудничество // Кооперативно село. 1963. 23 окт.
25. Архив БАН. Ф. 38. Оп. 1. Д. 112. Л. 3, 6, 24.
26. ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 6. Д. 834. Л. 3–4.
27. *Яникова Н.* Указ. соч. С. 63.
28. Известия на българското ентомологическо дружество. Кн. 10. София, 1939. С. 144, 151; *Чорбаджиев П.* Принос към изучаването на короядите в България // Списание на БАН. Кн. 39. 1929. С. 153.
29. Архив БАН. Ф. 56. Оп. 1. Д. 102. Л. 2; *Зернов С.А.* Общая гидробиология. М., 1934. С. 3–4.
30. *Злыднев В.И.* Извори на дружбата. София, 1968. С. 368; *Златаров А.В.* Страната на Съветите. Т. 1. София, 1936.
31. *Скрябин К.И.* Моя жизнь в науке. М., 1969. С. 278.
32. Централен държавен архив (ЦДА) на НРБ. Ф. 615. Оп. 1. Д. 78. Л. 186.
33. *Хаджиниколов В.* Стопанските отношения и връзки между България и Съветския Съюз до девети септември (1917–1944). София, 1955. С. 113–114; *Янев С.* Българската кооперация в условията на капитализма и работата на БКП в кооперативното движение // Ново време. Кн. 7. 1957. С. 37.
34. Българо-съветски отношения и връзки. Док. и матер. Т. 1. София, 1977. С. 579.

И.С. Гребцова (г. Одесса, Украина)

НОВОРОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В НАЧАЛЬНЫЕ ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914-1916)

В мае 1914 г. преподаватели и студенты Новороссийского университета, одного из старейших университетов Российской империи, начали подготовку к юбилею своего учебного заведения, которому ровно через год исполнялось 50 лет. Университет пользовался авторитетом в регионе и далеко за его пределами. К этому времени в нем успешно работали четыре факультета: физико-математический, историко-филологический, юридический и медицинский. Сформировался высококвалифицированный профессорско-преподавательский коллектив. Количество студентов неуклонно росло, менялся их социальный состав, что соответствовало общероссийской тенденции, обусловленной общими социальными сдвигами, явившимися результатом бурного развития страны

в пореформенный период. При этом настроения студентов Новороссийского университета вызвали опасения правительства и местной администрации, которые связывали увеличение удельного веса демократических элементов в студенческом сообществе и динамично развивавшееся на рубеже XIX–XX вв. студенческое движение с влиянием вливавшейся в ее ряды разночинной молодежи [1]. Политические разногласия были характерны и для преподавательского корпуса.

И все же начало Первой мировой войны вызвало патриотический подъем в среде университетских преподавателей и студенчества. Студенческие сходки на время были забыты. В первые месяцы войны в действующую армию были мобилизованы 146 студентов, что составило более 8% учащихся Новороссийского университета; многие из них являлись добровольцами [2]. Правительство стремилось материально поддержать патриотический порыв молодежи. Департамент народного просвещения заявил, что «назначенные студентам-добровольцам стипендии должны быть выдаваемы в течение всего времени пребывания их в рядах войск» [3]. Студенты Новороссийского университета храбро сражались на фронтах Первой мировой войны. За проявленное мужество к весне 1915 г. многие из них уже были удостоены наград: студенты-медики А. Атакишиянц, С. Агопов, Б. Медведев; студенты физико-математического факультета Г. Савченко-Бельский, С. Шаравский; историко-филологического факультета К. Соловьев, С. Кравченко; юридического – Б. Розенштейн и др.

Еще одной характерной чертой времени явилось желание молодежи получить необходимую в создавшейся ситуации военную специальность. На обучение в военные училища с августа 1914 г. по июль 1915 г. перешли 72 студента, с 1 июля 1915 г. по март 1916 г. – 76 юношей [4].

Началась перестройка факультетов и лабораторий Новороссийского университета на военный лад. 25 августа 1914 г. при университете была создана комиссия по изготовлению лекарственных веществ для нужд армии, усилиями которой удалось наладить выпуск ряда необходимых лекарств, а также организовать фабричное производство хлороформа и других препаратов для наркоза и местной анестезии. Минералогический кабинет передал военному ведомству редкие минералы, хранившиеся в университете.

Продолжавшие свою научно-преподавательскую деятельность в Одессе сотрудники Новороссийского университета на экстренном заседании совета в августе 1914 г. постановили ввести регулярные отчисления от заработной платы для оказания помощи раненым, их семьям и семьям погибших [5]. Правление университета в процессе мобилизации оказывало финансовую поддержку призванным сотрудникам, назначая им пособия в размере месячного жалования. Вскоре было решено ввести

специальные отчисления на ежемесячную поддержку семей коллег, ушедших на войну.

Для организации городских оборонительных работ под руководством проф. Л.Г. Стадникова было основано Студенческое бюро. По его призыву на оборонные работы записались 542 студента. На заводы были приняты 28 юношей, наиболее подготовленных к этому виду деятельности. Остальные привлекались по мере необходимости к иным видам работы.

При университете был организован Лекционный комитет, цель которого – изыскать средства для поддержки создававшихся в стране и городе многочисленных объединений по распределению помощи раненым и их семьям. Осенью 1914 г. члены комитета организовали серию публичных лекций, которые в аудиториях университета читали профессора Е.Н. Щепкин, И.А. Линниченко, Г.И. Танфильев и другие ученые. Из собранной суммы более 800 руб. были переданы в комитет Красного Креста, 200 руб. направлены комитету по оказанию помощи воинам 4-ой стрелковой бригады, 550 руб. предназначались специальному комитету Государственной думы для оказания помощи раненым [6].

Преподаватели и студенты университета поддерживали связь и с другими работавшими в Одессе комитетами помощи армии. Одним из них был Дамский комитет под руководством жены одесского градоначальника Л.С. Сосновской; другим – «Комитет помощи борцам за родину» Одесского учебного округа. Нередко функции этих организаций переплетались, порой одна из них пыталась перехватить инициативу у других, но общая цель нивелировала сбой в их деятельности и в целом давала желаемые результаты.

Особо тесное сотрудничество связывало университет с одесским отделением Красного Креста. В различных учреждениях Красного Креста работали 86 студентов университета, 34 из которых поступили в эти заведения с июля 1914 г. по июль 1915 г.; 52 – с июля 1915 г. по март 1916 г. [7]. По просьбе руководства одесского отделения Красного Креста для состоящей при нем Касперовской общины сестер милосердия университет учредил специальные медицинские курсы [8]. Преподаватели медицинского факультета проводили теоретические и практические занятия с сестрами, готовя их к работе на полях сражений.

Первые месяцы войны были временем массовой мобилизации врачей одесских больниц, в том числе работавших в клиниках и лечебных учреждениях Новороссийского университета. К началу 1915 г. из всего состава врачей, служивших при учебно-вспомогательных учреждениях медицинского факультета, около 65 % были призваны или добровольно ушли на фронт. Врачами в действующую армию отправились профессор К.М. Сапежко, С.С. Груздев, К.П. Серапин, доценты В.Н. Новиков, Н.А. Куковеров и др. [9]. Их работа в зоне военных действий была

ограничена во времени, что порой казалось медикам неестественным. Протоколы медицинского факультета содержат, например, ходатайство С.С. Груздева, выпускника Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, заведовавшего в те годы кафедрой терапии на медицинском факультете Новороссийского университета, о разрешении ему возвратиться в 1916 г. на фронт для продолжения службы в госпиталях [10]. Он не только не воспользовался возможностью избежать службы в действующей армии, на что ему давало право заведование кафедрой, но и настоял на продлении своей работы в госпиталях Красного Креста.

Недостаток медицинского персонала стал причиной пополнения его рядов студентами старших курсов медицинских факультетов. В середине ноября 1914 г. зауряд-врачами первого ранга были призваны 118 студентов; к 1 мая 1915 г. их ряды пополнили еще 116 студентов [11].

Медицинский факультет и сам готовился принимать на лечение раненых в клиники университета. Правда, на начальном этапе, когда масштабной эвакуации раненых в Одессу еще не предвиделось, в университетских клиниках находились ежемесячно от 25 до 40 раненых. Весной 1915 г. ситуация на фронте существенно изменилась, выросло и количество поступавших в госпитали Одессы солдат и офицеров. Городские больницы не справлялись с потоком раненых. Руководство университета приняло решение предоставить все действовавшие при университете клиники и другие лечебные заведения под лазареты Красного Креста. Правление университета разработало смету на содержание в них от 300 до 400 раненых. Первоначально часть расходов взял на себя Красный Крест, но зимой 1915–1916 гг. правление Новороссийского университета их полностью приняло на себя. Материальную поддержку в этом университете оказали многие городские организации и учреждения. Так, директор Русского общества пароходства и торговли Я. Е. Лефтер предоставил в пользование университетских лазаретов 50 кроватей и тюфяков, Комитет помощи борцам за родину – постельное белье и одежду [12]. Учащаяся молодежь устраивала благотворительные концерты и собирала пожертвования в пользу раненых.

Учитывая роль женщин в благотворительной практике в годы войны, ректор университета проф. Д.П. Кишенский в конце октября 1915 г. принял решение о создании состоящей из супругов и дочерей университетских служащих организации, призванной материально помочь воинам действующей армии, их семьям и беженцам. На собрании женщины поддержали инициативу ректора о создании комитета, который получил название «Комитет университетских дам в Одессе». Комитет сразу же взял на себя заботу о находившихся на лечении в университетских клиниках воинах. Вскоре женщины занялись сбором

теплых вещей для армии и беженцев, в результате чего в ставку была отправлена большая партия белья и одежды.

После вступления в войну Румынии Одесса стала главным тыловым городом Румынского фронта. Война несла страдания не только участникам сражений, но и мирному населению, вынужденному покинуть свои дома, расположенные близ линии фронта. Часть из них бежали в Одессу. Помощь беженцам стала одной из главных задач одесского отделения Комитета великой княжны Татьяны Николаевны. Проблемами беженцев занимались преподаватели университета П.М. Бицилли, Н.Н. Ланге и др. Профессора являлись членами исполнительного комитета этой организации и попечителями общежитий для беженцев, а основная работа с людьми возлагалась на студентов. Кроме заведования общежитиями, молодежь исполняла близкие ей с профессиональной точки зрения обязанности: студенты юридического факультета работали в юридической комиссии, студенты-медики оказывали медицинскую помощь беженцам.

Военное время значительно ухудшило материальное положение большинства студентов. Самой эффективной организацией в сфере поддержки учащейся молодежи оставалось основанное еще в 1870 г. Попечительство о недостаточных студентах Новороссийского университета. Оно имело целью «оказывать вспомоществование тем недостаточным студентам, которые, не приобретя права на получение стипендии и вообще денежных пособий из сумм, отпускаемых университету, тем не менее, заслуживают помощи по своему поведению, усердию к научным занятиям и по затруднительному положению относительно материальных средств» [13]. Основными направлениями в оказании помощи учащимся были: плата за слушание лекций в университете, выдача временных и безвозвратных денежных ссуд, оплата съемных квартир и т.д. Средства для оказания такой помощи формировались из разных источников. Совокупность этих средств позволяла и в 1914 г. оказывать помощь нуждающимся студентам, но доходы Попечительства в связи с начавшейся войной существенно сократились. Требовались иные формы поддержки молодежи. С этой целью в ноябре 1914 г. было создано «Бюро труда», задачей которого являлась помощь студентам в поиске работы. Уже в первые месяцы деятельности оно обеспечило работой, а значит, и стабильным заработком 31 студента, правда, желающих работать было в несколько раз больше – 151. Члены Бюро труда пришли к неутешительному выводу о том, что «нужда в работе среди студенчества необычайно велика и далеко не покрывается имеющимся в Одессе спросом» [14]. Если первоначально поиск работы для студентов концентрировался вокруг репетиторства и частных уроков для детей состоятельных родителей, то в дальнейшем рамки возможной деятельности молодежи заметно расширились, включив

сферу обслуживания и работу на предприятиях, что на время стабилизировало ситуацию.

В осеннем полугодии 1915 г. нужда студентов вновь обострилась: «Цены на комнаты возросли. Одновременно с таким ухудшением условий жизни коренного студенчества в Новороссийский университет перевелось около 200 студентов из Киевского университета св. Владимира» [15], – отмечалось в отчете Попечительства. Действительно, университет Св. Владимира в этот период был эвакуирован в Саратов, часть студентов решила продолжить учебу в иных, территориально более близких университетах, что обусловило приток киевлян в Новороссийский университет.

Руководство Попечительства предприняло новые попытки увеличить количество возможных источников финансирования. 18 ноября 1915 г. ректор университета обратился к одесситам с опубликованной во всех местных изданиях просьбой о помощи. «В настоящем академическом году количество студентов в императорском Новороссийском университете достигло 3000 вместе с тем, как число несостоятельных студентов, так и степень их нуждаемости весьма значительно повысились» [16], – утверждал он, акцентируя при этом внимание на трудностях военного времени и самоотверженном участии студентов-добровольцев в боевых действиях. Ректор считал, что помочь учащейся молодежи и «спасти ее от недоедания и холода» долг одесситов. Жители города откликнулись на это обращение. Немалую сумму (1000 руб.) передал в кассу этой организации ее почетный член граф М.М. Толстой; 200 руб. пожертвовал проф. И.А. Линниченко, 150 руб. – проф. П.Г. Меликов, вклад других преподавателей был скромнее. Среди внеуниверситетских благотворителей трое пожелали остаться неизвестными, хотя сумма их пожертвований превысила 300 руб. Такая скромность со стороны благотворителей была скорее исключением, чем правилом. В целом сумма пожертвований в 1915 г. составила около 16 тыс. руб., правда, благодаря не только вкладу частных лиц, но и различных обществ, учреждений, организаций. Например, правление Одесского городского кредитного общества внесло в кассу Попечительства 5000 руб., правление земского банка Херсонской губернии – 400 руб., такую же сумму передало одесское купеческое собрание [17]. В итоге денежных пожертвований оказалось достаточно, чтобы удовлетворить основные нужды студентов. Помощь была оказана и молодым киевлянам.

К концу 1915 г. в состав Попечительства входили 160 человек. Сравнивая с предыдущими годами, следует отметить положительную динамику роста его членов: в 1913 г. было 136 участников, в 1914 г. – 159. Это означает, что война не смогла ослабить Попечительство, более того, количество желающих помочь молодежи в трудный период даже

несколько возросло. Положительная динамика присуща и статьям расходов Попечительства на пособия студентам, на которые в 1914 г. было выделено 11, 5 тыс. руб.; а в 1915 г. – более 15 тыс. руб. В следующем году доходы вновь возросли, что позволило выделить единовременную помощь 300 студентам университета [18].

Таким образом, в деятельности Новороссийского университета в начальный период Первой мировой войны можно выделить два основных направления. Первое из них характеризуется непосредственным участием мобилизованных студентов и преподавателей в военных действиях, в ходе которых многие из них проявили мужество и героизм. Второе направление связано с перестройкой университетской жизни на военный лад: участием в городских оборонительных работах, приемом раненых в университетские клиники, созданием условий для жизни беженцев, материальной поддержкой самого студенчества. Кроме того, в Одессе в годы войны действовали многочисленные филантропические организации и комитеты помощи армии, в которых также ведущее место принадлежало преподавателям и студентам Новороссийского университета.

Примечания

1. Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 2. Оп. 2. Д. 2986. Л. 2-21.
2. Отчет о состоянии и деятельности Новороссийского университета за 1914 год. Одесса, 1915. С. 10.
3. Циркуляр по Одесскому учебному округу. 1915. № 6. С. 816.
4. Отчет о состоянии и деятельности Новороссийского университета за 1915 год. Одесса, 1916. С. 7.
5. ГАОО. Ф. 45. Оп. 18 (1916). Д. 596. Л. 92.
6. Отчет о состоянии и деятельности Новороссийского университета за 1914 год. Одесса, 1915. С. 29.
7. Отчет о состоянии и деятельности Новороссийского университета за 1915 год. Одесса, 1916. С. 76.
8. Отчет о состоянии и деятельности Новороссийского университета за 1914 год. Одесса, 1915. С. 15.
9. Отчет о состоянии и деятельности Новороссийского университета за 1915 год. Одесса, 1916. С. 7.
10. ГАОО. Ф. 45. Оп. 18 (1916). Д. 596. Л. 25.
11. Отчет о состоянии и деятельности Новороссийского университета за 1915 год. Одесса, 1916. С. 23.
12. Там же. С. 28.
13. ГАОО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1681. Л. 9.
14. ГАОО. Ф. 42. Оп. 35 (1915). Д. 640. Л. 18.
15. ГАОО. Ф. 45. Оп. 12 (1915). Д. 785. Л. 2.
16. Отчет Попечительства о недостаточных студентах Новороссийского университета за 1915 г. Одесса, 1916. С. 5.
17. Там же. С. 6.
18. ГАОО. Ф. 45. Оп. 4 (1917). Д. 2016. Л. 24.

Дж.Я. Рахаев (г. Москва, Россия)

ЧЕРКЕСЫ В ОСМАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ XVI–XVII ВВ.¹

Одним из приоритетных направлений исторического адыговедения на современном этапе является включение восточных, в первую очередь – османо-крымских источников для адекватного отображения политической истории Кабарды и Северо-Западной Черкесии в период позднего средневековья. Работа в этом направлении по существу только начинается (*Дзамихов К.Ф., Иваноков Н.Р., 1997, Березгов Б.Н., Зайцев И.В., Рахаев Дж.Я., 2008, Рахаев Дж.Я., 2009, Рахаев Дж.Я., 2010*). В данной работе предпринята попытка дать краткий обзор доступных нам источников по данной проблеме.

С первых дней создания Османского государства вокруг османских султанов вместе со служителями религии и культуры собирались и летописцы-историки. Еще ко времени Орхана (1326–1360) относится деятельность Ашик-паши (1372–1333) и его внука Ашик паши-заде (1400–?) (*Asik Pasazade, 1913*).

Одним из первых представителей османской историографии XIV в. считается Тадж ед-Дин Ахмед Ибрагим ибн Хизир (1329–1413), сочинение которого «Искандер-наме» относится к начальному периоду османской исторической литературы. Две рукописи «Искандер-наме» хранятся в мусульманском фонде Института рукописей им. К. Келидзе Республики Грузия.

Среди историографов XV в. надо отметить Ибн-Араб-Шаха (1389–1450), оставившего целый ряд научных трудов по разным отраслям знания. Для нас представляют интерес описанные им на арабском языке сведения о нашествии Тамерлана на Кавказ. История Тамерлана Ибн-Араб-Шаха была переведена на османский язык Муртаза Назми-Заде и издана в Стамбуле в 30-х гг. XVIII в. (*Назми-заде Эфенди, 1729*).

Среди османских историков одним из первых летописцев являлся Идрис Битлиси, перс по происхождению, деятельность которого относится к периоду правления султана Баязида II (1481–1512).

Современником Идриса Битлиси и первым турком летописцем был Мюддерис Мевляна Мехмед Нешри. Его сочинение считается лучшим

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 13-01-00173 «Южные границы России второй половины XVI–XVIII вв. и трансформация пограничных сообществ».

источником для истории Османской империи XIV–XVI вв. (*Mehmed Neshri*, 1949–1957).

Среди османских историков XVI в. следует выделить Шемс ед-Дина Ахмеда бен Сулеймана (1468–1534), известного под именем Кемаль паши-заде или Ибн-Кемаль. Рукопись VII реестра сочинения Ибн-Кемаля и ее латинизированную транскрипцию издал Шереф ед-Дин Туран. Автор подробно освещает завоевательные войны Османского государства на Кавказе и указывает, что, захватив в Грузии целый ряд крепостей, османы перешли к черкесам: «По приказу государя-завоевателя мира... люди победоносного войска прошли горы... во множестве пересекли Черное море и достигли страны черкесов. В той стране каждый день гордые храбрецы своими острыми мечами снимали головы мятежникам, тщетно боровшимся против газиев; изрубив на куски тех нечестивцев, бросали их на съедение воронам, опустошив находящиеся на побережье области, хлынули в тот край подобно океанской волне. В каждом селении страны черкесов пленили по 50–100... красавиц, обратили в рабство множество пленников... Пришедшие в ту страну храбрецы, неожиданно нанесли удар, устроили охоту, собрав взятых в плен красавиц. Захватив Кубу, которая является одной из знаменитейших крепостей, со всеми окружающими землями... разгромили владения черкесов, очистили саблей ту страну, копьями подведя черту под жизнь бунтовщиков и тамошних мятежников. Присоединив к Кубе также и Анабу, уничтожили злосчастных врагов денно и ношно испытывавших ненависть к находившимся в тех краях сыновьям ислама и татарам. С покорением указанных краев вырвав у мира неверных много областей, возвысили в тех краях знамя истинной веры Мухаммеда... Для поднимающегося на газават та земля стала передним краем... Каждому человеку, ищущему дело... открылась возможность заняться в том краю газаватом и приобрести множество драгоценностей и трофеев» (*Ibn Kemal*, 1954).

В 1961 г. в Стамбуле турецким ученым Атсизом был опубликован османский текст одного исторического сочинения арабским и латинским шрифтом, автором которого считается Осман. В изданном им источнике есть интересные сведения о народах Северного Кавказа.

Среди историков XVI в. следует упомянуть известного Шейх уль-ислама и историка Мехмеда Саад-ед-Дина Ходжа Эфенди (1536–1599). В сочинениях последнего (*Hoca Sadeddin Efendi*, 1979) нет сведений о Северном Кавказе, однако его труды оказали заметное влияние на развитие османской историографии.

В «Истории хана Сахиб-Гирея» Бадр ад-дин Мухаммеда б. Мухаммед Кайсуни-заде Нидаи-эфенди, более известного под именем Реммал-ходжа, подробно сообщается о походах крымских войск на Черкесию и Кабарду.

Интересные события по истории взаимоотношений Османского государства и народов Северного Кавказа содержатся в труде в сочинениях Мустафы Селяники (*Tarih-i Selaniki*, 1970). Селяники с редкой точностью описывает основные этапы кавказской политики османов, в связи с чем его сведения часто повторяются последующими историками.

Обильные сведения по истории Северного Кавказа, о действиях османских войск и их взаимоотношениях с местными правителями содержатся в 2-х томном труде «Тарихи Джеври Челеби». Важные сведения о Кавказе XVI–XVII вв. сохранены у османского историка Мехмеда бен Мехмеда (†1640) (*Mehmet ben Mehmet*, 1950), причем особенно подробно описаны события ирано-османских войн.

Значительной фигурой в османской историографии является Коджа Хюсейн, сочинение которого «Удивительные события» имеет важное значение для истории Османского государства и смежных с ним стран (*Хюсейн*, 1961). Коджа Хюсейн дает фрагментарные сведения об адыгах XVI в.

Ярким представителем османской историографии является Ибрагим Печеви (1574–1650). «История» (*Ibrahim Pecevi*, 1968). Ибрагима Печеви описывает события 1520–1540 гг. и является наилучшим источником для истории Османского государства и сопредельных с ним стран. Ценность данного сочинения особенно возрастает в связи с тем, что автор опирался на документальные турецкие и венгерские источники. Кроме того, Печеви является очевидцем и участником описываемых им событий. Автор дает немало сведений об адыгах.

Интересные фрагментарные данные о народах Кавказа в целом и об адыгах в частности содержатся у Мехмеда Хемдеми Солак-заде (†1650). Мехмед Солак-заде является автором фундаментального труда по истории Османского государства, охватывающего период с основания османского государства до восшествия на престол султана Ибрагима I (1640–1648).

Одним из лучших представителей османской историографии XVII в. является Абдул Азиз Кара Челеби-заде (1592–1658). В его сочинениях содержатся короткие, но весьма содержательные сведения о северокавказских народах.

Как в османской историографии, так и во всем мусульманском мире особое место занимает видный географ и историк Кятиб Челеби (1609–1657) известен также под вторым прозвищем Хаджи Халифа, настоящее имя Мустафа ибн Абдуллах. По мнению Ф. Бабингера он был «величайшим полигистром османов, знания которого распространялись на все мыслимые области» (*Badinger F.*, 1937. С. 196). В историко-географическом сочинении «Джихан-ньюма» (*Katip Celebi.*, б. м., б. г.). Кятиб Челеби проявляет большую эрудицию. В его географическом сочинении дана характеристика всех стран с учетом политических

обстоятельств, приложены карты отдельных государств. Довольно подробно рассматривает автор кавказские страны, причем приложена карта Кавказа. На карте даны территории Черкесии, Абхазии, Дагестан, Ширвана, вся Грузия, Гянджа, Ереван, Карс, Чилдыр, Трапезунд, Азрум и другие края, показана вершина Эльбруса.

Не менее важные сочинения оставил Кятиб Челеби по истории (*Katip Celebi*, 1972). Из них особенно интересны: «Таквим ут-теварих» («Историко-хронологические таблицы») и «Фезлеке» (*Katip Celebi. Fezleke*, б.м., б.г.), написанные на арабском языке, а затем им же самим переведенные на османский язык. Последний состоит из двух частей – всемирно-историческое обозрение и подробная история Османского государства. Для нас большой интерес представляет вторая часть, где подробно изложена история Османской империи в 1592–1654 гг., в частности кавказская политика Порты.

Среди османских историков и путешественников XVII в. особое место занимает Эвлия Челеби (1611–1679), десяти томная «Книга путешествия» (*Evliya Celebi*, 1928) которого является интересным источником для изучения вопросов истории, географии, экономики и лингвистики многих стран. В середине XVII в. Элия Челеби совершил путешествие по Северному Кавказу, побывал в Кабарде и Черкесии и сообщил сведения, значение которых для изучения политической истории адыгов позднего средневековья весьма велико.

Весьма ценные сведения о крымско-кабардинских отношениях середины XVII вв. содержит «История хана Ислам-Гирея III», автором которой был Хаджи Мехмеда, известный под поэтическим псевдонимом Сенаи и носивший нисбу Кырымлы.

Ко второй половине XVII в. относится деятельность видного османского историка Ахмед ибн Лютфуллаха (1631–1702), более известного под именем Мюнеджим-баши, что означает главный астроном.

Мюнеджиму-баши принадлежит составленное на арабском языке сочинение «Джами-ад Дувел» («Сборник династий»), представляющее собой компилятивный сборник сведений предшественников. Несмотря на это, сочинение имеет важное значение, поскольку автор при составлении своего труда пользовался более 70 первоисточниками, из которых большая часть считаются утерянными. Трехтомный труд Мюнеджим-баши является сочинением типа всемирной истории. В нем автор излагает историю многих династий, политических образований и отдельных эмиратов, сообщая много интересных сведений об истории и географии кавказских народов. Вот как, например, он описывает политическую географию степного Предкавказья: «Цари Дешти. Да будет ведомо, что граница области так называемой Дешт с южной стороны есть Астраханское море и Черное море, так что если бы не было черкесских гор, то эти два моря

лились бы воедино. С восточной стороны граница ее Анзар, Хорезм, Саганак и некоторые другие области, так что она простирается от Туркестана и Хатая до пределов Чина. Это суть владения Могольские и Хатайские. На северной стороне большие степи и песчаные пустыни, да высокие горы; а что за ними, неизвестно. На западе границы ее составляют владения русские и болгарские. Татарские области, состоящие под властью высокой Османской Державы, пограничны с этой стороною. Этот вилайет издавна был полон селений и жителей и благоустроен был; но потом, вследствие смут Уруса и Тохтамыша, да завоеваний Тимура, пришел в разорение и опустошение. Местности этой Дешти со стороны Хатайской называются Калмыцкой степью – Монголистаном, а по направлению к русской стороне именуются Берке, прямо же по направлению по северу зовутся Дешти-Кыпчак. Когда кого-нибудь называют падишахом Дештским, то хотят этим обозначить правящего всеми кочующими в степях племенами».

Младшим современником и первым официальным летописцем был Мустафа Найма (1655–1716). Он оставил историю Османского государства, охватывающую период с 1591 по 1660 г. (*Naima Tarihi*, 1968). Мустафа Найма был первым официальным летописцем – придворным историком («Вака и Нувиси») Османской империи. Находясь на этой должности (с 1591 г.) он имел возможность ознакомиться с сочинениями своих предшественников и заимствовать у них отдельные сведения. Так, например, касаясь Черкесии, он приводит данные из сочинений Кятиба-Челеби. Найме, как официальному историку, были доступны турецкие документальные материалы, фирманы, хранящиеся в османских государственных учреждениях. Найма с большей объективностью и полнотой отображает политические процессы, чем его предшественники.

Важные сведения об адыгах содержатся у османского дидактика Хюсейна Хезарфена (†1691). В своем сочинении «Изъяснительный доклад об уставах династии Османской» (*Hazarfen Huseyin effendi*, 1998) так описывал крымско-адыгские отношения в XVI–XVII вв.: «Крайний предел черкесов, обитающих в Таманском округе, куда назначаются от Высокой Державы судьи, составляют черкесы Жанэ: у них еще действуют вообще постановления шариата. Брать из них невольников не позволительно. А от Жанэ вплоть до черкесов Кабарды – это места войны; брать у них полоняников позволительно. В таком-то своем состоянии они из страха покоряются ханам, так что, говоря: «Пусть только он не воюет против нас», ежегодно его величеству хану, калге и нур-эд-дину-султану преподносят черкесских невольников под именем подарка, потому что райя, обитающие в тех деревнях, составляет собственность их беков. Когда его величество хан потребует от их беков войска, то они присылают его достаточное количество».

Большой интерес представляют данные об институте аталыческих связей крымских ханов и адыгской знати, оставленные нам Хезарфеной: «Когда у ханов рождаются дети, то они берут их к себе на воспитание и, чтобы этим выказать свою покорность, воспитывают их до зрелого возраста, так что некоторые ханычи живут там до тех пор, пока у них начнет расти борода. На прокормление их назначаются деревни. Теперь в самом Крыму это существует по сие время. Если у его величества хана, или у калги, или у нур-эд-дина родится сын, то с великим обязательством его воспитывают. Воспитателя его называют аталык. По достижении зрелости этот ханыч почитает своего аталыка как отца родного. Если воспитанный таким образом ханыч достигнет чрез Высокую Державу властительства, то он употребляет все старания к тому, чтобы своего аталыка и эмельдеша (молочного брата), в признательность, обогатить перед всеми прочими».

Типичным представителем османской историографии второй половины XVII – начала XVIII вв. является Сияхдар Фундуклылы Мехмед Ага (1658–1724). По поручению султана Мехмед Ага написал подробную историю Османского государства начиная с 1654 г. и до смерти Ахмеда II – 1695 г. назвав ее «Хейли Фезлеке» («Zeyl-i Fezleke») (*Silahdar Findiklili Mehmet Aga*, б.м., б.г.). Фактически это сочинение являлось хронологическим продолжением «Фезлеке» Кятиба Челеби. Хронологическим продолжением этого его сочинения был другой его труд «Нусрет-наме» («Книга завоевания») (*Silahdar Findiklili Mehmet Aga*, 1963–1969), в котором подробно изложены события с 1695 по 1721 г. Данный труд является оригинальным сочинением и весьма ценным источником, как для истории Османской империи, так и для истории России и Кавказа. Для нас особый интерес представляю приводимый Мехмед Агой данные о политике османов в отношении адыгов, динамике крымско-адыгских отношений данного периода. Важные сведения дает Фындыклылы о походе Каплан-Гирея I на Кабарду в 1708 г. и причинах его поражения. Любопытно описание переговоров верховного князя Кабарды Кургоки Атажукина и Каплан-Гирея I предварявших знаменитое Канжальское сражение: «Когда крымские ханы назначались, то у черкесских беков было принято набирать 300 человек ясыря и отдавать новому хану под именем подарка. Крымский же хан Каплан-Герай не удовольствовался этим количеством ясыря, настаивая на своем слове: «Меньше трех тысяч я не беру». Тогда черкесские эмиры посоветовались и говорят: «Хотя и такое количество ясыря отдавать водилось у нас в обычае; но только ведь до сих пор в 15–20 лет один хан был сменяем; теперь же каждый год новый хан – чьих же детей мы будем отдавать? Особливо теперь: большинство народа черкесского освящено благодатью ислама; в каждой деревне, в каждом селе строятся соборные и приходские мечети и школы; исправно

совершается пятикратная молитва и идет обучение юношества; дозволено ли в священном законе полонить целое полчище народа мухаммеданского, подобно воюющим гяурам, и отсылать к вашему присутствию? Есть ли соизволение Божие на такое притеснение? Пожалуйста, уж извините; а иначе никак не возможно».

О событиях последней трети XVII – первой трети XVIII вв. повествует «История» Мехмеда Рашида (*Mehmed Rasid*, б. г.). Он хронологически продолжает «Историю» Наймы, являясь его приемником на должности официального летописца. В «Истории» Рашиди события изложены в хронологическом порядке. Он широко использовал сведения, содержащиеся в исторических сочинениях своих предшественников. У него был также доступ к официальным документам султанского двора. В «Истории» Рашиди имеются важные сведения об адыгах и соседних с ним народах Северного Кавказа.

Изучение осmano-крымской историографической традиции XV–XIX в. настоящее время, по оценке востоковедов, находится в упадке. С конца прошлого столетия в мире не появилось ни одной крупной работы, посвященной источниковедению осmano-крымских исторических текстов, явно недостаточно переводов этих источников на русский язык. Между тем потребность в подобной работе для отечественного кавказоведения в целом, и исторического адыговедения в частности трудно переоценить.

Примечания

1. *Asik Pasazade*. Tavarih-i al-i Osman. Istanbul, 1332/1913.
2. *Mehmed Neshri*. Kitab-i Cihan-numa. Neshri tarihi. Yayinlayanlar Dr. Mehmed A. Koymen. Cilt 1. Ankara, 1949; Cilt 2. Ankara, 1957.
3. *Ibn Kemal*. Tevarih-i al-i Osman. VII. Defter. Onsez indeksve icindekileri hazirlan Dr. Serafettin Turan. Ankara, 1954
4. *Hoca Sadeddin Efendi*. Tacut't-Tevarih. Yalmlasiran I. Parmaksizoglu. Istanbul, 1979.
5. *Tarih-i Selaniki*. Die Chronik des Selaniki. Klaus Schwarz Verlag Fruenburg, 1970.
6. *Mehmet ben Mehmet*. Nuhbeful tavarih vel akkam. Istanbul, 1376/1950.
7. *Ibrahim Pecevi*. Pecevi Tarihi. Bugunku ifadeye ceviren: Murat Uraz. Istanbul, 1968.
8. *Badinger F.* Die Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke. Lpz. 1937.
9. *Katip Celebi*. Cihan-numa (б.м., б.г.).
10. *Katip Celebi*. Mizanu'l – Hakk fi ihtiyari'l – Ahak. (En Dogryuu Secmet Icin Hak Terezisi). Yazillayan Orhan Saik Cokyay. Istanbul, 1972; *Katip Celebi*. Den Secmeler. Istanbul, 1968.
11. *Katip Celebi*. Fezleke. (б.м., б.г.)
12. *Evliya Celebi*. Seyahatnamesi. Istanbul, 1928
13. *Naima Tarihi*. Yazan: Naima Mustafa Efendi. Ceviren: Z. Danisman. Istanbul, 1968.
14. *Hazarfen Huseyin effendi*. Telhis'l-Beyan fi Kavanin-i Al-i Osman. Ceviren: Sevin Ilgurel, Ankara, 1998.
15. *Silahdar Findiklili Mehmet Aga*. Zeil-i fezleke. (б.м., б.г.)
16. *Silahdar Findiklili Mehmet Aga*. Nusretname. Istanbul, 1963–1969.

17. *Mehmed Rasid. Tarih-i Rasid. Istanbul (б. г.).*
18. *Дзамихов К.Ф., Иваноков Н.Р.* Мехмед Синай «История Ислам-Гирея III. К историко-лингвистической характеристике неизвестной крымской хроники XVII в. // Актуальные проблемы общего и кавказского языкознания. Нальчик, 1997.
19. *Березгов Б.Н., Зайцев И.В., Рахаев Дж.Я.* Канжальская битва в сочинении Сейида Мухаммеда Ризы «Семь планет» // Канжальская битва и политическая история Кабарды в первой половине XVIII в. Исследования и материалы. Нальчик, 2008.
12. *Назми-заде Эфенди.* История Тимура-Гургана. Константинополь, 1729.
13. *Рахаев Дж.Я.* Внешняя политика Крымского ханства второй трети XVI в. по данным хроники Реммаля хаджи «История Сахиб-Гирей хана». // Материалы международного конгресса «Актуальные проблемы комплексного исследования алтаистики и тюркологии». Т. 2. Кокшетау, 2009.
14. *Рахаев Дж.Я.* «Дебар Сефасаим» Давида Лехно как источник по крымско-кабардинским отношениям в начале XVIII в. // Международная научная конференция «Археология, этнография, фольклористика Кавказа». Тбилиси, 2010.
15. *Хюсейн.* Беда'и' ул-века'и' (удивительные события) / *Издание текста, введение и общая редакция А.С. Тверетиновой. Аннотированное оглавление и указатели Ю.А. Петросяна.* Ч. 1-2. М., 1961.

Г.Н. Шевченко (г. Краснодар, Россия)

ПРОСВЕТИТЕЛЬ КУБАНИ ТИМОФЕЙ ТИМОФЕЕВИЧ СТЕФАНОВ

История просветительства на Северном Кавказе была и остается одной из важных и актуальных проблем исторической науки. На это было обращено внимание в ходе Четвертых научных чтений «Культурно-просветительское движение на Северном Кавказе (XIX – первая треть XX в.)», проходивших в Майкопе в 2011 г. Среди неразработанных вопросов отмечены: особенности, содержание и хронологические рамки просветительского движения, вклад в просвещение народа религиозных деятелей [1].

В связи с этим весьма актуально изучение деятельности просветителя Кубани, религиозного деятеля Т.Т. Стефанова.

Т.Т. Стефанов (1839 – 18.07.1899) – священник, просветитель Кубани, первый историк города Ейска. Он – сын дьякона ст. Новотитаровской Кубанской области, окончил курс Кавказской духовной семинарии в 1861 г., служил в станице Конеловской Кубанской области в храме Воскресения Христова до августа 1866 г., затем перешел на службу в г. Ейск в Михайловско-Архангельский собор. 30 июня 1867 года определен духовником.

Большая часть жизни Т.Т.Стефанова связана с преподавательской деятельностью.

С 22 января 1872 г. он был депутатом съездов Епархиального и Екатеринодарского духовно-училищного округа. 22 февраля 1874 г. определен законоучителем подготовительного класса Ейского уездного училища, а с 20 августа 1876 г. назначен законоучителем Ейского уездного училища.

9 января 1879 г. Ейским городским обществом Т.Т. Стефанов избран в гласные городской думы, 22 июля 1879 г. стал членом попечительства Ейской женской гимназии, 1 июля 1880 г. назначен законоучителем Ейского Александровского городского четырехклассного училища, 28 августа 1880 г. получил должность законоучителя Ейского реального училища, с 30 марта 1885 г. – священника домового церкви Ейского реального училища, в августе 1892 г. избран библиотекарем фундаментальной библиотеки.

Славился как блестящий проповедник и миссионер. Был активным членом религиозно-просветительского братства, созданного в 1890-х гг. при Александро-Невском соборе в Екатеринодаре под покровительством епископа Ставропольского и Екатеринодарского и Наказного атамана Кубанского казачьего войска в целях ограждения населения от влияния последователей неофициальной церкви [2].

В 1896 г. получил сан протоиерея. Имел ряд наград, в том числе орден Святой Анны 3 степени.

В 1880 г. Т.Т. Стефанов написал статью «Город Ейск. Статистико-этнографическое описание», которая была опубликована в первом томе Кубанского сборника в 1883 г. Работа Т.Т. Стефанова написана в соответствии с программой статистико-этнографического описания населенных мест Кубанской области, составленной действительным членом Кубанского Областного Статистического Комитета Е.Д. Фелицыным. Она содержит обширный материал географического, исторического, экономического, этнографического характера. Автором дана характеристика численности и условий жизни населения г. Ейска, состояния его образования и нравственности, верований, развития торговли, промышленности и земледелия, благоустройства города. Работа основана на использовании трудов зарубежных и отечественных авторов, ценных статистических материалов различных архивов, таких как: архивные дела ейского Михаило-Архангельского собора, Старощербиновской Преображенской церкви, а также личных воспоминаниях очевидцев событий. Высокую оценку работа получила в журнале «Киевская старина» в 1884 г. [3]. В этот период времени Т.Т. Стефанов являлся законоучителем Ейского реального училища, членом Кубанского Областного Статистического Комитета.

В 1886 г. Т.Т. Стефанов написал работу «Обряды и обычаи, соблюдаемые жителями города Ейска, Кубанской области, при рождении

человека, бракосочетании и погребении умерших», которая была опубликована в шестом выпуске «Сборника материалов для описания племен и местностей Кавказа» в Тифлисе в 1888 г. [4].

Т.Т.Стефанов умер на 62 году жизни 18 июля 1899 г. в г. Ейске от рака поджелудочной железы. Его вклад как исследователя истории города Ейска и как просветителя Кубани поистине неоценим.

В 2000 г. в Ейском историко-краеведческом музее им. В.В.Самсонова была учреждена премия имени Т.Т. Стефанова. Вручается она за исследования истории г. Ейска и Северо-Западного региона Краснодарского края.

Примечания

1. Культурно-просветительское движение на Северном Кавказе (XIX-первая треть XX в.): материалы Четвертых научных чтений, посвященных Дню славянской письменности и культуры. Майкоп, 2011; *Степанова Т.М.* Северокавказское просветительство: новый взгляд // Культурная жизнь Юга России. 2012. № 3 (46). С. 112.

2. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф.470. Оп. 2. Д.6486; *Чурсина В.И.* Народная культура славян Кубани (конец XVIII –начало XX вв.)/ Краснодар, 2005. С.34–35.

3. Киевская старина. 1884. Т. 8. №8 (Апрель). С.652–657.

4. Ейск глазами современников (XIX – начало XX вв.) / *Составители: А.Ф. Иванов, И.А. Найденова, М.Г. Сидоренко.* Ейск, 2009. С. 3, 4, 64; *С.Н.Ф.* Протоиерей о. Тимофей Тимофеевич Стефанов // Ставропольские епархиальные ведомости. № 16. 1899. 16 августа. С.837–842.

П.С. Крючек (г. Минск, Республика Беларусь)

ИСТОРИК СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ МИТРОФАН ВИКТОРОВИЧ ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ

Творчество известного отечественного историка Митрофана Викторовича Довнар-Запольского (1867–1934) многогранно. Он исследовал различные вопросы истории России, Беларуси и Украины, работал в университетах Москвы, Киева и Минска, создал собственную историческую школу.

Родился будущий историк 2 (14) июня 1867 г. в уездном городе Речица Минской губернии в семье столоначальника уездного жандармского управления Виктора Мартыновича Довнар-Запольского и его жены Александры Станиславовны Линдахер.

В шестнадцатилетнем возрасте М. Довнар-Запольский делает первые шаги в научных исследованиях. В 1883 г. в популярном российском альманахе «Заря» появляется его первый этнографический этюд, а в 1885 г. он печатает в «Еженедельном обозрении» уже пять зарисовок

этнографического характера. Однако особенно активизировалась его исследовательская работа после переезда в Киев. Большой университетский город стимулировал заинтересованность М.В. Довнар-Запольского наукой. Всего за 1888 г. гимназист опубликовал шесть исследовательских материалов, в том числе и первую свою брошюру «Белорусская свадьба и свадебные песни: (Этнографический этюд)», а также цикл статей под общим названием «Белорусское прошлое», опубликованных в газете «Минский Листок». В этой работе М. Довнар-Запольский выступил против великопольской и великорусской концепций истории Беларуси, и, по-существу, впервые изложил ее с национальных позиций. В этом же году М. Довнар-Запольский знакомится с известным историком-славистом Владимиром Бонифатьевичем Антоновичем, который возглавлял кафедру русской истории в Киевском университете. Это встреча стала судьбоносной и, по существу определила сферу научных интересов будущего ученого.

Однако увлечение славистикой вместо наград принесло первую серьезную проблему. М. Довнар-Запольский был исключен из выпускного класса гимназии за обнаруженные гимназическим инспектором на его квартире запрещенные российской цензурой книги, среди которых были в основном произведения по славяноведению, привезенные из Болгарии во время посещения матери [1]. Окончить среднее образование будущему ученому удалось лишь только через полтора года, сдав экстерном экзамены за курс гимназии.

В 1889 г. М.В. Довнар-Запольский поступил на историко-филологический факультет Киевского университета Святого Владимира, который в тот период являлся главным научным центром всего западного региона Российской империи, включая Украину и Беларусь. На историко-филологическом факультете на момент поступления туда М. Довнар-Запольского работали ученые с европейскими именами: филолог и декан историко-филологического факультета Т. Флоринский, историк и общественный деятель И. Лучицкий, его коллеги В. Иконников, С. Голубев (одновременно профессор Киевской духовной академии), М. Владимирский-Буданов и некоторые другие. Однако наиболее авторитетной фигурой киевской школы был В. Антонович – ученый и популярный общественный деятель, который 30 лет возглавлял кафедру русской истории и сформировал там собственную научную школу в российской историографии. Тематика, на которой сосредоточивались ученики профессора, была связана с историей отдельных этнотерриториальных единиц Древней Руси и Великого княжества Литовского. Под руководством Антоновича были подготовлены и опубликованы работы по истории Северной, Подольской, Волынской, Киевской, Смоленской земель от древности до средневековья. Таким

образом, складывалась киевская «областническая» школа истории, внутри которой формировались подходы к самостоятельной украинской и белорусской историографиям. Из этой школы вышел, например, Михаил Грушевский – основатель национальной концепции украинской истории. По этому пути пошел и М. Довнар-Запольский.

Войдя в школу В. Антоновича, М. Довнар-Запольский продолжает разрабатывать белорусоведческую тематику. Студентом четвертого курса он издает свою первую монографию «Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия», а также организует издание «Календаря Северо-Западного края» на 1889 и 1890 гг., в котором помещает и собственные статьи по истории, этнографии и статистике Беларуси

После окончания университета М. Довнар-Запольский, благодаря протекции В. Антоновича, был оставлен на кафедре русской истории в качестве профессорского стипендиата. Для сбора материалов для написания диссертации он был направлен в Московский архив Министерства юстиции России (ММЮ), в котором хранился один из самых ценных источников по истории Великого княжества Литовского – Метрика Литовская.

Во время работы в ММЮ окончательно определились главные направления его научных исследований – история экономики и археография. Первое воплотилось в подготовку магистерской диссертации «Государственное хозяйство Литовско-Русского государства при Ягеллонах», а второе реализовалось на должности секретаря Археографической комиссии при Московском Археологическом обществе. В течение пяти лет М.В. Довнар-Запольский фактически управлял работой комиссии, подготовив к изданию несколько томов архивных материалов, в том числе том «Актов Литовско-Русского государства», который включил акты документы Литовской Метрики.

В этот период произошло знакомство молодого ученого с писателем Львом Толстым, который работал в тот период над романом о декабристах. Между М.В. Довнар-Запольским и наиболее близким к Л.Н. Толстому кругом литераторов завязались активные контакты. М.В. Довнар-Запольскому было предложено редактирование планируемого литературно-публицистического еженедельника «Утро» [2]. Однако этот проект так и не был реализован.

В 1899–1901 гг. М.В. Довнар-Запольский начинает преподавательскую деятельность в Московском университете в качестве приват-доцента кафедры русской истории, которой руководил В.О. Ключевский.

Осенью 1901 г. произошла защита магистерской диссертации М. Довнар-Запольского «Государственное хозяйство Великого княжества

Литовского при Ягеллонах. После защиты диссертации приказом министра просвещения М. Довнар-Запольский снова переводится в Киевский университет. Двадцатилетний киевский период стал вершиной деятельности М. Довнар-Запольского как ученого и педагога. Именно в это время окончательно сформировались методологические позиции исследователя, и вышли в свет наиболее известные его работы, сложилась собственная научная историческая школа, которая успешно конкурировала с московской и петербургской.

В 1905 г. М. Довнар-Запольский успешно защищает докторскую диссертацию «Очерки по организации Западно-русского крестьянства в XVI в.» и вскоре возглавляет кафедру русской истории. В этот период происходит и переориентация его научных интересов на общероссийскую проблематику. Большая часть напечатанных им в этот период работ связана именно с нею, причем тематика работ очень разнообразна и охватывает историю России от средневековья до нового времени. Помимо исследовательской М. Довнар-Запольский вел активную научно-педагогическую работу, итогом которой стало воспитание известных ученых-историков, среди которых: В. Базилевич, А. Оглоблин, А. Гневушев, Ф. Клименка, В. Романовский, П. Смирнов, М. Яницкий, Я. Сташевский, Н. Полонская-Василенко. Формой подготовки своих учеников, помимо традиционных лекций и семинаров, стал историко-краеведческий кружок, преобразованный в научную лабораторию с общей методологией исследований, которая опиралась на экономичный материализм, а также тематическим единством – изучением хозяйства отдельных территорий русских земель в средневековье.

Особой страницей биографии М. Довнар-Запольского стала организационно-педагогическая деятельность в Киевском коммерческом институте, созданном в 1907 г. по инициативе ученого. В течение 10 лет М. Довнар-Запольский являлся неизменным директором института и воплотил в него собственную модель высшего образования, основанную на сочетании фундаментальной теоретической подготовки с практической направленностью обучения.

1917 год выдался трагично-переломным как для карьеры, да и для личной жизни М.В. Довнар-Запольского. Вскоре после февральской революции возник конфликт директора с революционным студенческим комитетом Киевского Коммерческого института. Одновременно разгорелся публичный скандал, связанный с «делом Сташевского» – выявлением фактов похищения учеником М. Довнар-Запольского архивных документов.

Эти события принудили к отставке с поста директора института и вызвали студенческие обструкции в университете. М. Довнар-Запольский, который при самодержавии имел репутацию вольнодумца и либерала, был

обвинен уже как преданный царскому режиму «реакционер». Киевский Совет депутатов, где преобладали левые силы, завел на историка дело о его сотрудничестве с царским режимом [3]. По свидетельству Н. Полонской-Василенко, процесс мог закончиться даже смертным приговором. Решающую роль сыграло покровительство друзей и учеников. В результате – в марте 1917 г., комиссия комиссаров признала отсутствие состава преступления и сняла обвинения.

М. Довнар-Запольский патриотично воспринял рост движения за государственное самоопределение Беларуси. С весны 1918 г. самым активным образом он включается в работу белорусских организаций в Киеве, печатается в газетах «Белорусское слово» и «Белорусское эхо», участвует в белорусско-украинских дипломатических переговорах, создает и возглавляет Белорусскую торговую палату в Киеве. Значительные усилия были приложены им вместе с академиком Я. Карским к разработке модели создания Белорусского университета. Но самым важным вкладом М. Довнар-Запольского в белорусскую идею стала работа «Основы государственности Беларуси» – первая попытка научного обоснования исторической закономерности государственного самоопределения белорусского народа.

Однако отношения с новой властью М. Довнар-Запольского не сложились. Обвиненный в «реакционизме» М. Довнар-Запольский был вынужден переехать сначала в Симферополь, а затем и в Баку.

С февраля 1922 г. он работает профессором кафедры истории хозяйства Азербайджанского университета, а вскоре становится его первым проректором. Помимо этого он занимает должность профессора Бакинского политехнического института, назначается начальником Управления торговли и промышленности Наркомата АзССР, становится организатором и директором сельскохозяйственного и торгово-промышленного музеев.

Однако ученого тянуло на Родину, где в этот период развернулась политика «белоруссизации». По свидетельству В. Пичеты, еще в 1921 г. М. Довнар-Запольскому было сделано первое приглашение переехать в Беларусь, но откликнуться на него тогда не позволило состояние здоровья, хотя в письме своему бывшему ученику, а теперь ректору Белорусского университета, ученый подчеркнул, что хорошо осознает «свою обязанность быть в Минске».

В 1924 г., оставаясь в Баку, М. Довнар-Запольский, как «выдающийся представитель науки», избирается действительным членом Института белорусской культуры. Только в 1925 г. после нового приглашения наркома просвещения А. Балицкого и председателя Института Белорусской культуры С. Некрашевича Митрофан Викторович переезжает в Минск, где начинает работу в Институте белорусской культуры, а также

в Белорусском государственном университете в качества профессора кафедры истории народного хозяйства СССР и кафедры истории хозяйственного быта Европы.

Одним из первых шагов научно-организационной деятельности ученого на родине стала инициатива создания Археографической комиссии при Историко-археологической секции Инбелкульта, которую он сам и возглавил. В качества первоочередной задачи этой комиссии, без решения которой, по его мнению, было невозможно становление национальной историографии, М. Довнар-Запольский называет необходимость реституции белорусских архивов, а также издание Литовской Метрики. Итогом менее чем одногодичной работы комиссии под руководством М. Довнар-Запольского стала подготовка первого тома «Белорусского архива» – сборника актовых документов Литовской метрики. За очень краткий термин нахождения на родине ученый готовит к печати две масштабные работы – «Народное хозяйство Белоруссии 1861-1914 гг.» и «Историю Белоруссии». Первая вышла в издательстве Госплана БССР в 1926 г. и встретила положительные рецензии, как историков, так и экономистов. Второй работе было суждено пролежать в закрытом фонде партийного архива около 50 лет и стать причиной удаления ученого с Советской Беларуси. «История Белоруссии» получила разгромную рецензию тогдашнего политчиновника, а через несколько лет – уже директора Института истории и академика Академии наук Беларуси В. Сербенты. 28 января 1926 г. закрытое заседание Бюро ЦК КП(б)Б специально рассмотрело вопрос об «Истории Белоруссии» и признала невозможным издание книги «как выражающей позицию белорусского национал-демократизма и в корне искажающую историю Белоруссии» [4].

В невозможности держать ученого под контролем власти окончательно убедились после «несанкционированной» встречи ученого с одним из белорусских послов в польском сейме. «Дело Довнар-Запольского» снова было рассмотрено на закрытом заседании ЦК Компартии Беларуси, которое постановило необходимым «организовать отъезд» М.В. Довнар-Запольского из БССР». Осенью 1926 г. ученый покидает Минск.

Последний период своей жизни М.В. Довнар-Запольский прожил в Москве, по-прежнему продолжая очень активную жизнь. Он преподавал экономическую географию в Институте народного хозяйства, занимал должность профессора в Тимирязевской сельскохозяйственной академии, являлся научным сотрудником Российской академии общественных наук, работал в Московском губплане, Научно-исследовательском институте пушного хозяйства Народного комиссариата внешней торговли.

С конца 1920-х гг., с началом сталинского «большого перелома» в стране, отношение к старой интеллигенции становится все более

репрессивным. Отъезд из Минска позволил М. Довнар-Запольскому избежать судьбы своих сподвижников и учеников, осужденных в 1930 г. по сфальсифицированному делу «Союза освобождения Беларуси». Однако в течение 1930–1934 гг. все его работы попали под жестокую критику, а его последняя книга, подготовленная в 1930 г., была уничтожена уже в типографском наборе. Упреки в неортодоксальном марксизме партийные рецензенты сочетали с прямыми обвинениями в неонародничестве, идеологическом обосновании «национал-демократизма», а белорусский академик В. Щербаков приравнивал М. Довнар-Запольского к агентам фашизма. Апофеозом погрома творчества ученого стал 1934 г., когда политические обвинения были перенесены на всю школу М. Довнар-Запольского. Ей были приписаны одновременно и украинско-белорусский национализм, и «российская великодержавность», и национал-фашизм. В разгар новой кампании критики 30 сентября 1934 г. М. Довнар-Запольский умер от сердечного приступа. Тело его было кремировано, прах погребен в колумбарии Донского кладбища в Москве.

Время ставит все на свои места. Сегодня имя Митрофана Викторовича Довнар-Запольского вернулось в белорусскую и российскую историографию Ро, а его труды заняли свое достойное место в ряду работ выдающихся историков-славистов.

Примечания

1. Государственный архив г. Киева. Ф. 108. Оп. 93 .Д. 461. Л. 35.
2. *Гануш А.Г., Кручак П.С.* Мітрафан Доўнар-Запольскі. Мінск, 1995. С. 12.
3. Центральный государственный исторический архив Украины Ф. 262. Оп. 1 .Д. 31. Л. 2.
4. Национальный архив Беларуси. Ф. 60. Оп. 3. Д. 126. Л. 586.

В.Е. Козляков (г. Минск, Республика Беларусь)

ГАВРИИЛ РОМАНОВИЧ ДЕРЖАВИН И БЕЛОРУССИЯ

Разделы Речи Посполитой, включение белорусских земель в состав Российской империи знаменовало новый этап во взаимоотношениях двух славянских народов. Интерес к включенным в состав империи землям проявился по-разному. Царские чиновники были, прежде всего, обеспокоены установлением спокойствия и порядка на возвращенных землях. Деятелей культуры интересовали особенности быта и традиции этносов, проживавших на этих территориях. Торгово-промышленный люд изучали возможности сложившегося тут хозяйственного уклада для включения его с большей выгодой в систему формировавшегося всероссийского рынка.

Одним из первых «белорусоведов» стал великий русский поэт, родоначальник русской классической поэзии, известный государственный деятель Гавриил Романович Державин. Откровенность, гордость характера, чуждого чиновничества и низкопоклонства, отзывчивость к простым людям и негодование по поводу корыстных поступков вельмож – все это выделяло Державина в кругу знати екатерининского времени, определяло самобытность и привлекательность его личности.

Особенно следует отметить важнейшую черту государственной деятельности Державина – борьбу против злоупотреблений вельмож, дворянства и чиновничества, коррупционеров того времени. Не случайно стали крылатыми слова Пушкина: «Державин, бич вельмож, при звуке грозной лиры их горделивые разоблачал кумиры». Видимо, поэтому его имя было удостоено не только похвал, но и подвергнуто издевательским оскорблениям, клевете и даже глумлению над памятью.

Но гораздо больше свидетельств и воспоминаний говорят о том, что Державин заботился о сохранении «честных нравов», всегда стоял за справедливость и был нередко, в ущерб личным интересам, «горяч и в правде черт» [1]. Даже недоброжелатели вынуждены были отмечать его честность, принципиальность и неподкупность.

Деятельность Державина связана и с Белоруссией. Еще в 1777 г. он получил имение из нескольких деревень Полоцкого наместничества и Витебской губернии, в которых проживало около трехсот душ крестьян, преимущественно белорусов. Первые документальные свидетельства о поездке Державина в Белоруссию датируются 1799 г. Однако трудно представить, что до этого он ни разу не посетил белорусские деревни. Правда, здесь у него не было «ни фольварка, ни господского дома»; обычно поэт останавливался в деревне Зуево у одного крестьянина, имевшего две избы.

В творчестве Державина нашли отражение природа Белоруссии, обычаи и нравы ее населения. В оде, посвященной путешествию Екатерины II в Могилевскую губернию (1780 г.), поэт призвал императрицу творить справедливость и доброту к «дальним народам», укреплять у людей ощущение свободы как самого естественного состояния гражданина Отечества.

В 1799 г. он выезжал в г. Шклов (Могилевской губернии), чтобы разобраться с жалобами местных торговцев на графа С. Зорича, одного из фаворитов Екатерины II. Исследователь творчества Державина, известный русский поэт В. Ходасевич считал, что инициатором поездки поэта в Шклов выступил граф Кутайсов, рассчитывавший с помощью командированного опорочить Зорича и заполучить земли в прошлом екатерининского фаворита. Державин не пишет в своих «Записках» о сути конфликта в Шклове. Однако есть основания полагать, что обе спорившие стороны (и Зорич, и торговцы) имели достаточно оснований для обвинений друг друга.

По дороге в Петербург Державин побывал в имении своего друга графа И. Сологуба, разбирая другой конфликт – крестьян с польскими помещиками в деревне Березятне Могилевской губернии. После этих разборов он доказывал царским сановникам в Петербурге необходимость разрешения противоречий, возникающих из-за несоответствия новых русских законов польским традициям, сохранявшим свою силу после недавних разделов Речи Посполитой. Однако вынужден был признать, что ничего из этого не вышло.

Несмотря на занятость государственными делами, Державин никогда не забывал, что он поэт. Путешествие в Белоруссию нашло отражение в его поэтических произведениях «Горки», «Горы». «Виша». Заголовки стихов даны поэтом по названиям белорусских деревень.

Не думал Державин, что уже в следующем, 1800 г. ему вновь придется ехать в Белоруссию по царскому поручению. Рескрипт Павла I гласил: «По дошедшему до нас сведению, что в Белорусской губернии недостаток в хлебе, и некоторые помещики из безмерного корыстолюбия оставляют крестьян без помощи и прокормления, поручаем вам изыскать с таковых помещиков, где нуждающиеся в пропитании крестьяне остаются без помощи от них, и оных имения отобрав, отдать под опеку и распоряжением оной снабжать крестьян из господского хлеба, а в случае недостатка заимствовать оной для них на счет помещиков из сельских магазейнов».

Павел I рассчитывал на добросовестность и пунктуальность Державина. Но уже тогда, в императорском окружении было немало деятелей, предков будущих олигархов-«прихватизаторов», возжелавших поживиться за государственный счет. Однако итоги очередной поездки Державина в Белоруссию не вписывались в рамки задуманной «рыночной» комбинации. Поэт руководствовался благородными, гуманными целями. Защитить крестьян от любого произвола он считал своим долгом и честью. Приехав в Белоруссию летом 1800 г. сенатор был потрясен их тяжелейшим положением. Особенно его поразило, что голод для них стал постоянным явлением, в то время как помещики и торговцы «довольно имеют запасов». В своих «Записках» Державин рассказывал, что, увидев такое «немилосердное сдирство», он приказал имение князя Яна Огинского взять под опеку, одновременно распорядившись раздать крестьянам хлеб из помещичьих запасов. Точно так же поступил он в Лиозно с деревнями помещиков Заранека и Гурко, крестьяне которых страдали от голода, а амбары владельцев ломались от зерна. Было объявлено от имени сенатора, что будут взяты под опеку имения всех помещиков, которые не примут мер к спасению своих крестьян от голодной смерти.

В районе Витебска он встретил около ста повозок с ржаной мукой, закупленной еврейскими торговцами в Кричеве, Мстиславле для отправки через Ригу за границу. Державин приказал остановить повозки и вернуть хлеб помещикам с последующей раздачей крестьянам [2].

Решительные действия Державина заставили местных землевладельцев пойти на серьезные уступки крестьянам, преодолеть жестокое равнодушие.

По результатам белорусской поездки Державиным была подготовлена в период пребывания в Витебске (сентябрь 1800 г.) обстоятельная записка «Мнение об отвращении в Белоруссии голода и устройстве быта евреев». Главные причины голода белорусских крестьян Державин видел не только в самоуправстве помещиков, но и арендаторов, которые, стремясь к быстрому обогащению, буквально за короткие сроки разоряли крестьянские хозяйства еще более жесткой эксплуатацией. Дело в том, что в Белоруссии аренда имения предоставлялась на год, на три года, в то время в Прибалтике, например, на более продолжительный период. Кратковременный арендатор стремился на белорусских землях как можно быстрее и больше выколотить из крестьян, не особенно заботясь о состоянии их хозяйств.

Державин обратил внимание на грабеж крестьян со стороны еврейских торговцев, опутавших деревню мощными цепями ростовщической кабалы. Крестьянин обязан был продавать зерно только корчмарю, которому покровительствовал помещик, и у него же покупать нужные товары. Купленный задешево хлеб корчмарь сбывал втридорога, делясь полученным барышом с помещиком. Так на рубеже XIX столетия складывался механизм местной полиэтнической мафии. И Державин вступил с ней в неравную борьбу.

От поэта не укрылся бесконтрольный вывоз зерна из Белоруссии с целью переработки в Лифляндии на вино и водку. Именно в Лифляндии «творцы» этого зелья обладали секретами, как из небольшого количества зерна получить наибольшие объемы горелки с одурманивавшими добавками. Это политое крестьянским потом зерно, превращенное в «дурманное зелье», возвращалось мутными зловещими потоками вновь в Белоруссию уже для поголовного спаивания деревни. И, казалось, что этот «рыночный механизм» будет функционировать до бесконечности. Оснований не только для возмущений, но и для решительных действий по его ограничению было предостаточно.

Однако не стоит идеализировать или приукрашивать деятельность Державина, остававшегося крепостником, верным сыном своего сословия. С некоторыми его высказываниями трудно согласиться. Например, одну из причин голода крестьян (но не главную) он видел в том, что у них много разных праздников, что они плохо работают, часто пьют и веселятся. Но главное заключалось не в этом.

Державин предлагал улучшить состояние крестьянских хозяйств за счет владельцев и арендаторов. Имения должны были отдаваться в аренду не менее как на 9 лет, а в контрактах определены обязательства арендатора. Последний не должен был чинить произвол, обременять крестьян непосильным трудом, разными налогами и чрезмерными

повинностями. Когда срок аренды закончится, арендатор должен вернуть все в прежнем состоянии, качестве и количестве. Более того, Державин считал необходимым запретить аренду имений купцам и мещанам, чтобы люди без основательных знаний про сельскую жизнь вообще сельским хозяйством не занимались, ибо отсутствие этих необходимых навыков приводит к «частному и общему вреду».

Он считал необходимым ограничить вывоз зерна из Белоруссии, восстановить казенную продажу соли, принять меры к охране скота от болезней, а также возложить ответственность за прием и выдачу хлеба на местные власти и предупредить помещиков, что их деревни будут и дальше описываться в казну за «непрокормление крестьян». Помещикам и местным чиновникам предлагалось резко ограничить количество корчм и шинков.

Особое внимание Державин уделил устройству быта евреев. Этому сюжету посвящено немало страниц в «Записках». Он напоминает историю еврейства, рассказывает, как безуспешно разные государства в разные времена пытались решить так называемую «еврейскую проблему». В то же время отмечает, что любое правительство должно заботиться о евреях, чтобы они были «обществу полезными». Он пишет о традициях и обычаях еврейства, обращает внимание на те, которые направлены на обособление и вражду к другим народам.

Прежде всего, он отметил роль кагалов – своеобразных органов управления еврейскими общинами, заботившихся о богатых евреях и представлявших мощный и изощренный механизм эксплуатации своих соплеменников и гоев. Кагалы имели огромную власть над народом. Интересные сведения приводит поэт о денежных сборах («хебри-кадыш» и «коробка»). В кагалах действовали так называемые «херемы» (проклятия), которыми карались те, кто противодействовал или не подчинялся кагальной верхушке. Распространено было и так называемое право «хзаки» – особое разрешение (своеобразная лицензия) на бесконкурентное получение какой-нибудь аренды, должности или монопольное право заниматься любой деятельностью. Если еврей получал аренду земли или имущества, то ни один из его соплеменников не должен мешать или создавать конкуренцию.

Державин высказал некоторые соображения об устройстве быта евреев. Прежде всего, он считал необходимым запретить им продавать вино и водку в деревнях, ликвидировать там корчмы. Далее. Определенную часть еврейского населения, в первую очередь бродяг, слонявшихся в поисках случайных заработков, предлагалось выселить на свободные земли в Астраханскую и Новороссийскую губернии.

Затем мыслилось провести перепись всего еврейского населения, поделив его на четыре класса: торговцев, городских и сельских мещан,

других поселян и их работников. В державинском проекте предусматривалось открыть школы для еврейской молодежи с целью обучения торговой бухгалтерии, ремеслу, земледелию. Все это должно было осуществиться при уважении добродетельных народных еврейских традиций и обычаев. Однако главная идея проекта – сначала ограничение власти кагалов, а потом окончательная их ликвидация [3].

Идеи Державина, при всей небесспорности, содержали прогрессивные черты для того времени, ибо наносили сильнейший удар по затхлым средневековым традициям, с помощью которых раввины и богачи держали еврейство в узде, в обособлении от народов-соседей. Особое беспокойство евреев вызвало предложение Державина запретить им «продавать вино по деревенским корчам». Поэтому державинский проект вызвал бешеное сопротивление кагальных старшин. По всем кагалам было провозглашено, что на него накладывается «херем» [4]. Против Державина было применено несколько способов нравственного террора: клевета, шантаж, угрозы, попытки подкупа. Параллельно кагалами было сделано все для того, чтобы любыми средствами не дать хода державинскому проекту.

Гаврила Романович рассказал в своих «Записках» о перехваченном письме, адресованном в Петербург, в котором требовалась его отставка. В случае неудачи неким лицам предписывалось посягнуть на его жизнь. Для этих целей в кагалах Белоруссии было собрано 1 млн. рублей [5].

Сумма по тем временам немалая. Этот факт не вызывает сомнений, ибо подтвержден опубликованными протоколами минского кагала, подлинность которых признает «Еврейская энциклопедия», изданная в начале XX в. 13 декабря 1802 г. минский кагал постановил установить денежный («коробочный») сбор с каждого еврея на оплату расходов, связанных с доставкой императору просьбы о том, чтобы его сановники «не делали никаких нововведений для евреев» [6]. Более того, самому Державину была предложена взятка в размере 200 тыс. рублей. Возмущенный Державин рассказал императору Александру I о попытке подкупа, искренне надеясь, что «государь удостоверится в его верной службе и примет его сторону».

Император медлил с ответом, и тогда Державин не без иронии спросил, принять ли предлагаемые двести тысяч. «Погоди, я тебе скажу, когда это надобно будет делать», – ответил после некоторого замешательства Александр I. Но никакого распоряжения так и не последовало. Вероятно, взятку получили другие особы. А прямота и правдолюбие министра юстиции слишком докучали императору и его приближенным.

В итоге проект Державина не прошел. Однако отдельные его предложения (переселение части евреев на свободные земли, запрет на продажу ими вина в деревнях) были использованы при подготовке «Положения о евреях»,

утвержденного 9 декабря 1804 г. указом Александра I. Не были поддержаны предложения Державина о переселении безземельной польской (белорусской) шляхты на свободные земли в Херсонскую, Астраханскую, Саратовскую и Сибирскую губернии. Под воздействием интриг с разных сторон Гаврила Романович вынужден был подать в отставку в 1803 г., с горечью записав: «Словом, надобно прочесть то мнение и записку, дабы увидеть всю пользу и выгоды для Российской империи, но частная польза помянутых вельмож перемогла государственную» [7].

Уроки Державина интересны и во многом поучительны. Магнаты польского, белорусского происхождения в союзе с российскими бюрократами и помещиками, еврейской буржуазией не были заинтересованы в освобождении простого народа, в т.ч. белорусских крестьян, от гнета. И поэтому бескорыстная борьба Державина за правду и справедливость, несмотря на всю его сословную привязанность, заслуживает всяческого уважения и восхищения.

Примечания

1. Вальденберг Н. Державин. 1816–1916: Опыт характеристики его мирозерцания. Пг., 1916. С. 101.
2. Державин Г.Р. Сочинения. Т. VI. СПб, 1871. С. 388, 723.
3. Державин Г.Р. Сочинения. Т. VII. СПб, 1872. С. 275-305.
4. Голицын Н.Н. История русского законодательства о евреях. Т. 1. СПб., 1886. С. 271.
5. Державин Г.Р. Сочинения. Т. VI. СПб., 1871. С. 799.
6. Брафман Я. Книга кагала. Ч. II. Изд. 2-е. СПб, 1875. С. 172–173.
7. Державин Г.Р. Сочинения. Т. VI. СПб, 1871. С. 804.

О.В. Матвеев (г. Краснодар, Россия)

ЛЕРМОНТОВ И УКРАИНА

Есть что-то мистическое в том, что круглые даты жизни и смерти Михаила Юрьевича Лермонтова тяжёлым эхом отзываются на судьбе России. Когда решили отметить столетие со дня его рождения, началась Первая мировая война. Столетие со дня смерти тоже не было отмечено – началась Великая Отечественная война. К 150-летию со дня гибели поэта распался Советский Союз [1]. В 2014 г., когда исполняется 200 лет со дня рождения Лермонтова, запылала огнём Гражданской войны Украина...

Всё, что связано с последней: язык, общение с малороссами, возможное пребывание поэта на Полтавщине и в Черниговской губернии, впечатления, полученные во время вольных и невольных поездок «с севера милого в сторону южную», имело какое-то особый, таинственный смысл в жизни и творческом наследии поэта.

«Всё в ней таинственно», – заметил В.Г. Белинский о повести «Тамань». И действительно, странствующего офицера-повествователя «поразило», что слепой мальчик в беседе с ним говорил «малороссийским наречием», а в разговоре с «ундиной» «изъяснялся чисто по-русски». Лермонтов продемонстрировал стойкий интерес к этноречевой характеристике своих персонажей, скрыв в повести некую загадку в объяснении таинственного и поэтического случая [2]. В краеведческих комментариях этноязыковой фон таманского происшествия обычно объясняется двуязычием черноморского казачества, однако в повести всё это очень завуалировано и не даёт однозначных ответов [3].

Один из самых таинственных персонажей повести – храбрый контрабандист Янко, который носит «татарскую шапку, но острижен по-казаки». Лермонтоведы Л.И. Прокопенко и В.А. Захаров предположили, что прототипом Янко явился начальник флотилии азовских казаков на Черноморском побережье Кавказа есаул Яков Никифорович Барахович [4]. Учреждая команды для несения боевой службы на Черноморской береговой линии, русское правительство исходило из того, того, что азовское казачество «в прежнем быту своём, Задунайской Запорожской Сечи, имело главнейшие промыслы на сих лодках и приобрело особое в прибрежном плавании искусство и знание» [5]. Успехам бывших запорожцев в борьбе с пиратством и тайной торговлей оружием и невольниками, несомненно, способствовал их турецкий опыт морских разбоев и знание тонкостей контрабанды. Бывавший по делам службы на Черноморской береговой линии Г.И. Филипсон писал в своих воспоминаниях, что украинские казаки «промышляли в Турции грабежом и разбоем на сухом пути и на море. Они были смелые и искусные моряки» [6]. По словам генерала, прославленный руководитель морских операций команд азовских казаков Я.Н. Барахович в молодости, «живя ещё на Дунае, занимался между прочим, морским разбоем» [7]. В фондах Государственного архива Краснодарского края сохранился любопытный документ о столкновении подполковника Я.Н. Бараховича с подпоручиком Ю.С. Буффалом. Последний сам имел криминальное прошлое [8], но сумел отличиться в Кавказской войне и начать жизнь «с чистого листа». В пылу ссоры с Бараховичем подпоручик упрекнул: «Вы сами буянили в Турции, здесь не Турция, а Кавказ, вы служите здесь русскому царю, чёрт знает, кто вас жаловал» [9].

Л.И. Прокопенко рассуждал следующим образом: Янко – казак в татарской шапке, Яков Барахович – тоже казак. Янко – контрабандист, Барахович – в прошлом тоже контрабандист. Имена у них похожие. Если выяснится, что начало службы Бараховича относится к концу сентября 1837, когда Лермонтов в Тамани стал свидетелем таинственного происшествия с контрабандистами, можно говорить о Бараховиче как

прототипе Янко. Следовало найти формулярный список, который дал бы возможность установить начало службы Бараховича в Азовской казачьей флотилии. Но «поиски в архивах Новочеркасска, Москвы, Тбилиси ничего утешительного не принесли» [10].

Мне удалось разыскать в Российском государственном военно-историческом архиве формулярный список войскового старшины Я.Н. Бараховича, датированный 7 апреля 1843 г. Из него следует, что Яков Никифорович Барахович родился в 1807 г., происходил «из казаков Азовского войска», в чин хорунжего был произведён 17 июля 1838 г., уже в декабре этого года пожалован сотником, в 1841 г. стал есаулом, а в ноябре 1842 г. войсковым старшиной. Имел ордена Св. Владимира 4-й степени с бантом, Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», Св. Станислава 2-й степени, «и оного же Императорскою короною украшенный» [11]. Я.Н. Барахович «поступил в сформированную по Высочайшему повелению 10 команд Азовского казачьего войска, назначенных для прибрежного крейсерства у Восточного берега Чёрного моря 26 апреля 1837 г.» [12]. К восточным берегам Чёрного моря он прибыл только в октябре 1837 г., причём находился в Абхазии (Сухум, укрепление Бомборы, Гагры). Поэтому в сентябре 1837 г. Барахович, тогда ещё малоизвестный зауряд-хорунжий, не мог видеться с Лермонтовым.

В.А. Захаров предположил, что Лермонтов мог только слышать о подвигах Бараховича на Черноморском побережье от своего друга князя Г.Г. Гагарина, который написал портрет казачьего офицера, хранящийся в Русском музее в Санкт-Петербурге. На этом портрете подпись князя Гагарина: «Есаул Барахович, выходец из Турции теперь служит в Азовском казачьем войске». Ниже сделана приписка: «Откусил нос и бороду у контрабандиста у укрепления Навагинского» [13]. Под рисунком стоит странная дата: 13 апреля 1837 г. В свете этого В.А. Захарова развивает следующие аргументы: 1. Смелые, необыкновенные поступки Бараховича, так же как и «слава» о его контрабандистском прошлом, были «притчей во языцах» у кавказских офицеров, по крайней мере об этом знал друг Лермонтова князь Г.Г. Гагарин, написавший портрет есаула Бараховича. 2. Как бывший контрабандист, Барахович отлично знал все уловки, хитрости «рыцарей наживы, их излюбленные места, расположение и устройство тайников. Поэтому и добился выдающихся результатов в борьбе с контрабандной торговлей и сделал блестящую офицерскую карьеру. 3. Архивные разыскания позволили установить В.А. Захарову, что Барахович занимался тайной контрабандой, будучи уже офицером Азовского войска. 4. Во время пребывания Лермонтова в Тамани Барахович находился на противоположном берегу в Керчи. 5. Почему слепой мальчик в повести шёл к пристани? Там находился домик, принадлежавший Азовской казачьей флотилии. Значит, Янко не

беспокоился о встрече с азовцами. Следовательно, по мысли В.А. Захарова, азовский казак Барахович мог стать прототипом Янко в повести М.Ю. Лермонтова «Тамань» [14].

Представляется, что обнаруженный архивный документ опровергает эту заманчивую версию. Из формулярного списка точно известно, что на службу Барахович в баркасные команды Азовского войска поступил только 26 апреля 1837 г. и находился в это время на Екатеринославщине [15]. Есаулом он стал только 3 июня 1841 г. Поэтому Гагарин мог видеть есаула Бараховича не раньше июня 1841 г., когда азовский офицер уже прославился своей борьбой с черкесскими пиратами и турецкими контрабандистами. В это время Г.Г. Гагарин был действительно прикомандирован к комиссии под начальством барона П.В. Гана, занимавшейся введением нового гражданского устройства в Закавказье, и мог побывать на Черноморском побережье [16]. Но о своей встрече с Бараховичем художник не мог рассказать об этом Лермонтову: 15 июля 1841 г. поэт был убит на дуэли. По-видимому, в образе Янко были задействованы какие-то иные, скорее всего художественные решения. Этому содействуют и лексические украинизмы, которые Михаил Юрьевич с большим тактом вводит повествование.

Сохранилось свидетельство князя Александра Васильевича Мещерского: «Лермонтов хорошо умел говорить по-малороссийски и неподражаемо умел рассказывать малороссийские анекдоты. Им, например, был пущен известный анекдот (который я после слышал и от других) о том хохле, который ехал один по непомерно широкой почтовой малороссийской дороге саженой во сто ширины. По обыкновению хохол заснул на своём возе глубоким сном, волы его выбились из колеи и, наконец, осью зацепили за повёрстный столб, отчего остановились. От толчка хохол вдруг проснулся, спросонья осмотрелся, увидел поверстный столб, плюнул и, слезая с своего воза сказал: "Що за бісова тиснота, не можно и возом разминутця!"» [17].

Возможно, поэт знал малороссийскую речь с детства. Есть смутные сведения о том, что его бабушка Е.А. Арсеньева возила внука в детстве на Черниговщину [18]. Лермонтовед М.И. Гиллельсон сомневался в принадлежности Лермонтову имения на Украине [19]. Однако имеется заметка некоего А. Маркевича, опубликованная впервые в 1900 г. в «Русском архиве»: «Верстах в 7 от моего родного села Смощи находится замечательное местечко Переволочно (Полтавской губ., Прилуцкого уезда) на р. Удае. Почти при самом выезде в местечко, по Роменской дороге, расположена прекрасная усадьба, в которой дом, впрочем, построен или перестроен позднейшим владельцем и сохранился весьма старинный тенистый сад. Усадьба эта, а также известное число крестьян и десятин земли, принадлежала Арсеньевым, и я хорошо помню рассказы, что сюда

наезжала некогда очень важная старая барыня, Арсеньева же, и это относится к 30–40-м годам. Весьма соблазнительно думать, что именно здесь было имение, о котором упоминает князь А.В. Мещерский, не Лермонтова, конечно, а его бабушки, которой он был единственным прямым наследником» [20].

Знание языка и культуры Украины было углублено чтением, общением с деятелями украинской культуры в Москве и в Петербурге. Среди преподавателей Лермонтова в Московском университете был известный украинский фольклорист, историк и естествоиспытатель Михаил Александрович Максимович (1804–1873). М.А. Максимович читал в университетском пансионе курс естественной истории. Его лекции о мире растений были насыщены поэтическими сравнениями, экскурсами в недра российской и украинской словесности, обильными сносками на произведения народного творчества. Украинский литературовед И.Я. Заславский полагал, что студент Лермонтов, «жадный до новых книг и журналов, <...> знал «Малороссийские песни», выпущенные его университетским преподавателем в 1827 году (новый сборник – 1834), возможно, обращал внимание также на публикации украинских народных песен в периодических изданиях» [21].

Особой доверительностью отличались отношения М.А. Максимовича с Н.В. Гоголем. Их связывало чувство любви к родной Малороссии, общие интересы к её старине и народной поэзии. От Максимовича Гоголь мог впервые услышать о талантливом поэте. Но М.Ю. Лермонтов и Н.В. Гоголь встретились впервые в доме М.П. Погодина 9 июля 1840 г., когда поэт был проездом в Москве на пути во вторую ссылку на Кавказ. С.Т. Аксаков вспоминал, что «Лермонтов читал наизусть Гоголю и другим, кто тут случился, отрывок из новой своей поэмы «Мцыри», и читал, говорят, прекрасно» [22].

На следующий день Гоголь и Лермонтов встретились у Е.А. Свербеевой. А.И. Тургенев оставил об этой встрече запись: «Лермонтов и Гоголь. До 2 часов» [23]. Почему два писателя засиделись так поздно? Ни Гоголь ни Лермонтов о той ночи ни словом не помянули. Константин Георгиевич Паустовский в повести «Разливы рек» предположил, что речь шла, в том числе, и о родной для Гоголя Украине – Лермонтов прочитал автору «Вечеров на хуторе близ Диканьки» своё посвящение княгине Щербатовой [24]:

*На светские цепи,
На блеск утомительный бала
Цветущие степи
Украины она променяла...*

Однако принять художественную версию К.Г. Паустовского мешает мрачный тон, которым Гоголь оценил поэтическое наследие Лермонтова в

своей книге «Выбранные места из переписки с друзьями». Гоголь написал в 1847 г.: «Попадши с самого начала в круг того общества, которое справедливо можно было назвать временным и переходным, которое, как бедное растение, сорвавшееся с родной почвы, осуждено было безрадостно носиться по степям, слыша само, что не прирасти ему ни к какой другой почве и его жребий – завянуть и пропасть, – он уже с ранних пор стал выражать то раздирающее сердце равнодушие ко всему, которое не слышалось еще ни у одного из наших поэтов. Безрадостные встречи, беспечальные расставанья, странные, бессмысленные любовные узы, неизвестно зачем заключаемые и неизвестно зачем разрываемые, стали предметом стихов его <...>. Может быть, <...> отделался бы он <...> от безотрадного своего состояния (приметы тому уже сияют в стихотвореньях «Ангел», «Молитва», и некоторых других), если бы только сохранилось в нем самом побольше уваженья и любви к своему таланту». Гораздо выше Гоголь оценивал «Героя нашего времени»: «В его сочинениях прозаических гораздо больше достоинства. Никто еще не писал у нас такой правильной, прекрасной и благоуханной прозой. Тут видно больше углубленья в действительность жизни – готовился будущий великий живописец русского быта...» [25].

Представляется, что если опальный поручик действительно прочитал свое послание Щербатовой Гоголю, вряд ли бы приговор писателя, создавшего поэтический образ Малороссии в русской литературе, был таким беспощадным по отношению к Лермонтову-поэту. Это произведение высочайшего художественного достоинства, в котором сердечное расположение поэта к адресату сочетается с неподдельными симпатиями к родине Марии Щербатовой, урожденной Штерич:

*И следуя строго
Печальной отчизны примеру,
В надежде на бога
Хранит она детскую веру;
Как племя родное,
У чуждых опоры не просит
И в гордом покое
Насмешку и зло переносит;
От дерзкого взора
В ней страсти не вспыхнут пожаром,
Полюбит не скоро,
Зато не разлюбит уж даром.*

Лермонтов сравнил любимую женщину с Украиной и нашёл во внешнем и внутреннем облике княгини отпечаток её родины, черты «племени родного». Связь с украинскими «цветущими степями» и судьбой украинского народа служит, согласно концепции стихотворения,

обоснованием высоких качеств героини, противопоставленных «ледяному» и «беспощадному» петербургскому свету [26]:

*Но юга родного
На ней сохранилась примета
Среди ледяного,
Среди беспощадного света.
Как ночи Украйны,
В мерцании звёзд незакатных,
Исполнены тайны
Слова её уст ароматных;
Прозрачны и сини,
Как небо тех стран, её глазки;
Как веете пустыни,
И нежат и жгут её ласки.*

Украинский литературовед И.Я. Заславский писал: «Называя «отчизну» Щербатовой «печальной», поэт, очевидно, имел в виду судьбу украинского населения под властью царского правительства и помещиков-рабовладельцев. (Вспомним в данной связи «дрожащие огни печальных деревень» из «Родины». Авторская тональность, отношение поэта к русскому крестьянину в этом стихотворении совершенно очевидны и несомненны. «Родина» отдалена от стихов, посвящённых Щербатовой, небольшим промежутком времени)» [27]. В другом месте И.Я. Заславский приводит мнение И.Л. Андроникова, высказанное ему в личной беседе: возможно, определение «печальная отчизна» в послании к М.А. Щербатовой «больше связано с историческим прошлым её родины (нападения татар и турок, гнёт со стороны польской шляхты и т.п.)» [28].

Рискуя навлечь гнев профессиональных лермонтоведов, предположу, что «печаль» лермонтовской Украины носит отнюдь не классовый и не политический характер. В лермонтовской «Родине», на которую в качестве аргумента указывает И.Я. Заславский, нет и намёка на угнетённость крестьян. Деревня у Лермонтова, справедливо считает А.М. Марченко, вовсе не выглядит убогой, поэт как раз подчёркивает в её бытовом укладе черты, явно противоположные пушкинской «Родине»: полное гумно, окно с резными ставнями. Да и время дня другое: у Пушкина «серенький день», у Лермонтова – «росистый вечер», то есть самое выгодное для деревенского ландшафта освещение. В отличие от автора «Евгения Онегина», Лермонтов вносит в свою картину деревни элемент праздника [29]. Этот праздник, начинается ещё до въезда в деревню, с четы белёущих берёз, которые напоминают, что скоро страда закончится и наступит время крестьянских свадеб. У Пушкина пьяные мужики пляшут возле кабака. У Лермонтова хмельные мужички не участвуют в пляске, «он отодвинул их в сторону, чтобы не мешали, не портили ни песни, ни

пляски: топанье и свист» остаются в плясовом кругу, усиливая впечатление «вольницы», а пьяный говор» выносится за его черту» [30]:

*С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.*

«Печальная отчизна» Щербатовой того же рода: поэт собирает в одной картине всё, что заставляет любить Украину «странною любовью»: таинственность слова, детская вера в Бога, «гордый покой» перед «чуждыми» (интересно, что в первом варианте было «у мира опоры не просит» [31]). Вряд ли Лермонтов отделяет здесь украинское крестьянство от российского. Сохранилось свидетельство князя А.В. Мещерского о мнении Лермонтова об обсуждаемом тогда среди русских помещиков вопросе о так называемом интенсивном хозяйстве. Свою позицию поэт основывал на личном опыте по управлению имением в Малороссии. Как-то раз, пишет А.В. Мещерский, была серьёзная беседа об интенсивном хозяйстве, о котором в настоящее время так много пишут в журналах и о чём тогда уже заботились. Лермонтов, который питал полное недоверие и обнаруживал даже некоторое пренебрежение к сельскому хозяйству, называя его ковырянием земли, сказал нам при этом, что он сам недавно был в своём маленьком имении в Малороссии, откуда не получалось никакого дохода. Его долготерпение наконец истощилось, и он поехал туда, чтобы лично убедиться в бездоходности имения. «Приезжаю, – говорил Лермонтов, – в деревню, призываю к себе хохла-приказчика, спрашиваю, отчего нет никакого дохода? Он говорит, что урожай был плохой, что пшеницу червь испортил, а гречиху солнце спалило. «Ну, я спрашиваю, а скотина что? – «Скотина, – говорит приказчик, – ничего, благополучно». – «Ну, – я спрашиваю, куда же молоко девали?» – «На масло били», – отвечает он. «А масло куда девали?» – «Продавали», – говорит. «А деньги куда девали?» – «Соль, – говорит, – куповали». – «А соль куда девали?». – «Масло солили». – «Ну, а масло куда девали?» – «Продавали». – «Ну, а деньги где?» – «Соль куповали!...» И так далее, и так далее. Не истинный ли это прототип всех наших русских хозяйств (выделено нами. – О.М.)? – сказал Лермонтов и прибавил: – Вот вам при этих условиях не угодно ли завести интенсивное хозяйство!...» [32].

В беседе с товарищами Лермонтов выделял среди характерных черт малороссийских крестьян «леность и невозмутимость» последних. Особенно доставалось от насмешек поэта его денщику малороссу

Сердюку, на которого барином переносился обобщённый образ народа [33]. Вряд ли при таком отношении Лермонтова-помещика к крепостным в его малороссийском имении в послании Щербатовой был сделан акцент на тяготы украинского народа под гнётом царского правительства. Взгляд поэта на освободительное движение поляков в раннем стихотворении «Опять, народные витии...» отчасти касается и украинского вопроса, на который молодой корнет Лейб-гвардии гусарского полка смотрел как на бесперспективную борьбу «за дело падшее Литвы».

В альбомном послании Щербатовой много личного, желания скорее польстить княгине сравнением с образом её родины. Лермонтовед Э.Э. Найдич высказал предположение, что послание М.А. Щербатовой было навеяно стихотворением украинского поэта Е.П. Гребёнки (1812–1848) «Признание». Это произведение было напечатано в том же томе «Отечественных записок», где опубликованы первоначальный вариант повести Лермонтова «Бэла» и его стихотворение «Поэт». Гребёнка прямо сравнивал свою родину с женщиной [34]:

*Глаза ее смотрят небесной эмалью,
И зелень одежды в рубинах горит,
И поясом синим, как сизую сталью,
Красавицы стан перевит.
Как золото, светлоблестящей волною
Роскошные кудри на плечи бегут;
Уста ее тихой вечерней порою
Унылую песню поют.
И эта чудесная дева – не тайна.
Я высказать душу готов.
Красавица эта – родная Украина!
Ей все – моя песнь и любовь.*

Заимствовав отдельные образы у Гребёнки, Лермонтов решал иную художественную задачу, глубоко личного, а не патриотического, как у украинского поэта, характера. Поэтому он «перевернул» сравнение, сравнил влюблённую в него женщину с её родной Украиной [35].

Мария Алексеевна родилась в семье полтавского помещика А.П. Штерича. В 1837 г. 17-летней Марию выдали замуж за князя А.М. Щербатова, оказавшимся человеком грубым и жестоким. Спустя год она овдовела, оставшись с малолетним сыном. Её чувство к поэту было сильным и глубоким. Она хотела с ним, как с его «Демоном», «опуститься на дно морское и подняться под облака» [36].

Перед гибелью Лермонтов говорил М.П. Глебову о том, что выработал план двух романов: «одного из времён смертельного боя двух великих наций, с завязкою в Петербурге, действиями в сердце России и под Парижем и развязкою в Вене, и другого из кавказской жизни, с

Тифлисом при Ермолове, его диктатурой и кровавым усмирением Кавказа, персидской войной и катастрофой, среди которой погиб Грибоедов в Тегеране» [37]. Для задуманной эпопеи необходимо было знание высшего света и психологии российской элиты. Лермонтов сообщил М.А. Лопухиной в 1839 г.: «Обретенный мной опыт полезен в том отношении, что даёт мне оружие против общества <...>; нигде ведь нет столько пошлого и смешного, как там» [38]. Чтобы набрать впечатлений для своего замысла, поэт превратил собственную светскую жизнь в опытный театр. Даже возникшее во второй половине 1839 г. увлечение княгиней Марией Алексеевной Щербатовой было, по-видимому, первоначально подчинено изучению им «энциклопедии петербургской жизни», если перефразировать оценку Белинским пушкинского «Евгения Онегина». Кажется, что поэт опытным путём пытается проверить в петербургских гостиных историю княжны Мери. А.П. Шагин-Гирей вспоминал: «Зимой 1839 года Лермонтов был сильно заинтересован кн. Щербатовой (к ней относится пьеса «На светские цепи»). Мне ни разу не случилось её видеть, знаю только, что она была молодая вдова, а от него слышал, что такая, что ни в сказке сказать, ни пером написать. То же самое, как видно из последующего, думал про неё и г. де Барант, сын тогдашнего французского посланника в Петербурге. Немножко слишком явное предпочтение, оказанное на бале счастливому сопернику, взорвало Баранта» [39].

Изучение поэтом психологии света закончилось трагично, прежде всего, для Щербатовой. Она не на шутку полюбила Лермонтова. Вынужденная спасаться от сплетен, возникших вокруг дуэли, княгиня уехала в Москву. «А между тем её ребёнок, остававшийся здесь у бабки, умер, – отметил 21 марта 1840 г. М.А. Корф, – что, вероятно, охладит многих из претендентов на её руку, ибо у неё ничего нет и всё состояние было мужнее, перешедшее к сыну, со смертью которого опять возвращается в род отца» [40]. 10 мая 1840 г. Александр Иванович Тургенев записал в своём дневнике: «Был у кн. Щербатовой. Сквозь слёзы смеётся. Любит Лермонтова» [41]. А.М. Марченко видит в поведении княгини Щербатовой реакцию сильной и простой души на непонятное поведение Лермонтова. Он настойчиво добивался её любви, открыто ездил к ней в дом, посвятил ей полные серьёзного чувства стихи, наконец, стрелялся из-за неё. А теперь, когда она в таком отчаянье, избегает её: «было от чего потеряться и более опытной и искушённой женщине» [42].

Другим драматическим последствием лермонтовского «эксперимента» стало осознание поэтом истины: он не сможет, как и его Печорин, ступить на путь, где его ожидают «тихие радости и спокойствие душевное». Е.А. Сушкова рассказывала М.И. Семевскому: «Будучи женихом Щербатовой, и в то же время избегая брака, – Лермонтов на

колених умолял свою бабушку Арсеньеву не позволять ему жениться» [43]. Положение осложнялось тем, что Мария Щербатова, в отличие от княжны Мери была набожна и проста, вести с ней двойную светскую игру подобно своему Печорину Лермонтов не мог. «В этих условиях, – пишет А.М. Марченко, – дуэль с де Барантом оказывалась идеальным выходом из затруднительного положения. Тем, что стрелялся из-за неё, Лермонтов подтверждал в глазах светских знакомых истинность своего чувства к ней и как бы отводил от милой ему женщины «молвы коварное гоненье». Зато последовавшее за дуэлью наказание (и новый арест, и новая ссылка) избавляло от каких-либо решительных действий в подтверждении серьёзности своих намерений» [44].

Но это оправдывало Михаила Юрьевича лишь в глазах света. Сам себя он судил другим судом. В стихотворении «Тучи», размышляя о причинах своего изгнания из Петербурга, Лермонтов пишет:

*Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? Злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?*

Клевета, открытая злоба и тайная зависть оказали влияние на решение судьбы поэта. Но совершённое «преступление» он относил на свой счёт, казнил себя беспощадно в мыслях и стихах...

Как видим, украинская тема у Лермонтова, как и вся его судьба и литературное наследие, содержит немало тайн. Но несомненны два обстоятельства. Во-первых, его редкие обращения к малороссийским сюжетам и образам были подчинены, прежде всего, важнейшим художественным задачам, которые он решал как глубоко самобытный, не укладывающийся ни в какие национальные стереотипы поэт. Опытным полем при этом был собственный, трагически завершившийся жизненный и творческий путь. Во-вторых, даже скромный набор украинских экскурсов произведений М.Ю. Лермонтова, свидетельств личного общения с уроженцами малороссийских губерний говорит о том, насколько неразделимы в мировоззрении поэта были судьбы двух славянских народов.

Примечания

1. Захаров В.А. Дуэль М.Ю. Лермонтова: как это было // Вопросы южнороссийской истории / под ред. С.Н. Ктиторова. Вып. 18. Армавир, 2013. С. 310–311.

2. Виноградов А.В. Лермонтовская Кубань (историко-литературные этюды). Армавир, 1997. С. 60–61.

3. Там же. С. 62.

4. Захаров В.А. Кто был Янко? (О прототипах героев М.Ю. Лермонтова) // Сборник Русского исторического общества. Т. 1 / Под ред. И.А. Настенко. М., 1999. С. 180–187.

5. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею (АКАК). Тифлис, 1881. Т. VIII. № 741. С. 861.
6. *Филипсон Г.И.* Воспоминания. М., 1885. С. 196.
7. Там же. С. 198.
8. *Матвеев О.В.* Поляки в укреплениях Черноморской береговой линии в 30-е–50-е годы XIX века: история повседневности // Кубанский сборник. Т. III (24) / *Под ред. А.М. Авраменко и Г.В. Кокунько.* Краснодар, 2008. С. 40.
9. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 260. Оп. 1. Д. 1026. Л. 9.
10. *Захаров В.А.* Кто был Янко? С. 183–184.
11. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 405. Оп. 6. Д. 4910. Л. 3–3 об.
12. Там же. Л. 4.
13. *Захаров В.А.* Кто был Янко? С. 186.
14. Там же. С. 186–187.
15. РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 4910. Л. 4.
16. *Ткаченко Д.С., Колосовская Т.А.* «Мы на Кавказе воевали не для того, чтобы разбить неприятеля и уйти...» Социокультурная деятельность Кавказской армии (по воспоминаниям и исследованиям современников). Ставрополь, 2011. С. 242–243.
17. *Мещерский А.В.* Из моей старины. Воспоминания (отрывки) // Лермонтов М.Ю. в воспоминаниях современников (ЛВС) / *Сост., подгот. текста и коммент. М. Гиллельсона и О. Миллер.* М., 1989. С. 375.
18. *Заславский И.Я.* М.Ю. Лермонтов и украинская поэзия. Киев, 1977. С. 12.
19. ЛВС. С. 600.
20. *Щеголев П.Е.* Лермонтов: Воспоминания, письма, дневники... М., 1999. С. 369.
21. *Заславский И.Я.* Указ. соч. С. 13.
22. *Аксаков С.Т.* Из «Истории моего знакомства с Гоголем» // ЛВС. С. 317.
23. *Захаров В.А.* Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. М., 2003. С. 376.
24. *Паустовский К.Г.* Разливы рек // http://modernlib.ru/books/paustovskiy_konstantin_georgievich/razlivi_rek/read/. (Дата обращения: 19.09.2014).
25. *Гоголь Н.В.* Избранные места из переписки с друзьями // <http://vsemirniysledopyt.ru/b/74287/read> (дата обращения: 19.09.2014).
26. *Заславский И.Я.* Указ. соч. С. 13.
27. Там же. С. 16.
28. Там же. С. 19.
29. *Марченко, А.М.* С подорожной по казённой надобности: Лермонтов. Роман в документах и письмах. М., 1984. С. 238.
30. Там же.
31. *Заславский И.Я.* Указ. соч. С. 17.
32. *Мещерский А.В.* Указ. соч. С. 374–375.
33. Там же. С. 375–377.
34. *Найдич Э.Э.* Стихотворение «М.А. Щербатовой» (Лермонтов и Е.П. Гребёнка) // <http://feb-web.ru/feb/lermont/critics/iss/iss-403-htm> (дата обращения 22.09.2014).
35. Там же.
36. *Герасименко А.А.* Музы вдохновенья. М.; Пятигорск, 2007. С. 93.
37. Примечания к воспоминаниям А.М. Меринского // ЛВС. С. 534.

38. *Щеголев П.Е.* Указ. соч. С. 315.
39. *Шан-Гирей А.П.* М.Ю. Лермонтов // ЛВС. С. 48.
40. *Корф М.А.* Из дневника // ЛВС. С. 298.
41. *Захаров В.А.* Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. С. 376.
42. *Марченко А.М.* Указ. соч. С. 289.
43. *Щеголев П.Е.* Указ. соч. С. 325.
44. *Марченко А.М.* Указ. соч. С. 291.

Е.М. Белецкая (г. Тверь, Россия)

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ПЕСЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ ТЕРСКИХ СТАНИЦ

Межэтнические отношения и диалог культур кавказских народов и терских казаков неоднократно становились предметом исследования дореволюционных, советских и российских ученых (М.А. Караулов, И.Д. Попко, В.А. Потто, Г.А. Ткачѳв и др.; Н.Н. Великая, В.Б. Виноградов, Д.С. Кидирниязов, Л.С. Киреева, Е.М. Белецкая и др.). В меньшей степени изучены русско-украинские отношения (см: Н.Н. Великая, Л.Б. Заседателева, С.Е. Сазонова и др.) [1]. Для характеристики сложившегося диалога культур славянского населения Терека необходимо выяснить, когда и как появились украинцы в этом регионе, какие взаимоотношения сложились у них с жителями казачьих станиц, как проходил процесс культурной адаптации и как это отразилось в песенном фольклоре.

Первые переселенцы стали появляться на Тереке при Петре I, после того, как Гребенское войско из Посольского приказа было переведено в подчинение военной коллегии, т.е. вошло в общий состав вооруженных сил России. В первой половине XVIII в. состав населения станиц пополнился переселенцами с Украины, России и бывшими солдатами кавказской армии. В 1840-е гг. для подкрепления Гребенского полка были переселены крестьяне из Харьковской губернии, в станицы Щедринскую, Новогладковскую, Старогладковскую и Шелковскую [2].

Отношение к украинским переселенцам определялось не национальным различием, а религиозным мировоззрением, что вызвало обострение отношений между казаками-старожилами («староверами») и новопоселенными («православными»). Это проявилось, в частности, в запрете казакам жениться на украинках, а казачкам выходить замуж за украинцев. Это соблюдалось вплоть до Великой Отечественной войны и неоднократно подтверждалось сведениями, полученными от жителей гребенских станиц в ходе фольклорных экспедиций Чечено-Ингушского пединститута в 1965–1968 гг.

Увеличение к началу XX в. числа иногородних, которые арендовали свободную землю и обрабатывали ее, имело и негативные последствия. По мнению атамана Пятигорского отдела, арендованные земли истощались и не восполняли потребностей увеличившегося числа казаков. В связи с этим он предлагал «очистить» станицы от иногородних, выступал против смешанных браков «за чистоту казачьего сословия» [3].

Малочисленность переселенцев, недружелюбное отношение казаков-старожилов послужили причиной обособленности украинцев, которые селились на окраинах станиц или отдельными хуторами. Так, например, из станицы Щедринской со временем образовались две, Старощедринская и НовоЩедринская. Компактность поселений и характер отношений с казаками способствовали сохранению особенностей материальной и духовной культуры переселенцев.

Взаимовлияние материальной культуры старожилов и украинцев рассмотрено достаточно подробно [4], поэтому основная задача заключается в выявлении взаимосвязей и характера культурных контактов на материале общего песенного репертуара в станицах со смешанным (русско-украинским) населением, преимущественно гребенских.

Характер славянских сходжений фольклорных мотивов зависит от разных причин, в том числе – от наличия общеславянских сюжетов, возникших до деления жителей древнерусского государства на русских, белорусов и украинцев. Общность славянских песен, по мнению И.И. Земцовского, наиболее ярко представленная в балладных сюжетах, объясняется «самозарождением» образов и сюжета (например, о дочке-пташке) в сочетании с их последующей миграцией [5].

Иными словами, общность, как результат творческой миграции широко распространенных в фольклоре многих народов сюжетов, есть особая форма проявления и распространения типологических связей, хотя сюжеты отдельных баллад имеют международный характер, не обязательно обусловленный типологической общностью [6]. Типологическая общность строится на трех главных принципах: 1) общности исторического развития народов; 2) их культурном и языковом родстве; 3) общности и родстве конкретных фольклорных традиций [7], что характерно для славян.

В песенном фольклоре казаков к этой группе сюжетов относятся балладные песни об увозе девушки, связанные с рекой Дунаем [8]. Особенности поэтики текста и характер мелодии свидетельствуют о древности сюжета, сохранившегося у казаков. Мотив увоза осложняется историческими деталями (через Дунай прошли три партии – Белого царя, прусского короля и парень с девушкой), а также социальным конфликтом: молодец хочет выдать девушку замуж за своего верного слугу и сделать ее своей любовницей, но девушка отказывается, и молодец острой саблей

рубит ей голову. В украинских и других славянских версиях обозначено имя и социальный статус мужчины – Стефан (Штефан) воевода [9]. В терских вариантах трагическая концовка отсутствует. Подробный анализ других балладных сюжетов, имеющих общеславянские корни, см. в сборнике «Мир славян Северного Кавказа» [10].

Диалог славянских культур наблюдается и в обрядовом фольклоре. В казачьих станицах Терека бытуют параллельно русские и украинские календарные обрядовые песни. Святки широко отмечались и «батьками» (староверами), и «православными». У старообрядцев сохранились многие ритуальные действия и песни, не знакомые «православным»; однако староверы не пели щедровок. Во время фольклорно-этнографических экспедиций неоднократно отмечалось, что в гребенских станицах параллельно существовало два календарных действия: 1) «колядовать», или «леску» петь; 2) «Христа славить» (анализ календарной обрядовой поэзии на Терекe см.: [11]).

Частью рождественского праздника были особые блюда на семейном столе. В гребенских станицах накануне Рождества варили кутью (у батяков из пшеницы, у православных – из риса), которую обильно поливали медом. После освящения кутьи в церкви (или у уставщиков) приступали к поминанию умерших родственников. У православных носили кутью под Рождество «по всей родне», со словами: «Прислал тятя, мама вечерю». Хозяева сидят за столом, «и нас посадят, да еще и гостинцу дадут» [12].

Колядки православных были насыщены образами христианских святых: «Вышла Мария из монастыря», где упоминаются Христос, дева Мария и Иван Креститель (ст. Гребенская); «А недиле пораненько» (ст. Новый Щедрин) и др. Зафиксирована и колядка с широко известным в украинском и белорусском фольклоре мотивом «Бог и святые участвуют в полевых работах» (ст. Старогладковская): «Во поле, поле плужочек ходэ, за тем плужочком сам господь ходэ», а дева Мария носит ему «йисты» и просит: «Уроди, боже, во поле зерна! / Во поле зерна, во доме добра!» [13].

Параллельно колядованию у казаков-староверов существовал обычай «Леску» петь. «Леска» – это колядка со специфическим зачином («В леску, леску, на желтом песку») и припевом: «Святой вечер, святой вечер». Мотив дерева («стоит дерева, тонка, висока, корнем глубока, листом широка»), на котором «сам сокол сидит, далеко глядит», восходит к древнейшим индоевропейским представлениям, и в гребенской колядке эта архаика сохранена. В дальнейшем развитии сюжета (сокол видит в море корабль, на котором девица «шириночку ткет, рубашечку шьет» своему жениху) обнаруживается связь со свадебной обрядностью [14].

Гребенская *леска* почти дословно совпадает с галицкими и угорскими колядками, что дало основание В.Г. Чеботаревой для вывода об их общем источнике [15]. Образ сокола на вершине дерева встречается и в

украинских, и в польских колядках, где сокол приносит «красную панну» как добычу для своего хозяина, что придает им оттенок брачных пожеланий [16].

Под Новый год молодежь ходила «щедровать», или «кричать Святой вечер», исполняя щедровки и получая за это вознаграждение (пироги, конфеты, орехи, деньги и т.п.). В станице Старогладковской, по замечанию В.Г. Чеботаревой, щедровки имели местное название «маланки», «меланки» [17]. Прояснить смысл названия нам помог текст, записанный в 1978 г. в ст. Нестеровской Сунженского р-на от Е.А. Польского (1909 г.р.): «Маланька ходила, / Васильку просила: / – Василько, мой батька, / Пусти меня в хатку! / Я жито не жала, / Честной крест держала. / А вы, люди, знайте, / Столы застилайте, / Пироги становьте – / С руками, с ногами, / Чтоб бегали за нами» [18]. Учитывая, что день Святой Меланьи (Маланьи) приходился раньше на 31 декабря и был кануном Нового года, Васильева дня, легко объяснить и название колядок, и имена святых в приведенном тексте.

В колядках и щедровках, бытовавших у православных, упоминаются продукты праздничного стола: «Коляд, коляд, колядница! / Добра с маком поляница! / А без мака не така. / Дай, бабуся, пирога!»; «Щедрик, педрик, / Дайте вареник! / Грудочку кашки, / Кильце колбаски! / Дайте колбасу – / Батьке понесу! / Дайте кишку, / Скину на вышку!». Как и в других местах, поздравительные тексты содержали угрозу: «...Давай, дядька, пятака! / А не дашь пятака – / Возьму быка за рога, / Поведу на торжок / И продам за пятачок!»

Встречаются в текстах и образы детей, которые нередко участвовали в этом обряде, причем пол ребенка соответствует роду окружающих его предметов: «Маленький мальчик / Сел на стаканчик, / А стаканчик – хруп! / Доставайте руб!»; «Маленькая девочка / Села на веточку. / А веточка – хруп! Доставайте руб!». Иногда образ вписывается в «святочное» пространство: «Маленький хлопчик / Сел на стопчик. / В дудочку играет, / Христа забавляет. / А вы, люди, знайте, / Открывайте сундучки, / Доставайте пятачки – / Нам на орешки, / Вам – на потешки» [19].

Нельзя не отметить процессы, происходившие в языковой культуре украинцев, поселившихся на Тереке. Если в межэтническом речевом общении главную роль стал выполнять русский язык, то в песенном фольклоре, благодаря традиционной поэтике, ритмике и характеру мелодий, сохранялись особенности украинской речи. Тем не менее, диалог русской и украинской культур происходил и в этой сфере.

Среди украинских песен, известных на Тереке, можно выделить песни на украинском языке: в них встречаются слова и выражения, которые трудно понять без перевода. Другой песенный тип отличается мотивами, сюжетами, которые характерны только для украинской народной поэзии и

не встречаются в русском песенном фольклоре. К третьему типу следует отнести параллельно существующие варианты общих сюжетов, которые маркированы украинизмами или типично русскими выражениями, символами, образами. Таким образом, русские и украинские песни отличаются языковыми и сюжетными элементами, и, кроме того, характером мелодии. Украинские переселенцы могут исполнять русские песни «с украинским акцентом» (*пишли* вместо *пошли* и т.п.), в репертуаре русских терцев иногда встречаются «обрусевшие» украинские сюжеты, сохраняющие, однако, украинизмы: *рушник*, *криница*, *дружина моя* («С-под тумана, с-под ясного солнца» и др.). Это касается песен, фольклорных не только по происхождению, но и по бытованию. Очевидно, близкие сюжеты развивались параллельно: достаточно вспомнить общую сюжетную ситуацию песен «Тихий Дунай, Тихий Дунай» и «Ой да ты калинушка» и общий для них мотив тоски по дому (казак просится домой, потому что по нему скучает жена, а «полковничек» предлагает ему попить холодной воды – «про любовь забудешь» и т.д.).

Песни о чужбине в репертуаре украинцев, живущих на Северном Кавказе, встречаются гораздо чаще, чем у русских. Это объясняется тоской по родине, оставленной в результате переселений. Примечательно, что сюжет «Казак отъезжает, а дивчина плачет» известен в двух версиях, что закреплено не только в особенностях развития сюжета, но и в характере мелодии. Несмотря на то, что оба текста построены в форме диалога, в котором чередуются реплики казака и казачки, в протяжной песне «Казак отъезжает» отражено «женское» восприятие ситуации. В более позднем варианте («Ой ты, казаче, ой ты, соколик») ярче выражено «мужское» отношение к событию.

Украинские песни конца XIX века, бытовавшие в те годы и записанные казаками Ф. Рогожиным, С. Пимичевым и Я. Феньевым, сохранились в рукописном сборнике (станция Червленая). Это исторические «Закуковала та сиза зозуля» и «Засвистали казаченьки», лирические «По-над гаем, гаем», «Стоит гора высокая», «Возле поля, возле речки», «Вийди, Грицо, на улицу», мужская малороссийская «Гей, у мене був коняка», песня литературного происхождения на слова Е. Гребенки «Поехал казак на чужбину далеку», шуточная «Журилася попадьє своєю бодою» и др. [20].

В индивидуальном репертуаре Е.М. Ивановой (1863–1965, ст. Гребенская) наряду с русскими казачьими песнями встречались и украинские; общий русско-украинский дуэт Танцуровой Ф.А. и Докторовой М.Ф. – результат возникновения семейного ансамбля; а в семье Петрова (Петрашвили) из станицы Шелковской звучали песни на русском, украинском (родном для жены) и грузинском языках. Интерес к

близким по языку и по сюжетам украинским песням существовал издавна, а затем стал и семейным явлением.

Таким образом, в фольклорном репертуаре терских станиц сохранились параллельно существующие русские и украинские обряды и песенные тексты, имеющие разное происхождение, часто разных исполнителей, входящие в единое культурное пространство. Специфика украинских обрядовых песен в том, что они содержат образы Христа и святых, в песенных текстах и обрядах старожилов-батьков (староверов) больше языческих элементов.

Уникальное сосуществование русско-украинской культуры способствует как сохранности каждого этноса, так и процессам их взаимопроникновения и взаимосвязей. Диалог славянских культур на Терке состоялся. В перспективе подобное исследование требует комплексного подхода, с участием специалистов, знающих украинский язык. Может быть, тогда наконец-то будут опубликованы песенные тексты, сохраненные в терских казачьих станицах.

Примечания

1. *Великая Н.Н.* Казаки Восточного Предкавказья в XVIII – XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001. С. 231–235; *Заседателева Л.Б.* Терские казаки: (середина XVI – начало XX в.): Историко-этнографические очерки. М.: МГУ, 1974; *Сазонова С.Е.* Переселение украинцев на Северный Кавказ и их социокультурная адаптация (конец XVIII – первая половина XIX в.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2010.

2. *Заседателева Л.Б.* Терские казаки... С. 197, 200, 209–214.

3. *Великая Н.Н.* Казачье и иногороднее население Терке: парадигмы развития (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Казачество России: прошлое и настоящее.* Сборник научных статей. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 2008. С. 125.

4. *Заседателева Л.Б.* Терские казаки... С. 378–418.

5. *Земцовский И.И.* Баллада о дочке-пташке: к вопросу о взаимосвязях в славянской народной песенности // *Русский фольклор.* Т. VIII. Народная поэзия славян. М.; Л., 1963 С. 159.

6. *Путилов Б.Н.* Русская историческая баллада в ее славянских отношениях // *Русский фольклор.* Т. VIII. С. 131.

7. *Путилов Б.Н.* Действительность и вымысел в славянской исторической балладе // *Славянский фольклор и историческая действительность.* М., 1965. С. 172.

8. Песни гребенских казаков / *Публ. текстов, вступ. ст. и коммент. Б.Н. Путилова.* Грозный, 1946. С. 170; Песни Терке. Песни гребенских и сунженских казаков / *Публикация текстов, вступ. статья и примеч. Ю.Г. Агаджанова; отв. ред. Б.Н. Путилов.* Грозный, 1974. С. 129.

9. *Плисецкий М.М.* Взаимосвязи русского и украинского героического эпоса. М., 1963. С. 263–266.

10. *Белецкая Е.М.* Восточнославянские баллады в песенном фольклоре терских и сунженских казаков // *Мир славян Северного Кавказа.* Вып. 4 / *под ред. О.В. Матвеева.* Краснодар, 2008. С. 153–160.

11. *Белецкая Е.М., Великая Н.Н., Виноградов В.Б.* Календарная обрядность терских казаков // *Этнографическое обозрение.* 1996. № 2. С. 50–63; *Белецкая Е.М.* Русско-украинский календарно-обрядовый фольклор терских станиц // *Мир славян*

Северного Кавказа. Вып. 3: Памяти В.П. Попова / *под ред. О.В. Матвеева*. Краснодар, 2007. С. 329–338.

12. Полевые материалы автора (далее – ПМА), инф. Уманцева Д.З., 1901 г.р., ст. Гребенская Шелковского р-на ЧИАССР, 1974 г.

13. ПМА, инф. Уманцева Д.З., 1901 г.р., 1974; инф. Третьяк А.И., 1903 г.р., ст. Новый Щедрин, 1975 г.; инф. Бобрусова А.Н., 1922 г.р., ст. Старогладковская, 1984 г. (Шелковской р-н ЧИАССР).

14. Терек вспышный: песни гребенских казаков / *сост. Белецкая Е.М. Художник Наймушина С.В.* Грозный–Екатеринбург, 1991–2007. С. 126–127.

15. *Чеботарева В.Г.* Календарный обряд и календарная обрядовая поэзия казаков Терека // Некоторые вопросы русской и вайнахской филологии: Сб. статей преп. ЧИГУ. Грозный, 1972. С. 92.

16. *Виноградова Л.Н.* Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян: генезис и типология колядования. М., 1982. С. 102.

17. *Чеботарева В.Г.* Календарный обряд.... С. 84.

18. Терек вспышный... С. 130–131.

19. Там же. С. 128–129.

20. Рукописный сборник конца XIX века казака Лейб-гвардии 4-ой терской сотни собственного Его Императорского Величества конвоя Ф. Рогожина хранился в станице Червленной Шелковского р-на Чечено-Ингушской АССР у внучки певца (деда по материнской линии) Хаврониной Анны Евменовны, 1922 г. р.

21. *Белецкая Е.М.* Украинские песни на Тереке: особенности бытования // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 2 / *Научн. ред., сост. О.В. Матвеев*. Краснодар, 2005. С. 287–295.

Д. А. Денисов (г. Санкт-Петербург, Россия)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ПОЛИТИКЕ ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕГОВОРОВ С РЕЧЬЮ ПОСПОЛИТОЙ 1586 г.)

В 1586 г. в Москву с очередным предложением польско-литовской шляхты заключить унию прибыл посол Михаил Гарабурда. Условия союза были довольно-таки просты: в случае смерти Стефана Батория правителем объединенных государств становился Федор Иоаннович, в случае бездетной смерти царя Федора – Баторий, или его преемник, должен был венчаться царем московским. Неудавшиеся переговоры с Гарабурдой позже были продолжены в Гродно московскими дипломатами Ф.М. Троекуровым, Ф.А. Писемским и Д.П. Петелиным [1].

Но, как бы то ни было, перед заключением любого договора предстояло «нелюбости погладить». Среди всего перечня вопросов наиболее острыми, безусловно, были земельные споры: территориальные претензии Речи Посполитой к Москве нередко были такими же провокационными и невыполнимыми, как и претензии Москвы.

Описанные здесь вкратце события засвидетельствованы во множестве источников. Но для Московского царства главным, а во многих вопросах и единственным, является посольская книга № 16 фонда 79 (Сношения с Польшей) Российского государственного архива древних актов (РГАДА). На основании данного источника мы можем составить представление о видении царским правительством не только современных, но и исторических событий, упоминание которых при аргументации говорит «об уровне историко-социологических построений, и о сфере конкретно-исторических знаний, и о системе “исторических доказательств” и их опровержений» [2].

Материалы Посольского приказа содержат исторические сведения, происхождение которых зачастую не поддается строгой атрибуции. На случай исторических споров Посольский приказ имел доступ ко всем официальным историческим текстам, а его работники считались экспертами в истории [3]. Но «необходимым условием посольской историографии была строгая засекреченность источников» [4]. То же можно сказать и о литовской дипломатии, в той же мере оперирующей сведениями хроник и самостоятельно интерпретирующей их. Таким образом, благодаря посольским книгам, становится возможным установить, какими текстами пользовались посольские служащие, как создавалась аргументация для подтверждения «нужного» прошлого.

Один из эпизодов переговоров 1586 г. касается вопроса о возмещении убытков литовским купцам, чьи товары были изъяты в пользу царской казны. Литовские дипломаты во время приема царских послов заявили: «Купецких товаров запросто не мечите, потому есть их больши ста тысяч коп. И государю нашему как за то не стояти? Попамятуйте, при Витовте з государя вашего стороны уловил мужик бобра в реке не на своей стороне, и Витовт за то у государя вашего многие города поимал» [5]. Источником здесь мог послужить текст хроники Быховца: «Великий князь находился в дружбе со своим зятем великим князем Василием Дмитриевичем Московским, и случилось так: московские люди пришли под Путивль и погромили на Тихой Сосне Витовтовых севруков, взяли у них два бобра и три кади меда. И он посылал к великому князю московскому, чтобы тот приказал разыскать виновных и казнить их, а ущерб возместить севрукам. А великий князь московский на это не обратил внимания. И тогда великий князь Витовт, не желая терпеть этого, собрал свои войска и пошел против великого князя московского, мстя ему за свои обиды, и много пожег и повоевал и попленил около рек Угры и Оки» [6]. Косвенным, однако, вполне вероятным свидетельством в пользу хроники Быховца как источника для этого фрагмента выступает тот факт, что она была создана сравнительно недавно относительно событий посольства (исследователи называют диапазон дат от 1560-х до 1580-х, но не позднее [7]). Кроме того,

хроника была напечатана на латинице [8], а, следовательно, должна была быть известна читателю Великого княжества Литовского.

Особое место в дипломатии занимают споры об «искони вечном» статусе тех или иных земель. То, что существует «изначала», «от прародителей», «по прародителей обычаю», «по старине», «из давних лет», «за много лет», наделяется «искони вечной» неизменностью, постоянством и получает абсолютное оправдание, – такая политика «предстает в ореоле борьбы за историческую и одновременно вневременную справедливость» [9].

Так, в споре о Смоленской вотчине особый интерес представляет высказывание дьяка Андрея Щелкалова. В нем присутствуют два сюжета, которые, слившись воедино, должны были свидетельствовать, с одной стороны, о неоспоримых правах московских царей на Смоленск, с другой же, об абсолютной нелегитимности его положения (пусть даже теоретически) в составе Речи Посполитой. Обратимся к первой части этого высказывания: «взял был Смоленск князь великий Литовский Витовт у князей у Ростиславичей оманом, приехав бутто их мирити» [10]. Речь идет об истории Глеба и Юрия Святославичей, в 1395 г. споривших о праве на Смоленское княжество. Как известно, князь Витовт вызвался уладить их спор и стать посредником в конфликте. Но как только князья со своими боярами приехали к Витовту, тот объявил их своими пленниками, а позже занял оставшийся беззащитным город. Вторая часть реплики касается родоначальника Смоленской ветви Ярославских князей Федора Ростиславовича Черного: «Князь Федор Ростиславич Смоленской с Смоленска приехал ко государю нашему, и государь наш его для сродства пожаловал Ярославлем, и на Ярославльском государстве его не стало» [11]. Его необычная биография здесь довольно-таки вольно пересказана московскими дипломатами. Федор был сыном смоленского князя Ростислава Мстиславича. Согласно Никоновской летописи, после смерти отца старшие братья Федора, князья Глеб и Михаил, «изобидеша его и даша ему град Можаяск един» [12], в то время небольшой и незначительный городок. Вскоре, однако, Федору удалось поправить свои дела. Около 1260 года «сослася князь Феодор Ростиславичь из Можайска ... со княгинею Василья Всеволодичя Ярославскаго, хотяще понята дщерь ея: и сему бывшу поять ю за себя, и того ради достая ему великое княжение Ярославское...» [13]. Налицо несоответствие двух версий, однако Москве, безусловно была выгоднее версия о пожаловании смоленского князя Ярославлем. Наконец, подводя итог вышесказанному, Щелкалов говорит о потомках сицкого князя Семена Федоровича, происходившего из Моложской ветви ярославских князей: «А нынешние князи Ярославские, что их ни есть, те все повелись родом от того князя Федора Ростиславича

Смоленского и Ярославского, во се и боярин князь Иван Васильевич Ситцкой того же роду» [14].

В противовес московским требованиям, литовские дипломаты также подняли вопрос «искони вечной вотчины». Их требования касались Смоленска, Северских городов, Новгорода и Пскова. Впрочем, последние два они готовы простить в пользу соблюдения договора. Паны заявили: «Государь Москоуской, князь великий Иван Васильевич, прадед государя вашего нынешнего, учинил вечное постановенье с предком государя нашего, з Жигимонтом, с Августовым отцом, и грамоты докончальные пописал, а в тех грамотах Новгород, и Псков, и иные города, которые, сами ведаете, написал предок государя нашего, Жигимонт прежней, в государя вашего сторону, а государя вашего прадед, князь великий Иван Васильевич, Смоленск и Северские города написал в государя нашего сторону» [15]. Очевидно, имеется в виду договор, завершивший собой так называемую Пограничную войну 1487—1497 гг. и заключенный между Иваном III и Александром Ягеллоном. Таким образом, неверно указаны действующие лица: как известно, Сигизмунд I взошел на престол лишь в октябре 1506 г. (в то время как Иван III умер в октябре 1505 г.).

Продолжая, литвины заявили, что «после того прадеда государя вашего листы в целости не остались, Смоленск и Северскую землю посел дед государя вашего у предков государя нашего через отца своего докончальной лист. И мы ныне о Смоленске и о Севере потому и говорим, а о Новегороде, и о Пскове, и о иных местах не говорим» [16]. Взятие Смоленска в 1514 г. становится, по словам панов-рад, не просто в категорию клятвопреступления против заключенного договора, но также расценивается и как неповиновение отцовской воле. Поэтому действия Литвы в вопросе возвращения Смоленска направлены исключительно на восстановление истины, они требуют возврата нечестно захваченной «вотчины».

В наказе московским послам также поднимался вопрос о титуле: польско-литовская шляхта могла потребовать записать титул «Лифляндский» за Стефаном Баторием. В ответ же необходимо было заявить, что Федор Иоаннович «описуетца по-прежнему, как и отец его, блаженные памяти, великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, в титле лифлянским описывался, а Лифлянская земля вся искони вечно государя нашего вотчина от прародителей его» [17]. Актуальность спора вокруг Ливонии в наказе московским дипломатам подчеркивалась особо, ее ставили отдельно от прочих вотчинных споров: «только о Лифлянской земле надобно говорить, а государю нашему то всего больнее, да и новее» [18]. И, как видим, здесь затрагивается уже другая причина, напрямую подчиняющаяся политической актуальности.

В противовес «искони вечному» статусу земель в московской дипломатической практике существовали и так называемые «дела давно зашлые». Эти «старые» дела, по мнению Москвы, требуют забвения и получают свое определение не по времени события, а по его церемониальному статусу [19]. Причем, в зависимости от ситуации, делами «давно зашлыми» с легкостью могли стать те самые вотчинные вопросы, вокруг которых несколько дней велись споры. Так, в договоре, заключенном московскими послами в Гродно, записано, что главной целью планировавшегося порубежного съезда бояр и панов-рад являются переговоры о «вечном и нероздельном соединенье» [20]. Однако в случае неудачи этих переговоров необходимо было «говорити ... о давно зашлых делех, о городах, и о землях, и о рубежах, и о иных делех, и о обидах» [21].

Трижды в ходе переговоров упоминается понятие «Руская земля» [22]. По мнению исследователей, такое употребление отнюдь не является указанием на название государства, а «маркирует претензию московских государей на киевское наследство» [23], и, таким образом, коррелирует не с этническими, а с конфессиональными представлениями о «Руси — Новом Израиле», «Руси — Третьем Риме», не являясь «протонациональным» в привычном нам значении этого слова [24]. Сказанное подтверждает контекст словосочетания: в ходе переговоров «Руская земля» упоминается лишь в связи с тем, что ее «просветил» Владимир «святым крещеньем».

Итак, посольские исторические легенды показывают, что представления власти о прошлом не обходились без внутренних конфликтов. Безусловно, «историческая» аргументация вызывала ответную реакцию иностранных дипломатов, а потому требовала совершенствования как аргументов, так и исторических сочинений. Представления Московского царства находились в постоянном взаимодействии со сходными культурными конструктами других стран. Воскрешая исторические события в дипломатическом диалоге, Посольский приказ вынужденно преобразовывал историю, вновь и вновь интерпретируя ее и наделяя новыми смыслами. Помимо центральных сюжетов прославления «всего хрестьянства» и торжества царской власти Приказом использовались схемы, подкрепляющие законность «собирания земель» вокруг Москвы.

Примечания

1. О переговорах 1586 г. см. подр.: *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времён. Кн. IV. Т. VII. М., 1994. С. 225–230; *Tyszkowski K.* Plany unji polsko-moskiewskiej na przełomie XVI i XVII wieku // *Przegląd Współczesny*. Т. XXIV, 1928. С. 392–402; *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII вв. М., 1978. С. 130–136; *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове: 1584–1605 гг. СПб., 1992. С. 35–37; *Lulewicz H.* Projekt unii Rzeczypospolitej z Moskwą podczas trzeciego

bezkrólewia (1586–1587) // Проблемы інтэграцыі і інкарпарацыі ў развіцці Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў перыяд ранняга Новага часу. Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 440-годдзю Люблінскай уніі. Мінск, 2010. С. 260–269.

2. Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 451.

3. Шмидт С.О. Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984. С. 172–183.

4. Ерусалимский К.Ю. История на посольской службе: дипломатия и память в России XVI в. М., 2005. С. 15.

5. РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 16. Л. 420–420об.

6. Хроника Быховца. М. 1966. С. 76.

7. Улащик Н.Н. Предисловие // Хроника Быховца. М., 1966. С. 29–30.

8. Там же. С. 6.

9. Ерусалимский К.Ю. История на посольской службе... С. 10.

10. РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 16. Л. 57.

11. Там же. Л. 57.

12. Полное собрание русских летописей. Т. X. СПб., 1885. С. 154.

13. Там же.

14. РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 16. Л. 57–57об.

15. Там же. Л. 268–268об.

16. Там же. Л. 268 об.

17. Там же. Л. 185–185об.

18. Там же. Л. 164об.

19. Ерусалимский К.Ю. История на посольской службе... С. 11.

20. РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 16. Л. 304.

21. Там же.

22. Там же. Л. 58, 156, 370.

23. Ерусалимский К.Ю. Понятия «народ», «Росия», «Руская земля» и социальные дискурсы Московской Руси конца XV–XVII в. // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – Новое время. М., 2008. С. 145.

24. Дмитриев М.В. Парадоксы «Святой Руси». «Святая Русь» и «русское» в культуре Московского государства 16–17 вв. и фольклоре 18–19 вв. // Cahiers du monde russe. Vol 53. 2012/2. P. 319–331.

В.В. Кулачков (г. Брянск, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТНОГО МИРА КРЕСТЬЯНСТВА ЗАПАДНОГО РЕГИОНА РОССИИ 1920-х гг. (ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

Изучение этнографических аспектов предметного мира крестьянства Западного региона России 1920-х гг. является актуальной и важной задачей для исследователя. Предметный мир уже давно стал для человека необходимым условием развития и существования. Ученые отмечают комплексный и разнообразный характер мира предметов, окружающих

людей. По мнению В.С. Мухиной «человечество в своей истории создало материальный предметный мир, обладающий относительной устойчивостью и независимостью существования» [1]. М.А. Коськов считает, что «предметы – морфологически зафиксированная, оформленная материя, подобно воздуху, окружают нас, наполняя и природу, и культуру (понимаемую как совокупный продукт человеческой деятельности)» [2].

В данной статье главное внимание будет уделено особенностям крестьянской одежды Западного региона России 1920-х гг. как одной из важных составляющих сельского быта. Под Западным регионом понимается территория, в которую входили Брянская (1920–1929), Смоленская (1708–1929) и Калужская (1796–1929) губернии. Постановлением президиума ВЦИК от 14 января 1929 года губернии были полностью ликвидированы и вышеуказанные регионы вошли в состав Западной области [3]. Следует отметить, что наряду с близостью административных границ важную роль играет и общность этносоциокультурных характеристик сельского населения региона.

В крестьянской одежде на протяжении длительного времени отражались различные исторические события, специфика ведения хозяйства и промыслов, элементы обрядности. Наиболее известными исследователями крестьянской одежды Западного региона 1920-х гг. считаются Н.И. Лебедева, М.Е. Шереметева, Н.П. Гринкова и др. В частности, ценные и полные сведения, касающиеся этнографического описания крестьянского быта, оставила Н.И. Лебедева. Ее книга «Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки» содержит важный материал по крестьянской одежде, собранный автором во время этнологических экспедиций 1925 и 1926 гг. на территории Брянской и Калужской губерний [4].

Повышенный интерес вызывают мысли автора, посвященные процессам развития крестьянской одежды. Предваряя содержание своего труда, Н.И. Лебедева отмечала, что «отправляясь в Калужскую и Брянскую губернии, я шла, прежде всего, в так называемое «Полесье» [5]. Указанный автор большое значение придавала природным условиям и считала, что «с характерной консервативностью и отсталостью полехов нельзя не соглашаться. Леса и болота, укрывавшие жителей в течение многих столетий от городских влияний, воспитали население, поражающее наблюдателя архаичностью своего быта» [6].

Вероятно, данное наблюдение оказало свое влияние на дальнейшие оценки автора. Однако, несмотря на это, сделанные Н.И. Лебедевой выводы, поддерживались другими авторами, что свидетельствует о ее высоком научном уровне. Так, в результате изучения крестьянской женской одежды, она пришла к выводу, что «рубаша – основная часть женского костюма. В народном быту она является не столько бельем,

сколько выходным костюмом» [7]. Кроме того, Н.И. Лебедева отмечала, что «понева – набедренная женская одежда, надеваемая непосредственно на рубашку, является характерной одеждой для изученной территории»; «...девочки уже с 3-5 лет носят поневы и, как уверяют местные жительницы, так было «испокон века» [8].

Этнограф Н.П. Гринкова приходила к аналогичным выводам о преобладании в западных районах понева распашного типа. Считала, что «данный тип понева западных районов, – как по покрою, так и по способу ношения, следует считать более архаическим, чем поневы средних и восточных районов [9]. В свою очередь М.Е. Шереметева отмечала, что «основной старинной женской одеждой почти во всей Калужской губернии были поневы из синей и красной шерсти и головные уборы – кички» [10].

Дальнейшее изучение элементов крестьянской одежды можно продолжить на примере головных уборов, обуви и т.д. Например, Н.И. Лебедева придерживалась мнения о том, что «в девичьих головных уборах присутствуют весьма архаические элементы (ношение птичьих перьев); общеславянские элементы – полотенца; общие для современных великорусов – налобные повязки, обручи и т.п.» [11]. По поводу обуви она отмечала, что «обывателей всей изученной мной территории по истине можно назвать «лапотниками» [12]. По ее мнению «лапоть – один из элементов народной обуви, который по технике своего приготовления и по форме может говорить об очень древних этнических слоях той или иной территории» [13].

Очевидно, что этнографические исследования крестьянской одежды Западного региона 1920-х гг. красной нитью пронизывает мысль о сильном влиянии традиций и обычаев. Архаичность и консерватизм крестьянского быта налицо, что, однако, не исключает противоречивых и неоднозначных тенденций развития. Можно согласиться с мнением Н.И. Лебедевой о том, что «этнические факты живут своей своеобразной жизнью, и законы их исчезновения и бытования еще трудно поддаются учету. Некоторые архаизмы живут долгой жизнью, другие же скоро нивелируются и исчезают» [14]. При этом исследователь относил это наблюдение и к другим элементам предметного мира крестьянского быта. Она утверждала, что «живучесть этнографических реликтов, сохранявшихся нередко с древнейших времен, отмечалась не только в одежде, но и в постройках, в народной технике – прядении и ткачестве, гончарстве» [15].

Таким образом, изучение элементов крестьянской одежды позволяет сделать вывод о сохранении основных черт крестьянского быта, несмотря на радикальные изменения в первое постреволюционное десятилетие. Этнографические исследования 1920-х гг., как правило, содержат различные факты преобладания традиционализма в повседневной сельской

жизни. Предметный мир крестьянства Западного региона указанного периода во многом сохранял дореволюционные очертания.

Примечания

1. См.: *Мухина В.С.* Предметный мир как жизненное пространство личности // Развитие личности. 2003. № 2. С.227-234; Она же. Реальность предметного мира // Развитие личности. 2005. № 4. С.8-47.
2. *Коськов М.А.* Предметный мир культуры. СПб., 2004. С. 4.
3. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф.П-1. Брянский губком ВКП (б) 1919-1929. Историческая справка. Л. 2.
4. *Лебедева Н.И.* Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки (Этнологическая экспедиция в Брянской и Калужской губерниях в 1925-ом и 1926-ом годах). Часть I. Народный костюм, прядение и ткачество. М., 1927.
5. Там же. С. 6.
6. Там же. С. 7.
7. Там же. С. 13.
8. Там же. С. 31, 45.
9. *Гринкова Н.П.* Русская понева юго-западных районов РСФСР // Сборник музея антропологии и этнографии XII. М.-Л. С. 42.
10. *Шереметева М.Е.* Все венки да поверх воды. Народное искусство Калужского края / Сост. В.Г. Пуцко. 2-е изд. перераб. и доп. Тула, 1984. С. 23.
11. *Лебедева Н.И.* Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки. С. 71.
12. Там же. С. 111.
13. Там же. С. 115.
14. Там же. С. 133.
15. *Лебедева Н.И.* Научные труды. Том второй. Творческое наследие Наталии Ивановны Лебедевой. Этнографические исследования и материалы / Рязанский этнографический вестник. Рязань, 1996. С. 137.

В.В. Бондарева (г. Краснодар, Россия)

АРХАИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ МАСЛЕНИЦЫ В РУССКОЙ НАРОДНОЙ ТРАДИЦИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОБРЯДОВЫХ ТЕКСТОВ)

*Светлой памяти моего деда
Коломиец Николая Ивановича посвящаю...*

В наш информационный век не ослабевает интерес к народным традициям, заключающим опыт российского культурного освоения действительности на протяжении веков, вобравшим в себя наряду с восточно-православными чертами и архаичные элементы. Прекрасной иллюстрацией в данном отношении выступает Масленица, древний и необыкновенно популярный сегодня праздник, которому так и не нашлось христианского эквивалента. Целью данной работы, является выявление сущностного порядка Масленицы на основе анализа обрядовых песенных текстов XIX – начала XX вв. Следует отметить, что в сравнении с песнями

святочного цикла масленичные напевы и причеты «не отличаются тематическим разнообразием и богатством используемых поэтических приемов» [1], однако в них присутствует ряд архаических категорий, позволяющих понять истинный мифологический смысл как самого праздника, так и связанного с ним божества.

Свое название Масленица получила от того, что проходила в последнюю неделю перед Великим постом, когда разрешалось употребление в пищу сливочного масла, молочных продуктов и рыбы. В календаре Русской православной церкви за этим периодом закреплено название *Сырной седмицы* (или *Мясопуста*), смысл которой заключается в примирении с ближними, прощении обид, подготовке к *Великому посту*. С глубокой древности Масленица отличалась буйным весельем, разгулом, гостеприимством и обильными застольями. Как отмечал исследователь В.П. Аникин, при всем своем шумном, пестром и, казалось бы, беспорядочном течении Масленица «укладывалась в строгие рамки обряда» и отличалась «строгой последовательностью» [2]. По свидетельству В.И. Даля, каждый день Масленицы имел свое название: понедельник – «встреча», вторник – «заигрыш», среда – «лакомка», четверг – «разгуляй», пятница – «тещины вечерки», суббота – «золовкины посиделки», воскресенье – «проводы» (Прощеный день). За каждым днем были закреплены определенные действия и правила поведения. Вся масленичная неделя делилась на два периода: узкую и широкую Масленицу. В первые три дня можно было заниматься хозяйственными работами, а с четверга все работы прекращались, и начиналась широкая Масленица.

В структурном отношении масленичная обрядность является весьма сложной и восходит к глубокой древности, включая обряды, связанные с началом нового весенне-летнего цикла, культом плодородия и предков. По мнению академика Б. Рыбакова [3], в дохристианскую эпоху Масленица была приурочена ко дню *весеннего равноденствия*, выступавшего у многих народов *началом новолетия*. Дореволюционный исследователь Н. Дубровский, напротив, считал, что масленичные обряды связаны с зимой и идут от культа *христианского Власия (Василия)*, у которого «и борода в масле» [4]. Вне зависимости от различных точек зрения относительно истока языческого праздника, его главной героиней выступала Масленица, божество, воплощенное в чучеле и представляющее собой архаичный этап культа умирающей и воскресающей природы. Следует заметить, что чучело (ряженая соломенная кукла в образе человека, чаще всего женщины), момент сожжения которого являлся кульминацией обрядовых действий праздника, выступало наиболее распространенным, но далеко не единственным воплощением Масленицы. Ее как божество могли передавать горящее колесо, крест с подвязками из соломы, деревце [5] или столб с лентами, ряженный человек (причем как мужчина, так и женщина)

и, наконец, снежная баба. Последнее хотелось бы прокомментировать особенно. В некоторых деревнях в первый день праздничной недели дети лепили из снега «бабу», которую звали «Масленицей», сажали ее в сани и скатывали с горы со словами: «Здравствуй, широкая Масленица!» [6]. Вполне возможно, что в детской кубанской считалке, предваряющей игру в прятки: «– Баба, Куца, на чем стоишь?/– На камне./– Что продаешь?/ – Квас...» [7], имеется ввиду не просто снежная баба (на Кубани «куца»), а именно Масленица, среди эпитетов которой в обрядовых текстах значится эпитет «кургузка» или «кургузая» [8], т.е. куцая. Вероятно также, что камень в тексте считалки передает собой образ горы, с которой скатывали Масленицу в момент приветствия.

Функциональная амбивалентность [9] Масленицы, т.е. ее одновременная связь с жизнью и смертью, обнаруживает себя, прежде всего, в эпитетах и описаниях ее облика. Так, в одной из обрядовых песен Подмосковья Масленица предстает в образе юной, полной здоровья и сил девушки и зовется «Авдотьюшкой Изотьевной», «Дуней белой», «Дуней Румяной», у которой «Коса длинная, триаршинная, / Ленга алая, двуполтинная, / Платок беленький, новомодненький, / Брови черные, наведенные, / Шуба синяя, ластки [10] красные, / Лапти частые, головастые...» [11]; в других же текстах (новгородский фольклор и др.) она уже не «пригожая», а «кривошейка», «обируха», «обмануха», «полизуха», «кургузка» [12], «ерзовка» [13], в общем, та, что «все ежи [14] взяла, дала редьки хвост, на великий пост...» [15]. Необходимо заметить, что на связь Масленицы с потусторонним миром, и, в частности, со смертью, указывают не столько ее отрицательные эпитеты, сколько ее отношение к блинам как к поминальной еде. Так, в обрядовых текстах говорится о том, что Масленица «по закоулочкам» идет и «блинов чугуны» несет [16]. Интересно заметить, что в цикле подблюдных святочных песен мы встречаем схожее высказывание: «Идет смерть по улице, / Несет блин на блюде...» [17]. Таким образом, на определенном этапе обрядовых действий Масленица как божество демонстрирует свои солярные характеристики, и прежде всего, через отождествление с птицей (эпитеты «касточка», «ласточка», «перепелочка» [18]) и отношение к лошади, поскольку она «пешою ... не ходит, все на комонях разъезжает» [19]; а затем, в момент проводов, соотносится с мраком, зимой и смертью. Величальные приветствия («широкая», «честная», «гостийка дорогая») сменяются предвестиями «Обпоснишься, обмолоснишься!», «Опоганишься!» и возгласами «Гори, сатана!» [20], «Оставила нас –/ На кислой квас,/ На постные щи,/ На холодные харчи!» [21], за которыми, впрочем, следовали призывы будущего возврата («Прощай, на тот год приезжай!»), что само по себе очень символично. Следует отметить, что при всей бесцеремонности обращения с Масленицей, последняя, все же,

предстает *сакральным (священным) существом*, что подчеркивается в обрядовых текстах извилистыми, не явно обозначенными, путями ее неизбежного шествования («*Шла сторонкою к нам, / По заулочкам, закоулочкам*») [22], и, как глубоко архаичное божество, уподобляется в наличии своих слабостей человеку («*Несла блинов чугуны, / Надорвала животы...*») [23].

С нашей точки зрения, именно схожесть поведенческих характеристик Масленицы, как мифологического существа, и человека позволяла посредством соответствующего обрядового комплекса устанавливать необходимую связь между ними с целью обеспечения будущего урожая. Как *амбивалентное существо*, чучело Масленицы представлялось, прежде всего, средоточием плодородия и плодовитости, и ритуалы его проводов, по мнению В.Я. Проппа, должны были сообщить земле это плодородие [24]. При этом сама процессия проводов, как указывал известный исследователь-фольклорист В.П. Аникин, «напоминала древний похоронный обряд: чучело-куклу жгли, как жгли покойников в далекие дохристианские времена» [25], а затем пепел от чучела, или само растерзанное чучело, развевали или разбрасывали по полям. Именно на это действие, скорее всего, и намекает, с нашей точки зрения, следующий обрядовый текст масленичной недели Новосибирской области: «*Как ишли-прошли скоморошки, / Люли, люли скоморошки. .../ Они сеяли жар по полям.../ Люли, люли, по полям, / Да пускали дым по дубравы, / Люли, люли, по дубравы. Соловьево гнездо спопалено, / Как и сам соловей под небес полетел / Гугалечи, гугалечи* [26] / *Люли, люли гугалечи...*» [27]. Примечательным для нас в этом тексте выступает также и то обстоятельство, что обрядовое действие совершается «скоморошками», людьми-шутниками, полуюродивыми, которые традиционно наделялись в славянской / русской культуре сверхъестественными свойствами и имели отношение к потустороннему миру, а потому могли влиять на растительные силы природы (и прежде всего, посредством смеха, носившего ритуальный характер).

На наш взгляд, плодовитость в Масленице выступала универсальной категорией, передающей созидание и возникновение (рождение), напрямую связанное не только с растительно-животной, но и с человеческой жизнью. Многие обряды Масленицы («целовник» [28], «столбы» [29] – смотры молодоженов, катания с гор и др.) посвящены именно чествованию людей репродуктивного возраста, что показывает исключительную важность брака, выступающего одной из ключевых категорий восточнославянского бытия и связанного с воспроизводством населения.

Следует обратить внимание, что со стимуляцией плодородия была сопряжена и поминальная сторона праздника. Ушедшие предки, по

представлениям крестьян, находились одновременно и в запредельном мире, и в земле, а значит, могли влиять на плодородие последней, причем, как указывал В.Я. Пропп, даже в гораздо «большой степени, чем земледелец, который ходил по ней с плугом» [30].

В Масленице существует широкий пласт поминальной обрядности: элементы тризны, посещение кладбищ, обильные трапезы, обязательно включавшие блины (главный атрибут Масленицы). Процесс приготовления блинов носил магический обрядово-ритуальный характер и был связан «с выполнением особых заветов суеверной старины» [31]. Затевая тесто для блинов старшая в семье женщина, дождавшись звезд, втайне шла к реке, озеру или колодцу и обращалась к месяцу со словами: *«Месяц ты месяц, / Золотые твои рожки! / Выглянь в окошко, / Подуй на опару!»* [32]. Согласно народным верованиям, кто не забудет сказать этого, у того выйдут белые, рыхлые и необыкновенно вкусные блины. При этом особенно важным считалось соблюдение таинственности при приготовлении первой опары, в противном случае, стряпуху всю масленичную неделю по поверью одолевала «тоска-докука» [33]. Важно заметить, что передавая символ солнца, а также круга, олицетворяющего в христианской практике вечность, блины в славянской культуре несли в себе идею вечного круговорота жизни и потому выступали, прежде всего, поминальным блюдом [34]. Косвенное указание на поминальную функцию блинов, на наш взгляд, содержится в следующем тексте: *«Как на масленой неделе / Со стола блины летели, / И сыр и творог – / Все летело под порог!...»* [35]. Особенное внимание необходимо обратить именно на последнюю фразу *«Все летело под порог!»*, поскольку порог в восточнославянской культуре традиционно воспринимался как некая граница миров и место присутствия предков рода. Следует заметить, что с культом поминальных жертвоприношений, были связаны не только блины, но и масло, которое могли класть в землю (обитель предков), чтобы пробудить ее производительные силы. В частности, именно об этом повествует необыкновенно поэтичный обрядовый текст Новосибирской области: *«Ох, ты уточка полевая, где ты ноченьку ночевала?»*. Уточка отвечает: *«Ночевала я в лесочку под ракитовым кусточком / Приносила я вам сыра с маслицем, / Да в ямочку закопала. / Лежи, маслице, на летье [36], / Пока будет круглолетье [37]»* [38]. Примечательно, что «маслице» приносит именно уточка, выступавшая в славянской народной культуре символом юной незамужней девушки (а свиту Масленицы, согласно обрядовым текстам, как раз и составляли именно такие особы, в чьи обязанности входили, в первую очередь, встреча и чествование божества: *«Ой да масленица на двор въезжает, / Широкая на двор въезжает! / А мы, девушки, ее состречаем, / А мы, красные, ее состречаем»* [39]).

Масло, имеющее отношение к поминальному культу предков и плодородию, связывало Масленицу как божество в сущностном отношении также с категорией судьбы и жизни, причем непременно удачливой и счастливой, что выразилось в поговорках – «*маслено живешь*», «*не житье, а масленица*» [40], а также в следующем обрядовом тексте: «*Ой, вы, девки, – масленка / Вышла из кусту ластовка [41], / Села она на колу, на колу, / Кидала масло по кому, по кому? / А кто спросит по тому, по тому*» (Новосибирская область) [42]. Обратим внимание, что последние фразы масленичной песенки окрашены несколько заклинательным ритмом – слова повторяются по нескольку раз, присутствует *изначальная безличностная адресация блага* [43], выраженная в иносказательной манере и воспринимаемая на мифологическом уровне как своего рода безопасный способ взаимодействия с судьбой, жизнью и временем. Восприятие Масленицы в ипостаси судьбы, жизни и времени дополнялось также существовавшими в рамках культа народными поверьями о ткачестве и прядении, согласно которым лучшим пряхам в семье надлежало кататься с гор на донцах, чтобы родился лен (существовала примета, кто прокатится далее всех, у того уродится самый высокий лен). Видимо поэтому песни, посвященные катанию с гор, и имели в структуре обрядовых масленичных текстов большое значение и были очень распространены: «*Масленица-кривошейка, / Покатай нас хорошенько!...*» [44], «*А на горушке снега сыплют, / А нас мамочки домой кличут / А нам домой не хочется, / Нам хочется прокатиться, / С горушки, да до елушки!..*» [45], «*А мы масленицу прокатали, / Сыром гору налепляли / А мы маслом гору поливали*» [46]. Обратим внимание, что в тексте последней песни косвенно обозначен мотив катания (стремление к благополучию), который весьма удачно сопоставляется с поговоркой «*кататься как сыр в масле*».

Характерной чертой масленичных обрядов было активное участие в них детей, которые первыми зазывали (закликали) Масленицу еще с субботы предшествующей недели. Так, например, согласно описаниям Русского земледельческого календаря, составленного А.Ф. Некрыловой, в Калужской губернии, начиная печь блины, хозяйка одновременно отправляла на улицу мальчика 8–10 лет и давала ему при этом блин, с которым он скакал верхом на ухвате или кочерге по огороду и кричал: «*Прощай, зима сопливая! / Приходи, лето красное! / Соху, борону – / И пахать пойду!*» [47]. На Владимирщине в предшествовавшую субботу («*малая Масленка*») ребяташки бегали по деревне и собирали старые лапти, потом встречали возвращавшихся с покупками из города или с базара и спрашивали: «*Везешь ли Масленицу?*». Если отвечали: «*нет*» – то били лаптями [48]. Момент избиения здесь, с нашей точки зрения, носил откровенно ритуальный характер и был связан со стремлением испугать и

прогнать мрак с холодом, открыв дорогу теплу. Старые, изношенные, лапти, собираемые детьми, в данном случае, скорее всего, выступали атрибутом зимы: в русском фольклоре есть сказка о том, как лиса (в славянской мифологии животное воплощение зимы и осенне-зимнего негреющего солнца) нашла худой лапоть, торгуя которым сгубила очень многих зверей, в том числе медведя (животное воплощение солнца). Первый пример со скачущим с кочергой по огороду мальчиком также построен на формуле демонстрации недовольства по поводу присутствия ледяных сил, что проявляется в оскорбительном эпитете зимы – «сопливая», т.е. несущая болезни, нездоровье и беды. Обозначенные (агрессивные) формы взаимодействия со сверхъестественными силами относятся, на наш взгляд, к глубоко архаичным, еще дохристианским отношениям взаимовыгоды с окружающим пространством, полностью одухотворяемым и уподобляемым в своих качествах человеку.

В русской традиционной культуре проявила себя и иная, ласково-зазывная, манера обращения к «*широкой боярыне*» Масленице, о чем свидетельствует следующий обрядовый причет, исполняемый детьми в момент строительства на ранней утренней зорьке снежных гор: «*Звал-позывал честной Семик широкую Масленицу к себе в гости во двор. Душа ль ты моя Масленица, перепелиные косточки, бумажное твоё тельце, сахарные твои уста, сладкая твоё речё! Приезжай ко мне в гости на широк двор на горах покататься, в блинах поваляться, сердцем потешиться. Уж, ты ль моя Масленица, красная краса, русая коса, тридцати братьев сестра, сорока бабушек внучка, трехматерина дочка, кеточка-ясочка, ты ж моя перепелочка! Приезжай ко мне в тесовый дом душой потешиться, умом повеселиться, речью насладиться*» [49]. Описание Масленицы в данном тексте предстает и трогательным («*бумажное твоё тельце, сахарные твои уста*»), и привлекательным («*красная краса, русая коса*»), и величественным («*широкая Масленица*»), и глубоко сакральным одновременно («*тридцати братьев сестра, сорока бабушек внучка, трехматерина дочка*»). Общий план описания указывает на солярность образа, эксплуатируется категория «смеха», способного влиять, как уже было сказано выше, на плодородие.

В варианте этого причета, приведенном в сочинении А. Коринфского описывается также поездка Масленицы к Семику: «*Выезжала честная Масленица, широкая боярыня, на семидесяти семи санях козырных, во широкой лодочке, во велик город пировать, душой потешиться, умом повеселиться, речью насладиться*» [50]. Упоминание «*семидесяти семи саней козырных*» еще более подчеркивает сакральный характер Масленицы, как сверхъестественного существа, выражает изобилие и торжественность, противопоставляемые простоте и скромности самого Семика, встречающего Масленицу «*на салазочках, в одних портяночках,*

без лапоток», бьющего челом и кланяющегося, зовущего ее «во тесовый терем, за дубовый стол, к зеленому вину» [51]. Вино здесь также может обладать ритуальными свойствами и восприниматься в качестве крови, подчеркивая органическое (кровное) единство Семика с Масленицей, поскольку последняя согласно распространенной народной поговорке есть «Семикова племянница» (об этом, в частности, говорится и в обрядовом тексте Ярославской губернии: «Масленица, Масленица, / Семенова племянница, обманула – провела, / Нагуляться не дала...» [52] – этот текст исполнялся взрослыми, а не детьми, в отличие от обрядового причета о «широкой боярыне» Масленице с «бумажным тельцем» и «сахарными устами».

Таким образом, следует отметить, что в момент закликания Масленицы дети могли использовать как простые, так и достаточно сложные, с точки зрения мифологической значимости, тексты, связанные с агрессивной или ласково-зазывной манерой их исполнения. С нашей точки зрения, активная роль детей в обрядовых действиях календарных праздников, в том числе и Масленицы, объясняется их особым восприятием в русской традиции – как существ, пребывающих на границе реального и потусторонних миров, и следовательно обладающих доступом к тайным (сверхъестественным) вещам.

Наиболее ярко близость детей к миру духов и бестелесных существ иллюстрируется в народных поверьях рядом мифологических сюжетов, согласно которым именно детям являются души умерших, передаваемые ими в черед масленичных обрядов в образе колядовщиков. Так, в Курской губернии в первый же день праздника (обычно в первой половине дня) дети обходили все избы деревни, напевая (колядуя) под окнами: «Ах, ты, Домнушка, / Красно солнышко! / Вставай с печи, / Гляди в печь – / Не пора ли блины печь» [53], «Тин-тинка, / Подай блинка, / Оладышка-прибавышка, / Масляный кусок!...» [54]; после обеда они собирались на горе и, катаясь, выкрикивали: «Широкорожая Масленица, / Мы тобою хвалимся, / На горах катаемся, / Блинами обедаемся!» [55].

Итак, Масленица являла собой амбивалентное архаичное божество, для которого было характерно одновременное соотнесение с жизнью и смертью, с теплом и холодом, с солнцем и мраком. Созидательные и разрушительные характеристики, осмысливались в масленичном архаическом мифе с позиций природной органики, взаимозависимости и взаимодополнения, напрямую согласовываясь с идеей вечного круговорота жизни (наиболее полно обозначенное свойство проявляло себя в масленичном культе плодородия и предков). Анализ масленичных обрядовых текстов XIX–XX вв. позволяет сделать вывод о том, что солярные (созидательные) качества Масленицы как божества являлись доминирующими, а ее витальная (жизнеобеспечивающая) функция –

основной, с активацией которой теснейшим образом была сопряжена поминальная обрядность. Глубокая (дохристианская) архаичность форм Масленицы проявляла себя, прежде всего, в ее амбивалентном качестве и антропоморфизме, явственно обозначенных в обрядовых текстах, в ее кровнородственной взаимосвязи с другими божествами архаического порядка (с Семиком, например), а также в самих способах возможного взаимодействия с ней (обращение через намек, ласково-зазывные причеты, ритуальное избиение, сожжение). Сочетание агрессивных и ласково-зазывных методов обращения с Масленицей связано с ракурсом ее восприятия народно-мифологическим сознанием как амбивалентного божества, заключающего в себе одновременно, как уже было сказано выше, созидание и разрушение, имеющего отношение как к данному, так и к потустороннему миру. Момент органической вписанности Масленицы как мифологического существа, связанного с определенными природными процессами, в антропогенное пространство (Масленица пьет и ест вместе с людьми, катается с ними с гор и на санях, носит такую же как они одежду) также сам по себе демонстрирует глубокую архаичность форм ее культа, поскольку заключает в себе идею единства человеческого мира и мира природного, одухотворяемого и обожещаемого. Таковы основные аспекты сущностного порядка масленичной обрядности, интерес к которой не ослабевает до сих пор. Масленица – один из немногих архаичных славянских праздников, доживших до наших дней, а потому, мы просто не имеем права забыть его, прервать эту необыкновенно поэтичную связующую нить времен.

Примечания

1. Обрядовая поэзия / *Сост., предисл., примеч., подгот. текстов В.И. Жекулиной, А.Н. Розова.* М., 1989. С. 150.
2. *Аникин В.П.* Русский фольклор. М., 1987. С. 142.
3. *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М., 1981; *Он же.* Язычество древней Руси. М. 1987.
4. *Дубровский Н.* Масленица. М., 1870.
5. *Бондарева В.В.* Мировое древо в культурно-историческом аспекте русского народа // Вопросы национальной историографии и народных исторических представлений славян и их соседей. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 1150-летию славянской письменности. Краснодар, 2013. С. 32–43.
6. Обрядовая поэзия. С. 151.
7. Фольклорные материалы станицы Платнировской (Кореновский район, Краснодарский край) // Личный архив автора (Бондаревой В.В.). Краснодар, 2008-2011. С. 15.
8. Масленичные песни. Текст №156 // Русская народная поэзия. Обрядовая поэзия: Сборник / *Сост. и подгот. текста К. Чистова и Б. Чистовой.* Л., 1984. С. 100–101.
9. Понятие «функциональной амбивалентности» (или двойственной природы вещей, заключающих в себе взаимоотрицающие качества (противоположности), под

которыми, прежде всего, подразумеваются созидательные и разрушительные силы или свойства) впервые вводится в научный оборот к.и.н. Бондаревой В.В. применительно к системе архаичных языческих культов.

10. Ластка (устар.) – квадратная цветная вставка в рукава рубахи под мышками.
11. Масленичные песни. Текст №133 // Русская народная поэзия. С. 90–91.
12. Кургузка (устар.) – куца; здесь: короткая, быстропроходящая.
13. Ерзовка (устар.) – прыга, пройдоха.
14. Ежи (устар., от слова есть, вкушать) – еда, кушанья.
15. Масленичные песни. Текст №138, 153, 154, 155, 156, 158, 163 // Русская народная поэзия. С. 99–102, 104–105.
16. Масленичные песни. Текст №162 // Там же. С. 104
17. Подблюдные песни. Текст №127 // Там же. С. 87.
18. *Коринфский А.А.* Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М., 2011. С. 185.
19. Цит. по: *Аникин В.П.* Русский фольклор. М. 1987. С. 144.
20. Масленичные песни. Текст №162 // Русская народная поэзия. С. 104.
21. Масленичные песни. Текст №163 // Там же. С.105.
22. Масленичные песни. Текст №162 // Там же. С. 104.
23. Масленичные песни. Текст №162 // Там же. С. 104.
24. *Пропп В.Я.* Русские аграрные праздники. Л., 1963. С. 73.
25. *Аникин В.П.* Указ. соч. С. 143.
26. Гугалечи (устар.) – громко крича, гукая.
27. Масленичные песни. Текст №143 // Русская народная поэзия. С. 94.
28. «Целовник» – обычай, связанный поцелуями молодоженов. На Владимирщине утром вытаскивали на улицу молодого мужа и забрасывали его снегом, после чего требовали с жены выкуп. Выкупив своего мужа, жена целовала его столько, сколько просили. Традиционный вятский «целовник», был связан с масленичной субботой, когда деревенская молодежь ездила целовать молодухек, живущих замужем первую Масленицу. Молодая подносила каждому из гостей ковш пива, а тот, выпив, целовался с ней (Круглый год. Русский земледельческий календарь / *Сост., вступ. ст. и прим. А.Ф. Некрыловой.* М., 1989. С. 444.).
29. «Столбцы» – обычай, суть которого состоит в том, что молодые, одевшись в лучшие наряды (чаще всего подвенечные), становились рядами («столбами») по обеим сторонам деревенской улицы и всенародно показывали, как они любят друг друга; при этом кричали: «Порох на губах!» – и предлагали целоваться. «Столбцы» продолжались час, потом ездили кататься (Круглый год. С. 444.).
30. *Пропп В.Я.* Указ. соч. С. 26.
31. *Коринфский А.А.* Указ. соч. С. 185.
32. Круглый год. С. 438.
33. *Коринфский А.А.* Указ соч. С. 185.
34. Согласно В.Я. Проппу о связи блинов с поминальной обрядностью можно судить только предположительно. Он был склонен видеть в блинах «древнейшую форму печеной мучной еды». «Когда еще не умели печь хлеб, муку смешивали с водой – писал В.Я. Пропп, – делали жидкое тесто и порциями выплескивали его на горячие камни». Таким образом, блины по В.Я. Проппу, «не магическая еда, как кутья, а древнее архаическое блюдо, средство насыщения, получившее обрядовое применение». (Пропп В.Я. Указ. соч. С. 27.)
35. Масленичные песни. Текст №150 // Русская народная поэзия. С. 98.
36. Летье (устар.) – теплое время года, весна и лето.

37. Круглолетье (устар.) – целый год; здесь скорее: новый год.
38. Масленичные песни. Текст №147 // Русская народная поэзия. С. 97.
39. Масленичные песни. Текст №135 // Там же. С.92.
40. Цит. по: *Коринфский А.А.* Указ. соч. С. 183.
41. Ластовка (устар.) – ласточка.
42. Масленичные песни. Текст №142 // Русская народная поэзия. С. 94.
43. Понятие «*изначальной безличностной адресации блага*» впервые вводится в научный оборот Бондаревой В.В.
44. Масленичные песни. Текст №153 // Русская народная поэзия. С. 99.
45. Масленичные песни. Текст №134 // Там же. С. 91.
46. Масленичные песни. Текст №159 // Там же. С. 102.
47. Круглый год. С. 435.
48. Там же. С. 436.
49. Там же. С. 437.
50. Цит. по: *Коринфский А.А.* Указ. соч. С. 185.
51. Там же. С. 185.
52. Круглый год. С. 450.
53. Масленичные песни. Текст №148 // Русская народная поэзия. С. 97.
54. Круглый год. С. 439.
55. Там же. С. 439.

А.В. Гайворонская (г. Краснодар, Россия)

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ДОСУГА УЧАЩИХСЯ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX–XX ВВ.

Проблемы военного образования, кадетский и юнкерский быт, традиции и обычаи русской военной школы всегда привлекали внимание отечественных исследователей. Несмотря на это, малоисследованной остается такая важная составляющая каждодневной жизни кадетско-юнкерской среды, как досуг учащихся военно-учебных заведений. Исследование различных аспектов досуговой сферы повседневности учащихся позволит более полно реконструировать социокультурный портрет будущего офицера императорской армии в заданный период времени.

Повседневный уклад жизни военно-учебных заведений был достаточно консервативен, изменения в нем, а тем более послабления были редкостью. Свободное время, которым располагали представители кадетско-юнкерской среды в течение обычного учебного дня, было строго регламентировано, так же как был определен и круг доступных занятий и развлечений в выходные и праздничные дни. Согласно распорядку, большая часть дня была отведена для занятий, и только послеобеденное время, с половины пятого до шести, было выделено для отдыха. После

обеда, который в будние дни был в четыре часа, юнкерам разрешалось до шести часов пить чай в столовой. В это время учащиеся, не занятые строевой службой, могли отдыхать на постелях: «В течение дня строго было запрещено ложиться и даже садиться на постель; исключение делалось лишь после обеда, когда, по усмотрению дежурного офицера, разрешалось спать от ½ часа до часу. Этой льготой некоторые юнкера очень дорожили, несмотря на юный возраст, скоро приучились заваливаться после обеда спать, точно отяжелевшие майоры, и с благодарностью относились к тому офицеру, который давал большой срок для *dolce far niente* [1]. Затем, до прибытия вечерней зари, лежать на постелях воспрещалось и кровати должны были тщательно оправлены [2].

В вечернее время, не занятое приготовлением заданий, было рекомендовано чтение. Для привития учащимся столь полезной привычки, в кадетских корпусах и юнкерских училищах, по мере возможности, создавались особые условия: открывались и работали читальные комнаты и библиотеки, а в годовых отчётах регулярно подводились итоги их деятельности [3]. В то же время руководством военно-учебных заведений отмечалось: несмотря на постоянное пополнение библиотек и читальных комнат новыми изданиями, помещений посещаются довольно усердно, но «книги читаются исключительно из отделов русской словесности и периодических журналов. Военных же книг в общей сложности прочитывается не более 5%» [4]. Учащимся не запрещалось иметь собственные книги, приносить из дома или брать у знакомых, но с оговоркой, что они должны быть «засвидетельствованы подписью взводного командира или на право чтения их должны быть выданы записки за подписью командира взвода» [5].

Так же, как и чтение, поощрялись занятия пением, музыкой и танцами. И если увлечение музыкой было, в значительной степени, связано с личными способностями, то умению танцевать должны были обучиться все без исключения. В качестве стимула к преодолению испытания танцами служило желание получить отпуск, так как «без умения танцевать вальс в отпуск не пускали» [6]. И хотя обучение танцам входило в программу, некоторые учащиеся, вынужденно или по желанию, занимались танцами в свободное время, и даже за отдельную плату. Так, в сентябре 1878 года было заключено «Условие» между учителем танцев и двадцати одним юнкером Ставропольского юнкерского училища, которое заключалось в том, что учитель танцев Жданов обязался «в течении 2-х месяцев и десяти дней <...> выучить поименованных на обороте сего юнкеров <...> следующим танцам – кадрили, полька, мазурка, полька мазурка, вальс, галоп, полагая в неделю три урока, на каждый урок час времени» [7]. Юнкера должны были уплатить г-ну Жданову по пять рублей.

В качестве развлечений, в незанятое учебной время, учащимся предлагались различные виды спорта, игра в шахматы и шашки, а в лагере в крокет и кегли [8]. По свидетельствам мемуаристов кадеты и юнкера занимались обычно теми видами спорта, которые в той или иной мере имели отношение к их профессии. Многие были серьезно увлечены верховой ездой, джигитовкой и сохранили это увлечение потом на всю жизнь: «Этим воспоминаниям молодости я верен и поныне. Все вещи, имеющее отношение к кавалерии – выбор лошади, объездка, скачки, – и по сей день остаются для меня приятными развлечениями» [9]. Часть кадетского и юнкерского досуга составляли привычные лапта, городки, а зимой катание на коньках [10].

Растущая популярность среди городских жителей велосипедного спорта, английского бокса, поднятия тяжестей, футбола также привлекала внимание будущих офицеров. В городах езда на велосипеде была запрещена всем военнослужащим, но катание на велосипедах в загородных парках, по воспоминаниям выпускника Пажеского корпуса А.Н. Клейгельса, «если, строго говоря, и не разрешалось, то допускалось, и на это легкомысленное занятие корпусное начальство смотрело сквозь пальцы» [11]. Тем более, что мало кто из воспитанников других, менее привилегированных военно-учебных заведений, имел собственную двухколесную машину. Другие новшества встречали недоверчивое, а подчас даже пренебрежительное отношение кадетско-юнкерской среды. В мемуарной литературе упоминается случай, когда вновь назначенный начальник Николаевского кавалерийского училища, предпринял неудачную попытку заставить юнкеров играть в футбол. По воспоминаниям участника событий «добровольцев не нашлось, и генерал был вынужден назначить игроков в обе команды. На собрании корнеты приняли решение, что игра в футбол унижает достоинство, идет вразрез с нашими традициями, а поэтому игроки должны сделать все возможное, чтобы руководство школы отказалось от футбола. Итак, выйдя на поле, мы заняли свои места и встали по стойке «смирно». Как генерал ни старался, но ему не удалось заставить нас сдвинуться с места, и, что самое удивительное, мы не подверглись наказанию» [12].

Категорически были запрещены «пронос вина, игра в карты и всякие другие игры с денежным интересом» [13]. Степень распространения этих недозволенных увлечений среди учащихся различалась в каждом из конкретных военно-учебных заведений. По воспоминаниям А.И. Деникина, в свое время юнкера Киевского юнкерского училища, «пьянства, как сколько-нибудь широкого явления, в училище не было. Но бывало, что некоторые юнкера возвращались из города под хмельком, и это обстоятельство вызывало большие осложнения: за пьяное состояние грозило отчисление от училища, за «винный дух» – арест и «третий разряд

по поведению», который сильно ограничивал юнкерские права, в особенности при выпуске» [14]. О строгости наказания за подобное нарушение упоминает другой мемуарист: «На старшем курсе я был произведен в портупей-юнкера, но недолго носил заветные нашивки; выпив как-то раз вместе с друзьями несколько неумеренно, я был в этом замечен дежурным офицером. В результате меня разжаловали из портупей-юнкеров» [15]. Ровно также нарушалось запрещение азартной карточной игры, которая процветала «втихомолку среди юнкеров старшего класса» [16].

Перечень запретов для кадетов и юнкеров в стенах учебных заведений не оставался неизменным на протяжении рассматриваемого периода. Начальством военно-учебных заведений вносились необходимые поправки. Так, еще в конце XIX века в кадетских корпусах одним из поводов для наказания могло оказаться курение, которое было запрещено даже в старших классах [17]. По мнению главного начальника военно-учебных заведений, которым в 1900 году стал Великий князь Константин Константинович, «нельзя <...> воспрещать чего-либо, прекрасно зная, что запрет нарушается. Это порождает основную безнравственность воспитательного начала. Есть проступки, повторяющиеся очень часто: например, курение, само по себе не составляющее греха, но грех создается его воспрещением» [18]. Со временем запрет на курение воспитанникам старших классов кадетских корпусов был снят. В юнкерских училищах курить дозволялось «только в свободное время и в указанных для этого местах» [19], а курение юнкерами на улицах и везде в присутствии офицеров запрещалось [20].

Однообразие ежедневного времяпрепровождения нарушалось обязательными развлечениями. В отчете об инспекторском смотре за 1893 года среди праздничных развлечений юнкеров Ставропольского казачьего юнкерского училища были указаны ежегодные два танцевальных вечера, один – 8 ноября, в день училищного праздника, а другой – по случаю окончания экзаменов, музыкальный вечер, 2–3 посещения несколькими учащимися театра за счет училища, танцевальные вечера и спектакли военного собрания Ставропольского гарнизона и танцевальный вечер в Александровской женской гимназии, куда были приглашены двадцать юнкеров [21]. В Чугуевском училище каждую субботу, по вечерам, в общем собрании юнкеров и приглашенных лиц городского общества, были литературные чтения, хоровое пение и разыгрывались музыкальные пьесы, в канун вечера наступали танцы [22].

Предлагаемые развлечения носили, как правило, строго обязательный характер и вызывали противоречивое отношение тех, для кого они предназначались: «Два раза в год мы принимали участие в балах, устраиваемых в женских гимназиях. Считалось, что мы должны получать

удовольствие от посещения балов, но мы думали иначе. С одной девушкой нам разрешалось сделать только два круга по залу и поговорить после танца не более нескольких минут, и все это время за нами следили зоркие глаза пожилых дам, наблюдавших за поведением девушек. В любом случае, балы, согласно школьной традиции, не считались подходящим времяпрепровождением для благородных корнетов» [23]. Тем не менее, с помощью известной изобретательности даже скучные мероприятия можно было превратить в приятное развлечение. Согласно правилам, описанным С.А. Мещериновым, все большие балы начинались с вальса, затем три кадрили, всегда только с вальсом в промежутках, затем мазурка, считавшаяся главным танцем, после которой подавался ужин за маленькими столами по 8–12 человек. Дама, с которой танцевалась мазурка, была вашей дамой и за ужином» [24]. Поэтому особой заботой командированных на бал было своевременное приглашение на танец своей барышни: «мы главным образом старались с нашими увлечениями танцевать мазурку, чтобы ужинать вместе, но опять-таки на двух балах подряд таковую с одной и той же барышней танцевать не полагалось, и в таких случаях со своей пассией танцевали 3-ю кадрили. Тем, кто почти не пропускал ни одного бала, легко можно было по этим признакам проследить, кто в кого влюблен, кто за кем ухаживает. Зная это, мы старались сговориться между собою так, чтобы со своей пассией танцевать визави, а за ужином мы подбирали нашу компанию так, чтобы сидели между собой самые дружные. При этом родители барышень ничего сказать не могли, правила были соблюдены» [25].

Негласным предписанием об определенном количестве танцев с одной партнершей запреты не ограничивались. Например, юнкерам, также как и офицерам, категорически запрещалось танцевать без перчаток. Правило успешно нарушалось и теми, и другими, причем вовсе не по причине отсутствия столь необходимой принадлежности. На одном из январских балов 1890 г. император «остался недоволен некоторыми офицерами, которые после ужина начали танцевать без перчаток», за что четырех офицеров «посадили в комендантскую» [26]. Нарушение танцевального запрета о перчатках описано в воспоминаниях Т.Е. Боткиной: «Во время вечеринки у Георгиевских, где я не была из-за своей вечной ангины, Глеб Кириллин потушил свет, мальчишки сняли свои перчатки, и по желанию партнерш бал продолжался в темноте <...>. Узнав об этом, я не могла успокоиться: такое неприличное поведение выводило меня из себя» [27].

В распределение времени и повседневного порядка в воскресные и праздничные дни вносились заметные изменения. Вставали в такие дни позже. В 7 ч.15м. юнкера только собирались на молитву, чтение приказа по училищу и чай [28], тогда как в будние дни в это время уже происходил

сбор в классы и начинались лекции. В 9 утра юнкера увольнялись в отпуск [29]. Получившие на него разрешение, для чего, прежде всего, была необходима хорошая аттестация, могли увольняться «в праздничные дни с утра до 9 часов вечера, и накануне праздников, по окончании всех занятий в училище, до 11 часов вечера» [30]. Из отпуска нужно было приходить секунда в секунду <...>, но стоило заявить о том, что пойдешь в театр, – отпуск продолжается до полуночи [31]. Увольнение в отпуск позже 11 часов в театр или концерты могло быть допущено только «отлично аттестованным, с особой осмотрительностью и при том не иначе, как с особого, на каждый раз, разрешения, начальника училища» [32]. Увольнения в отпуск на ночь допускались, как исключения, только в случаях особенно уважительных причин.

Собираясь в отпуск, юнкер был обязан, одевшись в отпускную форму, явиться «для осмотра к дежурному по сотне, а затем, к дежурному по училищу офицеру» для получения увольнительного билета [33]. Первое долгожданное увольнение с напутствием «на улице держать себя молодцами и кавалерами» [34] разрешалось в торжественный день присяги: «вечером того же дня мы впервые были отпущены в город, куда нас до присяги не отпускали ввиду нашего «корявого вида» и во избежание поругания школы [35]. Часы строжайшей муштры в первые дни и недели пребывания в военно-учебном заведении, когда офицеры и учащиеся старших классов не скупилась на замечания, обучая новичков правилам «отдания чести, поведения на улице, в театрах, умению подходить с рапортом к дежурному офицеру, соблюдению формы одежды» [36], давали результат: «Вот ровным, щегольским, учебным шагом подходит, громыхая казенными сапожищами, ловкий «господин обер-офицер». Раз, два. Вместе с приставлением правой ноги рука в белой перчатке вздергивается к виску. Прием сделан безупречно» [37].

Не все из множества предлагаемых городами развлечений были доступны учащимся военно-учебных заведений даже в свободное время. В увольнении юнкерам разрешалось посещать театры, концерты, публичные лекции, но с обязательным соблюдением следующих правил. Так, в театрах можно было занимать только определенные места – в креслах не ближе 7-го ряда, а в ложах – не ниже 2-го яруса [38]. В черед оставленных мемуаров выпускников военно-учебных заведений увлечение кадетов и юнкеров театром представляется едва ли не самыми распространённым: «Многие из кадет жили театральной жизнью: всецело отдаваясь ей, они пристрастились и к театру, и к актерам, доставлявшим массу наслаждения своей чудной игрой» [39]. Юнкерам запрещалось ходить на оперетты и комедии [40]. «Мы, главным образом, направлялись в оперный рай и, максимум роскоши, в ложу 3-го яруса, которая стояла тогда, кажется, 5 рублей. Драматический театр менее привлекал нас, зато “на верхах”

Мариинского мы были свои люди. Один из юнкеров имел знакомство в кассе, и билеты нам всегда обеспечены» [41].

Во время антрактов юнкера должны были вставать, им были запрещено посещение буфетов и курительных зал, не допускались громкие аплодисменты и любое шумное проявление одобрения или неодобрения, с которым так трудно было справиться восторженным театралам: «Из экономии мы обыкновенно не отдавали капельдинеру наши шинели, а клали на сиденье; буфетные конфеты и фрукты также были нам не по карману, сладости же мы очень любили и поэтому приносили с собой фунтики с миндальным пирожным, яблоками или апельсинами. И какими мы себя расточительными считали, как велики нам казались наши театральные расходы!.. По окончании спектакля юнкера, надрывая себе глотки, с усердием удивительным, трогательным, вызывали своих любимцев и, спускаясь с райских вершин, постепенно перебежали в нижние ярусы и оттуда сыпали аплодисментами, пока не потухала люстра» [42].

В городе не разрешалось ездить на велосипеде и верхом, пользоваться общественным транспортом. Посещение публичных гуляний, где была установлена плата, а также клубов, маскарадов, ресторанов, трактиров, кондитерских строго воспрещалось [43]. Выпускник Николаевского кавалерийского училища В. Литтауэр в своих воспоминаниях описывает случай, когда его, тогда уже юнкера старшего класса, накануне производства в офицеры, не пустили в ресторан: «Единственный раз перед окончанием школы я приехал из лагеря в город, чтобы вместе с матерью немного пройтись по магазинам <...>. Нас, конечно, не пустили в ресторан, и особое подозрение вызвало желание моей очень молодо выглядевшей матери снять отдельный кабинет» [44].

Праздное шатание по городу тоже не приветствовалось: «Нам было запрещено гулять по улицам, и я предпочитал ждать у входа, пока швейцар ходил за извозчиком. За два года учебы я по пальцам мог сосчитать улицы Санкт-Петербурга, по которым мне удалось пройтись. По субботам у дверей школы стояли шикарные пролетки, запряженные сытыми, быстроходными лошадьми. Хотя это было весьма дорогое удовольствие, некоторые из нас нанимали такие пролетки на весь выходной день. Правда, в этом были и свои минусы. Если офицер ехал в пролетке, которая не могла развить большую скорость, то вам приходилось либо тащиться за ней, либо просить разрешения у офицера обогнать его пролетку»[45].

Самовольные отлучки из корпуса или училища грозили исключением. Именно такую причину окончания своего обучения в кадетском корпусе называет в своих воспоминаниях К.Г. Маннергейм: «Соорудив из своей военной формы очень правдоподобную, на мой взгляд, куклу, я уложил ее на койку и отправился в самоволку <...>. Кукла на моей постели была

обнаружена, и это вызвало большой шум. Через два дня пришло лаконичное уведомление, что я исключен из корпуса» [46]. Поскольку похожие тайные нелегальные отпуска описаны многими мемуаристами, то неудачное нарушение дисциплины молодым кадетом представляется лишь исключением в ряду других более счастливых случаев.

Неблаговидное поведение учащихся вне стен учебного заведения наказывалось, и особенно строго в тех случаях, когда становилось достоянием общественности. Возвращаясь из отпусков, юнкера должны были доложить о случившихся проступках. Едва ли не самым распространенным нарушением во время отпусков были жалобы на то, что кадет или юнкер не отдали честь случайно не замеченному ими на улице офицеру. И если сами нарушители иногда забывали отчитаться начальству о полученном замечании, то особо недовольные офицеры часто находили время уведомить училищное начальство о поведении его воспитанника и тогда дело могло закончиться настоящим наказанием, а не обычным в таких случаях внушением: «Вернувшись как-то из отпуска, я был встречен дежурным офицером, капитаном Данилевским, словами: “Лукомский, вас сегодня встретил на Невском поручик Веселовский <...>, которому вы не отдали честь. Поручик Веселовский просит вас арестовать на семь дней. Завтра утром отправляйтесь в карцер”» [47]. Случались в отпусках и более серьезные происшествия, имевшие продолжение для их участников уже в полиции. Так, летом 1880 года, пристав 3-й части города Екатеринодара обратился с рапортом к Начальнику Штаба Кубанского казачьего войска, в котором сообщалось о проведенном дознании по поводу «нарушения общественной тишины и спокойствия в доме терпимости <...> урядником из дворян Иваном Есауловым и портупей-юнкерами Александром Алейниковым и Александром Соколовым» [48]. Насколько строго были наказаны участники конкретной драки неизвестно, но в ответном послании из Войскового Штаба особо подчеркивалось, что о произошедшем будет немедленно сообщено непосредственному начальству портупей-юнкеров.

Посещения учащихся родственниками или знакомыми происходили в определенные дни и в специально отведенные часы в присутствии дежурных офицеров. Видеться с посетителями можно было только в свободное от классных занятий время, и не иначе как в приемной комнате и до прибытия вечерней зари [49]. Приемная открывалась ежедневно от 6 часов вечера до 8 часов вечера, и для вызова юнкеров назначался особый дежурный, который, кроме того, вел и журнал посетителей [50]. Далеко не все родители имели возможность навещать своих сыновей. Совсем не редкостью были случаи, когда молодые люди оставались в училищах и на все время возможных отпусков: «Генерал И.Г. Лебедев, помощник Наказного Атамана и его брат, были отвезены в Воронежский кадетский корпус и приехали домой уже офицерами. Мать вдова не имела

возможности их брать домой, проезд на лошадях стоил очень дорого, а железных дорог еще не было» [51].

Многие из юных воспитанников военно-учебных заведений тяжело переносили разлуку с родными, поэтому, столкнувшись с необходимостью многолетнего проживания в чужом и незнакомом городе, часто именно по настоянию родителей, они старались поддерживать отношения с близкими или дальними родственниками, проживавшими в этом городе, с друзьями или знакомыми своей семьи. Подробности таких визитов описаны большинством мемуаристов. Вспоминая годы обучения в Финляндском кадетском корпусе, А.Ф. Редигер пишет: «По субботам после уроков и в воскресенье после церкви (водили в приходскую церковь) кадетов отпускали в отпуск. В корпусе были два старых приятеля отца: инспектор классов генерал-майор Фиандт и адъютант (он же казначей) полковник Симберг; оба они просили меня бывать у них; в частности же, я был препоручен Симбергу, который мне между прочим выдавал, по поручению отца, карманные деньги (по две марки в месяц), деньги на поездки в Выборг и проч. <...>. Семья Фиандта была весьма симпатична, но я стеснялся бывать там <...>. Зато я в каждый праздник бывал и должен был бывать у Симберга <...>. Вначале, когда я сильно тосковал в Корпусе, уход в отпуск к Симбергу был еще приятен, так как там я попадал в семейную обстановку, но в последние годы, когда я уже обжился в Корпусе, хождение туда являлось тоскливой обязанностью» [52].

Вынужденные визиты к малознакомым людям контрастировали с желанными и ожидаемыми дружеским встречам, которыми по-настоящему дорожили: «В С.Петербурге у меня была знакомая семья, где я был желанным гостем и проводил праздники. Это семья П.П. Бурсака, дочь которого училась в частной гимназии княгини Оболенской, а сын был переведен из Кубанского реального училища в Николаевский кадетский корпус <...>. Далее семья Бориса Ивановича Борчевского, наш казак, служил в Главном Управлении Казачьих Войск <...>. Я проводил праздники хорошо, а Рождественские особенно, даже отлично. О.Г. Борчевская отличная музыканша, у них часто бывали такие любители и любительницы музыки и пения. У Елизаветы Александровны Бурсак бывали даже известные певцы и музыканты. Время проходило в пении и музыке, а затем мы молодежь и танцевали, а солидные люди вели свои беседы» [53].

Те из юнкеров, которые не имели в городе родственников или знакомых, могли сопровождать своих товарищей и проводить свободное время в семьях своих однокашников. Во время таких посещений часто возникали первые увлечения, определявшие порой всю будущую судьбу офицера. Как бы оправдывая свой первый и в целом неудачный брак, Редигер писал: «Жениховство мое было, очевидно, весьма легкомысленно

<...>. Она была некрасива, бесприданница и не имела шансов выйти замуж. Я чувствовал себя одиноким и жаждал человека близкого; она была тоже одинока, тем более, что не ладила со своей матерью. Cousinage и вольная атмосфера в доме Безак допускали поцелуи, посещение кузена на его квартир» [54].

Многолетнее пребывание молодых людей в закрытых военно-образовательных учреждениях накладывало серьезный отпечаток на их культурный облик, формировало определенные вкусы, привычки, внешне отличительную модель поведения будущих представителей офицерского корпуса. Немаловажная роль в этом процессе была отведена организации досуга. Отличительной чертой досуговой составляющей повседневной жизни воспитанников военно-учебных заведений представляется ее практически полная, тотальная подчиненность букве инструкции, четко определяющей границу дозволенного и недозволенного, которая, с одной стороны, заставляла учащихся приспособливаться к предъявляемым требованиям, с другой – выстраивала рамки, максимально облегчающие процессы вхождения и адаптации новичков в досуговое пространство военно-учебного заведения.

Примечания

1. *Кривенко В.С.* Из воспоминаний «Юнкерские годы» / Кадеты, гардемарины, юнкера. Мемуары воспитанников военных училищ XIX века. М., 2012. С. 300.
2. ГАКК. Ф.402. Оп.1. Д.77. Л.43.
3. ГАКК. Ф.402. Оп.1. Д.4. Л.42.
4. Там же. Л.26.
5. ГАКК. Ф.402. Оп.1. Д.77. Л.39.
6. *Шапошников Б.М.* Воспоминания о службе. М., 2013. С.72.
7. ГАКК. Ф.402. Оп.1. Д.77. Л. 25.
8. Там же. Л.39.
9. *Маннергейм К.Г.* Мемуары. М., 2006. С. 13.
10. *Данченко В.Г., Калашников Г.В.* Кадетский корпус. Школа русской военной элиты. М., 2007. С. 350.
11. Пажеский Его Императорского Величества корпус. М., 2004. С. 210.
12. *Литтауэр В.* Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии. 1911–1920. М., 2006. С.38.
13. ГАКК. Ф.402. Оп.1. Д.77. Л. 36.
14. *Деникин А.И.* Путь русского офицера. М., 2004. С. 45.
15. *Шкуро А.Г.* Гражданская война в России: Записки белого партизана. М., 2004. С.54.
16. *Шапошников Б.М.* Указ. соч. С.81.
17. *Игнатъев А.А.* На фронте. 50 лет в строю. М., 2013. С.61.
18. *Галушко Ю., Колесников А.* Школа российского офицерства. Исторический справочник. М., 1993. С.107.
19. ГАКК. Ф.402. Оп.1. Д.77. Л. 39.
20. Там же. Л.45.
21. ГАКК. Ф.402. Оп.1. Д.63. Л. 32.
22. ГАКК. Ф.402. Оп.1. Д.4. Л. 42.

23. Литтауэр В. Указ. соч. С. 34.
24. Пажеский Его Императорского Величества корпус. С. 223.
25. Там же. С.224.
26. Зимин И.В. Повседневная жизнь Российского императорского двора. Вторая четверть XIX – начало XX в. Взрослый мир императорских резиденций. М., 2010. С. 131.
27. Царский лейб-медик: жизнь и подвиг Евгения Боткина / Сост. О.Т. Ковалевская. СПб., 2011. С.191.
28. ГАКК. Ф.402. Оп.1. Д.63. Л. 23.
29. Там же.
30. ГАКК. Ф.402. Оп.1. Д.77. Л. 44.
31. Куприн А. Юнкера // Куприн А. Собрание сочинений. В 9-ти томах. Т.8. М., 1973. С. 254.
32. ГАКК. Ф.402. Оп.1. Д.77. Л. 44.
33. Там же. Л.45.
34. Куприн А. Указ. соч. С. 247.
35. Марков А. Кадеты и юнкера. М., 2001. С.77.
36. Шапошников Б.М. Указ. соч. С. 72.
37. Куприн А. Указ. соч. С. 235.
38. ГАКК. Ф.402. Оп.1. Д.77. Л. 45.
39. Андреевский Е.К. Из воспоминаний о Москве // Кадеты, гардемарины, юнкера. С. 284.
40. Литтауэр В. Указ. соч. С.35.
41. Кривенко В.С. Указ. соч. С.306.
42. Там же.
43. ГАКК. Ф. 402. Оп.1. Д.77. Л. 45.
44. Литтауэр В. Указ. соч. С.36.
45. Там же. С.35.
46. Маннергейм К.Г. Указ. соч. С. 10.
47. Лукомский А.С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012. С. 40.
48. ГАКК. Ф. 396. Оп.1. Д.3240. Л. 1.
49. ГАКК. Ф.402. Оп.1. Д.77. Л. 43.
50. Шапошников Б.М. Указ. соч. С. 64.
51. ГАКК. Ф.670. Оп.1. Д.67. Л. 75.
52. Редигер А. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2-х томах. Т. 1. М., 1999. С. 40.
53. ГАКК. Ф.670. Оп.1. Д.67. Л.69.
54. Редигер А. Указ. соч. С. 40.

Коровин В.Ю., Озерова М.А. (г. Воронеж, Россия)

**МОЛОДЕЖНЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЛАГЕРЬ
«НАХОДКА»: ИЗУЧЕНИЕ ТРАДИЦИЙ СЛОБОЖАНЩИНЫ
В ВОРОНЕЖСКОМ КРАЕ**

В пределах современной Воронежской области первое крупное поселение слободских украинцев возникло в 1652 г., когда на пустыне

берега р. Тихой Сосны прибыла многочисленная партия волынцев под начальством полковника Ивана Дзинковского. Спасаясь от нашествия поляков, гнавшихся за разбитыми в Берестецкой битве силами Б. Хмельницкого, они просили царя позволить им поселиться на Московской земле. Это намерение оказалось своевременным, поскольку южные границы Московского государства постоянно страдали от набегов крымских татар. Царь Алексей Михайлович приказал построить переселенцам город, названный Острогожском (всего 100 дворов) и даровал им право удержать все прежнее казацкое устройство. Это был первый слободской полк на Воронежской черте, пользующийся льготами и облегчением от разных воинских повинностей (в этом смысле и употреблялся термин «слобода») [1].

Первый пример к переселению украинских казаков ободрил и других «людей семьянистых и прожиточных», которые стали являться из-за Днепра и были приписываемы к укрепленным городкам Урыву, Коротояку, Ольшанску, Осереду. В 1657 г. возник город Землянск, к которому поздней осенью 1660 г. явилась под руководством атамана Осипа Дашкеева большая группа черкас (около 1000 семей), бежавших от «татарского разорения». Переселенцы сами «приискали меж Воронежа и Старого Оскола на диком поле порожнюю землю». Значительно раньше основания этих городов черкасы поселились в слободах Ендовище и Гвоздевке (название «черкас» они получили потому, что первые поселенцы вышли из Черкасского повета). По актам около 1640 года, царской грамотой из разряда предписывалось воронежскому воеводе пересмотреть по спискам прибывших в Воронеж черкас в числе 2-х атаманов, 2-х есаулов и 162-х человек пятидесятников и рядовых. Им было объявлено, что «они люди добрые, как пришли от поляков, от их разоренья, смертного убойства и посеченья». Вскоре для «их иноземства» им выдали «денежное жалование», чтобы они «на вечное житье строились, и пашни пахали, и хлеб сеяли, и Государю служили, Московское государство от бусурман оберегали».

Эта специализация на военном ремесле наложила свою печать на сам характер слободско-украинского общества, где казацкий быт сочетался с земледельчески-промышленным. В Заднепровье казак-украинец был не просто вечно воюющим добытчиком, но вместе с тем и пахарем. Такую «старочеркасскую обыкность» они перенесли и в слободские полки, поскольку мирные занятия были единственным источником их дальнейшего содержания.

С XVIII в. черкасы начали заселять земли по левую (или ногайскую) сторону Дона на реках Битюге и Осередь. Если прежде значительный контингент населения для слободской Украины доставляла Гетманщина, то в следующем столетии значительных размеров достигла внутренняя

колонизация. Переселенцы, пользуясь правом свободного перехода, уходили из своих полковых городов во вновь основанные селения (будущие слободы). Кроме внешних врагов, важным фактором миграции стали внутренние смуты, затронувшие и слободские полки. Хотя начальник Острогожского полка Ив. Дзинковский, увлекшись движением С.Т. Разина, принял в нем деятельное участие, большинство слободского населения осталось верным царю. Слободские казаки поспешили воспользоваться недовольством правительства на донцов, чтобы получить себе земли, на которые давно имели притязания.

По указам 1714 и 1716 гг. на р. Хопре, где были прежде казачьи городки Пристанский, Григорьевский и Беляевский (уничтоженные по приказу Петра I в виду их активного участия в булавинском восстании), была возведена крепость (ныне г. Новохоперск). В нее и были призваны вместе с посадскими охотниками черкасы, которым были отмежеваны земли, бывшие во владении донских казаков [2]. До 1779 г. в ведении Хоперской крепости находились три слободы – Пыховка, Красненская и Алфёровка. Главное население их составляли казаки и «малороссы», которые были поселены первоначально на казенных землях. Когда в правление Екатерины II земли были пожалованы Потемкину, то казаки выселились, а черкасы остались и вскоре были обращены в подданных. Несмотря на соседство с русскими селениями, местным жителям долгое время удавалось сохранять особый склад жизни, нравов и обычаев, который выработался в Слободской Украине [3].

В прошлом году именно Алфёровка была выбрана местом проведения экспедиционного лагеря для молодежи «Находка», который изначально задумывался в целях стимулирования молодого поколения к получению образования через исследовательскую работу. Данный проект это результат долгосрочной совместной работы организаторов: молодежного отдела Новохоперского благочиния Воронежской и Борисоглебской епархии Русской Православной Церкви и кафедры культурологии Воронежского государственного университета. Одной из особенностей лагеря является то, что для формирования культурного потенциала молодежи используется социально-культурное пространство и историческая тематика, связанная с данным регионом.

Такой подход вполне отвечает современному пониманию краеведения, как специализированной деятельности, направленной на духовное (научно-практическое, познавательное, художественное, публицистическое и пр.) освоение края. Подчеркивая в целом особый характер краеведческой деятельности, ведущий сотрудник Института этнологии и антропологии РАН Сергей Савоскул, говорит о том, что краеведение нельзя сводить только к научному изучению определенной местности. «Духовное освоение родного края постоянно происходит на

бытовом уровне, являясь неотъемлемой частью общей социально-культурной адаптации членов локальных сообществ, закрепленной в их опыте и традициях» [4].

В основу концепции лагеря «Находка-2013» были положены принципы, сформулированные Д.С. Лихачевым. В своих статьях он отмечал, что объединяющим началом здесь является территориальный признак, так как все собираемые сведения относятся к одной местности (которых может быть огромное множество). Но ведущую роль ученый отводил все-таки исторической науке, поскольку та оценивает значительность происшедших на изучаемой территории событий, судьбы связанных с ними людей, ценность материальных объектов культуры. Главная же особенность краеведения состоит в наличии «двух уровней»: одного – для ученых-специалистов и другого – для «широкой публики» (как в создании, так и восприятии). Занятия краеведением не только требует специальных знаний, но приучает людей этими знаниями интересоваться и повышать свой культурный уровень, общаться со специалистами, читать научную литературу. «Это основа для развития добровольных обществ друзей того или иного памятника, той или иной темы, для объединения молодежи вокруг определенных тем и занятий, вообще – добрососедства с историей, культурой или природой» [5].

В 2013 г. экспедиционный лагерь «Находка» проходил семь дней (12–19 июля), его участниками (всего – 15 человек) стали учащиеся воскресных школ (15–17 лет), выпускники образовательных учреждений Новохоперского муниципального района, а также студенты Воронежского государственного университета. Если говорить об исследовательской составляющей, то за основу был взят метод устной истории, который особенно подходит для групповой работы, так как сама сущность его предполагает и творчество, и сотрудничество интервьюеров с опрашиваемыми лицами. Как прекрасно показал в своей книге П. Томпсон, подобные проекты могут быть осуществлены где угодно, поскольку любое человеческое сообщество является носителем многогранной истории, которая только и ждет, чтобы о ней рассказали [6].

В нашем случае в собирании историко-этнографических материалов смогли принять участие, как молодые ученые, так и учащиеся, действующие по заданию более опытных исследователей. Для студентов это стало прекрасной возможностью практически применить полученные в ходе обучения знания, ближе познакомиться с этнической культурой своего края. Учащиеся же школ смогли приобрести важный опыт межличностной коммуникации, а также навыки исследователя. Когда учащиеся начинали проводить интервью у старейшин села, то желание узнать еще больше из других источников побуждало их искать дополнительную литературу в местной библиотеке и школьном музее.

Вся программа экспедиционного лагеря «Находка-2013» была подчинена общему сценарию («По следам старца Елевферия»), который создавался на основе письменных документов, переработанных на предварительном этапе. Основной сюжет составила история, рассказанная местным священником Иоанном Долгополовым, который в 1891 г. исполнял обязанности настоятеля храма в с. Алферовка. Вот как он описывает увиденное: *«На восточном склоне Сияни, в глубине чащи лесной растет древний, могучий, в свое время раскидистый и величавый, а теперь от времени одряхлевший и сгорбленный, обхвата в три толщиной, дуб. Это глухое место с благоговением охраняется жителями и сюда ежегодно, в день Вознесения Господня совершается торжественный, со всевозможной церемониальной обстановкой, крестный ход, в котором принимает участие и стар и млад, и богатый и убогий. По преданию, свято хранимому жителями слободы, здесь погребено тело затворника Елевферия. И вот на месте сем ежегодно служат панихиды, устраиваются обеды для духовенства и обильные угощения для приходящих. Масса богомольцев в лесу, пылающие костры, где готовятся кушанья, ряды горящих свеч, пение панихид, – вся эта величественная обстановка кладет глубокую печать таинственности особенно для нового посетителя»* [7].

Участникам молодежного лагеря предлагалось разгадать «смысл всего этого непонятного и загадочного», бережно фиксируя встречающуюся этнографическую информацию. Поскольку полевая исследовательская работа предполагает ознакомление с основами школы выживания, то для участников каждый день опытными инструкторами проводились вводные занятия по теме «Виды экстремальных ситуаций под открытым небом» (ориентирование на местности; добыча огня; использование подручных средств в различных ситуациях и пр.). В свободное время силами игротехников в лагере была организована увлекательная и активная программа на свежем воздухе и в помещении.

Мероприятия, проводимые в лагере «Находка-2013», можно представить в следующем виде:

- исследовательско-интеллектуальные (сбор первоначальных этнографических данных об отдельных структурных компонентах традиционно-бытовой культуры Слобожанщины) [8];
- общественно-патриотические (создание новых музейных коллекций и пополнение имеющихся архивных хранилищ при Историко-архивном кабинете Воскресенского собора г. Новохоперска);
- культурно-досуговые (популяризация знаний по местной истории путем проведения открытых бесед);
- спортивно-оздоровительные.

В ходе проведения полевых исследований были получены интересные данные о прошлом с. Алферовка, которые сегодня готовятся к публикации. Результатами изысканий стали видео- и аудиозаписи о почитании старца Елевферия и связанных с его именем сакральных мест, рукописные сборники духовных стихов и псалмов, а также фотодокументы, отражающие элементы традиционного костюма и промыслы местного населения. Эти сведения имеют несомненную научно-практическую ценность в деле сохранения и популяризации историко-культурного наследия Слобожанщины в Воронежском регионе и вполне могут стать продолжением тех этнографических описаний, которые были опубликованы в местной печати середины XIX века [9, 10].

Практическим результатом работы лагеря «Находка-2013» стало выявление важных моментов, благодаря которым его участники могут дальше двигаться по жизни. Общие встречи, походы, общение, знакомство с историей стали для всех открытием и большим вдохновением. По верному замечанию Д.С. Лихачева, краеведение – это всегда деятельность, облагораживающая предмет своего изучения единственно своим изучением, так как требует от человека неравнодушного отношения к выводам своего изучения. Участие людей всех возрастов в собирании краеведческого материала имеет само по себе огромное воспитательное значение, так как создает в своем крае более высокий уровень духовной культуры.

Примечания

1. *Багaley Д.И.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887. Т. 1. История колонизации.
2. *Второв Н.И.* О заселении Воронежской губернии // Воронежская беседа на 1861 год. СПб., 1861. С. 246-271.
3. *Самбикин Д.И.* Очерк постепенного населения Воронежской губернии. Воронеж, 1886.
4. *Савоскул С.С.* Краеведение и локальная идентичность (на примере малых городов Центральной России) // Этнографическое обозрение. 2011. № 6. С. 84.
5. *Лихачев Д.С.* Краеведение // Избранное: мысли о жизни, истории, культуре / сост. Д.С. Бакун. М., 2006. С. 73.
6. *Томпсон П.* Устная история: Голос прошлого. М., 2003.
7. *Долгополов И.* Мои воспоминания о слободе Алферовке Новохоперского уезда // Воронежские епархиальные ведомости. 1891. № 14. С. 506.
8. Православие в народной жизни. Программы сбора полевого этнографического материала / *отв. ред. М.М. Громыко.* М., 2000.
9. *Лебедев Г.* Слобода Алферовка Новохоперского уезда // Воронежские губернские ведомости. 1970. № 4. С. 3; № 5. С. 3.
10. *Лебедев Г.* Чернички в Алферовке. // Воронежские губернские ведомости. 1869. № 88. С. 376–377.

О.П. Лопутько (г. Новосибирск, Россия)

ТРАДИЦИИ МЕЖСЛАВЯНСКОГО КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В условиях глобализации как одного из факторов, серьезно трансформирующих не только экономическое, но и культурное развитие народов и государств в начале XXI века, перед современным образованием и наукой встают новые сложные задачи. Они проистекают из порожденного этим фактором во многих, в том числе славянских, странах кризиса национальной идентичности, преодоление которого уже «превратилось в вопрос национального выживания» [1]. От его решения наука и образование, конечно, не могут оставаться в стороне, однако внедряемая ныне в нашей высшей школе Болонская система, с ее установкой на унификацию и стандартизацию европейского образования, отнюдь не благоприятствует выполнению подобных задач.

Определяющую роль в структуре идентичности играет культурологическая составляющая, о чем говорит и теория, и историческая практика. Что же касается такого элемента, как язык, то он, в свою очередь, является базовым для самой культурной идентичности [2]. Эта ключевая роль языкового компонента в структуре идентичности объясняет то, что подрыву национального самосознания служат не только такие средства речевой агрессии, как массивная экспансия американизмов, составляющая ныне болезненную проблему славянских и всех остальных европейских народов, захваченных глобализационными процессами. Специфичным именно для славянского ареала является распространение *теоретических* концепций, объективно направленных на разрушение представлений о языковом единстве славянского мира в целом, и русской нации в особенности. Таковы гипотезы о неславянском этногенетическом статусе белорусов и, соответственно, их языка; иноэтническом субстрате новгородцев и новгородского диалекта в Древней Руси и т.п. Отпор подобным теоретическим построениям давал О.Н. Трубачев, в том числе в своей знаменитой, выдержавшей уже несколько изданий книге [3], однако тиражи пропагандистов противной точки зрения заметно превосходят издания трудов великого слависта второй половины XX века.

Вместе с тем, такое теоретическое оформление атак на славянскую общность не представляется случайным. В истории славянского мира культурологическая составляющая национальной идентичности конкретизировалась как составляющая *филологическая*, которая ярко проявилась в период Славянского Возрождения. Многообразные формы

национального угнетения, которые переживали различные ветви славянства в Европе на протяжении нескольких столетий: политические, религиозные, социально-экономические и др., в период становления наций сфокусировались в области языка и словесности, т.к. вылились в серьезные препятствия на пути формирования необходимой принадлежности нации – ее литературного языка. Необходимость решать в первую очередь эти проблемы и привела к тому, что почти все крупнейшие деятели Возрождения XVIII – XIX вв. были выдающимися филологами.

Однако нарастание социально-экономических, политических, культурно-языковых и др. расхождений в развитии славянских народов представляет собой не только объективную реальность, но и историческую закономерность. Она осознавалась уже первыми славистами, которые подчеркивали значимость *сравнительно-исторического* изучения славянских языков и культур для установления их общеславянских, объединяющих черт. В этих исследовательских устремлениях сходятся ведущие европейские слависты XIX в. Й. Добровский, П. Шафарик, Ф. Миклошич, В. Ягич, с одной стороны, и русские филологи А. Х. Востоков, И. И. Срезневский, Ф. И. Буслаев – с другой. Знаменателен факт практически одновременного опубликования двух великих пионерских трудов в этой области: «Основ древнеславянского языка» Й. Добровского и «Рассуждения о славянском языке» А. Х. Востокова (1820 г.).

Опыт этой плодотворнейшей в истории славянского единения эпохи может дать нам некоторые ключи и к решению сегодняшних задач.

Во-первых, в нем содержится образец *обеспечения политических решений интенсивной научно-исследовательской подготовкой* в области языков, истории и культуры народов – при этом зачастую совместными усилиями и на началах взаимопомощи ученых различных государств. Так, составление словарей, алфавитов, грамматик южно- и западнославянских языков и диалектов происходило порой при непосредственном дружеском участии русских ученых, в процессе их исследовательских путешествий по славянским землям. Они же, в свою очередь, стажировались у своих европейских коллег, обращались к ним за советом и консультациями [4, 5, 6]. Результатом стали филологические труды непреходящего научного и воспитательного значения – в частности, словари-хранилища славянской культуры Й. Добровского, В. Караджича, С. Линде, И. И. Срезневского, Н. Герова и др. [7, 8].

Во-вторых, опыт Славянского Возрождения демонстрирует, что *национальная идентичность каждого из славянских народов формировалась как составная часть общей славянской идентичности*. Не исключение – и русская идентичность, важным моментом становления которой стал, например, визит в 1819 г. Вука Караджича в Петербург,

произведший огромное впечатление на общество [9, 10, 11] и послуживший катализатором процессов национализации и демократизации русской культуры.

Важным аспектом обоих указанных процессов был *образовательный*. Не только пропаганда, но зачастую и очень определенные практические действия, личная инициатива, собственные методические и прямые преподавательские труды всюду, где только оказывалось возможно: от маленькой сельской школы до ведущего европейского университета, – неотъемлемая составная часть деятельности славянских просветителей.

По-видимому, живейшее внимание к славистической науке в XIX в. со стороны общества и международная всеславянская востребованность ее результатов определялись этой непосредственностью связи всех трех составляющих Славянского Возрождения: общественно-политической, научно-исследовательской и образовательно-просветительской.

Это именно те взаимосвязи и взаимодействие, дефицит которых ощущается в отношениях ряда отраслей современной гуманитарной науки, в частности филологии, с общественной жизнью. А под влиянием Болонского процесса этот разрыв углубился и ослаблением того связующего звена между наукой и народным сознанием, каким традиционно служило образование.

Длющаяся на протяжении последних десятилетий реформа образования могла бы стать действительно эффективной, если бы укрепила *историческую* компоненту образования. Историзм – путь к осознанию родства и общности славян, действенность которого в формировании национальной идентичности убедительно показало Славянское Возрождение. В реальности же нынешних реформ наблюдается неуклонное сокращение учебных часов именно за счет исторических дисциплин, в частности – дисциплин историко-лингвистического цикла на факультетах русской филологии. Тем самым резко сужаются и возможности для молодого человека осознать себя в процессе обучения представителем славянской и дочерней по отношению к ней русской культуры. И это в переживаемый кризисный период, когда для большей части русской студенческой аудитории «группа "русские" не является референтной» [12].

Сравнительно-исторический метод и в целом исторический подход, на современном этапе обогащенный реконструкцией *исконных* для этнического сообщества *ментальных структур*, мог бы играть в процессе формирования национального самоопределения личности активную роль, благодаря своей направленности на корневое, глубинное единство представлений славянства о мире, природе, человеке. Задача исторического изучения культурных концептов русского языка – на фоне преобладающего синхронического подхода к их трактовке – в последние

десятилетия приобрела высокую актуальность. Пути выявления конкретно-исторических корней этих опорных элементов национальной картины мира стали в указанный период предметом специального исследования в ряде работ, открываемом трудами Н.И. Толстого, В.В. Колесова, В.М. Мокиенко и продолжаемом их единомышленниками и последователями [13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23].

Обретая благодаря этой методологии возможность повторить «путь, которым прошли наши предки к становлению современной ментальности» [24], начинающий филолог включается в великий духовный поток родной культуры. Исторически документированный концепт, воплотивший в себе важнейшие ступени многовекового опыта народа по формированию своих морально-нравственных, правовых, государственно-административных и др. идеологических опор [25, 26, 27], становится надежным жизненным ориентиром личности, руководством к действию в гармонии с окружающим миром. То есть именно тем, чего так недостает нам в эпоху ломки социальных, нравственных, межличностных отношений, а иногда и крушения самих государств [28].

При всей сложности возвращения утраченного, внушает оптимизм то, что именно субъективная компонента национальной идентичности, по мнению многих исследователей, наиболее подвержена воздействию со стороны общества и преобразованию в соответствии с его устремлениями. От нас сегодня требуется целенаправленная деятельность по восстановлению национального достоинства, и, может быть, в первую очередь – в области подготовки молодого ресурса нации. А теоретической основой такого образования может быть лишь наука, неотрывная от жизни своего народа, способная взять на себя функции составной части национального самосознания, – подобная той, которая возросла на почве победоносного Возрождения славянских народов в XIX в.

Примечания

1. *Кортунов С.В.* Национальная идентичность: Постижение смысла. М., 2009. С. 10.
2. *Коллинз Р.* «Балканизация» или «американизация»: геополитическая теория этнических изменений // *Логос.* 2005. № 1. С. 26.
3. См.: В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси / *О.Н. Трубачев.* 3-е изд., доп. М., 2005.
4. См.: Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель. 1839 – 1842. СПб., 1895.
5. См.: *Богатова Г.А.* И.И. Срезневский. М., 1985. С. 26 – 34.
6. См.: *Кишкин Л.С.* Срезневский в Словакии // *Славянские языки, письменность и культура.* Киев, 1993.
7. См.: *Мокиенко В.М.* Культурологические комментарии в историко-этимологическом словаре фразеологии // *Словарь и культура: К столетию с начала публ. «Словаря болгарского языка» Н. Герова: Материалы междунар. науч. конф.* М., 1995.

8. См.: *Плотникова А.А.* Словари и народная культура: очерки славянской лексикографии. М., 2000.
9. Вукова преписка. Београд, 1908. Књ. II. С. 253 – 254.
10. См.: Вук Караджич и Россия // Славянское источниковедение. М., 1965.
11. См.: *Толстой Н.И.* Слово о Вуке Караджиче // Славяноведение. 1997. № 3.
12. См.: *Комарова А.А.* Этнокультурная идентичность русских студентов как объект социальной регуляции. Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2012. С. 11. 13; *Толстой Н.И.* Избр. Труды. М., 1997. Т. I. Славянская лексикология и семасиология.
14. См.: *Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
15. См.: *Толстой Н.И.* Очерки славянского язычества / *Ред. С.М. Толстая.* М., 2003.
16. См.: *Колесов В.В.* Древнерусский литературный язык. Л., 1989.
17. См.: *Колесов В.В.* Слово и дело: Из истории русского слова. СПб., 2004.
18. См.: *Колесов В.В.* Древняя Русь: наследие в слове: в 5 кн. СПб., 2000–2011.
19. См.: *Мокиенко В.М.* Образы русской речи: Историко-этимологические очерки фразеологии. СПб., 1999.
20. См.: *Лопутько О.П.* Устойчивая формула в истории русского литературного языка (X–XV вв.). Новосибирск, 2001.
21. См.: *Пименова М.В.* Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.; Владимир, 2007.
22. См.: От языковой картины мира средневекового славянина к современной русской языковой картине мира: кол. моногр.: в 2 ч. / *Под ред. С.Г. Шулежковой.* Магнитогорск, 2008.
23. См.: Формирование концептосферы восточнославянского этноса на ранних этапах становления государственности: кол. моногр. / *Гл. ред. С.Г. Шулежкова.* 2-е изд., испр. и доп. М., 2013.
24. *Колесов В.В.* Древняя Русь: наследие в слове. Кн. 4. Мудрость слова. С. 3.
25. См.: *Лопутько О.П.* Направления преобразований древнерусских формульных парадигм в лексико-семантические на пути к системе языка Нового времени // История русского языка и культурная память народа: Материалы XL Международной филологической конференции / *Под ред. О.А. Черепановой.* СПб., 2011.
26. См.: *Лопутько О.П.* Русское *сесть* на *стол*, *престол*, на *царство* в индоевропейском контексте // *Nationales und Internationales in der slawischen Phraseologie.* Национальное и интернациональное в славянской фразеологии: XV Международный съезд славистов (20–27 августа 2013 г. Минск, Беларусь – Greifswald): кол. моногр. / *Ред. Х. Вальтер, В.М. Мокиенко.* Greifswald, 2013.
27. См.: *Лопутько О.П.* История древнерусского формульного фонда как источник семантической структуры культурных концептов // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ, 18–21 марта 2014 г.): Труды и материалы / *Сост. М.Л. Ремнева, А.А. Поликарпов, О.В. Кукушкина.* М., 2014.
28. *Горчев Й.* Этническое самоопределение личности бывших республик Югославии // Славянский мир, Запад, Восток: Памяти профессора Д.Г. Песчаного. Материалы международной научно-практической конференции / *Под ред. Э.Г. Вартамян, О.В. Матвеева.* Краснодар, 2008.

М.В. Подхомутникова (г. Краснодар, Россия)

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЕЕ КУЛЬТУРНАЯ СФЕРА: КОНТУРЫ ПОНИМАНИЯ И ОБЪЯСНЕНИЯ

В настоящее время тема глобализации включает много направлений и проблем. Интерес к вопросам глобализации вызван тем, что она затрагивает практически все стороны и аспекты жизни современного человека. Главное в ней – расширяющийся поверх всех государственных и национально культурных барьеров обмен информацией научного, экономического, политического, личностно-бытового, социокультурного и иного характера.

Глобализация привлекает пристальное внимание потому, что с ее помощью либо пытаются доказать существование новых угроз человечеству, либо, напротив, предрекают его процветание. Одни авторы определяют глобализацию как процесс, другие – как состояние, третьи – как явление, четвертые отождествляют глобализацию с модернизацией, а иные и вовсе считают ее мифом.

Для одних глобализация ассоциируется с надеждами на лучшую жизнь, с правом на выбор и свободу, получением информации из первых рук, возможностью беспрепятственно передвигаться, получать образование в лучших университетах, работать там, где выше оплата. Для других глобализация – это процесс, несущий угрозу, порождающий такие проблемы как глобальное потепление, загрязнение окружающей среды, неконтролируемые миграционные потоки, потеря рабочих мест, разрушение традиционных ценностей.

В России, как и в других странах, глобализационные явления понимаются и оцениваются по-разному. Созидательные, вызывающие большие надежды и деструктивные, вселяющие большую долю беспокойства. Глобализацию истолковывают как нарастание взаимозависимости человечества, ведущей к образованию нового глобального сообщества, как неизменный и необратимый процесс, нивелирующий все экономические, политические и культурные различия. Причем в ряде случаев глобализацию отождествляют исключительно с «вестернизацией» или «американизацией» российского общества. Некоторые же ученые видят альтернативу этим явлениям в виде усиливающихся тенденций к утверждению национальной идентичности и набирающей силу дифференциации культуры.

Прежде чем говорить о влиянии глобализации на культуру, необходимо обозначить содержание этого понятия. Термин «глобализация» начал свое существование в конце 80-х – 90-х гг. XX в. Согласно В.Л. Иноземцева, эпизодическое использование данного понятия приходится на конец 60-х гг. XX в. При этом «до 1987 г. в базе данных

библиотеки Конгресса в Вашингтоне не содержится упоминаний о книгах, в названии которых использовалось бы понятие «глобализация» [1].

Родоначальником рассмотрения концепта глобализации является Р. Робертсон. В 1983 г. он использует слово «globality» в названии одной из статей. В 1992 г. выходит его книга «Globalization: Social Theory and Global Culture» [2] («Глобализация: социальная теория и глобальная культура»), в которой автор излагает систему своих взглядов относительно этого явления. Р. Робертсон пишет о том, что реальная природа глобализации скрыта, а периферийные, дополняющие концепты, такие, например, как анализ экономических вопросов, напротив, преувеличены. По его мнению, определяемая «в наиболее простых вводных терминах глобализация – это сжатие мира в «одном месте» [3]. Важным является представление автора о глобализации как глокализации («гибридное» слово объединяющее глобализацию и локализацию). Глокализация означает одновременное осуществление глобализации и локализации: глобализируются экономика, информация и массовая культура, одновременно происходит локализация национальных культур, отстаивание ими своей идентичности.

Глобализация представляет собой многопрофильный процесс, который при столкновении с традиционными культурами порождает различные формы взаимодействия, среди которых «креолизация», «гибридизация», «инкапсуляция», «ассимиляция». Процесс глобализации ведет не только к созданию одинаковой мироцельности, но и создает возможности для появления вариативных культурных идентичностей.

В трактовке Р. Робертсона глобализация в сфере культуры означает процесс внедрения (через СМИ) в повседневное сознание определенных чувственных образов и символов. Формируясь в определенной национальной и социальной среде, эти образы и символы получают транснациональную форму существования. Это и есть культурная глобализация. Она предполагает столкновение локальных культур в мировом пространстве, в результате которого они не исчезают, а обретают новое – глобальное – измерение.

Превращение культуры в арену политических столкновений составляет один из наиболее интересных аспектов нашего современного состояния. Глобализация культур является наиболее проблематичной частью культурного взаимодействия. Согласно С. Бенхабиб, культура всегда была знаком социальной дифференциации. Более того, «культура неизбежно политична». В настоящий момент культура превратилась в арену интенсивных столкновений политических и экономических интересов. К этому можно относиться по-разному, но отрицать этот факт не имеет смысла. Несмотря на то, что «культуры формируются в комплексном диалоге и взаимодействии с другими культурами; что разделительные линии между ними подвижны, проницаемы и могут быть оспорены, взаимное

позиционирование культур происходит в результате их противостояния друг другу [4]. Достижение культурами определенной зрелости может с равной вероятностью служить как налаживанию между ними взаимообогащающего диалога и взаимодействия, так и появлению предпосылок конфликта между людьми, являющимися приверженцами таких культур.

В условиях глобализации «культура стала общеупотребительным синонимом идентичности, её характерным и определяющим признаком» [5]. В настоящее время проблема сохранения культурных традиций приобретает все бóльшую актуальность. Процессы глобализации усиливают стремление народов защитить собственную культуру и идентичность. Национальная идентичность включает множество компонентов, таких как мировоззрение, национальное самосознание, менталитет, национальный характер, историческая память, национальные традиции, мифы, символы и стереотипы поведения, язык и др. Основой национальной идентичности является сходство в образе жизни, традициях, ценностях: «Люди формируют ощущение национальной идентичности в сражениях за дифференциацию с теми, кто говорит на другом языке, исповедует другую религию, хранит другие традиции или просто живет на другой территории» [6].

Сохранение культурных традиций побуждала ранних славянофилов, Н. Данилевского, К. Леонтьева и евразийцев размышлять над тем, в чем сущность и признание России. Они осознавали, что без этого нельзя в полной мере познать не только самих себя, но и других. В условиях глобализирующего мира национальные культуры способны серьезно корректировать процессы глобализации, снижая их негативное воздействие.

Объединенной Европе, по Данилевскому, может противостоять только объединенное славянство. Для решения Восточного вопроса «нужно не поглощение славян Россией, а объединение всех славянских народов общей идеей Всеславянства как в политическом, так и в культурном отношении, и в первом – главнейшее и преимущественно для возможности осуществления последнего [7]. Ведь всеславянский союз для Н.Я. Данилевского – важнейшая основа, позволяющая взрастить самобытную славянскую культуру и обеспечить ее развитие, реально осуществимое лишь после решения стоящих перед государством политических задач. Он внушал, что России необходимо думать о сохранении культурной самобытности, для чего она и должна заниматься укреплением своей политической самостоятельности.

Продолжателем идей славянофильства был К.Н. Леонтьев. Он утверждал, что национальные культуры, как и прочие социально-культурные организмы, рождаются, живут и умирают. Культурное своеобразие гибнет не только от разрушения красоты, но и от распространения политических свобод. Цветение культуры у него обусловлено и разнообразием, и неравенством. Ибо любые уравнивательные процессы (экономические,

политические, эстетические, религиозные и др.) понижают уровень культуры. То же самое можно сказать и о буржуазной цивилизации, которая самым неблагоприятным образом влияет на культуру. И это закономерно, так как культура, по определению мыслителя, состоит в «совокупности всех тех признаков, которыми одна цивилизация отличается от другой» [8].

В одной статье невозможно отразить все многообразие проблемы глобализации. Глобализация, как и любой другой процесс не может в одинаковой степени удовлетворять интересы всех людей и групп, поэтому при любом варианте ее развития кто-то выиграет, кто-то проиграет.

Глобализация – естественный процесс, следствие развития коммуникационных технологий, разрушения барьеров мобильности, эволюции социальных инфраструктур от простейших родоплеменных связей до надгосударственных образований. Процесс этот начался не вчера, хотя и считается своеобразным символом современности. По оценке В.Г. Федотовой, нынешняя глобализация – это «новый процесс, который имеет сходство со становлением капитализма (первой глобализацией), либерализацией всемирной торговли в XIX в. Сегодняшняя глобализация – это победа либерализма в глобальном масштабе, сделавшая государственные границы легкопроницаемыми для капитализма и информации [9]. Реально вся история человечества – это история взаимопроникновения культур, и избежать действия глобализации на предыдущих этапах не удалось никому. Унификация культур разных народов повышает уязвимость человеческой культуры в целом.

В эпоху глобализации своевременна мысль славянофилов, что всякие обращенные к русскому народу призывы о необходимости отказаться от национальных культурных основ ради слияния с европейской цивилизацией не только ошибочны, но и чрезвычайно опасны для России. Ибо это означало бы утрату ее самобытности, что в, конечном итоге, обусловило бы ее разложение, самоуничтожение. Изучая творческое наследие славянофилов, мы получаем возможность знакомиться с идеями, способными эффективно нейтрализовать многие негативные, а порой и разрушительные явления, порождаемые современной глобализацией.

Примечания

1. *Иноземцев В.Л.* Глобализация – наивная мечта XX века // Человек. 2003. № 5. С. 38.
2. *Robertson R.* Globalization: Social Theory and Global Culture. SAGE. 1992.
3. Там же. С. 6.
4. *Бенхабиб С.* Притязания культуры. М., 2005. С. 1, 143, 220.
5. Там же. С. 1.
6. *Хантингтон С.* Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности М., 2004. С. 61.
7. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. СПб., 1995. С. 329.
8. *Леонтьев К.Н.* Собр. соч. М., 1913. Т. 7. С. 527.

Ю.А. Узлов (г. Краснодар, Россия)

СЛАВЯНСКИЙ МИР В КОНТЕКСТЕ ГЕОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

В геополитической науке понятие «геокультура» и связанное с ним направление социальных исследований возникло в рамках западной политической мысли и вошло в общественные науки благодаря И. Валлерстайну. Американский социолог рассматривает геокультуру в системной концепции геополитических и геоэкономических проблем, что предполагает организацию мирового пространства с выделением обществ, входящих в богатое цивилизационное ядро существующего мира и периферийных обществ. Геокультура в таком качестве выступает как фактор давления индустриального мира на аграрную периферию и обеспечивает легитимность мирового порядка посредством внедрения в глобальном масштабе новых концепций.

Геокультура обеспечивает фундаментальное основание капиталистической миросистемы, которым является либерализм. При определенной подвижности геокультура может трансформироваться, что позволяет говорить о релятивности как формы геополитического проектирования.

Цивилизации существуют в непрерывной конкуренции, взаимном обогащении и дополнении: жизнеспособные, лучше отвечающие существующим условиям обитания человека вытесняют архаичные, менее способные адаптироваться к новым условиям обитания, техническим новациям и т.д., непрерывно возникают и эмбрионы новых цивилизаций, происходит цивилизационный синтез – их взаимное проникновение. Предвидеть повороты истории, предугадать тенденции развития цивилизации практически невозможно. Но мы можем предположить, куда поворачивается колесо истории, какой ход событий ожидает общество и возможные опасности на пути развития.

Наука накопила определенный теоретический и эмпирический материал по концептуализации проблемы «славянского мира», исследованию сущности, содержания и динамики этого образа в контексте геокультурного пространства и межнациональных коммуникаций, оценке влияния этого явления на процессы трансляции образа на международном уровне. В этом смысле события последнего десятилетия стали причиной целого ряда социально-экономических, политических, гуманитарных

проблем, столкновении мегатрендов глобализации и конфликта цивилизаций.

Влияние на процесс формирования и развития славянского мира оказали природно-климатические и географические факторы, которые подлежали культурному освоению. Положение славянского мира, расположенного между Западом и Востоком, обуславливало, во-первых, культурное многообразие, во-вторых, возникновение таких форм, которые не характерны ни для одной из известных мировых культур. Такого рода образования получили название пограничных цивилизаций, когда исторически сформировавшиеся на границах между мирами общности формировались на протяжении веков в результате синтеза не только близкородственных, но и генетически далеко отстоящих друг от друга культур. По своему характеру и этническому составу совмещает в себе Европу и Азию, за что получило название «Евразия» (Срединный мир).

Для геокультурного пространства славянского мира характерны полиэтничность, поликонфессиональность, толерантность, религиозная веротерпимость, способность к культурной адаптации достижений и ценностей других культур, однако незавершенность и нереализованность этого синтеза делает цивилизацию перманентно переходной, противоречивой и непредсказуемой в своем развитии, о чем писали Н.Я. Данилевский, А. Тойнби, Х. Ортега-и-Гассет и др.

Тема славянского мира является объектом внимания как отечественных, так и зарубежных ученых: историков, философов, географов, политологов, что свидетельствует о ее междисциплинарном характере.

Как исследовательская проблема, в контексте геокультурного пространства, тема нашла отражение в трудах: С.Н. Артановского, С.Н. Иконникова, М.С. Кагана, А.С. Кармина; транснациональные формы развития сформулировали Ф.К. Кесседи, А.С. Панарин, М.М. Решетников, А.И. Уткин, Ф.А. Федорова, В.К. Шохин и др.

Вполне естественно, что исследователи по-разному рассматривали проблему исходя из своей профессиональной принадлежности. Так, В.Н. Стрелецкий [1] специалист в области региональной идентичности и культурного регионализма стран Европы и России интерпретирует понятие «геокультура» как механизм пространственной самоорганизации культурологических комплексов и их носителей. В его понимании современные нации представляют собой сообщества людей, объединенных культурой и языком, а не просто общей территорией. Границы языковых миров проходят не по территориям (традиционная версия), а по людям и, зависимости от того на каком языке человек говорит и думает, определяется его принадлежность к геокультурному или цивилизационному пространству.

Геокультура в таком качестве обладает возможностями и способностями в осмыслении и сохранении образов и традиций в интерпретации исторических образов в своем локальном пространстве. Важно при этом отметить, что геокультура может выступать одновременно в двух видах: как процесс и как результат развития, что позволяет рассматривать ее как инструмент воздействия на цивилизационное пространство.

Попытку осмыслить историю славянства, его отношения с Западом, как одного из специфических направлений историко-философского исследования, где геокультура содержат комплекс инструментов социального воздействия, предприняла А.С. Колесникова [2].

Между геокультурным пространством славянского мира и геокультурой Византии есть много общего. Византийский мир, сохраняя греко-римские и восточные традиции, как впрочем, и славянский мир, пошел своим путем во многом отличным от судеб стран Востока и Запада, будучи связующим звеном между различными цивилизациями, оказал глубокое и устойчивое воздействие на развитие Южной Италии, Сицилии, Далмации, государств Балканского полуострова, Русь, Закавказье, Северный Кавказ, Крым.

Если рассматривать в едином ключе такие понятия, как «Русь», «славяне», по мнению правоведа М.А. Исаева, – «окончательно Русь могла слиться со славянами не ранее XII века. Русская Правда знает очень хорошо русина, противопоставляя его варягу-колбягу (иностранцу) и славянину. Это очень характерная черта в русской традиции. Обычно источники права варваров закрепляли правовое положение не только разных слоев населения, но и этносов по-разному. Варварские правды знают подобную дифференциацию между народами-завоевателями и, например, римлянами, продолжающими жить по праву квиристов. Но что выделяет русскую правовую, равно как и культурно-государственную цивилизацию, из общего ряда варварских и античных образов западноевропейской культуры, так это отказ от этнической обособленности как принципа государственной жизни...» [3].

Запад и Восток империи активно распространяли выработанную античным миром культуру и христианство в тех странах, которые раньше лежали за пределами всемирной истории. Культурные влияния, шедшие из Рима и романизированных областей Запада, захватили все страны за рейнско-дунайской линией с населением германским, а отчасти и славянским, не считая племен второстепенного значения – мадьяр, литовцев, финнов. Наоборот, на Балканском полуострове и далее на севере, за нижним течением Дуная, а также в странах между Черным и Балтийским морями, где образовалось Русское государство, возобладала Византийская культура. И новые народы, следовательно, вступившие в

первом периоде средних веков на поприще всемирно-исторического процесса, с самого начала распределились между двумя обособленными культурами, образовавшимися в Европе.

Византия представляла собой цивилизацию, где геокультурное и геополитическое пространства, находясь в близком соприкосновении, привели к фактическому сращиванию светской и духовной власти в рамках Византийского мира с последующим обретением идеи Вселенской Восточной Римской империи, что нашло свое подтверждение в послании патриарха Антония московскому князю Василию I (XIV в.) [4].

Рассматривая геокультурное пространство Византии, Д. Оболенский [5] считает, что по своему составу оно было неоднородным: периферия отличалась известным религиозным синкретизмом; процессы аккультурации проходили здесь достаточно медленно, о чем свидетельствует процесс слияния и взаимодействия языческих и православных традиций, продолжало функционировать в автономном режиме и после падения Византийской империи, когда основные культурные связи содружества были отодвинуты Османской империей в пределы Сербии, Румынии, Молдавии и Московского государства. Геокультурное пространство имело, в отличие от пространства геополитического, структуру, где внутренние культурные границы представляли собой ряд переходных зон, где основным проводником влияния была церковь.

Важным элементом геокультурного пространства славянского мира являлся церковно-славянский язык, созданный для формирования геокультурной периферии, который способствовал сохранению и консервации византийского наследия.

Можно предположить, что геокультурное пространство византийско-славянского мира было во многом космополитическим: на Афоне уживались греческие, русские, сербские, румынские монахи; переписчики и переводчики священных книг на национальные языки создавали цепь эффективных культурных коммуникаций, которые пронизывали это пространство, насыщали его и делали более плотным.

Д.Н. Замятин полагает, что такое многообразие географических образов делает практически невозможным представление о некоем едином, магистральном образе мирового развития в его цивилизационных, социальных, политических и экономических контекстах [6]. Образ мирового развития – это системы скоординированных «цепочек», или кластеров целенаправленных, специфических географических мегаобразов, включающих в себя устойчивые представления о динамике геопространственного развития тех или иных человеческих сообществ.

Главное отличие славянского мира заключается в том, что он ориентирован на сближение государственных и общественных инициатив

славянских народов во взглядах на создание жизнеутверждающего мировоззрения и практического проведение его в жизнь. Славяне самую природу избавлены от той насильственности характера, которую народам романо-германским при вековой работе цивилизации удаётся только перемещать из одной деятельности в другую. Начиная с XVIII в. народы решали две проблемы: достижение национального суверенитета и независимости, свободы от внешнего гнета и установление демократического контроля над собственной властью, подчинение ее конституционно-правовым нормам.

А.Ф. Гильфердинг в качестве причин утраты рядом славянских народов своей государственности, называет отсутствие единства, неспособность устоять перед внешней агрессией, слабость традиций, размытость национальной почвы [7]. Славяне, по его мнению, с легкостью перенимают чуждую культуру, оказываются подвержены зарубежному влиянию и заменяют свой собственный быт иностранным. Так, славянин в Чехии, в Моравии и в Каринтии разнится от соседа немца, словака, мадьяра только языком, костюмом, обычаями и особенностями своего характера. В общественной жизни он отождествляется с немцем или мадьяром, его понятия о государстве и государственной власти, религиозное направление – ничем не отличается от взглядов принятых в западном мире.

И последнее, что толкает русских, как в далекое средневековье к сближению со славянскими народами? И.И. Дусинский считает, что к этому их побуждает врожденное родственное чувство, сознание славянского единства [8]. Славянство необходимо России и еще более Россия нужна славянам. Будущее славянского мира лежит во взаимном согласии, единении и понимании общих выгод. Только политическое объединение способно раз и навсегда обезопасить их земли и дать толчок широкому культурному развитию.

В заключении можно сделать следующие выводы.

1. Геокультура славянского мира представляет собой сложную систему устойчивых связей, культурных реалий и представлений, формирующихся на определенной территории в результате сосуществования, переплетения, взаимодействия, столкновения различных вероисповеданий, традиций и норм, ценностных установок, глубинных психологических структур восприятия и функционирования картин мира.

2. Геокультурное пространство славянского мира, оставаясь многочисленным социокультурным сообществом, обрело облик национально-культурной дифференциации, политической, экономической и социокультурной разобщенности.

3. Состояние славянского мира диктует необходимость осознания всей сложности и нелинейности мира, в котором живет человек, а также

понимания той геокультурной системы, с которой он связан. Нам необходимо научиться функционировать в условиях открытости, нелинейности, жить с хаосом, зная его законы, а не пытаться полностью избавиться от него.

Примечания

1. *Стрелецкий В.Н.* Геопространство в культурной географии // Гуманитарная география: научный и культурно-просветительский альманах. М., 2005. С. 330.
2. *Колесников А.С.* Философская компаративистика: Восток-Запад. СПб., 2004.
3. *Исаев М.А.* Лекции по истории русского права и государства. Вып. 1. М.: МГИМО, 1996. С. 139.
4. *Оболенский Д.* Византийское Содружество Наций: Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 281.
5. Там же. С. 460.
6. *Замятин Д. Н.* Географические образы мирового развития // Общественные науки и современность. 2001. С. 125–138.
7. *Гильфердинг А.Ф.* Россия и славянство. М., 2009.
8. *Дусинский И.И.* Геополитика России. М., 2003. С. 72.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабич Александр Владимирович – главный специалист ГКУ «Государственный архив Краснодарского края», член Краснодарского отделения Российского общества историков-архивистов.

Барабаш-Тимофеева Елена Петровна – старший преподаватель Хмельницкого института имени Митрополита Киевского и Всея Украины, Предстоятеля Украинской Православной церкви Блаженнейшего Владимира Частного, соискатель кафедры украинской истории и этнополитики Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Баранов Андрей Владимирович – профессор кафедры политологии и политического управления КубГУ, доктор политических наук, доктор исторических наук.

Белецкая Екатерина Михайловна – доцент Тверского государственного университета, кандидат филологических наук.

Бондарева Виктория Викторовна – доцент кафедры истории и социальных коммуникаций социально-гуманитарного факультета Кубанского государственного технологического университета, кандидат исторических наук.

Бондаренко Владимир Игоревич – аспирант кафедры новейшей отечественной истории Кубанского государственного университета.

Бунтовский Сергей Юрьевич – доцент кафедры Управления персоналом и экономики труда (УПиЭТ) Донецкого национального университета, кандидат экономических наук

Вавренюк Ирина Ильинична – преподаватель кафедры истории славянских народов УО «Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина»

Васильев Игорь Юрьевич – старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры Государственного бюджетного научно-творческого учреждения (НИЦ ТК ГБНТУ) «Кубанский казачий хор», кандидат исторических наук.

Васильев Александр Аркадійович – головний науковий співробітник Державної установи «Інститут всесвітньої історії НАН України», експерт з питань науки і техніки Посольства України в Росії, доктор технічних наук

Васильева Мария – викладач, Дипломатична академія України при МЗС України к. політ. н.

Вартаньян Эгнара Гайковна – профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений КубГУ, доктор исторических наук.

Ващенко Александр Владимирович – декан факультета истории, социологии и международных отношений КубГУ, кандидат исторических наук, доцент

Гайворонская Александр Владимировна – младший научный сотрудник НИЦ ТК ГБНТУ «Кубанский казачий хор», кандидат исторических наук

Гребцова Ирэна Светозаровна – профессор кафедры новой и новейшей истории Одесского национального университета им. И.И. Мечникова, доктор исторических наук.

Денисков Дмитрий Александрович – аспирант Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, г. Санкт-Петербург (СПБНИИ РАН)

Добычина Анастасия Сергеевна – младший научный сотрудник отдела Средних веков Института славяноведения РАН, аспирант кафедры южных и западных славян МГУ им. М.В. Ломоносова

Козел Йоанна – преподаватель Института славянской филологии, докторант Люблинского католического университета Иоанна Павла II (KUL), г. Люблин, Польша

Козляков Владимир Егорович – профессор кафедры истории Беларуси и политологии Белорусского государственного технологического университета (БГТУ), доктор исторических наук.

Коровин Виктор Юрьевич – доцент кафедры культурологии Воронежского государственного университета, кандидат философских наук

Косач Надежда Николаевна – аспирант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений КубГУ.

Крючек Пётр Степанович – доцент кафедры истории Беларуси и политологии БГТУ, кандидат исторических наук.

Кулачков Вадим Витальевич – доцент Брянской государственной инженерно-технологической академии, кандидат исторических наук

Кумпан Екатерина Николаевна – доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений КубГУ, кандидат исторических наук.

Лаптева Людмила Павловна – профессор кафедры истории южных и западных славян Московского государственного университета, доктор исторических наук

Лопутько Ольга Петровна – доцент кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Новосибирский государственный педагогический университет, кандидат филологических наук

Матвеев Олег Владимирович – профессор кафедры дореволюционной отечественной истории КубГУ, доктор исторических наук.

Озерова Мария Александровна – студентка 3 курса отделения культурологи Воронежского государственного университета

Петков Сергей Валериевич – профессор кафедры административного права Классического частного университета (г. Запорожье, Украина), доктор юридических наук

Петров Александр Викторович – доцент Омского государственного университета, кандидат философских наук

Подхомутникова Марина Викторовна – преподаватель кафедры истории и культурологии КубГУ, кандидат политических наук

Рахаев Джамал Якубович – старший научный сотрудник Центра истории народов России Института российской истории РАН, кандидат исторических наук

Стрельникова Ирина Юрьевна – доцент кафедры теории и истории государства и права Крымского филиала Российской академии правосудия, кандидат юридических наук

Узлов Юрий Андреевич – доцент кафедры истории и культурологии КубГУ, кандидат исторических наук

Хаджиниколова Елена – доцент, сотрудник секции «Болгары в Османской империи и Европе» Института исторических исследований БАН, доктор исторических наук.

Циватый Вячеслав Григорьевич – первый проректор Дипломатической академии МИД Украины, заслуженный деятель науки и техники

Чекаленко Людмила Дмитриевна – профессор Дипломатической академии МИД Украины, доктор политических наук

Шевченко Галина Николаевна – доцент кафедры дореволюционной отечественной истории КубГУ, кандидат исторических наук

Шугалёва Инна Михайловна – доцент кафедры истории Запорожского национального университета, кандидат исторических наук

Щерба Александр Николаевич Щерба – научный сотрудник научно-исследовательского отдела (военной истории Северо-Западного региона РФ) Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, профессор, доктор исторических наук

Яковенко Владислав Иванович – краевед-исследователь, инженер морского порта города Темрюка.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (<i>Э.Г. Вартамян, О.В. Матвеев</i>).....	3
Раздел I. Украина: проблемы исторического и этнокультурного выбора	6
<i>И. Ю. Стрельникова</i> (г. Симферополь, Россия) Переяславская рада 1654 года: анализ украинской историографии.....	6
<i>Е.Н. Кумпан</i> (г. Краснодар, Россия) Воссоединение Украины с Россией? События 1650-х гг. в интерпретации украинских учебников истории.....	10
<i>А.В. Баранов</i> (г. Краснодар, Россия) Украина между Россией и Европой: альтернативы геополитического и этнокультурного выбора (по материалам социологических опросов в начале XXI в.).....	17
<i>И.Ю. Васильев</i> (г. Краснодар, Россия) Русский патриотический дискурс в кубанском украинофильстве.....	24
<i>С.Ю. Бунтовский</i> (г. Донецк, Донецкая Народная республика) Вопросы трактовки голода 1932–1933 гг. как элемент построения национальной идеи на Украине.....	28
<i>А.В. Бабич</i> (г. Краснодар, Россия) Духовенство украинского происхождения в Краснодарской и Кубанской епархии (1942–1952 гг.).....	31
<i>Л.Д. Чекаленко, В.Г. Циватый</i> (г. Киев, Украина) Гуманитарное измерение отношений Украины и России.....	42
<i>А.В. Петров</i> (г. Омск, Россия) Искусственно созданный этнический конфликт.....	52
<i>М. Васильева</i> (г. Киев, Украина) Європейські цінності, що засновані на духовній, моральній та історичній спадщині народів Європи.....	56
<i>А.В. Ващенко</i> (г. Краснодар, Россия) Кризис 2014 г. на Украине: причина, уровни, последствия.....	62
Раздел II. Славяне и их соседи: вопросы политических связей	71
<i>А.Н. Щерба</i> (г. Санкт-Петербург, Россия), <i>В.И. Яковенко</i> (г. Темрюк, Россия) Киммерийцы в этногенезе древних народов Причерноморья.....	71
<i>С.В. Петков</i> (г. Запорожье, Украина) Великий князь Святослав Игоревич и легендарные правители Старой Великой Болгарии.....	82
<i>А.С. Добычина</i> (г. Москва, Россия) «Византийские» средства легитимации власти Асеневцев в период становления Второго Болгарского царства.....	87
<i>Е. Хаджиниколова</i> (г. София, Республика Болгария) Братство «Просвещение», Московский Славянски комитет и Българското Централно благотворително общество (1876 г.).....	93

<i>И.М. Шугалёва</i> (г. Запорожье, Украина) Православное военное духовенство Черноморского флота в 1914–1920 гг.	101
<i>Е.П. Барабаш-Тимофеева</i> (г. Киев, Украина) Вацлав Ластовский – координатор Литовско-Белорусско-Украинского политико-экономического союза (1917–1924-е гг.).....	107
<i>И.И. Вавренюк</i> (г. Брест, Республика Беларусь) Антисемитизм в учреждениях образования Западной Беларуси (1921–1939 гг.).....	113
<i>Л.П. Лаптева</i> (г. Москва, Россия) Участие словацкой армии в войне против СССР в период в 1941–1944 гг.	120
<i>В.И. Бондаренко</i> (г. Краснодар, Россия) Чернобыльская катастрофа как общая трагическая страница в истории Украины, России и Белоруссии.....	130
<i>Й. Козел</i> (г. Люблин, Польша) Отношения между Россией и Польшей с точки зрения поляков поколения посткоммунистической эпохи.....	136
<i>Н.Н. Косач</i> (г. Краснодар, Россия) «Беловежское соглашение» 8 декабря 1991 г. (по материалам записок белорусского дипломата и политика П.К. Кравченко).....	140
<i>О.А. Васильев</i> (г. Киев, Украина) Проблеми трансформації інтеграційного об'єднання РФ та Білорусі (погляд з України).....	144
Раздел III. Научные и культурные связи, духовное наследие славянских стран и их соседей.....	151
<i>Э.Г. Вартамян</i> (г. Краснодар, Россия) Роль российских учёных в развитии аграрной науки Болгарии (конец XIX – первая треть XX в.)....	151
<i>И.С. Гребцова</i> (г. Одесса, Украина) Новороссийский университет в начальные годы Первой мировой войны (1914–1916).....	159
<i>Дж. Я. Рахаев</i> (г. Москва, Россия) Черкесы в османской историографической традиции XVI–XVII вв.	166
<i>Г.Н. Шевченко</i> (г. Краснодар, Россия) Просветитель Кубани Тимофей Тимофеевич Стефанов	173
<i>П.С. Крючек</i> (г. Минск, Республика Беларусь) Историк славянских народов Митрофан Довнар-Запольский.....	175
<i>В.Е. Козляков</i> (г. Минск, Республика Беларусь) Гавриил Романович Державин и Белоруссия.....	181
<i>О.В. Матвеев</i> (г. Краснодар, Россия) Лермонтов и Украина.....	187
<i>Е.М. Белецкая</i> (г. Тверь, Россия) Диалог культур в песенном фольклоре терских станиц.....	199
<i>Д.А. Денисков</i> (г. Санкт-Петербург, Россия) Историческая память в политике Посольского приказа (на примере переговоров с Речью Посполитой 1586 г.).....	205
<i>В.В. Кулачков</i> (г. Брянск, Россия) Особенности предметного мира крестьянства Западного региона России 1920-х гг. (этнографические аспекты).....	210

<i>В.В. Бондарева</i> (г. Краснодар, Россия) Архаическая сущность Масленицы в русской народной традиции: история и современность (по материалам обрядовых текстов).....	213
<i>А.В. Гайворонская</i> (г. Краснодар, Россия) Повседневность досуга учащихся военно-учебных заведений России во второй половине XIX – XX вв.	223
<i>В.Ю. Коровин, М.А. Озерова</i> (г. Воронеж, Россия) Молодёжный образовательный лагерь «Находка»: изучение традиций Слободжанщины в Воронежском крае.....	233
<i>О.П. Лопутько</i> (г. Новосибирск, Россия) Традиции межславянского культурного взаимодействия и современные проблемы вузовского образования.....	239
<i>М.В. Подхомутникова</i> (г. Краснодар, Россия) Глобализация и ее культурная сфера: контуры понимания и объяснения	244
<i>Ю.А. Узлов</i> (г. Краснодар, Россия) Славянский мир в контексте геокультурного пространства.....	248
Сведения об авторах.....	254

Научное издание

**РОССИЯ, СЛАВЯНСКИЙ МИР И ИХ СОСЕДИ: ПРОБЛЕМЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ**

Материалы Международной научно-практической
конференции, посвященной 360-летию Переяславской рады
(15 ноября 2014 г., г. Краснодар)

Подписано в печать Формат 60×84/16.
Печать цифровая. Усл. печ. ед. 16,2 Тираж 100 экз.

Заказ №

Кубанский государственный университет
Издательско-полиграфический центр КубГУ
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149

